

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ УКРАИНИСТОВ
при содействии
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТА) МИД РОССИИ
и поддержке
РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (РАМИ)

Цивилизационно-культурные связи России и Украины

II конференция Российской ассоциации украинистов

Материалы международной научно-практической конференции

1–3 декабря 2011 г.

МГИМО — РГГУ

Украинская история, культура и национальная мысль в наследии Тараса Шевченко: опыт переосмысления от XIX века до наших дней

III конференция Российской ассоциации украинистов

Материалы научно-практической конференции

25 апреля 2014 г.

МГИМО

Издательство
«МГИМО–Университет»
2015

Ответственный редактор Г. М. Лесная

*Суждения и выводы, изложенные в статьях,
являются отражением научной позиции их авторов
При перепечатке фрагментов или полных текстов
ссылки на издание обязательны*

- У45 Цивилизационно-культурные связи России и Украины. Вторая конференция Российской ассоциации украинистов : материалы международной научно-практической конференции. Москва, 1–3 декабря 2011 г. Украинская история, культура и национальная мысль в наследии Тараса Шевченко: опыт переосмысления от XIX века до наших дней. Третья конференция Российской ассоциации украинистов : материалы научно-практической конференции. Москва, 25 апреля 2014 г. / Отв. ред. Г. М. Лесная. — М.: Издательство «МГИМО–Университет», 2015. — 325 с.

ISBN 978–5–9228–1374–7

Сборник содержит тексты докладов Второй конференции Российской ассоциации украинистов и посвящен проблемам российско-украинских взаимосвязей и взаимодействия в области языка, культуры, истории и международных отношений.

Материалы Третьей конференции Российской ассоциации украинистов посвящены исследованию творчества Тараса Шевченко и приурочены к 200-летию со дня его рождения.

Издание предназначено для широкого круга исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов.

ББК63.3(4Укр)

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ УКРАИНИСТОВ
при содействии
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТА) МИД РОССИИ
и поддержке
РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (РАМИ)

ЦИВИЛИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ И УКРАИНЫ

ВТОРАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ УКРАИНИСТОВ

Материалы международной научно-практической конференции

**1–3 декабря 2011 г.
МГИМО — РГГУ**

Оглавление

Предисловие

А. В. Торкунов

ПРИВЕТСТВЕННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ОТКРЫТИИ
КОНФЕРЕНЦИИ 13

Е. И. Пивовар

ОБРАЩЕНИЕ К УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ..... 15

В. В. Яцюк

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО СОВЕТНИКА-ПОСЛАННИКА
ПОСОЛЬСТВА УКРАИНЫ В РФ 16

ИСТОРИЯ

М. В. Дмитриев

«НОВАТОРЫ» И «КОНСЕРВАТОРЫ»
В УКРАИНСКО-БЕЛОРУССКОЙ И РУССКОЙ
РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.
(Кирилл Транквилион-Ставровецкий и его противники) 21

И. И. Шульга

ФАКТОРЫ, ПОВЛИЯВШИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ
НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ УКРАИНЦЕВ
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ 35

А. В. Добржанский

УКРАИНСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА БУКОВИНЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ..... 45

И. Д. Лошкарёв

ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО УКРАИНСКОЙ ДЕРЖАВЫ
В МОСКВЕ В 1918 ГОДУ — УКРАИНСКОЕ И РОССИЙСКОЕ 56

Е. Ю. Борисёнок

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И УКРАИНИЗАЦИЯ
ПО ДНЕВНИКАМ В. И. ВЕРНАДСКОГО (1918–1919 ГГ.) 63

К. С. Дроздов

УКРАИНИЗАЦИЯ 1920-Х-30-Х ГГ. В РСФСР: ОБЪЕКТИВНАЯ
НЕИЗБЕЖНОСТЬ ИЛИ ИСТОРИЧЕСКАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ? 70

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В. И. Мироненко

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ РОССИИ В УКРАИНЕ:
ЦЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ 87

Н. Н. Олейник, Н. П. Овчинник

ИЗ ОПЫТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛГОРОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА (НИУ «БелГУ») ПО РАЗВИТИЮ И УКРЕПЛЕНИЮ
ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С УКРАИНОЙ 97

В. Г. Циватый

ВНЕШНЯЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА УКРАИНЫ XXI ВЕКА:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫЙ
И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ 103

Т. С. Воропаева

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
И ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГРАЖДАН УКРАИНЫ
(1991–2011 ГГ.) 111

С. А. Простаков

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ 120

М. М. Чижов

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА УКРАИНЫ:
МЕЖДУ ЕВРОСОЮЗОМ И ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИЕЙ 130

А. Ю. Наумова

ПОЗИЦИЯ РОССИИ В ХОДЕ «ОРАНЖЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ»
В УКРАИНЕ 138

М. Н. Новиков

20 ЛЕТ ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА:
РОССИЯ И УКРАИНА В ПОПЫТКАХ РЕШЕНИЯ ВОПРОСА
О ВЗАИМНОМ ПРИЗНАНИИ ДИПЛОМОВ И СТЕПЕНЕЙ 145

ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Л. А. Борис

ПРИОРИТЕТЫ В ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ
СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ 155

<i>Г. М. Лесная</i> СТАРОЕ И НОВОЕ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ НОМИНАЦИИ В УКРАИНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ	164
<i>Е. Е. Левкиевская</i> К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕДАЧИ УКРАИНСКОЙ РЕЧИ В РУССКИХ ТЕКСТАХ (на примере советского кинематографа)	170
<i>О. А. Остапчук</i> РУСИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ: НОРМАТИВНАЯ ОЦЕНКА И РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА.....	180
<i>Н. В. Величко</i> ИЗ ОПЫТА 10-ЛЕТНЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА В РОССИЙСКОМ ВУЗЕ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ	190
<i>Н. А. Шовгун</i> ПРЕПОДАВАНИЕ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА В УЧРЕЖДЕНИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ.....	197
<i>В. Г. Крикуненко</i> ОПЫТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ	203
<i>А. В. Тоичкина</i> СУДЬБА НАСЛЕДИЯ Д. И. ЧИЖЕВСКОГО В РОССИИ И В УКРАИНЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 20 ЛЕТ	217
<i>Ю. Э. Шустова</i> РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА В УКРАИНСКОЙ КНИЖНОСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВВ.....	225
<i>Л. Ю. Лиманская</i> ЮЖНО-УКРАИНСКИЙ АВАНГАРД НАЧАЛА XX ВЕКА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕВРОПОЙ: ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННО- КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ.....	236
ОБ АВТОРАХ	243

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вторая конференция Российской ассоциации украинистов (РАУ) «Цивилизационно-культурные связи России и Украины» состоялась 1–3 декабря 2011 года в Московском государственном институте международных отношений (Университете) МИД России и Российском государственном гуманитарном университете. В работе конференции приняли участие ведущие российские ученые в области украинистики из четырнадцати вузов и научных учреждений России и представители шести украинских университетов, сотрудничающих с российскими вузами в рамках договоров и соглашений в области гуманитарных исследований. Также в конференции участвовали представители МИД России и Посольства Украины в РФ, Библиотеки украинской литературы в Москве, государственных и общественных объединений (всего — свыше 60 человек). Было заслушано 36 докладов по актуальным проблемам украинистики, часть аудитории приняла участие в дискуссии на секционных заседаниях и в работе круглого стола.

Конференция продолжила работу по объединению и координации исследований в области российской украинистики, начатую Первой конференцией РАУ¹. В ходе работы конференции состоялись пленарное и секционные заседания в МГИМО—Университете и круглый стол в РГГУ. На пленарном заседании с приветствиями в адрес участников конференции выступили: ректор МГИМО—Университета, академик РАН А. В. Торкунов, заместитель директора Второго департамента стран СНГ МИД РФ Ю. Т. Мордвинцев, советник-посланник Посольства Украины в РФ В. В. Яцюк, декан факультета истории, политологии и международных отношений Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича, доктор исторических наук, профессор А. В. Добржанский. Президент РАУ Г. М. Лесная выступила с докладом, посвященным предварительным итогам деятельности РАУ и ее задачам на современном этапе.

Работа Второй конференции РАУ велась по трем направлениям: истории, международным отношениям, филологии и культурологии.

¹ Первая конференция Российской ассоциации украинистов: Материалы научно-практической конференции. Москва, 10 ноября 2010 г. / Отв. ред. Г. М. Лесная — М.: РГГУ, 2011. — 164 с.

По сравнению с предыдущей конференцией Вторая конференция РАУ проходила в расширенном формате: в докладах ее участников больше внимания было уделено современным проблемам двусторонних российско-украинских отношений (секция «Международные отношения»), а также вопросам сохранения и развития цивилизационно-культурных связей между Россией и Украиной (секция «Филология и культурология»). В работе первого дня конференции активное участие принимал известный ученый и политолог, главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН, доктор философских наук А. С. Ципко.

Во второй день работала секция «Филология и культурология», в ходе работы которой были рассмотрены не только актуальные аспекты функционирования современного украинского языка и развития украинской литературы, но были заслушаны доклады и о книгоиздании, и о современной украинской живописи, что расширило изначальный круг проблем, исследуемых членами ассоциации. Этот рабочий день конференции закончился заседанием Российской ассоциации украинистов. На нем были подведены предварительные итоги работы форума, а также намечен план работы на будущее: участие членов РАУ в VIII Международном конгрессе украинистов, празднование 200-летия со дня рождения Т. Шевченко в 2014 году, проведение следующей конференции РАУ и текущие организационные вопросы (издание материалов конференции, прием новых членов в ассоциацию, работа над сайтом РАУ и т.п.).

В третий день работы конференции в РГГУ состоялся Круглый стол «Украина в истории Центральной и Восточной Европы: политические и культурные аспекты взаимодействия». С докладами на Круглом столе выступили: Е. И. Пивовар, ректор РГГУ, член-корреспондент РАН; А. И. Миллер, профессор РГГУ, Н. И. Цимбаев, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова и РГГУ, С. М. Куделко, профессор Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. Также в работе заседания приняла участие Т. И. Мармазова, проректор Донецкого национального университета.

В своем выступлении Е. И. Пивовар говорил об Украине в контексте постсоветского культурного пространства, А. И. Миллер выступил с докладом «Украинская история: продуктивные и непродуктивные методологические подходы». Н. И. Цимбаев рассмотрел вопрос о месте Украины в имперском пространстве, а С. М. Куделко рассказал об укра-

инских территориях в составе империи. В ходе выступлений и после них состоялась оживленная дискуссия, свидетельствующая об актуальности проблем, вынесенных на рассмотрение, и заинтересованном участии аудитории.

Дискуссионность была характерна для всех трех дней работы конференции, после окончания которой ее участники сошлись во мнении о продуктивности выбранного направления работы и необходимости ее продолжения. *В данных материалах конференции публикуются все статьи, поступившие в адрес редакции.* Некоторые из авторов в своих исследованиях, направленных для издания, уточнили предварительные наблюдения, высказанные на конференции, что также свидетельствует о результативности проделанной работы. Это позволяет надеяться на то, что поиск ответов на дискуссионные вопросы украинистики будет способствовать ее развитию в России, а научная деятельность российских украинистов послужит укреплению добрососедских отношений между двумя странами.

Г. М. Лесная

А. В. Торкунов

ПРИВЕТСТВЕННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ОТКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ

Россия и Украина перешли на этап зрелых отношений двух государств с устоявшимся суверенитетом, оформленной внешнеполитической идентичностью, лучшим, но еще не до конца сформировавшемся представлением друг о друге. Главное, что идет процесс узнавания друг друга, признания самих себя в качестве полноценных партнеров международного взаимодействия.

Собственно, вкладом во взаимное понимание друг друга и должна стать деятельность Российской ассоциации украинистов!

Украина — страна с предельно сложной историей и культурой, которая переплетается, зачастую, сливается с российской историей, но при этом входит и в совершенно неожиданные симбиозы с культурой Центральной Европы. Украинский язык множеством говоров, разнообразием словарного запаса и даже такими специфическими деталями как слова-дублеты демонстрирует культурную многовекторность и открытость Украины.

География, история сформировали украинскую нацию как нацию с широким и необычным набором особенных качеств, которые позволяют украинцам адаптироваться к совершенно разным инокультурным средам и обогащать их. При этом украинцы склонны к формированию устойчивых культурных сообществ, помогающих сохранять национальную идентичность.

Украинцы по своей природе и вопреки устоявшемуся ложному мнению (об упертости!) — прекрасные переговорщики и посредники. Посмотрите, какое количество украинцев или украинцев во втором поколении работает в российском МИДе! Украинцам, это было подмечено еще советскими социологами, присущи лидерские, командирские качества — так в процентном соотношении украинцы в офицерском и высшем командном составе Вооруженных сил превышали процентную долю украинцев в населении СССР.

Национальный характер и контекст международных отношений в постбиполярной Евразии предопределили основные внешнеполитические векторы украинской политики. Важнейшими из них являются

российский и европейский. Нюансировка этих векторов наблюдается на всем протяжении последних двадцати лет. Подчеркиваю, нюансировка, а не «политика маятника», как многие говорят. Нам, российским исследователям, нужно понять, что эти два вектора принципиально равнозначны для Украины.

Украина за последнее десятилетие создала специфический комплекс отношений с Европейским Союзом, выйдя на соглашение об ассоциации. Украина стала серьезным центром силы на постсоветском пространстве, заняла собственную нишу в системе евроатлантических связей и многосторонних отношений глобального уровня. Объективный потенциал 50-миллионной страны дает возможности для дальнейшего повышения места и роли Киева в международных делах.

Вместе с тем, перед нами (россиянами и украинцами) стоит задача корреляции этого потенциала с российской линией в международных делах, поиска неконфронтационных моделей взаимодействия, прежде всего на постсоветском пространстве и в Европе. Мы видим устремления Украины, (смешенные с не менее серьезными колебаниями) к взаимодействию с Таможенным союзом, ценим подписание Украиной (в октябре с.г.) соглашения о создании зоны свободной торговли в СНГ. Думаю, что перспектива у этих инициатив весьма неплохая.

Вместе с тем, важно помнить, что Украина важна для России и сугубо в двустороннем плане, где плотность человеческих, экономических, культурных связей трудно переоценить.

Е. И. Пивовар

ОБРАЩЕНИЕ К УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Дорогие коллеги! От имени Российского государственного университета и от себя лично сердечно приветствую участников Второй конференции Российской ассоциации украинистов.

Прошло уже два года с момента создания РАУ — организации, объединяющей российских исследователей Украины. За эти два года нам удалось очень важное: консолидировать ведущих украиноведов России — филологов, историков, специалистов в области международных отношений — и заявить о себе как о площадке конструктивного диалога и обмена научным и образовательным опытом, новыми научными идеями и достижениями. Большую роль в этом сыграли вузы, на базе которых была организована РАУ — МГИМО (Университет) МИД РФ и РГГУ,

Деятельность Ассоциации направлена на интенсификацию украинских исследований в нашей стране, их популяризацию как научного направления, укрепление связей между российскими и украинскими научно-исследовательскими организациями и образовательными учреждениями.

Сегодня РАУ становится заметным явлением в российском академическом сообществе. Бренд РАУ узнаваем и уважаем, в первую очередь, благодаря высококлассным ученым и педагогам, которые активно участвуют в ее работе. Со своей стороны хочу заверить Вас, что РГГУ как вуз-соорганизатор РАУ будет делать все от него зависящее для оптимизации ее работы и дальнейшего развития украинистики в России.

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы и новых успехов в их важном и благородном деле!

В. В. Яцюк

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО СОВЕТНИКА-ПОСЛАННИКА ПОСОЛЬСТВА УКРАИНЫ В РФ

Уважаемые участники и гости конференции! Уважаемые дамы и господа! Дорогие друзья!

В первую очередь, хотел бы передать всем искренние пожелания успешной работы от Чрезвычайного и Полномочного Посла Украины в Российской Федерации В. Ю. Ельченко, а также выразить признательность за приглашение принять участие в сегодняшнем форуме.

Символичным является то, что эта конференция открывается в день празднования в Украине 20-й годовщины Всеукраинского референдума 1 декабря 1991 года о провозглашении независимости Украины. Хотел бы поблагодарить Российскую ассоциацию украинистов за такой замечательный способ поздравить Украину с этой важной для нас датой.

Действительно, референдум 1991 года является одним из ключевых событий в становлении государственности современной Украины. В референдуме приняли участие почти 32 миллиона граждан, то есть более 84% населения бывшей УССР. Из них более 90% проголосовали в поддержку провозглашения независимости Украины, что стало более чем убедительным подтверждением желания украинского народа жить в независимом и демократическом государстве.

20 лет развития независимой Украины доказывают, что волеизъявление украинцев на референдуме 1991 года отнюдь не основывалось на стремлении отделиться как самоцели, стремлении разорвать тесные связи с бывшими союзными республиками. Речь шла о воплощении действительно заветных чаяний украинцев о собственном государстве.

Сегодня Украина выступает за углубление стратегического партнерства с Россией. При этом мы твердо уверены в том, что развитие украинско-российских отношений на принципах прагматизма, взаимопонимания и уважения национальных интересов друг друга отвечает коренным интересам как Киева, так и Москвы.

Дорогие друзья! Говоря о цели сегодняшнего форума, приятно отметить, что многовековое историческое развитие украинской культуры вызывает оживленный интерес и достаточно широко представлено в России.

При этом одним из важных аспектов углубления гуманитарного сотрудничества между Украиной и Россией является деятельность Российской ассоциации украинистов, объединяющей научных и педагогических работников, чья профессиональная деятельность связана с украинской тематикой.

За последние годы украинистика получила значительное развитие в России, став неотъемлемой частью учебных программ во многих вузах и предметом академического изучения. Остается позитивной динамикой расширения возможностей изучения украинского языка в РФ.

Нельзя не отметить особую роль МГИМО и РГГУ в процессе интенсификации украинских исследований в Российской Федерации, популяризации украинистики как научного направления, укрепления связей между российскими и украинскими научно-исследовательскими организациями и образовательными учреждениями.

Активность и инициативность на этом направлении способствует консолидации исследовательской и педагогической деятельности специалистов по Украине в научных и образовательных учреждениях России.

Подтверждением этому стали успешные результаты Встречи представителей высшего образования и университетской науки Украины и РФ, которая состоялась 16 сентября с.г. в рамках проведения Дней образования и науки Украины в РФ.

Это мероприятие стало ярким свидетельством того, что Украина и Россия намерены и в дальнейшем объединять свои усилия с целью комплексного и всестороннего сотрудничества в гуманитарной сфере.

Мы уверены, что созданная в этом году Ассоциация вузов-партнеров Украины и России станет постоянной площадкой для эффективного образовательного, научного и культурного взаимодействия.

Дальнейшему объединению творческой и научной интеллигенции Украины и России для образовательного, научного, информационного, культурного и духовного обогащения наших народов способствовало проведение в Украине в октябре этого года VI Форума творческой и научной интеллигенции государств-участников СНГ. Делегация Российской Федерации была широко представлена на этом мероприятии и принимала самое активное участие в его работе.

В 2012 году мы будем рады приветствовать в Украине представителей российских научных и образовательных кругов в рамках Дней образования и науки Российской Федерации. Проведение таких меж-

государственных мероприятий является одним из основных направлений гуманитарного сотрудничества и, несомненно, будет способствовать сохранению, развитию и расширению образовательного, научного и культурного диалога.

В завершение мне хотелось бы выразить глубокую уверенность в том, что сегодняшняя встреча внесет большой вклад в развитие украинско-российского сотрудничества и будет содействовать дальнейшему улучшению взаимодействия специалистов в гуманитарной сфере.

Благодарю за внимание и желаю участникам конференции плодотворной работы!

ИСТОРИЯ

М. В. Дмитриев

**«НОВАТОРЫ» И «КОНСЕРВАТОРЫ»
В УКРАИНСКО-БЕЛОРУССКОЙ
И РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЕ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.
(КИРИЛЛ ТРАНКВИЛЛИОН-СТАВРОВЕЦКИЙ
И ЕГО ПРОТИВНИКИ)**

В последние десятилетия в научных и околонаучных публикациях часто ставится вопрос о мере сходств и различий между православной культурой Московской Руси и украинско-белорусских земель в XIV–XVII вв.¹ Часто утверждается, что эти различия были глубоки и принципиальны². С этим мнением коррелирует складывающаяся система представлений о «киевском христианстве», которое не только противостоит «московскому», но и будто бы более или менее органично объединяет собственно православные традиции с традициями католицизма, воспринятыми Греко-Католической церковью в XVII–XVIII веках, после Брестской унии.

Большая тема отличий «московского» и «киевского» православия предполагает большой ряд конкретных измерений. Однако пока существует огромный «зазор» между генерализирующей теорией «двух православий» и изученными эмпирическими данными. Какие конкретно-исторические реалии православной культуры стоят за этими мнениями, например, в первой половине XVII века? А середине XVII века, когда начался процесс систематического перенесения в Россию плодов киевской академической учености, приведшей, в конце концов, к глубокой трансформации православной школьной культуры в XVIII веке? А в XVI веке, когда большие перемены начались в религиозной жизни Московской Руси а потом были, отчасти, «экспортированы» в земли Польско-Литовской Руси, где развернулось «православное возрождение» второй половины XVI века?

В настоящей статье эта огромная тема рассмотрена через призму лишь одного эпизода русско-украинско-белорусских религиозных связей московской религиозной жизни и русско-украинских культурных

связей XVII века — а именно через изучение реакции московских церковных кругов на известное сочинение Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого «Учительное Евангелие». Конфликт, вызванный книгой Транквиллиона-Ставровецкого, очень часто упоминается в общих обзорах истории Украины и русско-украинских отношений, в научно-популярной литературе и публицистике как пример противостояния двух моделей православной культуры. Недавно к этому эпизоду вернулась в своей очень важной книге Т.А. Опарина³. До этого о нем более или менее кратко писали другие историки. Уже после выхода книги Опариной к анализу этой же коллизии обратился и А.А. Булычев⁴.

Опубликованное в 1619 году К. Транквиллионом-Ставровецким Учительное Евангелие продолжало заимствованную из Византии традицию: составлять более или менее стандартные поучения на те тексты Евангелия, которые читались во время богослужения. Византийское Учительное Евангелие, приписываемое (ошибочно!) константинопольским патриархам XIV века Каллисту и Филофею, было переведено на церковной славянский язык, распространялось в списках, а в 1569 году было опубликовано Иваном Федоровым в белорусском местечке Заблудов. Позднее оно переиздавалось, переписывалось, перекладывалось, и одним из таких ремейков, имеющих очень мало общего с изданием 1569 года, стала опубликованная Кириллом Транквиллионом-Ставровецким книга.

В Москве, в кругу патриарха Филарета, книга вызвала серьезные нарекания. В конце 1620-х годов с ней познакомилась Иван Наседка, справщик Печатного двора, и игумен Богоявленского монастыря Илья. Книга была признана содержащей многие «латинские ереси» и была запрещена к распространению. Более того, экземпляры запрещенной книги разыскивались и какое-то количество экземпляров было даже сожжено на Красной площади.

Всё (или почти всё) в этом эпизоде, казалось бы, соответствует мнению о противостоянии двух религиозных культур, сталкивающий просвещенную Рутению и косную Московию. Загвоздка однако в том, что ещё до московского аутодафе сочинение Транквиллиона было осуждено как отклоняющееся от правоты собором православного духовенства в Киеве в 1625 году. Кроме того, как обнаружила Т.А. Опарина, представители вологодского духовенства выразили протест против осуждения книги Транквиллиона. Заявившие о своем несогласии клирики были осуждены и разосланы по отдаленным монастырям на

покаяние. А в Москве первым цензором книги был назначен киевлянин, бывший монах Киево-Печерской лавры Афанасий Китайчич, подвизавшийся в 1620-е годы в России и ставший игуменом одного из русских монастырей. Он составил заключение о о книге Транквиллиона-Ставровецкого. Вторая группа цензоров, упомянутые выше Иван Наседка и игумен Илья, познакомились одновременно и с отзывом Китайчича, и с самим сочинением. В 1660е годы или чуть раньше сочинение Транквиллиона привлекло внимание еще одного книжника, чье имя осталось нам неизвестным. Т. А. Опарина в приложении к своей книге опубликовала цензорские отзывы и Китайчича, и московского анонима, и эти тексты позволяют заглянуть в религиозный мир и русских и украинско-белорусских книжников XVII века.

О самом Кирилле Транквиллионе Ставровецком мы знаем, что в конце 1580-х начале 1590-х гг. он был учителем во Львовской братской школе и в Вильно. В начале XVII века Транквиллион снова во Львове, и выступает одним из руководителей местного знаменитого братства. В 1610-е годы мы его встречаем как игумена сначала Уневского а потом — Любартовского монастырей, позднее, в 1621—1625 гг. — как проповедника в Замостье. На рубеже 1625 и 1626 гг. (видимо, после осуждения его книги Киевским собором 1625 года) Транквиллион перешел в униатскую (греко-католическую) церковь. Он известен прежде всего как автор ещё двух больших книг — «Зеркала богословия» и «Перла многоценного»⁵.

Присмотримся к предмету разногласий между Транквиллионом и его первым цензором, бывшим киевлянином Афанасием Китайчичем⁶?

Китайчич многократно осуждает Транквиллиона за вольное обращение с текстом Евангелия. И эти упреки как нельзя справедливы. В этом отношении Транквиллион шагал вполне в ногу с другими своими украинско-белорусскими современниками. Можно привести множество примеров очень вольной передачи текстов Нового завета в последние десятилетия XVI и в начале XVII века — особенно в рукописных Учительных Евангелиях разных редакций⁷. Что же касается расхождений между Транквиллионом и Китайчичем по существу дела, то они касаются, например, таких вопросов:

За что дал Христос ключи апостолу Петру? За его покаяние в грехе, как думает Транквиллион, или за «исповедание Петрово» (то есть корректное исповедание веры), как думает Китайчич?

Поможет ли Христос грешникам, которые раскаялись в своем неверии накануне смерти, так как испугались мучений, которые обрушатся на того, кто отвергнул Христа? Транквиллион отвечал, что скорее всего поможет; Китайчич утверждал, что в такой ситуации уже ни на какую помощь рассчитывать не приходится. Однако из другого фрагмента полемики мы узнаем, что оба пребывали в сомнении и не знали как правильно ответить на поставленный вопрос: Кирилл в этот раз утверждал, что покаяние человека, находящегося при смерти, не имеет силы, а Китайчич, в ответ возмущено писал, что Кирилл подобен еретикам, отвергавшим кающихся.

В поучении, где речь идет о геенне огненной, Китайчич выступил против подробного описания серного огня геенны и против идеи, что грешники будут не только испытывать боль, но мученически созерцать свои собственные физические страдания.

Транквиллион допустил такое выражение: «хлеб и вино *ясти* Христос завещал» — а слово «пить» не употребил, и в этом Китайчич заподозрил проникновение «латинского» учения, отказавшего мирянам в праве причащаться и хлебом, и вином. В другом месте Кирилл опрометчиво написал: Христос «даде ясти сладость манны небесныя хлеб ангельский и вино вечнаго веселия». Китайчич немедленноотреагировал: «И zde не пишет нужнаго слова спасению христианскому, еже «пити», и сие папешская западная вера». Видно, что спор идёт не о неудачных оборотах речи, а об одной из центральных тем, породивших ожесточенную полемику лютеране, цвинглиан, кальвинистов и католиков, пытавшихся найти единственно истинную интерпретацию словам Иисуса Христа.

В полемике затрагивается и вопрос о том, в какой именно момент происходит пресуществление Св. Даров, то есть тема острых и долгих московских споров о «хлебопоклонной ереси» в конце XVII века.

Китайчич коснулся и знаменитого вопроса о *filioque* в связи с тем, что Кирилл в поучении на Пятидесятницу написал, что «живая чистительная» вода истекает от Христа. В этом суждении, по мнению Китайчича, Кирилл встал на «латинскую» позицию, которой противопоставлены мнения Дионисия Ареопагита, Иоанна Златоуста и некоторых других авторов.

Вот еще несколько упреков Китайчича Кириллу: Китайчич не согласен с идеей, что Иисус Христос впервые показал «славу своего божества» только после распятия, утолив гнев Божий, ибо ещё до распятия

Христос творил чудеса; Китайчич обвиняет Кирилла во мнении, что в Пятидесятницу на апостолов сошёл не один лишь Дух Святой, а благодать всех трёх ипостасей Троицы; разумеется, он выступает против выделения Петра как первенствующего апостола; он вступает в спор о празднике Воздвижения Креста Господня и о ещё более важной теме — о том, как понимать Преображение Господне; отзываясь на вопрос о моменте рождения души человеческой, Тут Китайчич выступает не только против Кирилла Транквиллиона, но и против Оригена и против Талмуда, основываясь на мнении Иоанна Дамаскина и настаивая, что душа и тело возникают одновременно. Мнение, будто на Страшном суде будут фигурировать и Сатана, и демоны, неверно, пишет Китайчич, потому что они будут осуждены прежде Страшного суда. Китайчич высказывается по этому вопросу в том духе, который, как иногда считается, ведет к компромиссу с католиками в споре о чистилище: после смерти человека сначала происходят «мытарства», которые предшествуют единому для всех Страшному суду. Китайчич категорически не согласен с детальным описанием того, как именно прибывали Христа к кресту, как крест был положен на землю, и сколько Христу было нанесено ран, — всё это, мнению московского цензора из числа киевских монахов, идёт из «латинских» книг. Конфронтацию вызвал и вопрос о том, как понимать крещение — как знак правой веры в Бога (Кирилл) или как превращение в чад Божиих (Китайчич)?

И из этого последнего пункта, и из большинства предыдущих ясно видно, что в лице Китайчича мы имеем дело не с позицией человека, готового «умереть за аз», а с разногласиями по важнейшим вопросам, которые ничуть не менее весомы, чем вопросы, делившие разные толки протестантизма на Западе Европы в эпоху Реформации, Контрреформации и Католической Реформы⁸.

Не менее существенные вопросы поднимаются во втором, более позднем анонимном сочинении — «*Свитке укоризненном*»⁹. Обозначим некоторые из тем, поднятых в этом сочинении.

Мытарь из известной притчи о мытаре и фарисее — только оправдан Христом, или он может быть назван праведником, как он назван Кириллом? Каков был смысл выделения Иисусом Христом Петра среди других апостолов? Правильно ли сблизать блудного и праведного сыновей с Каином и Авелем — или это неверное отождествление? В момент пришествия Антихриста, поможет ли Бог тем, кто Бога прежде отверг? Правильно ли употреблять термин «чистительный огонь», который ис-

пользуется Кириллом? Кирилл писал об огненном море, которое разверзнется накануне судного дня, и чудовищных ужасов, которыми это будет сопровождаться — а московский автор выступил против такой детализации и акцентуации проявлений Божьего гнева. Равным образом он считает ненужным описывать крики и отчаяние людей накануне конца света, «огнь вечный» и «адово жилище», и то, как демоны будут терзать грешников, а сатана и дьявол будут царствовать в это время. Следуя тому же принципу умеренности в описании катастрофы конца времён, он замечает, что в аду грешников ожидает «огнь вечный» и «поток огненный», а не серный огонь, который будет всюду плыть, как писал Кирилл. Московский аноним отвергает попытку представить, как Вельзевул выглядит, и какой именно от него идет дым и запах.

В целом, московский автор выступает чрезмерных inferнальных фантазий и детализации картины конца времён. И сталкиваясь с этим стремлением обуздать религиозное воображение, невозможно не вспомнить о том, что Г. П. Федотов видел в *мерности* (то есть умеренности, чувстве меры) отличительную черту древнерусской набожности и религиозного воображения¹⁰.

Московский оппонент Транквилиона касается и ряда других вопросов, которые привлекли внимание и Китайчича. Соединяются ли души святых в момент воскресения с их телами? Правильно ли говорить о познании Бога вместо «веры в Бога» (или наряду с «верой в Бога»); как понимать выражение «мир и небо», «душа грешная, царица всесветная», можно ли дьявола назвать бичом или жезлом, прогоняют ли бесов молитва и пост, престол ли престолов находится на небе, как толковать тот факт, что приведенный к Христу одержимый хулит Бога, что значит рыдание праотцев в аду, можно ли людей назвать «градом Иерусалимом», как понимать образ и слова Писания о церкви как «дщери Сионовой» и т.д.

В полемике поднята и важная тема интерпретации понятия «царство Христово» и вопрос о том, в каком облике и в какой природе Бог явился людям. Московский оппонент украинского автора не согласен с тем, как «пишет Кирил Сына Божия Бога Саваофа. Бог, рече, страшливый, Бог отмщения, Бог Саваоф». Он отвечает на слова Кирилла рассуждением о двух природах Христа, заключая: Христос «Во обоим (*то есть в своих двух природах*. — М. Д.) совершен, но смиривыйся до рабья образа, Бог великий и крепкий и страшный. А не страшливый, яко же Кирилл блядет».

Некоторые аспекты полемики касаются вопросов того, что потом стало называться библейской критикой. Так спор о месте запятой в одном из текстов Писания заставляет вспомнить о знаменитой полемике вокруг «Иоанновой запятой», введенной Эразмом Роттердамским в перевод Нового завета¹¹. Московский и украинский авторы вступают в заочный спор о том, кто автор комментария к притче о Лазаре и было ли избиеание апостола Иоанна в Риме и ссылка его на Патмос фактом или мифом.

Некоторые мотивы полемики между Кириллом Транквиллионем-Ставровецким и автором «Свитка укоризненного» особенно примечательны, и едва ли не самый примечательный эпизод дискуссии касается понимания первородного греха.

Автор упрекает Кирилла в том, что в «Учительном Евангелии» «пишет Кирилл, смерть рече, Адамова, погубляющая вас, грех имяще в себе». Речь идет, как выясняется, о ключевом тексте Нового Завета (послание ап. Павла к римлянам, 5,12¹²), интерпретировавшемся на Западе, начиная с Августина, чаще всего *таким* образом, что испорченность, развращенность, низменность человеческой природы понимались как генетически наследуемое от Адама и Евы состояние естественное человека.

С чем же не согласен московский автор? Сославшись на текст Послания к Римлянам, автор цитирует Павла следующим образом: «Апостол же Павел пишет, яко едином человеком в мир вниде грех и грехом смерть. Тако и во вся человеки вниде смерть, понеже вси согреша» — и затем комментирует: «Зри, яко греха ради смерть во вся человеки вниде. Кирилл же блядет. Адамова, рече, смерть, погубляющая вас, грех имяще в себе». О чем речь? Об идее, которая фундаментальное значение: о том, что не «генетическая испорченность», а смертность, вызванная Адамовым грехопадением, стала атрибутом человеческой природы: «Смерть ли грех имети в себе? Но яв, яко греха ради смерть, преступления бо ради праотца нашего, во вся человеки вниде...».

Далее московский цензор вводит различие двух понятий — «смерть» и «погибель», но второе понятие («погибель»), как оказывается, имеет виду мучения грешников. «Но смерть Адамова не погубляет добродетельно живущих. Умирают убо о Адаме вси, а не погибают, о Христе живи. Греха бо ради вечно мучими будут согрешившии, но и тии не погибнут. Аще бо и погибают, отлучения ради от Бога, жизни лишившиися вечныя, но присно и вечно мучими будут».

Если переложить своими словами, то тезис Кирилла таков: в результате Адамова грехопадения во всех людей вошел грех, то есть все люди по факту происхождения от Адама, обременены первородным грехом. Тезис московского автора: в результате Адамова грехопадения во всех людей вошла смерть, которая, при этом, не есть то же самое, что и «погибель».

Не входя пока в детали, отметим, что подход у московского оппонента Транквиллиона таков, что он позволяет поставить самые коренные, ключевые вопросы христианского мировоззрения — те, на которые должны были ответить не только теологи, но рядовые священники, чтобы уметь объяснить их пастве. Каково значение той темы, которая поднята в данном фрагменте сочинения темы? Я имею в виду не собственно теологическую, экзегетическую сторону дела, а именно *культурно-историческую*. Иначе говоря: какое влияние на культуру России и Украины оказывала та или иная интерпретация приведенной фразы из послания апостола Павла к римлянам?

Давно и хорошо известно, что западнохристианское средневековое понимание грехопадения и его последствий для человека восходит к Августину, влияние которого на западную теологию и, соответственно, на религиозную ментальность латинского мира, переоценить огромным¹³. А августиновская традиция, в данном своём аспекте, восходит к особому прочтению именно того текста, о котором пишет московский цензор книги Транквиллиона-Ставровецкого. И тут необходим экскурс в вопрос о различиях между августиновским и византийским учением о первородном грехе и его воздействии на природу человека.

Учение Августина о первородном грехе «основано на представлении о нашей наследуемой ответственности за грех Адама... Обреченная масса (*massa damnata*) павшего человечества составляет предмет Божьего гнева в силу своей вины. Она может быть оправдана благодатью, которая единственная способна сначала простить а потом и восстановить в человеке естественную способность его души созерцать Бога. Это созерцание достижимо только после смерти: в этой жизни человек не может быть ничем кроме прощённого грешника»¹⁴.

Л. П. Карсавин, выдающийся знаток теологии и западного христианства, подчеркивал, что согласно католическому средневековому вероучению наследуемая от Адама греховность — не просто ошибка, — но расстройство всего *состояния* человека. По отношению к Богу — это вина, грех. По отношению к самому человеку — наказание. Через вож-

деление, связанное с размножением человеческого рода, эта субстанциональная испорченность природы стала передаваться от поколения к поколению. В каком именно смысле человек наследует грех Адама? «Человек обладает грехом Адама не тем, что „подражает“ этому греху, не тем, что на нем лежит то же формальное обязательство обладать дарами благодати, а он не может ими обладать по вине Адама, но самым реальным образом, по реальной связи с прародителем, выражаемой телесным происхождением от него»¹⁵. Соответственно, невозможно быстрое и окончательное оправдание человека, которое оказывается длительным, мучительно тяжелым, почти что безнадежным процессом, и это имело очень весомые последствия в культуре Запада.

В православной традиции те же вопросы решались иначе. Как пишет И. Мейендорф, «прежде всего, суть отношений между Богом и человеком понимается восточными отцами иначе, чем той линией мысли, которая была начата св. Августином». «Существование человека как создания Божия не представляется существованием замкнутым: человек создан, чтобы участвовать в жизни Бога, чтобы быть с Богом». У человека «есть свойство, которое в своей сущности принадлежит только Богу. Это — бессмертие. Иными словами, то, что делает человека человеком, а не животным, это изначально данная Богом способность участвовать в Божьем бессмертии, во власти Бога над остальной тварью, и даже в творческой мощи Бога». Как подчеркивает И. Мейендорф, «сразу же видно, что проблема благодати и природы ставится совсем иным образом, чем в августиновской традиции. Благодать не есть сотворенный дар, даруемый как *donum superadditum*... Это сама жизнь в Божестве данная человеку, который создан ради ее обретения и участия в ней и который, если он лишен благодати, теряет сущностную целостность своей собственной природы». «Грехопадение человека состоит в том, что он предпочел соперничество с Богом участию в Его дарах ... Речь не идет... о вине, переданной человеческому роду в результате Адамова прегрешения. То, что человеческая природа вполне унаследовала, это порабощенность смертью и порчей»¹⁶.

Не понимая первородный грех так, как его понимала западная теология, православная традиция никогда не придавала решающего значения учению ап. Павла об оправдании. Спасение мыслится здесь в иных категориях. Здесь главное — мистическая установка вместо «юридической». «Католическая догматика ставит между Богом и человеком еще и категорию благодати, интерпретируя её (с огромной формаль-

но-логической разработанностью) как чисто феноменальное проявление божества, внешнее по отношению к его ноуменальной сущности... Напротив, православие мыслит благодать как непосредственное раскрытие божеского в человеческом, применительно к которому не может идти речь о грани между ноуменальным и феноменальным» (С. С. Аверинцев)¹⁷. Поэтому центральным понятием православной сотериологии оказывается понятие теозиса, обожения человека¹⁸.

Всё это, как ни неожиданно, имеет принципиальное значение для адекватного понимания и контrovers между Транквилионом и его критиками, и религиозных конфликтов, отметивших и русский, и украинско-белорусский XVII век.

Мы видим, что в споре Транквилиона Ставровецкого и его московских цензоров фактически речь шла не о конфликте учености и невежества и не о личных несогласиях трёх авторов, а об острейших и фундаментальных вопросах христианского мировоззрения. В этих коллизиях Транквилион-Ставровецкий представлял уже, так сказать, «латинизированную» точку зрения по ряду важнейших проблем. И нужно понять и прочувствовать, что в зависимости от того, как решался вопрос о первородном грехе и его последствиях, в православной и католической культурах по-разному строилась церковная проповедь, а в связи с этим и христианская ментальность, и христианские этические нормы и стереотипы.

Наши источники позволяют увидеть, что уже во второй половине XVI века в приходской проповеди украинско-белорусских земель византийский взгляд на первородный грех, природу и спасение человека стал уступать место взглядам, характерным для западнохристианской традиции. Это показывает, например, обращение к многочисленным украинско-белорусским проповедническим сочинениям конца XVI — начала XVII веков. В одном из них, относящемся, судя по водяным знакам использованной бумаги, к третьей четверти XVI века, тема «отречения от самого себя», от телесных привязанностей и мирских соблазнов связывается с представлением о «прирожденной испорченности» («врожом запсовании») каждого человека как следствии первородного греха, что чуждо православной проповеднической традиции. В сборнике проповедей 1590-х годов, представляющем редакцию, к которой принадлежит полтора десятка аналогичных рукописей того же времени, также появляется тема первородного греха. Искупительная миссия Христа, пишет автор, была нужна затем, «абы онь яко мирный

иднач и посредник правый взял премира межи Богом и человеком яко баранок невинный для наших грехов поднял срогоую крестную смерть хотячи нас изуднати и своим отцес небесным за преступок прадеда нашего прьвого человека Адама на земли и жены его Евы, который был из раю зогнан...». Однако характерно западнохристианское развитие идеи разрушительного воздействия первородного греха на наследников Адама в этом поучении отсутствует.

Такие мотивы часто встречаются в других наших рукописях, и это очень существенная перемена, которая свидетельствует о начавшейся уже в XVI «латинизирующей» трансформации православной украинско-белорусской культуры.

Таким образом, за нападками московского автора на высказывания Транцвиллиона-Ставровецкого о грехе и смерти скрывалось столкновение двух существенно различных подходов к коренным вопросам христианского вероучения. То же самое можно сказать и о многих других фрагментах полемики Транквиллиона и его московских цензоров.

Подводя итоги, во-первых, нужно сделать, так сказать, отрицательное заключение по рассмотренному эпизоду, обозначить то, чем он не был: дело никак не сводится к «косной и консервативной» Московской Руси «динамичному и прогрессивному» киевскому богословию. Отвечая на вопрос позитивно, можно сказать, как кажется, как минимум о трех вещах.

Во-вторых, разобранный эпизод показывает в очередной раз, что и в украинско-белорусских землях (в Литовско-Польской Руси, сказали бы историки старых времён), и в Московской Руси в первой половине XVII в. разворачиваются несколько противоборствующих тенденций в интеллектуальной жизни. Новаторы и консерваторы есть и там, и там. Обличитель Кирилла Китайчич был киевским монахом, а собор киевского духовенства осудил Кирилла прежде чем это сделал патриарший двор в Москве. С другой стороны, как отметила, в частности, Т. А. Опарина, в России были люди принявшие с большим интересом сочинение Кирилла Транквиллиона, а вологодские клирики открыто выступили на его защиту. Характер конфликтов, набор тенденций в религиозной жизни московского и украинско-белорусского общества, по сути дела, — одинаковые.

В-третьих, конечно, невозможно отрицать наличия весомых различий между религиозно-общественной ситуацией в Московской Руси

и украинско-белорусских землях. В Литовско-Польской Руси нет господствующей церкви, опоры духовенства на государство, централизации книгоиздания и цензуры. Здесь другая общественная атмосфера, ставятся и решаются иные вопросы (противостояние православия и унии), контакты с католиками и протестантами являются повседневностью и пр. Это всё очевидно. Но вот дальше вопрос: хотелось бы понять не столько то, в чём «украинское» и «русское» противостоят друг другу, сколько то, в чём новаторы «там», в польско-литовских пределах, расходятся с новаторами «здесь», в России; чем консерваторы «там» отличны от консерваторов «здесь».

В-четвертых, и в Московской Руси, и в украинско-белорусских землях мы имеем дело, судя по всему, с процессами православной конфессионализации в том смысле, что развивается на новом этапе именно конфессионально-специфическое православное самосознание, и православные «религиозные виртуозы» (выражение Макса Вебера) в Киеве, Москве, Львове, Ярославле, Вологде, Новгородке, Вильно и т.д. задаются вопросом — что значит быть православным по сравнению с католиком и протестантом? В этих условиях сама дискуссия о «православности» — при всех спорах и конфликтах, которые возникали между отдельными группами духовенства и интеллигенции — не могла не сближать Украину и Россию и не могла не готовить интеграцию русской и украинской религиозных культур, которая интенсифицировалась, как хорошо известно, в 1640-е годы.

¹ В сильно сокращенном и существенно «облеченном» виде первоначальный вариант этой работы был опубликован в научно-популярном журнале «Родина» под названием, данным редакцией журнала (Дмитриев М. В. Запахи серы в преисподней. Кирилл Транквилион-Ставровецкий и его цензоры // Родина, 2006, № 11)

² См., например: Лурье В. М. Русское православие между Киевом и Москвой. Очерк истории русской православной традиции между XV и XX веками. Москва: Три квадрата, 2009; Л. В. Тимошенко. Князь В.-К. Острожский и «единоверная» Московия (к проблеме взаимоотношений православных религиозных культур Восточной Европы) // Православие Украины и Московской Руси в XV — XVII века: общее и различное. Под ред. М. В. Дмитриева. М.: Индрик, 2012 (в печати).

³ Опарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск: Наука, 1998

⁴ Булычев А. А. История одной политической кампании XVII века. Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения

«литовских» печатных и рукописных книг в России. Москва: Языки славянской культуры, 2004.

⁵ Маслов С. И. Кирилл Транквилион-Ставровецкий и его литературная деятельность. Киев, 1984

⁶ Прение с «Евангелием учительным» Кирилла Транквилиона-Ставровецкого // Опарина Т. А. Указ. соч. Приложение № 6. С. 367–394

⁷ Ряд примеров: Дмитриев М. В. Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг. М.: Издательство МГУ, 2003. С. 63–88. Эти памятники в последние годы внимательно изучались Г. Чубой. Сведения об украинско-белорусских рукописных учительных Евангелиях в украинско-белорусской книжности обобщены недавно изданном ею каталоге: Чуба Г. Українські рукописні учительні Евангелія. Дослідження, каталог, описи. Київ — Львів, “Свічадо”, 2011

⁸ О понятии католической Реформы, сравнительно новом для нашей историографии, см.: Лёмэтр Н. Католики и протестанты: религиозный раскол XVI в. в новой исторической перспективе // Вопросы истории, 1995, N 10. С. 44–53. См. также сайт Центра украинистики и белорусистики МГУ, www.hist.msu.ru/Labs/UkrBek, в разделе «Христианство, ислам, иудаизм в истории Европы»

⁹ Свиток укоризненный Кириллу Транквилиону-Ставровецкому // Опарина Т. А. Указ. соч. Приложение № 7. С. 394–429

¹⁰ Федотов Г. П. Русская религиозность. Часть 1. Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. М.: Мартис, 2001 (Федотов Г. П. Собрание сочинений в 12-ти томах. Т. 10).

¹¹ Эразм Роттердамский в своем переводе Нового Завета (1516 г.) отбросил так наз. Иоаннову запятую в тексте Первого послания Иоанна Богослова (1 Ин 5, 7).

¹² Синодальный перевод: «Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили»

¹³ Этой теме посвящено громадное количество работ, см., например: Blomme R. La doctrine du péché dans les écoles théologiques de la première moitié du 12e siècle. Louvain, 1958; Delhayе Ph. Le péché dans la théologie d'Alain de Lille // Sciences ecclésiastiques, 17 (1965). P. 7–27; Delumeau J. Le péché et la peur. La culpabilisation en Occident, XIII–XVIII siècle P., 1990; Deman Th. Péché // Dictionnaire de théologie catholique. Sous la dir. de A. Vacant, E. Mangenot, E. Amman et al. Vol. 12. Paris, 1933. Col. 140 — 275; Gillon L.-B. La théorie des oppositions et la théologie du péché au XIIIe siècle. Paris, 1937. P. 93–111; Janvier E. Exposition de la morale catholique. T. V–VI. Le vice et le péché. Paris, 1907–1908; Horwart A. M. Heiligkeit und Sünde im Lichte der thomistischen Theologie. Fribourg, 1952; Landgraf A. Das Wesen der lässlichen Sünde in der Scholastik bis Thomas von Aquinus. Bamberg, 1923; Pagels E. Adam, Eva und die

Schlange. Die Theologie der Sünde. Hamburg, 1991; Payen J.-Ch. Les motifs du repentir dans la littérature française médiévale (des origines à 1230). Genève, 1968; Vogel C. Le pecheur et la pénitence au Moyen Age. Paris, 1982; Wächter M. de. Le péché actuel selon S. Bonaventure. Paris, 1968; Addy J. Sin and Society in the Seventeenth Century. London, 1989; Корзо М. А. Грех и спасение в католической и православной проповеди Речи Посполитой в XVII в. Попытка сравнения // Славянский альманах. 1997. М.: Индрик, 1998. С. 52–76; Корзо М. А. Образ человека в проповеди XVII века. М.: ИФРАН, 1999. См. также материалы М. А. Корзо на сайте Центра украинистики и белорусистики МГУ, www.hist.msu.ru/Labs/UkrBek, в разделе «Христианство, ислам, иудаизм в истории Европы»).

¹⁴ Meyendorff J. La signification de la Réforme dans l'histoire du christianisme // Meyendorff J., Orthodoxy et catholicité. Paris:Seuil, 1965, p. 110–111. Среди специальных работ ценным введением в проблематику служит книга Ф. Теннанта: Tennant F. P. The Sources of the Doctrines of the Fall and Original Sin. New York: Schoecken Books, 1968 (первое издание: 1903). См. также Gaudel A. Pêché original // Dictionnaire de théologie catholique. Sous la dir. de A. Vacant, E. Mangenot, E. Amman et al. Vol. 12. Paris, 1933. Col. 275–606; Merlin N. Saint Augustin et les dogmes du péché originel et de la grâce. Paris, 1931.

¹⁵ Карсавин Л. П. Католичество. Пг., 1918. С. 72–74

¹⁶ Meyendorff J. La signification de la Réforme dans l'histoire du christianisme // Meyendorff J., Orthodoxy et catholicité. Paris: Seuil, 1965. P. 115 — 117

¹⁷ Аверинцев С. С. Православие // Философская энциклопедия. Т.4. М., 1967. С. 334

¹⁸ Лучшие введения в эту проблематику — книга Ж. Гросса (Gross J. La divinisation du chrétien d'après les Pères grecs. Paris, 1938) и соответствующие разделы в авторитетных обобщающих книгах митр. Иллариона (Алфеева): Иларион (Алфеев). Православие. Т. 1–2. М., 2008–2009; Иларион (Алфеев). Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. М.: 1996 (и ряд переизданий). См. также: Сергей (Страгородский), архимандрит. Православное учение о спасении. Опыт раскрытия нравственно-субъективной стороны спасения на основании Св. Писания и творений свято-отеческих. Казань, 1898 (Репринт: М., 1991); Попов И. В. Идея обожения в древневосточной церкви. М., 1909; Евдокимов П. Православие. М., 2002 С. 135–141 (“Антропология обожения”); Киприан (Керн). Антропология Св. Григория Паламы. Москва: Паломник, 1996. С. 389–433 (глава 8: “Обожение человека”); Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994 (статья “Обожение”).

ФАКТОРЫ, ПОВЛИЯВШИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ УКРАИНЦЕВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

История формирования украинских этномассивов в Нижнем Поволжье насчитывает более чем трехсотлетнюю историю. Процесс переселения выходцев с украинских земель носил волнообразный характер и обуславливался экономическими потребностями государства. Первая Всероссийская перепись населения показала, что подавляющее большинство нижеволжских украинцев относилось к сельским жителям. Находясь в пестром многонациональном окружении и практически утратив связь со своей исторической родиной, украинцы Нижнего Поволжья смогли сохранить значительную часть признаков, позволяющих говорить о наличии у них особой формы украинского самосознания. Нижеволжские украинцы приняли самоназвание «халхлы» (а не хохлы). В своем самоназвании они как ранее, так и сейчас не усматривают уничижительного или оскорбительного момента. Целью данной работы является рассмотрение факторов повлиявших на формирование особой формы национального самосознания у нижеволжских украинцев.

Одним из важных факторов повлиявших на формирование самосознания украинцев Нижнего Поволжья является их *трудовая специализация и правовой статус*. Первая массовая волна переселения выходцев с украинских земель в нижеволжский край связана с соляными разработками на озере Эльтон. В течение нескольких лет после начала добычи (1747 г.) эльтонской соли украинские чумаки вытеснили великорусских крестьян из процесса транспортировки соли к запасным магазинам в слободах Николаевская и Покровская. Осознав преимущества использования малороссиян царское правительство наделило эльтонских солевозчиков льготами и особыми правами. Украинские чумаки освобождались от рекрутской повинности и выплаты податей в казну, получали большие наделы земли (15 дес. на одну ревизскую душу), им предоставлялся кредит на обзаведение хозяйством и покупку волов для транспортировки соли. Казна всяческим мерами старалась «приохотить»

чумаков к возке эльтонской соли. 18 августа 1805 г. саратовский гражданский губернатор П. У. Беляков получил высочайшую инструкцию о том, как необходимо относиться к солевозам. В ней указывалось: «Сей род людей столько необходим по связи упражнения его с добыванием соли, что расстройство его положения не местное только может произвести зло, но неотвратимый родит вред и оскудение в целой России. Из сего вы можете разуметь, сколько тщательное должно обращать внимание к сим поселянам...»¹. Таким образом, пользуясь благосклонным отношением казны, как отмечал тайный советник А. М. Фадеев, украинцы «... начали постепенно устраивать свои общественные отношения. За прообраз [они] взяли те готовые формы гражданского порядка, какие выработала житейская практика их родной Украины»².

Транспортировка соли осуществлялась исключительно в левобережной части Нижнего Поволжья. Отправляясь в дорогу, чумацкая валка одновременно становилась казачьим военизированным отрядом защищавшими свое добро. Только чумакам, согласно выданных Соляной конторой билетам (разрешениям), позволялось иметь и применять огнестрельное оружие в случае нападения кочевников на обоз (валку) с солью. Тактика обороны чумаков была такой же как и тактика обороны украинских казаков. Данилевский Г., описывая нравы и обычаи чумаков в середине XIX в., отмечал: «Чумак еще хранит в себе черты, как бы завещанные ему отдельно особенностями старинного казачества»³. Неудивительно, что соседи украинских чумаков — немцы-колонисты — называли слободу Покровскую — Kosakenstadt — город казаков.

Монопольные права на транспортировку эльтонской соли позволили солевозчикам на несколько столетий законсервировать обычаи, традиции и общественное устройство украинского народа на нижневолжской земле. Эльтонские чумаки ревностно следили за тем, чтобы в их рядах были только малороссияне.

Несмотря на общие культурные корни между великороссами и малороссами, как официальные местные власти, так и сами народности отмечали различия между собой. В официальных документах — ревизских сказках и других документах — украинцев обозначали «казенными малороссиянами», «частновладельческими малороссиянами» и обязательно отделяли от аналогичных групп великороссов. В отдельную группу выделялись украинские чумаки — «соляные возчики». На бытовом уровне украинцы называли своих русских соседей — «москалями», а те в свою очередь называли украинцев — «хахлами».

Немаловажным фактором в формировании и сохранении особой формы украинского самосознания являлась *«украинская» топонимия нижеволжских поселений*. В ходе первых волн переселения большая часть украинских выходцев была из Полтавской, Харьковской, Черниговской и Воронежской губерний, в последующие волны к ним присоединились крестьяне центральных и южных областей Украины. Поселенцы-украинцы по возможности старались называть новообразованные поселения по названию своих прежних мест проживания. Таким образом, в Нижнем Поволжье появились поселения, топонимы которых генетически принадлежат выходцам из Украины и говорят сами за себя: поселки Старая и Новая Полтавка, Дергачевка, Дергачи, Валуйки, Харьковка, Киево-Николаевка, Большая и Малая Черниговка, Киево-Полтавский, Ново-Киевка, Таврический, Малороссийский, хутора Украинский, Черноморский, Большой Верхнеднепровский, Сумы, Екатеринославский, Малороссов. Зачастую к официальным названиям поселений, основанных украинцами, чиновники того времени добавляли прилагательное «малорусский», например, Малороссийская слобода Покровская или Малороссийская слобода Николаевская.

На территории Нижнего Поволжья нередки случаи когда в официальном названии украинского поселения была отражена этническая сущность проживавших в нем жителей: поселок Хохлацкий, хутор Хохлачев-Александровский. Наряду с официальным названием существовали и неофициальные (народные) названия поселений. До нынешнего времени сохранились двойные названия украинских сел: Сидоры — Хохляндия, Хохлы; Бекетовка — Хохловка; Карантинное — Хохлацкое. В начале XX в. поселок Городище (ныне поселок городского типа) делился на три части, одна из которых называлась Хохлацкая, в посаде Дубовка также существовала улица Хохлацкая. В настоящее время украинцы и их соседи точно знают, в каком селе живут «хахлы», а в каком — «москали»⁴.

Таким образом, как официальная, так и неофициальная топонимия новообразованных поселений оказывала положительное влияние на сохранение исторической памяти и формирование в новых условиях особой формы украинского самосознания.

Значительным фактором сохранения украинского самосознания являлся *уровень межкультурного и межконфессионального взаимодействия* украинцев с другими народами Нижнего Поволжья. Украинцы стремились основывать свои поселения отдельно от других националь-

ностей, что позволяло по мнению офицера Генерального Штаба обследовавшего в середине XIX в. Саратовскую губернию, утверждать: «Малороссияне ... сохранили свои национальные нравы и обычаи. Язык, жилища, одежда, пища, набожность, все без изменения переходит из рода в род»⁵.

Большинство украинских поселений были мононациональными, исключением может являться лишь небольшое число государственных и помещичьих поселений, где украинцы проживали совместно с русскими. Смешанные поселения государственных крестьян, как правило, разделялись на две административные единицы — русскую и малорусскую — с отдельным административно-хозяйственным управлением.

В частновладельческих поселениях помещики не всегда учитывали волю своих крестьян, и чем меньше было поселение, тем меньше было возможности сохранить свои национальные особенности, общественную жизнь и культуру. Но все же в больших помещичьих поселениях малороссиянам порой удавалось сохранить свои национальные черты. Например, малороссияне помещицы М. В. Кочубей сл. Рыбушка были выделены в отдельную Кантору по причине «непонятности крестьян»⁶. Управляющие постоянно жаловались, что украинский уклад жизни непохож на русский, поэтому из всех поселений их выделили в отдельную Кантору. Второй пример иного характера: в сл. Сокур помещицы крестьяне — великороссы и малороссы на общем сходе избирали старосту, то от одной, то от другой национальной общины по очереди. В случае когда избирался староста от великороссов, одновременно избирался и его помощник — «кандидат» из малороссов, который отвечал в административно-хозяйственном отношении только за малороссийских крестьян. Таким образом, живя в смешанном поселении, украинцам удавалось сохранять традиционные особенности своей общественной жизни. Известный саратовский историк, член Саратовской архивной комиссии А. Н. Минх в этом отношении писал: «Рассматривая каждое селение, в котором русские сидят с малороссиянами, мы непременно видим, что эти две народности не смешиваются и живут отдельными частями поселения, часто разделены речкой или овражком. Эти две части села ведут всегда отдельные хозяйства, снимают врозь участки земель и смешанные браки вообще встречаются очень редко. ... Малороссияне тех селений, в которых они живут отдельно от русских, удержали свой говор, нравы, обычаи и в некоторой степени свою одежду; там же, где они поселены с русскими, они усвоили многое из их одеяния: даже

будничная родная *плахта* (лоскут материи, узко обхватывающий бедра женщины и едва спускающийся ниже колен) стала заменяться юбкой, но говор и тип не поддаются еще обрусению»⁷.

Характеризуя бытовые отличия малороссов от великороссов в конце XIX в., ранее упоминавшийся А. Н. Минх отмечал: «Отличительная черта малороссиян от русских — опрятность и лучшая обстановка жилья: в их *хатах*, хотя иногда и нет совершенно деревянного пола, но он всегда чисто выметен, горница светлее, так как у каждого малоросса, даже в небольшой хате, три-четыре окна; у всех изб есть дымовые трубы и черной топки, как у русских, нет. ... В пище малороссияне тоже отличаются от русских: любимые блюда хохла — свиное соленое сало, вареники, галушки и непременно пшеничный хлеб; они заготавливают на зиму из свекловицы, кваса её особым образом, *бураки*, из которых варят *борщ*. ... Хохол лаптей не носит»⁸.

Заметной составляющей, сдерживавшей межнациональные контакты украинцев в многонациональном Нижнем Поволжье, была их конфессиональная принадлежность. Украинцы были православными и не позволяли себе смешиваться с немцами (католиками и протестантами), татарами и казахами (мусульманами). Отличия нижневолжских украинцев отмечались даже по отношению к своим единоверцам православным — русским. Священник Покровской слободы А. Л. Любенский в середине XIX в. отмечал: «... жители слободы — все православного вероисповедания. Не было примера, чтобы кто-нибудь из православия перешел в какую-либо секту или ересь. Все украинцы весьма набожны и ревностны в исполнении церковных обязанностей. По воскресеньям и в праздничные дни все церкви полны народу; мужчины стоят на правой стороне, а женщины — на левой. Каждый год все постятся по одному разу, а некоторые старики по четыре раза; во время каждого поста сурово воздерживаются от избыточного употребления еды. Особенное рвение имеют к посещению святых мест. Из слободы каждый год до тридцати человек отправляются на богомолье в Киев, Почаев, Воронеж и Москву, и оттуда приносят разные священные вещи, книги и иконы»⁹. В ходе историко-этнографической экспедиции 2009 г. в Самойловский район Саратовской области было установлено, что до начала революционных событий 1917 г. самойловцы и жители близлежащих украинских слобод ежегодно совершали паломничество в Киев и Почаев. На вопрос: «Зачем так далеко ходить, ведь рядом Саратов?», респонденты отвечали, что «Там лучьше. Така традиція. Так всегда було ще за їх пра-пра-прадідів»¹⁰.

Среди православных украинцы считались наиболее ревностно верующими, много жертвовавшими на церковь. «Прихожанин-украинец жертвует от своих доходов для церкви охотно, не так как это делают крестьяне русских поселков, особенно поволжских, где поп должен выпрашивать, добиваться того, нередко при этом он выслушивает и упреки»¹¹. Церкви малороссийских поселений были богато украшены¹². Особенность пасхального обычая украинцев являлось освещение всей пищи пасхального стола, среди яств отдельно выделяли — поросенка и сало. К числу исключительно украинских пасхальных традиций относилась и традиция росписи яиц — пысанкарство¹³.

Подводя промежуточный итог можно сказать, что украинцы переселившись в Нижнее Поволжье до конца XIX в., во-первых, несмотря на разрыв связей со своей прежней родиной, все же сохранили основные этнические маркеры, которые позволяют нам говорить о наличии у них украинского национального самосознания. Во-вторых, оказавшись в новых климатических, социальных, культурных, этно-конфессиональных условиях, украинцы прекрасно адаптировались в Нижнем Поволжье, при этом создав несколько украинских этномассивов, что позволяло поддерживать высокий уровень украинского национального самосознания. В-третьих, несмотря на различия правового статуса переселенцев-украинцев, этническую чересполосицу характерную для Нижнего Поволжья и ряд других составляющих, уровень ассимиляционных процессов оставался в целом незначительным, что не несло угрозы разрушения (трансформации) украинского национального самосознания. Таким образом, переселившиеся в Нижнее Поволжье выходцы с Украины сформировали отдельную группу украинцев за пределами основных этнических земель и приняли самоназвание «хахлы».

Первые десятилетия XX в. можно считать отправной точкой в процессе трансформации уже сформировавшегося самосознания украинцев Нижнего Поволжья. По убеждению автора, основополагающим фактором, кардинально повлиявшим на трансформацию национального самосознания, у украинцев являются последствия реализации *национальной политики государства*, в которой украинцам и Украине отводилась особая роль. Национальную политику Российской империи, а затем и РСФСР в этом отношении можно разделить на несколько основных периодов: 1900–1917 гг. — политика русификации; 1918–1932 гг. — политика украинизации и 1933–1991 гг. — политика советизации.

Политика русификации нижеволжских украинцев реализовывалась в двух плоскостях: образовательной и переселенческой. После отмены крепостного права в украинских поселениях идет бурное развитие образовательной системы, что необходимо признать как положительный момент. Однако следует отметить, что в открывавшихся школах образовательный процесс осуществлялся исключительно на русском языке, что не могло не сказаться на национальном самосознании молодого поколения нижеволжских украинцев.

В ходе столыпинских реформ государство полностью контролировало процесс переселения из Украины на «пустопорожные земли». Анализируя ареал расселения украинцев в Нижнем Поволжье, легко заметить, что они расселялись в уездах и волостях, где подавляющую часть старожилов составляли россияне, и только 20 % от общей численности переселенцев-украинцев были поселены в пределах ранее сформированных украинских этномассивов. Данная ситуация кажется не случайной, поскольку является результатом целенаправленного действия государства в отношении нерусских национальностей и украинцам в частности. Такая мысль подтверждается результатами исследования украинского историка Г. П. Чмелька, который утверждает, что рядом с решением проблемы малоземелья и освоения новых территорий, правительство разрешало и другую немаловажную проблему — растворение в русской среде других национальностей с последующим поглощением их культуры, лишения языка, и ускорение ассимиляционных процессов среди нерусского населения внутренних губерний¹⁴.

После утверждения большевицкой власти, партийно-советское руководство, пытаясь решить национальный вопрос, а заодно и внутрипартийные противоречия, начало компанию по украинизации украинцев в России. Процесс украинизации в Нижнем Поволжье был многосложным, но по мере укрепления позиций Сталина, политика украинизации приобретает конкретные цели и контуры.

В конце 1920-х гг. в Нижнее-Волжском крае был подготовлен и начал реализовываться пятилетний план перевода школ всеобщего начального образования на украинский язык обучения. В ходе «культурных походов и бросков» проводилась активная разъяснительная работа о целесообразности проведения украинизации среди местных украинцев. В городах Балашове, Николаевске, Саратове и Покровске на базе педагогических техникумов были открыты украинские отделения.

К началу 1931–1932 учебного года все школы I ступени Нижне-Волжского края были переведены на украинский язык обучения. В этот период в крае начинают издаваться украинская краевая газета «Шляхом Леніна» («Путем Ленина») и украинский общественно-политический, литературно-художественный журнал «Ленінові заповіді» («Ленинские заветы»), открываются украинские библиотеки и книжные магазины. К 1933 г. планировалось расширить в украинских районах сеть школ II ступени и закончить их перевод на украинский язык обучения. В начале 1930-х гг. стал заметен рост и формирование у нижеволжских украинцев общеукраинского самосознания. Были в значительной степени восстановлены историко-культурные связи между нижеволжскими украинскими этномассивами и Украиной. Значительное число нижеволжских украинцев стало отказываться от самоназвания «хал» и принимали самоназвание «украинец».

Но «золотой период» украинизации был недолгим. 16 декабря 1932 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) был рассмотрен вопрос «Об украинизации в ДВК, Казахстане, Средней Азии, ЦЧО и других районах СССР»¹⁵. Политбюро приняло решение немедленно свернуть украинизацию, все украинские школы перевести на русский язык, украинские газеты и журналы закрыть. Любое национальное проявление расценивалось как проявление украинского национализма. Спустя некоторое время после декабрьского решения Политбюро ЦК ВКП(б) в отдельных школах украинских районов были вскрыты «особо характерные факты» проникновения классово-враждебных влияний в сферу образования, факты грубейшего нарушения принципов коммунистического воспитания¹⁶. По указу партийного руководства страны украинизация в Нижне-Волжском крае была быстро свернута. В 1932–1933 гг. процесс сворачивания украинизации довершил искусственно созданный большевистской верхушкой голод, который полностью охватил все Нижнее Поволжье.

С 1933 г. под видом «вращения» новой формации — «советского человека» в Нижнем Поволжье начался период деукраинизации — политики духовной, культурной и языковой ассимиляции украинцев, что стало толчком к процессу размывания и разрушения уже относительно укрепившейся формы общеукраинского самосознания. Нижеволжские украинцы были лишены возможности знакомиться с литературной формой родного языка, историей и культурой своего народа. Такая ситуация сохраняется и до сегодняшнего времени. После сворачивания

украинизации нижневолжские украинцы вернулись к прежнему самоназванию — «хакхлы».

В советское время наряду с особенностями национальной политики, направленной на трансформацию национального самосознания нижневолжских украинцев, свое влияние оказали и *административные преобразования* на территории нижневолжских губерний (областей). В довоенный период (до 1941 г.) украинские этномассивы в административном отношении постоянно «разделялись», «укрупнялись», «разукрупнялись» и тому подобное. Такого рода административно-экономические эксперименты привели к исчезновению основной части украинских хуторских хозяйств. В послевоенный период, особенно в Заволжье, значительная часть поселений основанных украинцами были выселены за границы особой зоны предназначенной для создания ракетного военно-испытательного полигона «Капустин Яр». В результате строительства Волгоградской ГЭС украинские населенные пункты вдоль левого берега Волги оказались в зоне затопления, а коренное население было переселено. Как в левобережье так и правобережье Волги значительное число так называемых «неперспективных» поселков исчезли с административной карты Нижнего Поволжья. Таким образом, в угоду административно-экономической целесообразности значительная часть нижневолжских украинцев была «вырвана» из своих традиционных мест проживания и переселена в инонациональную и культурную среду, что в последующем негативно отразилось на сохранении их национального самосознания.

Результатом влияния вышеперечисленных факторов является современный уровень национального самосознания. Сегодня среди большей части украинцев Нижнего Поволжья еще сохранилась особая форма украинского самосознания. В тоже время, характеризуя молодых украинцев, приходится говорить уже не о трансформации украинского национального самосознания, а о замене его на русское национальное самосознание. Нынешние потомки украинских переселенцев, особенно молодое поколение, практически не знают языка, истории и традиций своих предков. Проведенные автором социологические опросы свидетельствуют о том, что подавляющая часть молодых этнических украинцев считают себя русскими в условиях, когда они подтверждают, что их предками являются «хакхлы»-украинцы.

¹ Леопольдов А.Ф. Статистическое описание Саратовской губернии. СПб., 1839. Часть I. С.176

- ² Горизонтов И. Слобода Самойловка. Три острова тож (балашов уезда) (этнографический очерк) // Памятная книжка Саратовской губернии на 1872 г. Отдел III. С. 41.
- ³ Данилевский Г. Нравы и обычаи украинских чумаков // Библиотека для чтения. 1857. Т. 142. С. 126.
- ⁴ См.: Север'янова О. З історії автохтонного українського населення Низового Надволжя // Український вимір. Міжнародний збірник інформаційних, освітніх, наукових, методичних статей і матеріалів з України на діаспори — Ніжин: НДУ ім. Миколи Гоголя, 2005 — С. 23.
- ⁵ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Саратовская губерния. Т. V. Ч. 4. — СПб.: Типография Департамента Генерального Штаба, 1852. С. 67, 68.
- ⁶ См.: Государственный архив Саратовской области Ф. 407. Оп. 2. Д. 1897. Л. 222
- ⁷ Минх А. Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. Собран в 1861—1888 годах. Репринтное издание — Саратов: 1994, С. 8.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Слобода Покровская // Самарские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1855. 23 июля.
- ¹⁰ Личный архив автора: Материалы историко-этнографической экспедиции 2009 г.
- ¹¹ Великороссиянин О. Украинцы в Саратовской губернии // Основа. — 1861. — Вып. IX. С. 187.
- ¹² См.: Слобода Покровская // Самарские епархиальные ведомости. 1870. № 1.
- ¹³ См.: Минх А. Н. Традиции и быт крестьян ... С. 93, 101
- ¹⁴ См.: Чмелик Р. П. Мала українська селянська сім'я другої половини ХІХ — початку ХХ ст. (структура і функції). Львів. Інститут народознавства НАН України 1999. С. 51, 52.
- ¹⁵ См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестка дня заседаний. 1919—1952: Каталог / Т. II. 1930—1939. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. — С. 382.
- ¹⁶ См.: Государственный архив Российской Федерации Ф. А-296. Оп. 1. Д. 545. Л. 11.

А. В. Добржанский

УКРАИНСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА БУКОВИНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Одной из характерных черт общественной жизни на Буковине во второй половине XIX — начале XX веков являлся быстрый рост количества общественных объединений национально-культурного, просветительного, научного, политического, спортивного и других направлений. Этому способствовало австрийское законодательство, которое в 60-х гг. XIX в. пополнилось рядом законов, направленных на либерализацию процесса регистрации объединений и контроля их деятельности. После принятия конституционных законов в монархии Габсбургов значительно ускорился процесс формирования гражданского общества, в котором общественные организации играли весьма существенную роль.

Завершенного вида законодательство об общественных объединениях приобрело после принятия закона 15 ноября 1867 г. Согласно этому закону значительно упрощалась и облегчалась процедура создания общественных объединений. Для открытия общества необходимо было подать в краевое управление устав в пяти экземплярах. В нем обязательно указывалась цель общества и способы ее достижения, источники финансирования, структура и органы управления, местонахождение, способ решения спорных вопросов, условия роспуска. В случае запрета краевым правительством открытия общества, основатели имели право в течение 60 дней направить апелляцию в министерство внутренних дел. Политическим обществам запрещалось устанавливать между собой тесные отношения. Ежегодно они должны были регистрировать списки членов в краевом управлении¹.

Со второй половины 60-х годов XIX в. количество общественных организаций быстро возрастает. Если в 1863 г. в крае насчитывалось 12 обществ², то на начало 1869 г. зафиксировано 25 добровольных объединений в Черновцах, Садгоре, Радовцах, Сучаве³. В подавляющем большинстве это были общества для организации отдыха. Большинство из них имели интернациональный характер.

В последующие десятилетия наблюдаются еще более значительные темпы роста. В 1895 г. насчитывалось 164 общества, из которых 65 благотворительных, 36 художественных, научных и литературных, 11 студенческих, 15 конфессиональных, 19 профессиональных, 6 спортивных, 7 политических и т.д. В 1908 г. — 1980 обществ, а в 1910 г. 2301 общество, в том числе: 166 образовательных, 97 профессиональных, 71 благотворное, 7 художественных, 70 сельскохозяйственных, 26 учительских, 14 музыкальных, 100 политических, 22 певческих, 231 читательское и т.д.⁴

Если в 60-е годы XIX в. преобладали интернациональные общества, то со временем более популярными становятся национальные объединения. Главной причиной этого стало усиление национальных движений в Австро-Венгрии в целом и на Буковине в частности. Именно национальные общества стали той силой, которая цементировала национальные движения, делала их массовыми, хорошо организованными. Количество украинских обществ возрастало наиболее высокими темпами по сравнению с другими этническими группами, что в первую очередь обуславливалось большей численностью украинского населения на этой территории.

Накануне первой мировой войны в украинских селах действовало 154 общества «Сельская читальня», 117 спортивно-гимнастических обществ «Сич», 169 кредитных обществ «Крестьянская касса». Кроме того, в селах действовали отделения обществ «Буковинский Боян», «Женская община», «Школьная помощь», «Украинская школа», «Народный дом», «Общество трезвости» и т.п. Всего на 1914 г. на Буковине действовало свыше 580 украинских обществ, из них свыше 50 в Черновцах⁵.

Безусловно, не все украинские общественные объединения действовали одинаково активно. Было немало таких, которые числились только на бумаге, или прекращали свою работу вскоре после открытия. Но большинство обществ были успешными и стали важной общественной силой, пользуясь высоким авторитетом среди населения.

Особенно следует выделить первое украинское общество «Руська бесида»*, учредительное собрание которого состоялось 14 (26) января 1869 года. Накануне первой мировой войны оно превратилось в мощную культурно-просветительскую организацию украинцев, о которой знали далеко за пределами края.

Уже в первые годы существования общества было организовано ряд мероприятий, которые позднее сыграли значительную роль в развитии национально-культурной работы.

Довольно удачной формой привлечения внимания к себе, к проблемам украинского населения, а также для сбора денег стали музыкально-культурные вечера, которые регулярно проводились “Руськой бесидой”. Одним из первых такое мероприятие было проведено 14 июля 1869 г. в зале отеля “Под Черным Орлом”. Присутствовали около 400 человек, в том числе поляки, немцы, евреи, румыны. Этой акцией “Русская Беседа” заявила о своем существовании как активное общество, которое не собирается ограничиваться исключительно собраниями или петиционной деятельностью. Постепенно выработались некоторые общие принципы проведения подобных вечеров. Как правило, они начинались торжественными патриотичными выступлениями. Потом давали концерт, в котором исполнялись произведения украинских и зарубежных композиторов, поэтов. Заключительным аккордом были танцы. Вечера посвящались важным историческим юбилеям украинского народа, Австро-Венгрии, выдающимся фигурам истории, культуры, политики и т.п. На них приглашали не только украинцев, но и представителей других народов края. Средства, собранные во время таких мероприятий, шли на нужды общества. О вечерах, устроенных “Руськой бесидой”, сообщали газеты, они приобретали огласку и таким образом оказывали содействие популяризации украинского дела.

В 1874 году “Руська бесида” впервые обратилась к населению с призывом об учреждении читален, считая, что этим делом на местах должны заниматься священники и учителя. К тому времени Буковина уже получила определенный опыт такой работы. 2 ноября 1871 г. в Стронце-Путилове была создана сельская библиотека, инициаторами создания которой стали Ю. Федькович и О. Левицкий⁶. Эта читальня просуществовала недолго. Через два года крестьяне с. Берегомет-над-Прутом в честь 25-летия отмены барщины основали “Читальню”, которой студенты Г. Купчанко, М. Купчанко, Г. Мандрик и сельский учитель С. Миронович подарили книжки. Литература была типичной для того времени. Это такие просветительские и воспитательные книги, как “Народная история Руси” Б. Дедицкого, “Знемченый Юрко”, “Луць Заливайко” И. Наумовича, “Житие св. Ивана Сучавского” М. Купчанка, “Горивочка люба, то наша згуба” Ф. Досинчука, и “Поэзия Иосифа Федьковича”, и “Венок русинам на обжинки” Я. Головацького, и периодика типа коломыйской газеты “Руска рада”⁷. В 1874 г. священник Еротей Федорович основал в селе Валява читальню и общество трезвости. Общества трезвости тогда же возникли в с. Бридок (при содей-

ствии Григория Воробкевича) и в Панке⁸, читальню и общество трезвости заложено и в с. Суховерхово⁹. В скором времени основана читальня в с. Шишкивцах, общества трезвости в селах Барбивцы, Дихтинец, Калиновка, Зеленив и др. Однако и эти объединения просуществовали недолго. Массовым движением за создание читален становится именно в 1880 г. Широчайший резонанс тогда вызвало учреждение читальни в с. Раранче, она была образована вопреки запрету местного старосты Григория Красовского. 11 апреля 1880 г. состоялось учредительное собрание читальни, на которое пришли 124 основателя читальни и много крестьян из окружающих сел. От «Руськой бесиды» присутствовали И. Тыминский и Т. Ревакович. С концертом выступил хор украинского студенческого общества «Союз»¹⁰. Об этом событии немало писали газеты. Раранчанские крестьяне довели, что при желании могут действовать слаженно и одолеваять все трудности. Примеру Раранча последовали крестьяне Рогизны (устав утвержден 19 августа 1880 г.), Самушина (8 октября 1880 г.), Валявы (октябрь 1880 г.), Окна (3 января 1881 г.), Дорошивцев (27 марта 1881 г.), Васловивцев (5 августа 1881 г.), Барбивцев (11 мая 1882 г.), Кицманя (31 мая 1882 г.), Неполоковцев (июнь 1882 г.)¹¹. Еще до учреждения читальни в с. Раранче возникла украинская городская читальня в Черновцах. Здесь 6 марта 1880 г. мещане М. Тапушак, В. Дроздовский, Р. Лозинский, К. Дутчак и др. подали просьбу об открытии читальни. 30 марта того же года ее устав утвержден. Первым главой был избран И. Тымнский¹².

Регулярно общество «Руська бесида» обращалось с разными запросами, обращениями, просьбами, протестами, предложениями. В частности, можно назвать протест на решение Буковинского сейма о ведении протоколов на румынском и немецком языках (1869 г.), интерpellацию, чтобы богословие в начальных и средних школах преподавалось только на родном языке (21 марта 1870 г.), обращение о приеме экзаменов по богословию на украинском языке (4 января 1871 г.), требование, чтобы место учителя в Кицмани занял человек, который владеет украинским языком (3 октября 1873 г.), запрос об учреждении кафедры украинского языка и литературы в будущем Черновицком университете и о преподавании на украинском языке в духовной семинарии (24 февраля 1875 г.)¹³ и т. п. Всего за первое десятилетие существования «Руськой бесиды» было подано 9 письменных обращений и 5 просьб в разные учреждения края и империи¹⁴. Такие обращения практиковались довольно часто в то время не только украинскими, но

и другими обществами. Не все из них решались положительно, но подобного рода заявления убеждали властные структуры, что украинцы не собираются отмалчиваться и при любых нарушениях будут отстаивать свои конституционные права.

Со второй половины 80-х гг. XIX в. руководство “Руськой бесидой” перешло в свои руки народовцев. Это способствовало расцвету общества, расширению сферы его деятельности. “Руська бесида” стала координировать работу по созданию сельских читален. Был подготовлен примерный устав читален, для них издавалась методическая и познавательная литература, выходила специальная газета “Народное богатство” и т.п.

“Руськая бесида” получала некоторые субсидии от Буковинского сейма, но львиную долю в формировании средств составляли членские взносы и благотворительные поступления. Общество поддерживало тесные отношения с львовской “Просвитой” и другими национально-культурными обществами Галиции и Надднепрянской Украины.

Весьма успешной организационной структурой украинского национального движения стало также общество “Украинский народный дом”. Довольно показательной является история учреждения общества. Идею основать его впервые высказали на общем собрании “Руськой бесиды” 12 июля 1875 г.¹⁵ После этого был создан комитет, который обратился с призывом к украинской общественности о сборе средств на строительство “Народного дома”. В частности, в этом документе говорилось: “Украинские братья! С разрешения правительства обращаемся к Вам с просьбой о добровольных взносах для строительства помещения “Народного дома” в Черновцах для размещения общества и для поддержки бедных детей-учеников¹⁶.

На общем собрании “Руськой бесиды” 5 октября этого же года начат сбор средств на приобретение помещения для “Народного дома”¹⁷. Однако сначала дело продвигалась довольно медленно. Следующим шагом в учреждении Народного дома стало общее собрание “Руськой бесиды” от 11 июля 1881 г., которое избрало комитет по разработке устава общества “Народный дом”. Эту работу выполнили И. Окуневский и И. Винницкий. 22 января 1884 г. устав общества “Народный дом” утвердила краевая власть. В нем отмечалось, что цель “Народного дома” состоит в том, чтобы поддерживать и оборонять материальные и моральные интересы русинов на Буковине¹⁸. Предполагалось, что этой цели общество будет достигать путем: “а) строительства “Народ-

ного дома” с театральным залом в Черновцах; б) размещения в нем украинских обществ, способствующих развитию украинского народа, на основе договоров, заключенных президиумом “Народного дома” с руководством соответствующих обществ; в) создание и размещение в нем бursы для бедных украинских учеников; г) создание читален, общественных складов, кредитных касс и других экономических заведений для украинского народа в буковинских селах и городах... е) учреждение стипендий для украинцев; ж) создание и поддержка читальни в Народном доме з) учреждение и поддержка украинских газет на Буковине¹⁹ и др. Утверждение устава считается датой основания общества, хотя его учредительное собрание состоялось чуть позже, в феврале того же года. Первым главой общества был избран Е. Пигуляк.

В течение второй половины 80-х годов XIX в. общество “Народный дом” окрепло организационно и материально и превратилось в одно из наиболее влиятельных украинских объединений края. Однако, взвесив все финансовые возможности, руководство общества решило не браться за строительство дома, а купить уже готовое помещение. Это было сделано в ноябре 1887 года.

С 1888 г. в Народном доме разместились редакция газеты “Буковина”, общество “Руська бесида”, “Украинская школа”, “Союз”. В этом же году в Народном доме открылась читальня с хорошей библиотекой украинских книг, журналов и газет. Популярным местом собрания и отдыха украинцев в Черновцах стала гостиная Народного дома

В 1896 г. в Народном доме открылась бурса (интернат) для учеников. Она заняла лучшие комнаты по улице Петровича, 2, поэтому для украинских обществ места уже не хватало. Было решено надстроить второй этаж. Проект перестройки, разработанный архитектором Кликом, утвержден 2 мая 1897 г. на общем собрании общества “Народный дом”. В мае 1899 г., после того как правительство предоставило помощь в размере 6 тыс. золотых, начались строительные работы, которые выполняла черновицкая фирма А. Леопольда. Их завершили осенью этого же года.

Буковинский сейм регулярно выделял средства на развитие Народного дома, что давало возможность поддерживать его на надлежащем уровне. Украинские национальные силы превратили Народный дом в своеобразный духовный и организационный центр своего движения и старались через него влиять на другие общественные объединения, которые возникали в крае. Наиболее удачными акциями Народного

дома стали торжественные музыкально-литературные вечера в честь выдающихся представителей украинства И. Котляревского, Г. Шашкевича, Т. Шевченко, Ю. Федьковича, М. Драгоманова, С. Воробкевича, которые регулярно проводились с конца 80-х годов XIX ст. Театральный зал Народного дома довольно активно использовался для любительских спектаклей, концертов “Буковинского Бояна”, “Мещанского хора”, проведения веч, собраний и т.п.

Черновицкий Народный дом в конце XIX — начале XX вв. посетил немало известных украинских деятелей. 19 ноября 1894 г. в Черновцы прибыл М. Грушевский. В Народном доме он встретился с представителями украинских обществ и выступил перед ними с политической речью. Побывали в Народном доме Н. Михновский, Н. Левитский, Г. Хоткевич, Д. Антонович, М. Коцюбинский, Ф. Вовк, Н. Лысенко и др.

Весной 1901 г. в Народном доме состоялось торжественное собрание в честь Леси Украинки, которая находилась в то время в Черновцах. И. Карбулицкий вспоминал: “Собрание открыл проф. Смаль-Стоцкий, поздравив теплыми словами писательницу от имени буковинских украинцев, а др. Трильовский от имени крестьян и радикальной партии... Потом Леся Украинка благодарил всех за сердечное приветствие краткой, но очень красивой речью... Затем слово имел студент Василий Симович, который сделал содержательное повествование о литературной деятельности Леси Украинки и месте ее творчества в украинской литературе... Дальше было декламирование стихов, хоровое и сольное пение, игра на скрипке”²⁰.

Огромное впечатление на жителей края произвело посещение Черновиц И. Франком в мае 1913 г. В Народном доме перед украинскими студентами и представителями интеллигенции он читал своего знаменитого “Моисея”.

Ежегодно в Народном доме устраивались шевченковские праздники. Регулярно на них выступали С. Смаль-Стоцкий, В. Симович, Т. Галип, М. Кордуба и др. К столетней годовщине со дня рождения Т. Шевченко в Народном доме организовали целую серию лекций, музыкальных вечеров и т.п. 23 марта 1914 г. здесь было проведено вече, на котором присутствовавшие протестовали против запрета властей Российской империи отмечать юбилейную годовщину со дня рождения Т. Шевченка в Надднепрянской Украине²¹.

Через общественные объединения к национальной жизни активно привлекались украинские женщины. Особенно большую работу в этом

направлении проводили общества «Женская община», «Мироносицы», «Общество Православных Русинок». Все эти общества в своих уставных документах определяли как первоочередную задачу национальное воспитание и просвещение украинских женщин, а также благотворительность.

Немало было, также, молодежных и спортивно-гимнастических обществ, дух которые наиболее полно передавало сичевое движение.

Характерной чертой в развитии украинских обществ начала XX века стало углубление их специализации. Это особенно касалось научных, художественных и профессиональных обществ. Ярким примером удачной научно-популяризаторской и национально-воспитательной работы следует назвать Украинское историческое общество. Оно было основано 12 июля 1902 года в Черновцах на собрании украинских научных работников, учителей, студентов. Сначала его возглавлял профессор Черновицкого университета В. Милькович, позже д-р З. Кузеля. Общество считало необходимым поддерживать и стимулировать развитие исторических, статистических, археологических, этнографических исследований украинского народа. Большое внимание отводилось также буковиноведению. Уже в 1902 г. члены общества заслушали рефераты В. Мильковича о применении картографии в исторических исследованиях, О. Маковея — о трех галицких украинских языковедах — И. Могильницком, И. Лозинском и И. Левицком. Большой популярностью в следующие годы пользовались рефераты профессора С. Смаль-Стоцкого по истории украинской литературы, этнографические сообщения З. Кузели, исследование М. Кордубы по топонимике и историко-географическим проблемам.

Историческое общество выступило одним из инициаторов движения за сохранение архитектурных памятников, защиты их от так называемого «обновления», которое было довольно распространено в тогдешней Австро-Венгрии. Под лозунгом обновления старых церквей уничтожался их первоначальный вид, было уничтожено много ценных фресок и других останков средневековья, особенно славянского происхождения. Члены общества осудили подобное «обновление» церкви Св. Георгия в Сучаве, в которой сохранялись мощи И. Сучавского. Они подали протест в канцелярию Центральной комиссии по этим вопросам в Вене, привлекли внимание общественности к такому варварскому отношению к старине.

Члены общества занимались популяризацией прошлого Буковины в научных журналах Львова, Вены, Киева, Черновиц. Так, М. Корду-

ба и З. Кузеля регулярно печатали в “Записках” Украинского научного общества в Киеве сообщения по истории и библиографические обзоры под общим названием “Буковиника”, активно переписывались по этим вопросам с М. Грушевским.

Стремясь активизировать краеведческие исследования, привлечь к ним общественность, Историческое общество проводило конкурсы собирателей этнографического и фольклорного материала, устраивало выставки исторических документов, организовывало конференции, лектории и т.п.

Таким образом, наличие большого количества обществ оказывало значительное влияние на темпы развертывания, массовость и направленность украинского движения. Обобщая все сказанное, можно отметить следующее:

- украинские общества стали тем организационным центром, благодаря которому к национальной жизни привлекались широкие слои населения, прежде всего крестьяне;
- общественные объединения украинцев постоянно держали в поле зрения насущные национальные проблемы, отстаивая их в центральных, краевых и уездных органах власти;
- национальные общества успешно противостояли процессам денационализации украинцев, воспитывали настоящих патриотов, которые уже хорошо осознавали нужды своего народа;
- украинские общества оказывали влияние на повышение образовательного уровня крестьянства, преодоление им неграмотности, низкой правовой культуры;
- значительная часть общественных объединений украинцев занималась хозяйственной деятельностью, старалась поднять экономический уровень крестьянства, вырвать крестьян из кабалы ростовщиков, арендаторов и иных, нечестных на руку предпринимателей и чиновников, которые старались нажиться на крестьянских бедах;
- некоторые общества стали базовыми для формирования политических партий и политических движений;
- большинство украинских обществ поддерживало тесные отношения с подобными общественными объединениями румын, немцев, поляков, евреев, вырабатывало и воплощало в жизнь нормы толерантных межнациональных взаимоотношений.

Все перечисленное выше убедительно подтверждает тот факт, что именно общественные объединения стали той консолидирующей си-

лой, благодаря которой и вокруг которой украинцы Буковины смогли сплотиться в начале XX в. под национальными лозунгами и активно отстаивать свои интересы.

Примечание

Местное славянское население Буковины в XIX столетии называло себя русинами, а язык назывался «русский» с одной буквой «с» или «руський». Было несколько национальных проектов относительно местного населения. «Русофильский», предполагавший, что местное славянское население — это часть единого русского народа «от Карпат до Камчатки», «румынский» — считавший, что местные русины — это румыны, забывшие родной язык; австрийский — полагавший, что местное славянское население — это отдельный народ, не имеющий ничего общего ни с украинцами, ни с россиянами, «польский» и т. д. Победил «украинский» проект, в первую очередь потому, что местный язык был наиболее близок к языку, на котором разговаривали украинцы в Российской империи. Украинский литературный язык был близок и понятен местному славянскому населению, в то же время изъясняющихся на русском языке простые крестьяне не понимали. Не надо сбрасывать со счетов и другие факторы: культурное влияние Надднепрянской Украины и Галиции, позицию австрийских властей, историческое прошлое и т. д. В начале XX в. коренное славянское население Буковины принимает самоназвание украинцы, соответственно и большинство общественных организаций вводят в свое название слово «украинский». Например «Руська школа» — «Українська школа». Однако «Руська бесида» сохранила свое старое название до 1940 года, когда была закрыта советской властью. Дословно в переводе на современный язык «Руська бесида» означает «Украинский язык».

¹ Переводы из Вестника законов державных для герцогства Буковина. 1867. — Черновцы, 1868. — С. 298–307.

² Государственный архив Черновицкой области. — Ф.3, оп.2, д. 2301, л. 22.

³ Там же. — Ф.3, оп.2, д.7583, л.3.

⁴ Österreichisches statistisches Handbuch für die in Reichsrath Vertretenen Königreiche und Landen. 1908. — Wien, 1909. — S. 106–107; Österreichisches statistisches Handbuch für die in Reichsrath Vertretenen Königreiche und Landen. 1910. — Wien, 1911. — S. 375.

⁵ Подсчитано по: Буковинський православний календар на рік звичайний 1914. — Чернівці, 1913. — С. 48–51; Mittelman H. Bukowiner Vereins-

Schematismus. — Czernowitz, 1911. — S. 4–111; Государственный архив Черновицкой области. — Ф.3, оп.2, д. 20666, 20680, 20681, 20682, 20683, 20684, 20685, 20687, 20689, 21400, 21401, 21406, 21407, 21408, 21409, 21410, 21411, 21412.

⁶ Ботушанський В. Виникнення та діяльність сільських читалень на Буковині (80-ті роки XIX — поч. XX ст.) // З історичного минулого Буковини. — Чернівці, 1996. — С.98.

⁷ Русская Рада (Коломыя). — 1873. — 1 сент.

⁸ Слово (Львов). — 1875. — 11 янв.; 3 марта.

⁹ Русская Рада (Коломыя). — 1874. — 15 янв.; — 1875. — 1 июня.

¹⁰ Діло (Львов). — 1880. — 10, 14, 17 мая.

¹¹ Буковинський православний календар на рік преступний 1892. — Чернівці, 1892. — С. 100–101.

¹² Государственный архив Черновицкой области. — Ф.3, оп.1, д. 7405, л. 7–8.

¹³ Смаль-Стоцький С. Буковинська Русь. Культурно-історичний образок. — Чернівці, 1897. — С. 269–273

¹⁴ Дмитрів Є. Ілюстрована історія просвітного товариства “Руска Бесіда” в Чернівцях (1869–1909). — Чернівці, 1909. — С. 73–74.

¹⁵ Государственный архив Черновицкой области. — Ф.3, оп. 1, д. 4087, л. 1–2.

¹⁶ Там же. — Л. 3.

¹⁷ Барвінський О. Спомини з мого життя. — Львів, 1913. — Ч. 2. — С. 47.

¹⁸ Статут товариства “Руський Дім Народний” в Чернівцях. — Чернівці, 1897. — С. 3.

¹⁹ Там же. — С. 3–4.

²⁰ Карбулицький І. Спомини з мого життя (рукопис) // Літературно-меморіальний Музей О. Кобилянської у Чернівцях. — С. 78.

²¹ Нова Буковина (Черновцы). — 1914. — 25 марта.

И. Д. Лошкарёв

ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО УКРАИНСКОЙ ДЕРЖАВЫ В МОСКВЕ В 1918 ГОДУ — УКРАИНСКОЕ И РОССИЙСКОЕ

Появление украинского консульства в Москве в условиях Гражданской войны кажется фантастическим. Хотя Украина стала одной из немногих лимитрофных территорий, уже в 1918 году признанной Советской властью. Более того, Украина была государственным образованием из состава бывшей Российской империи, чьи представительства официально появились в РСФСР.

Чтобы уяснить геополитические и правовые условия подобного феномена, необходимо рассмотреть предысторию вопроса. 29 апреля 1918 года при поддержке немецких военных Украинскую Народную Республику относительно законным способом сменила Украинская держава, а генерал от кавалерии П. П. Скоропадский был провозглашен ее гетманом. По условиям Брестского мирного договора (статья 6) Советской России прямо предписывалось заключить мир с УНР. После «перерождения» последней обязательства РСФСР сохранили силу. Британский историк Э. Карр отмечал, что в Кремле не ощущалась разница между этими двумя формами украинской государственности, поскольку в обоих случаях правящие режимы пользовались поддержкой Германии и Австро-Венгрии. Поэтому Советская Россия подписала прелиминарный мирный договор с гетманом (12 июня 1918 г.), но решение вопросов о границе и бывшем имуществе Российской империи всячески оттягивала¹. Тем не менее, подписанный документ предусматривал возобновление почтово-телеграфной связи и транспортного сообщения. Так как граница между государствами не была четко определена, а порядок ее пересечения гражданами двух стран фактически регулировался в ручном режиме, дипломатические и консульские представительства оказались крайне необходимыми².

Таким образом, после взаимного признания в РСФСР было открыто два украинских генеральных консульства (в Москве и Петрограде) и 19 консульских представительств в других городах, что составило почти половину от количества всех консульских учреждений Украин-

ской державы за рубежом. Правовой основой деятельности 21 консульства стал закон «Об открытии генеральных консульств и консульских агентств за границей» от 4 июля 1918 года. Согласно указанному документу, задачей консульских учреждений были материальная и юридическая помощь гражданам Украины в России, открытие больниц, приютов и пунктов приема для лиц, которые возвращаются в Украину, подготовка фундамента для расширения торгово-экономических отношений между Украиной и Россией. Местонахождение Советского правительства в Москве делало особой роль находившегося здесь украинского Генерального консульства. В силу обстоятельств этому учреждению пришлось выйти за рамки собственно консульских функций.

Архивные материалы свидетельствуют, что важными в деятельности консульства были вопросы приобретения гражданства. Кроме того, ключевое значение имела защита имущества и прав граждан, главным образом, защита права на выезд из России. Характерна история Дмитрия Михайловича Криушенко, проживавшего в городе Ржев Тверской губернии. Украинское происхождение давало ему право на украинское гражданство (статья 6 Закона о гражданстве Украинской державы от 2 июля 1918 года), что означало право на выезд из Советской России. Но помощник комиссара по внутренним делам по Ржевскому уезду думал иначе и наложил 23 сентября 1918 года на заявление Криушенко следующую резолюцию: «Разсмотрев ваша прошение от 18-го IX-18 сообщаю, что <для> контр-революционеров выезду нет, а по этому ваша прошение возвращаю обратно»³. 26 октября генеральный консул Кривцов направил наркому иностранных дел Г. В. Чичерину послание, где, в частности, потребовал: «Украинские граждане Иван и Дмитрий Михайловичи Криушенко, желающие выехать на Украину, получили от помощника комиссара по внутренним делам ... отказ в разрешении на выезд. Протестуя против всякого стеснения свободного передвижения украинских граждан, не уличенных в каком-либо преступном деянии, а тем более права на отъезд их на родину, прошу Вас, Господин Народный Комиссар, принять меры к предоставлению возможности братьям Криушенко выехать в пределы их отечества»⁴.

И если НКВД РСФСР вынужден был прислушиваться к генеральному консулу, то многие советские должностные лица вели себя иначе. Служащий Трофим Васильевич Лахно поделился с заведующим юридическим отделом генерального консульства следующей информацией: «Комиссар заявил мне, что выезд за границу не может

быть разрешен в виду закрытия границы; что, если у меня нет работы, то он, Комиссар, выдаст мне записку для поступления в Красную армию; что, он, Комиссар, не признает меня украинским гражданином; что никакого украинского консула он не знает; что документов моих он не возвратит мне»⁵. Со сходной ситуацией столкнулся Леонтий Иванович Дрошенко: «Когда я начал просить об отъезде, мне заведующий комнатой сказал, что никуда вас не пушу, служите здесь в Красной армии и если будете <со> мной разговаривать, то арестую или приставлю к стенке»⁶.

Иногда из Киева генеральному консулу прямо наказывали содействовать выезду некоторых лиц на Украину: «В Министерство иностранных дел обратился с прошением Ревизор Департамента Прямых Налогов Министерства Украинской Державы г. Григорий Волкович, с целью помочь его жене с детьми вернуться из Москвы в Киев, поэтому Министр Иностранных Дел просит Вас вызвать к себе Госпожу Волкович, дать ей и детям пропуски, и также дать место в делегатском поезде»⁷. Иногда речь шла о людях, представляющих для Украинской державы некую пользу. Так, Министерство торговли и промышленности предписало генеральному консулу содействовать приезду Виктора Поликарповича Кузнецова для назначения на должность в Земском банке⁸.

Генеральному консульству в Москве подчинялись консульства и вице-консульства на территории РСФСР, поскольку пространственные границы полномочий рассматриваемого учреждения четко прописаны не были, как и межгосударственные. Однако из-за Гражданской войны связь с консульствами была эпизодической. Кроме того, деятельность самих консульств нельзя назвать продолжительной и значительной, в частности, потому что не только советские чиновники не уважали украинских представителей, но и их противники: «В Харбине выявился украинский консул, пытавшийся осуществлять свои великодержавные права, но ему пригрозили арестом, и он ступешался»⁹.

Тем не менее, генеральный консул С. Кривцов старался поддерживать консульства материально и защищать их права. Есть сведения о контактах с консульскими представителями в Пензе и Саратове¹⁰. Большую тревогу вызвал арест консулов в Пензе и Самаре — Богдановского и Яковлева. Однако повлиять на их судьбу Кривцову не удалось¹¹. Столь же неудачными оказались его попытки добиться поставки продовольствия для консульских учреждений¹².

Функции московского генерального консульства фактически вышли на уровень полноценного посольства. Защита прав граждан, вопросы приобретения гражданства — это обычные занятия для любого консульского учреждения. Однако таковым не является развитие культурных связей со страной пребывания. Тем не менее, генеральный консул А. Кривцов участвовал, например, в открытии в Москве памятника Т. Г. Шевченко на Трубной площади, установленного по решению СНК РСФСР от 30 июля 1918 г. Более того, воплощение этого решения в случае с памятником Шевченко в некоторой мере стало возможным благодаря существованию генерального консульства (поскольку из планируемых 72 памятников к 1921 г. были открыты для публики 25). Причем, Кривцов не ограничился присутствием, но и произнес приветственную речь¹³.

Не менее важным представляется участие генерального консульства в закулисных переговорах по созданию автокефальной церкви на Украине. Еще с января 1918 г. в Киеве перманентно заседал Всеукраинский церковный собор, который был организован с целью провозглашения автокефалии, от которого украинские власти требовали этого, но который из-за серьезных разногласий не был в состоянии принять подобное решение. Почти сразу после провозглашения гетманата, 19 мая 1918 г. митрополитом Киевским по благословению патриарха Тихона стал Антоний (Храповицкий). Как процедурные моменты его избрания, так и его русофильский задор, утвердили гетмана и его окружение в необходимости автокефалии¹⁴. Ослабить позиции Антония можно было лишь путем каких-либо уступок со стороны патриарха. А генеральное консульство в Москве стало надежным и тайным (что в условиях деликатности вопроса немаловажно) каналом связи гетмана и патриарха Тихона. А. Кривцов часто беседовал с патриархом и, по свидетельству современников, установил с ним хорошие отношения¹⁵. А в делопроизводстве генерального консульства нередки были сопроводительные записки, подобные этой: «Министерство иностранных дел направляет письмо Министерства вероисповеданий №449/1295 для передачи его Патриарху Московскому Тихону»¹⁶.

Хотя до 1961 года в обязанности любого представительства с дипломатическими функциями входил сбор информации о стране пребывания, московское генеральное консульство вышло за пределы официально заявленных задач, среди которых не значилось накопление и передача сведений. Между тем А. Кривцов установил разнообразные

контакты среди московской общественности, в том числе с рядом подпольных организаций, таких как Всероссийский национальный центр и Союз возрождения России. В Киев попадали сведения о текущем положении дел в Республике Советов. Более того, генеральное консульство направляло в гетманский МИД материалы, позволяющие более широко оценить обстановку в России в условиях Гражданской войны. 2 октября 1918 г. Кривцов препроводил «6 номеров сибирских и самарских журналов», то есть печатные издания с другой стороны фронта¹⁷. Из-за стремительного развития событий довольно часто переправляемая информация оказывалась устаревшей и неверной, что, тем не менее, не умаляет значимости работы московского генерального консульства.

В заключение следует обратить внимание на тезис В. Ж. Цветкова о том, что консульство, главным образом, функционировало как прикрытия для подпольной деятельности московской общественности, который, с одной стороны, в значительной степени отражает подходы современной российской исторической науки к украинской государственности, а с другой — уходит корнями в революционную и эмигрантскую традицию. Образ «опереточного посольства» тесно переплетается с имиджем «постановочного государства», который укрепился в сознании некоторых современников и мемуаристов: «Он (Скоропадский. — *И. Л.*) окружил себя свитой из гвардейских офицеров, одел их в старинную украинскую форму, обрил им головы, оставив только на макушке чубы, и заставил их говорить на украинском языке; если не умели, то читали по шпаргалке»¹⁸.

Указанный тезис Цветкова распадается на две части: характеристика самого консульства как центра подпольной активности и изображение сотрудников консульства как русских, вынужденно ставших представителями Украины в Москве¹⁹. Вышеприведенные свидетельства позволяют если не опровергнуть, то существенно скорректировать тезис В. Ж. Цветкова в первой его части. В то же время, отъезд некоторых лидеров Национального центра из Москвы стал возможен именно благодаря генеральному консульству. У конспиративных организаций сложилось несколько маршрутов связи с войсками Деникина, крупнейший из которых проходил через Киев. Поэтому часто для предоставления места в заветном «делегатском» или «державном» поезде конспираторы получали украинское гражданство и на столь законном основании отбывали в Ростов через Киев. Характерным представляет

ся следующий документ от 5 сентября 1918 года: «Подаяю с сим прошение князя А. А. Оболенского о принятии его и семьи в гражданство Украинской державы»²⁰.

Сложным представляется вопрос о том, носителями какой культуры все-таки являлись сотрудники консульства. На тревожную телеграмму из Киева о правдивости информации, будто сотрудники не слишком знакомы с украинским языком, генеральный консул ответил в целом утвердительно. Относительное знакомство самого Кривцова с «державной мовой» подтверждается анализом его эпистолярного наследия — переписки с частными лицами и официальными учреждениями. В то же время, в эпистолярном наследии проявляется и забота об интересах Украины, которую трудно представить без наличия неких чувств к стране: «Генеральное консульство при этом прикладывает в Ваше распоряжение докладную записку г-на Козакевича о введении на Украине монополии на поташ и соду»²¹.

Существует и противоположный взгляд на проблему. Есть мнение, что вся внешняя политика гетмана и, в частности, деятельность Генерального консульства в Москве служили идее украинской государственности. В частности, О. Субтельный отмечает, что итогом гетманата в целом является ознакомление и привлечение русифицированной элиты Украины к идее украинской государственности, то есть расширение социальной базы украинской интеллигенции, которая была творцом этой идеи²². По крайней мере, бесспорно то, что деятельность генерального консульства в Москве является совершенно новым этапом в становлении украинской дипломатии²³.

Наиболее продуктивным в сложном вопросе культурной принадлежности, в этом смешении российского и украинского, кажется тезис о двух «культурных подданствах», сформулированный гетманским министром образования Н. П. Василенко²⁴ и подкрепляемый авторитетом В. Д. Зиминой²⁵. Так или иначе, новый этап культурного взаимодействия формировавшейся украинской нации и сформированной русской, новый этап взаимодействия российской и украинской государственности приобретает новые оттенки при рассмотрении недолгой (с 10 июля по 9 ноября 1918 года) деятельности генерального консульства Украинской Державы в Москве.

¹ Карр Э. История Советской России. Кн. 1: Том 1 и 2. Большевицкая революция. 1917–1923. Пер. с англ. /Предисл. Ненарокова А. П. — М., 1990. С. 243

- ² Рубльов О. С., Реєнт О. П. Українські визвольні змагання 1917–1921 рр. // Україна крізь віки. Т. 10. — Київ, 1999. С. 132
- ³ Орфографія і пунктуація оригінала по можливості збережені. Детальніше см.: ГАРФ, ф. Р-4260, оп. 1., ед. хр. 7, л. 8
- ⁴ ГАРФ, ф. Р-4260, оп. 1., ед. хр. 7, л. 9
- ⁵ ГАРФ, ф. Р-4260, оп. 1., ед. хр. 7, л. 10
- ⁶ ГАРФ, ф. Р-4260, оп. 1., ед. хр. 7, л. 14
- ⁷ ГАРФ, ф. Р-4260, оп. 1., ед. хр. 7, л. 46
- ⁸ ГАРФ, ф. Р-4260, оп. 1., ед. хр. 7, л. 60
- ⁹ Будберг А. П. Дневник. Часть первая // Белое дело: избранные произведения в 16 кн. Кн. 14: Белый Восток. — М., 2003. С. 319
- ¹⁰ ГАРФ, ф. Р-4260, оп. 1., ед. хр. 7, л. 45, 70
- ¹¹ ГАРФ, ф. Р-4260, оп. 1., ед. хр. 7, л. 217
- ¹² ГАРФ, ф. Р-4260, оп. 1., ед. хр. 7, л. 18,
- ¹³ ГАРФ, ф. Р-4260, оп. 1., ед. хр. 7, л. 141
- ¹⁴ Полонська-Василенко Н. Д. Історія України: У 2 т. Т. 2. Від середини ХVІІ століття до 1923 року. 4-те вид., стереотип. — Київ, 2002. С. 502
- ¹⁵ Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). — М., 2008. С. 426
- ¹⁶ ГАРФ, ф. Р-4260, оп. 1., ед. хр. 7, л. 74
- ¹⁷ ГАРФ, ф. Р-4260, оп. 1., ед. хр. 7, л. 30
- ¹⁸ Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. — М., 2001. С. 184
- ¹⁹ Цветков В. Ж. Указ. соч. С. 426
- ²⁰ ГАРФ, ф. Р-4260, оп. 1., ед. хр. 7, л. 74
- ²¹ ГАРФ, ф. Р-4260, оп. 1., ед. хр. 7, л. 68
- ²² Субтельний О. Україна: Історія. / Пер. с англ. Ю. І. Шевчука; Вст. ст. В. Кульчицького. — Київ, 1993. С. 314
- ²³ Сергійчук В. І. Українська дипломатія й утвердження державних кордонів 1917–1920 рр. // Науковий вісник Дипломатичної академії України. Випуск 1: Зовнішня політика і дипломатія / За заг. ред. Б. І. Гумєнюка, Л. С. Тупчієнка, В. Г. Ціватого. — Київ, 1998. С. 58–61
- ²⁴ Зеньковский В. В., протопресвитер. Пять месяцев у власти (15–19 октября 1918 г.): Воспоминания. — М., 1995. С. 151–152
- ²⁵ Зимина В. Д. Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны. 1917–1920 гг. — М., 2006. С. 114

Е. Ю. Борисёнок

**РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
И УКРАИНИЗАЦИЯ ПО ДНЕВНИКАМ
В. И. ВЕРНАДСКОГО
(1918–1919 ГГ.)**

В русско-украинском диалоге проблема идентичности, и связанная с ней проблема определения национальной территории, статуса украинского языка и культуры, с особой остротой встала в период революции и гражданской войны. Так называемая «украинская идея», не только исключавшая украинцев из общерусского этнокультурного пространства, но противопоставлявшая «русскость» «украинскости», постепенно приобретала все больше сторонников. Перемены, происходившие в Украинской народной республике и Украинской державе, существенным образом изменили прежнюю культурно-языковую ситуацию на украинских землях: политика, направленная на повышение статуса украинского языка, призвана была сузить коммуникативную сферу русского языка.

Несмотря на сложные условия, украинским правительствам удалось добиться определенных успехов: открывались украинские школы и гимназии, росло число периодических изданий и книг на украинском языке, была создана Украинская академия наук. При высших учебных заведениях открывались кафедры украинознания (украиноведения), был открыт университет в Каменце-Подольском, историко-филологический факультет в Полтаве, Народный университет в Киеве был преобразован в Украинский госуниверситет, была открыта Национальная библиотека, работали несколько национальных театров.

Хотя условия гражданской войны не позволили провести все задуманное в полной мере, тем не менее, проводимая национальными правительствами украинизация вызвала большой резонанс в обществе. Русские интеллектуалы тяжело переживали отказ сторонников украинской идеи от общерусского культурного пространства. В данной связи стоит обратить особое внимание на анализ ситуации, изложенный в дневниках ученого, философа и общественного деятеля В. И. Вернадского. Внимание Вернадского к Украине и украинскому

языку не случайно. Его отец был воспитанником Киевского университета, сам Владимир Иванович в детские годы он жил в Харькове, а позже, работая в Москве и Петербурге, ежегодно бывал с семьей на Украине, где жили родители его жены Натальи Егоровны Старицкой. После ареста Временного правительства Вернадский выехал в Полтаву, а в мае 1918 года перебрался в Киев, где прожил до ноября 1919 года. Ввиду угрозы возвращения в Киев большевиков, Вернадский перебрался в Ростов-на-Дону. Во время своего пребывания на Украине он активно занимался организацией Украинской Академии Наук и стал ее первым президентом.

В своих дневниках В. И. Вернадский не просто фиксировал многочисленные и разнообразные факты и события. Записи передают как позицию ученого в отношении культурной политики украинских властей, так и мнение русской интеллигенции в отношении проводимой украинизации. Так, в апреле 1918 года он писал: «Сейчас в Полтаве очень тревожное чувство в связи с начинающейся насильственной украинизацией. Через три недели вывески магазинов д[олжны] быть по-украински... Всюду предписано ввести делопроизводство на укр[аинском] яз[ыке]. Вводят на язычи. Возбуждается ненависть к языку»¹.

Для Вернадского украинский вопрос имел особый смысл, поскольку с детства он был связан с Украиной и не противопоставлял русскую и украинскую культуру. Он видел «опасность для России не в украинском движении как таковом, а в предвзятой трактовке его в качестве вредного и притом наносного явления в государственном и национальном организме»². В качестве реальных мер на одном из совещаний кадетов по украинскому вопросу Вернадский, учитывая многонациональный состав бывшей Российской империи и сопряженные с этим проблемы, предлагал созвать «съезд национальностей», который бы определил пути нового национально-государственного устройства России, а также учредить Государственный комитет по управлению областями³.

Украинизацию (он называл ее «насильственной») он считал «полным нарушением равенства национальностей»⁴, неоднократно указывал на численность русского населения на Украине и на сильное влияние там русской культуры. «Едва ли может при условиях, какие есть в стране, возродиться Украина с чисто украинским языком и культурой, — писал Вернадский. — Для этого нет ни одного слоя, который бы поддерживал и был охвачен этой идеей»⁵. В Киеве «русский язык так

же господствует, как господствовал»⁶, в Харькове же «резкое движение против украинцев, не сравнимое с Киевом»⁷. В Полтаве «любопытно отношение к украинскому вопросу творческих сил... — отрицательное. Полное у них безлюдье. Среди работающих натуралистов — ни одного национально настроенного украинца. ... Вообще все, кто творит яркую культурную работу в Полтавщине, не украинцы»⁸. 1 июня 1918 г. Вернадский сделал запись о своей поездке из Полтавы в Киев. Поезд был переполнен, но «украинский язык почти не слышно, хотя, очевидно, многие его знают — но это не язык обыденной речи... Для едущей публики это язык сейчас так или иначе официальный»⁹.

Вернадский считал, на Украине «удивительно сильна русская культурная струя, и ясно, что украинизация едва ли может пройти»¹⁰. Поэтому для ученого «борьба за русский язык как равный в общественной и культурной жизни» была, конечно, борьбой «за права меньшинств». Но в то же время он подчеркивал «значение русского языка как мирового языка для подъема образования народа и интеллигенции»: «Не может быть заменен чуждым и трудным для понимания английским или немецким, или французским яз[ыками]»¹¹. Такое замечание появилось в дневниках не случайно. Вопрос о языке приобретал особую важность в процессе образования Украинской Академии Наук, причем мнение Вернадского о значении русского языка многие не разделяли. 8 июня 1918 г. Вернадский сделал запись о своей встрече с М. С. Грушевским и передал его мнение по поводу языка работ будущей академии наук: «укр[аинский] с правом фр[анцузского] или нем[ецкого] сопровод[ения] (русский яз[ык] исключается)»¹². Многочисленные дебаты по поводу вопроса о языке работ и издания не утихали. Первоначально уставом закреплялось печатание трудов на украинском языке и на том, каком пожелает автор. Однако в декабре 1918 г. были внесены изменения, согласно которым труды должны были печататься на украинском языке, и по желанию — одновременно на французском, или немецком, английском, итальянском, латыни¹³.

Подчеркивая значение русского языка и культуры для Украины, Вернадский отнюдь не был ярым противником украинского языка и культуры, не отказывал им в праве на существования. Напротив, он считал «возрождение украинского языка очень положительным явлением»¹⁴. С его точки зрения, необходимо было «различать — русское, украинское, великорусское»¹⁵. В другом месте он даже пишет, что «русский и великоросс — разное, и все это чувствуют и знают»¹⁶. Он даже

намеревался написать специальную статью на эту тему, но, к сожалению, осуществить это ему не удалось.

Для Вернадского было важным не допустить разрыва украинской и русской культуры: «Я указывал на силу русской культуры и на необходимость мирного творческого сожителства с украинской. Не допустить тяги в сторону, и это возможно»¹⁷. По его словам, было необходимо объединить украинцев, «работающих в украинск[ом] возрождении, но любящих русскую культуру, для них тоже родную», и «сохранить связь всех ученых и научно-учебных учреждений с русской культурой и аналогичной русской организацией, а не немецкой»¹⁸. Необходимо всячески «сохранить научную и культурную связь с Россией», писал Вернадский¹⁹. В то же время Вернадский с горечью отмечал, что многие русские не могут осознать, что «отделение от России есть совершившийся факт»²⁰, и единственный выход, с его точки зрения — «рост русской культуры», остающейся связующим звеном «между оторванными частями государства». «Совершенно ясно, что сейчас создано очень много для нового проявления в государственной истории украинского племени и очень опасно, что в дальнейшем будущем это его проявление примет характер отделения от русской государственности, — подчеркивал Вернадский в июне 1918 г. — Сейчас эта идея беспочвенна — но она может получить почву»²¹. «Поражаешься малым сознанием происшедшего среди русского общества»²², — писал Вернадский 1 июня 1918 года по дороге из Полтавы в Киев.

Дневники В. И. Вернадского, написанные в 1918–1919 годах, заслуживают особого внимания. В них ученый фиксировал свои впечатления непосредственно после того или иного события, и поэтому дневники изобилуют краткими и образными характеристиками, дают представления о настроениях в обществе по интересующей нас теме. Прежде всего, для русской интеллигенции на Украине было характерно «отсутствие признания украин[ской] культуры, стремление дать возможно меньше, желание ее гибели и развала»²³. «Настроение в Полтаве не очень важное в связи с украинск[им] вопросом. Интеллигентские настроения остались прежние. Научились очень мало»²⁴, — сделал вывод Вернадский в сентябре 1919 г. «Удивительно малы знания русск[ого] общества — поверхностные наблюдения, стремление к бесправомерному большевизму, декларациям Ден[икина] и Колч[ака] не придают значения, забывая, что эти слова обязывают, — негодовал ученый. — Все время вопрос: “Зачем это, когда есть русская школа, русская культу-

ра?»²⁵ «Их гордость господствующей расы мешает им понять ее основы»²⁶, — делает вывод ученый. Настроения среди русской интеллигенции по украинскому вопросу Вернадский фиксирует лаконичными, но очень точными фразами: «подавить или держать движение силой», «украинцы изменили», «существование культуры и языка сомнительно»²⁷. Впрочем, подобные разговоры были характерны не только для интеллигентской среды. В дневниках есть любопытная запись от 21 ноября 1917 года, сделанная в Москве, в вагоне поезда. Вернадский так передал темы разговоров солдат: «Другая тема — украинцы — русские, невозможность дружного сожительства...»²⁸

«Я думаю, что в этом отношении жизнь русских людей научит»²⁹, — считал Вернадский. Впрочем, по его мнению, вина лежит и на представителях украинского движения: Вернадский отмечает «низкий моральный уровень украинских деятелей»³⁰, «узкий и мелкий шовинизм этого движения», «несправедливое отношение к русской культуре»: «Удивительно мало среди людей, охваченных этим движением, людей, которые сохраняют нетронутыми моральные принципы, когда вопрос переходит в область национальной политики: Ефремов, Стебницкий, Носов — а если взять остальных — Багалей, Крымский, Грушевские, Корчак-Чепурковский, Ганицкий, Сушицкий и т.д., многие из которых лично порядочные люди — теряют эту порядочность, когда переходят в область национальных вождений и национальной политики. Такие люди — слабые, но с искрой божьей, как А. Грушевский, Перфецкий, Данилевич, в конце концов совершают бесчестные поступки»³¹. Все это «заслоняет живые корни этого движения, его значение как проявления человеческой личности и форму ее осознания и в окружающем»³². «Душа в тревоге, — писал Вернадский. — Тревога и тяжелое настроение и от чувства чрезвычайной непрочности положения здесь: безумная и безудержная политика украинцев с их неверным и фальшивым образом действий, ярым шовинизмом, идеологией, настроенной на ложных, выдуманных положениях. Я во многом понимаю то настроение ненависти, какое здесь замечается среди русских по отношению к ним...»³³. Вернадский решительно осуждал «зоологические украинские и великорусские настроения», подчеркивая, что опору в жизни он находит «только в самом себе», «в глубине своей личности»³⁴.

Таким образом, русская интеллигенция была встревожена и озабочена новой ролью украинского языка в культурном пространстве Украины, предложенной национальными правительствами. Несмотря

на то, что Российская академия наук признала самостоятельный статус украинского языка, среди русской интеллигенции по-прежнему была широко распространена точка зрения на украинский язык как на наречие, а попытки активного внедрения в массовое сознание украинской идентичности вызывало, по крайней мере, недоумение. Следует признать, что подобная реакция не была единственной — и пример В. И. Вернадского яркое тому подтверждение. Тем не менее, и тех представителей русской общественности, кто не принимал украинскую идентичность, и тех, кто признавал законность украинских требований, волновал вопрос об отношениях украинского языка и русского, украинской культуры и русской. Подавляющее большинство выказывало обеспокоенность отторжением достижений русской культуры со стороны «сознательных украинцев», и поэтому образ украинца складывался как образ изменника, сепаратиста, и даже предателя. Следует согласиться с мнением Е. Е. Левкиевской, что стереотип украинца-сепаратиста в русском сознании стал формироваться именно в этот период, а русское общество восприняло украинский сепаратизм в первую очередь как конфликт культурный³⁵. Следует уточнить, что на складывание подобного стереотипа немалое воздействие оказывал административный нажим украинских национальных правительств, воспринимаемый в русском обществе не иначе, как нарушение прав национальностей. Новый виток в развитии представлений об Украине и украинцах произошёл уже в период большевистского национального строительства.

¹ Вернадский В. И. Дневники. 1917–1921. Киев, 1994. С. 70.

² Там же. С. 215.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 70.

⁵ Там же. С. 78.

⁶ Там же. С. 81.

⁷ Там же. С. 85.

⁸ Там же. С. 71.

⁹ Там же. С. 88.

¹⁰ Там же. С. 84.

¹¹ Там же. С. 68.

¹² Там же. С. 96.

¹³ Там же. С. 243–244.

¹⁴ Там же. С. 72.

- 15 Там же. С. 71.
- 16 Там же. С. 103.
- 17 Там же. С. 105.
- 18 Там же. С. 98.
- 19 Там же. С. 90.
- 20 Там же. С. 86.
- 21 Там же. С. 112.
- 22 Там же. С. 87.
- 23 Там же. С. 143.
- 24 Там же. С. 138.
- 25 Там же.
- 26 Там же. С. 143.
- 27 Там же. С. 146.
- 28 Там же. С. 226.
- 29 Там же. С. 158.
- 30 Там же. С. 119.
- 31 Там же. С. 158.
- 32 Там же.
- 33 Там же. С. 119.
- 34 Там же. С. 155.
- 35 Левкиевская Е. Е. Этнокультурный и языковой стереотип украинца в русском сознании // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. М., 2008. С. 165–166.

УКРАИНИЗАЦИЯ 1920-Х-30-Х ГГ. В РСФСР: ОБЪЕКТИВНАЯ НЕИЗБЕЖНОСТЬ ИЛИ ИСТОРИЧЕСКАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ?

Советская украинизация рассматривается нами в качестве целостной системы мероприятий, направленных на внедрение украинского языка, украинской культуры и украинской идентичности среди бывшего малороссийского населения Кубани, южных уездов Курской и Воронежской губерний, Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. В 1920-е гг. оно впервые было выделено в отдельную украинскую национальность и признано национальным меньшинством, наряду с другими народами Советской России. Это была комплексная государственная политика, которая проводилась органами государственной власти на протяжении почти целого десятилетия (1922/23—1932/33 гг) и была нацелена на решение украинского вопроса в России. Она опиралась главным образом на административный ресурс советского государства: государством проводилось финансирование украинизации в РСФСР; была создана нормативно-правовая база для этой работы; готовились специальные кадры нацмен работников по всем основным направлениям украинизации (для партийно-советского и административного аппарата, правоохранительных и судебных органов, и, наконец, образовательных и культурно-просветительных учреждений разного уровня). Таким образом, был задействован весь государственный механизм, чтобы добиться видимых позитивных результатов практически с нуля.

С одной стороны, во многом это был вполне закономерный объективный процесс, истоки которого следует искать в развитии украинского национального движения после Февральской революции и в период образования независимой Украины в 1918 году, когда, например, часть южных и юго-западных уездов Курской и Воронежской губерний была присоединена к Украинской державе гетмана П. П. Скоропадского, и здесь политике советской украинизации предшествовала так называемая национальная («петлюровская») украинизация 1917—1918 гг.

Еще в 1917 году лидеры украинского национального движения первыми заговорили о Слобожанщине, как об особом националь-

но-культурном и экономическом регионе, который должен включать в себя не только украинскую часть Слободской Украины (Харьковская губерния), но и российскую (южные уезды Курской и Воронежской губерний). 25 мая 1917 г. в Острогжске Воронежской губернии состоялся первый украинский уездный съезд, на который прибыли представители 15 волостей, товарищества «Просвіта» и кооперативов. На съезде было решено связаться с Харьковом как центром всей Слобожанщины, приступить к подготовке украинизации народных школ и признать украинский желто-блакитный флаг¹. Чуть позже 26 августа в Острогжске совместно с делегатами от Валуйского уезда открылся украинский Национальный съезд, который принял обращение к Временному правительству и Украинской Центральной Раде. В нем подчеркивалось, «что разделение Украины и непризнание Слобожанщины есть контрреволюционный путь, съезд протестует и настаивает, чтобы украинская часть Слобожанщины была присоединена к автономной Украине»². Осенью 1917 г. в Воронеже была образована украинская «Громада», насчитывавшая до трехсот членов, которая просуществовала около года, после чего была закрыта большевиками. А в октябре 1917 г. отдел народного образования Воронежского губернского земства разослал во все уездные земские управы запрос о возможности и желательности украинизации школ с детьми малороссов. Положительные ответы были получены из Острогжского и Бирючанского уездов. В декабре того же года вопрос о возможном присоединении Валуйского уезда к Украине рассматривался на чрезвычайной сессии уездного земского собрания. Возможность и даже необходимость такого присоединения никем не отрицалась в силу ряда этнографических, экономических и территориальных причин³.

Крайне нестабильная политическая ситуация, сложившаяся в конце 1917 — начале 1918 года, привела к тому, что территория Слобожанщины постепенно становится демаркационной линией, разделившей Советскую Россию и независимую Украину. 3 марта 1918 года большевики подписали Брест-Литовский мирный договор с Германией и её союзниками, по условиям которого Советская Россия обязывалась немедленно заключить мир с Украинской Народной Республикой и признать мирный договор между этим государством и державами Четвертого союза. Однако необозначенность каких-либо территориальных рамок оккупации в огромной полосе от Брест-Литовска до Чёрного моря, а также отсутствие границ между независимой Украи-

ной и РСФСР были использованы германским командованием для расширения своей военной экспансии на восток. Германские войска в качестве союзника правительства Центральной Рады, а затем гетмана П. П. Скоропадского стали занимать юго-западные и южные уезды Курской и Воронежской губерний, населенные преимущественно украинцами.

Весной-летом 1918 года с помощью германских штыков Грайворонский, большая часть Белгородского и Обоянского, несколько волостей Корочанского и Новооскольского уездов Курской губернии, а также часть Валуйского и Острогожского уездов Воронежской губернии, включая такие крупные уездные центры, как Белгород, Валуйки и Грайворон, оказались в составе Украинской державы. В административном отношении они были включены в Харьковскую губернию, что нашло отражение в приказе Харьковского губернского старосты № 13 от 20 июня 1918 г. В нем указывалось: «Постановлением Министерства Внутренних Дел 15-го сего июня в мое управление, как Харьковского старосты, поступают следующие уезды Курской губернии: Суджанский, Грайворонский, Белгородский, Корочанский и Новооскольский»⁴.

В апреле-мае 1918 года власть большевистских Советов на всей Слобожанщине была ликвидирована, а законы большевиков отменены. Короткое правление украинских комиссаров Центральной Рады сменилось властью повитовых (уездных) старост, которые должны были представлять интересы правительства гетмана П. П. Скоропадского на местах. Новые украинские власти старательно копировали образцы дореволюционной бюрократии. «Прежние губернаторы были переименованы в губернские старосты, а уездные начальники — в повитовых. Полиция стала называться державной вартой. Основные должности занимали те же лица, что и до революции»⁵.

В ликвидации революционной власти Советов и возвращении к существовавшим многие десятилетия в царской России традиционным органам управления в центре и на местах мирный обыватель должен был увидеть восстановление спокойствия и порядка, тем более, что оберегать этот порядок должны были «доблестные» германские войска. «Очищение города и части уезда от разбойничьих большевистских банд, происшедшее под давлением немецко-украинских войск, принятое за присоединение к Украине, было встречено с нескрываемой радостью», — сообщали в своем обращении к гетману П. П. Скоропадскому весной 1918 года власти г. Белгорода и уезда. «В дни неопикуемой граж-

данской войны и насилий, чинимых большевистской властью, до населения г. Белгорода и его уезда донеслась радостная весть о зарождающихся началах государственной жизни и порядка на Украине. Люди, измученные внешней войной, истерзанные и обездоленные внутренними распрями и насилиями, с надеждой и тревогой стали прислушиваться ко всякой вести, идущей из Киева»⁶. Девять из четырнадцати волостей Белгородского уезда высказались за присоединение к Украине. По мнению представителей белгородских властей, такое решение было вызвано тем неоспоримым фактом, что в религиозном, бытовом, культурном и экономическом отношениях оно тесно связано с Украиной вообще и Харьковщиной в частности⁷.

Ту же мысль проводили в своей докладной записке на имя Министра иностранных дел Украинской державы землевладельцы Курской губернии С. Сергеев и Б. Евреинов. Они указывали на тот факт, что в Курской губернии многовековое мирное сожительство великороссов и украинцев привело к образованию многочисленных этнических групп среднего переходного типа, который по языку и своему характеру гораздо более близок к Харьковскому украинцу, чем к Орловскому великороссу⁸.

На Слобожанщине, как и на всей территории Украины, киевские власти уже в апреле-мае 1918 г. начали активно проводить политику украинизации. В это время советские газеты сообщали, что в занятых немцами и гайдамаками местностях Курской губернии отдан приказ в 4-х месячный срок изучить украинский язык. Не исполнившие этого приказа подлежали увольнению с занимаемых должностей, как саботажники.

Полнее и ярче всего процесс украинизации 1918 года отразился на системе народного образования, особенно после того, как 1 августа гетман П. П. Скоропадский утвердил закон об обязательном изучении во всех средних учебных заведениях, учительских семинариях и институтах, украинского языка, а также литературы, истории и географии Украины. В результате все учителя Грайворонской женской гимназии подали председателю педагогического совета записки, в которых указывали, что в будущем учебном году они не могут вести преподавание своих дисциплин, так как не знают украинский язык. А чуть позже педсовет постановил ходатайствовать перед попечительским советом гимназии «об ассигновании потребной суммы на оплату переводчика циркуляров с украинского на русский язык»⁹. Несколько лучше об-

стояли дела в мужской гимназии, где на новые должности преподавателей украинского языка, литературы, истории и географии Украины были представлены лица, прошедшие специальные курсы летом 1918 года в Харькове. В сентябре грайворонские гимназии стали выписывать журналы «Вільна українська школа» и «Книгарь», а в конце этого же месяца преподаватели гимназий принимали присягу «на вірність Українській Державі» и утверждали ее собственноручной подписью. Лица, которые отказывались ее принять, не принимались на службу, а те, кто уже находился на таковой, подлежали увольнению¹⁰.

В это же время действует Кубанская украинская национальная рада, Законодательная Рада на Кубани принимает целый ряд решений, направленных на развитие украинского языка и украинской культуры. Активизируются связи Кубани с независимой Украиной: многие представители Кубанской Рады входили в состав Центральной рады Украины, весной 1918 г. велись переговоры о присоединении Кубани к Украине на федеративной основе¹¹. Столь же сильным было украинское национальное движение на Дальнем Востоке. Так, в связи с образованием в январе 1918 г. УНР делегаты III Украинского Дальневосточного съезда, который проходил в апреле 1918 г. в Хабаровске, поднимают вопрос о провозглашении Дальнего Востока колонией независимой Украины¹².

Несмотря на то, украинское национальное движение потерпело поражение в вооруженной борьбе с большевиками, практически на всей территории УССР и во многих регионах Советской России, где компактной массой проживало украинское население, в 1920–1924 гг. продолжалась стихийная народная украинизация, зачастую неконтролируемая советской властью.

Большевистская Россия ответила на вызов поднимающегося национального движения бывших окраинных народов Российской империи систематическим содействием национально-культурному строительству нерусских народов и развитию их национального самосознания. На наш взгляд, вполне справедливо говорить о своеобразной «национальной реформе», которая нашла свое отражение в череде реформ в годы НЭПа, наряду с кредитно-финансовой, военной и др. Смысл ее заключался в том, чтобы предоставить бывшим окраинным народам, вновь объединенным под властью большевиков в единое государство, своего рода культурно-национальную автономию, реальную возможность развивать свои национальные языки и культуру. В связи с этим в автономных республиках, краях, областях и губерниях РСФСР,

где, кроме русского населения, проживали представители других национальностей, отнесенные к национальным меньшинствам, стали активно проводить работу по украинизации, белорусизации, карелизации, мордвинизации, татаризации и т.д., направленную на удовлетворение общественно-политических, экономических и культурных потребностей представителей этих народов.

Украинизация, проводившаяся, главным образом, среди украинцев-селян, должна была способствовать советизации села, которое в первой половине 1920-х годов еще не было в полной мере таковым. «Украинское крестьянство Воронежской, Курской (губерний) и Кубани до сего времени не является вполне «советским» вследствие того, что вся политико-просветительная работа ведется на русском языке, отчего создается недоверчивое отношение к работникам, на которых смотрят, как на чуждый, пришлый элемент, т.е. как на руссификаторов»¹³, — говорилось в одном из документов того времени. После состоявшегося в апреле 1923 года XIII съезда РКП (б), который положил начало политике коренизации партийно-государственного аппарата и объявил первоочередной задачей партии решительную борьбу с пережитками великорусского шовинизма, на территории РСФСР, прежде всего на Кубани и в губерниях Центрального Черноземья (русская часть Слобожанщины) стала набирать силу вторая волна украинизации, на этот раз советская.

По мнению американского исследователя Терри Мартина, такая активная национальная политика большевиков (в советской историографии получившая название коренизации) должна была предотвратить возникновение потенциальной опасности — национализма нерусских народов. Центральное место в эволюции советской национальной политики принадлежало Украине. Украинский вопрос стал играть ту же роль, какую в дореволюционной России играл вопрос польский¹⁴. В украинском политическом дискурсе 1920-х гг. УССР стала рассматриваться в качестве нового Пьемонта, которому предстояло стать центром объединения для всех украинцев, и не только западных, проживавших за границей, на территории соседней Польши, Чехословакии и Румынии, но и в РСФСР (Кубань, Центральное Черноземье, Западная область, Нижнее Поволжье, Сибирь, Дальний Восток).

Поэтому, с другой стороны, рассматривая проблему украинизации на территории РСФСР, можно, по-видимому, говорить о том, что украинизация в РСФСР и признание за украинцами России статуса национального меньшинства носили во многом случайный, субъектив-

ный характер и оказались возможны лишь благодаря успехам аналогичной политики на территории собственно Украины и той финансовой и культурной помощи, которую оказывало правительство Советской Украины украинцам России. (Например, в начале 1930-х гг. руководство Дальнего Востока рассчитывало, что 30% необходимых ему учителей для украинских школ приедут с Украины.) На протяжении всех 20-х гг. руководители Советской Украины пристально следили за тем, как решается украинский вопрос в Курской и Воронежской губерниях. Так, например, нарком просвещения Н. А. Скрыпник всячески доказывал, что никакой украинизации в южных уездах Центрального Черноземья не проводится. Заботясь о местном украинском населении, которое, по его мнению, подвергается русификации, Скрыпник в начале 1930-х заявлял: «Если в Ц. Ч. О. не обращают преимущественного внимания на разрешение украинского национального вопроса, на культурное и экономическое поднятие украинцев в Ц. Ч. О., то это свидетельствует о наличии там российско-великодержавного шовинизма»¹⁵. Украинская сторона, чтобы активизировать политику украинизации на территории РСФСР, всячески подчеркивала угрозу со стороны «петлюровских элементов», которые готовы взять в свои руки руководство культурным процессом среди украинцев России. «У контрреволюционных, шовинистических элементов на Украине момент недообслуживания украинского населения в РСФСР занимает одно из значительнейших мест»¹⁶, — заявлял в своем выступлении перед делегатами II Всероссийского совещания уполномоченных по работе среди нацменьшинств (май—июнь 1928 года) руководитель нацменовской работой в УССР Саулевич.

Кроме того, не стоит забывать, что до революции в русском общественном мнении и в сознании значительной части бюрократии малороссы/украинцы не воспринимались отдельным от русских народом, в обществе и правительственных кругах господствовало представление о единой русской нации, включавшей в себя всех восточных славян Российской империи. В связи с этим в дореволюционной России не существовало ни отдельной украинской школы, ни украинской печати и т.д. Но проект общерусской нации, который стал активно продвигаться российской бюрократией еще с середины XIX в., не сошел со сцены даже после победы большевиков и начала осуществления политики украинизации в 1920-е гг. Инерция была особенно сильна на территории РСФСР, где местное украинское население, проживавшее

в русских губерниях, упорно отказывалось признавать себя «украинцами». Оно именовало себя «хохлами», «малороссами», «перевертнями». Здесь, на русско-украинском пограничье (Кубань, ЦЧО), процессы естественной ассимиляции среди украинского/малороссийского населения России проявлялись ярче всего. На протяжении столетий проживая в русскоязычной среде и прекрасно владея русским языком, этнические украинцы отнюдь не всегда желали обучаться на родном украинском языке, так как многие жизненные перспективы в этом регионе (возможность продолжить обучение в вузе, получить престижную работу и т.д.) традиционно были связаны с русским языком. Мероприятия советской власти по украинизации начальных школ, внедрению украинского языка и т.д. на первом этапе в 1922–1925 гг. воспринимались многими партийными и советскими руководителями на местах, как петлюровщина и контрреволюция. Документы тех лет свидетельствуют о том, что главным препятствием на пути советской украинизации было то, что «ввиду прошлой политики царского режима украинская национальность не была признана, определялась названием «мазепинства», «сепаратизма», «самостийничества» и прочее», а вопрос о создании украинской школы являлся «новым и не всегда правильно понятым явлением революции». В делах за 1922 год сохранились проекты циркулярных писем и распоряжений Совета по просвещению национальных меньшинств (Совнацмена) Наркомпроса РСФСР областным и губернским отделам народного образования по вопросам обучения украинцев, проживающих на территории РСФСР, на родном украинском языке. В одном из них говорилось: «Культурно-просветительные стремления украинского населения считаются шовинизмом, сепаратизмом и пр. Ввиду вышеизложенного НКП считает себя обязанным указать областным и губернским отделам народного образования, в пределах которых живут украинцы (под названием хохлов, малороссов, казаков), на необходимость устранения отрицательного отношения к культурно-просветительным нуждам украинского населения и принять меры к созданию нормально-правильных условий работы»¹⁷.

По мнению ведущего российского специалиста по данной проблеме Е. Ю. Борисенок, успехи украинизации, как на Украине, так и в России, в конечном итоге определялись двумя факторами: административным напором чиновников и степенью готовности самого населения воспринимать нововведения¹⁸. Как нам представляется, в свою

очередь эти два фактора находились в зависимости еще от одной составляющей — этнонациональной. Дело в том, что данная политика проходила на фоне двух взаимоисключающих/разнонаправленных процессов: с одной стороны, начавшегося с к. XIX в. процесса ассимиляции и руссификации¹⁹, а с другой стороны, набравшего силу процесса формирования украинской нации и украинского национального самосознания. Однако, последний процесс был еще очень далек от своего завершения. «Ведь «украинцев» еще предстояло создать, еще предстояло внушить населению Малороссии, Новороссии, Волыни, Подолья, Слобожанщины, Приазовья украинское национальное сознание, распространить украинскую идентичность»²⁰, — к такому выводу приходит А. В. Марчуков, занимающийся изучением украинского национального движения в УССР в 1920-е-30-е гг.

Безусловно, ярче всего процессы ассимиляции проявлялись среди украинского/малороссийского населения России. Так, например, отказ от украинизации Прохоровской волости Белгородского уезда Курской губернии, где по переписи 1926 года 49,39 % населения числились украинцами, уездные власти объясняли тем, что украинцы эти числятся таковыми только лишь на бумаге, «фактически же все они настолько обрусели и из поколения в поколение настолько свыклись с русской речью, что последняя каждому украинцу стала родной речью, тогда как чисто украинская литературная речь совершенно чужда и непонятна». — «Практикуемая населением в общежитии речь Слободской Украины мало имеет общего с литературным украинским языком. Терминов последнего украинское население волости без пропуска его полностью через серьезную украинскую школу никогда не усвоит. Да и в школе язык этот может быть усвоен не легче, чем какой-либо иностранный, например, немецкий, так как терминология того и другого одинаково незнакома. Разница лишь только в том, что последний изучался бы с охотой...»²¹. В докладе Валуйского уездного исполнительного комитета о работе по украинизации в уезде сообщалось, что украинский язык прививается не совсем хорошо, так как в украинском языке имеются слова, которые еще непонятны крестьянам. «Понятие же населения о литературном украинском языке слабое, поэтому работники ВИКов и сельсоветов в своих обращениях с ним (дача отчетов, докладов, а также разъяснений) применяют местное слобожанское наречие, если же говорить на чисто украинском языке, то он для них бывает не совсем понятным»²². Точно так же в мае 1930 года в докладной

записке областной комиссии, проводившей проверку выполнения директив о ходе украинизации в ЦЧО, было указано, что нередко случаи, когда граждане, украинцы по происхождению, выносят постановления против проведения украинизации (село Богдановское Новохоперского района) или относятся к этому вопросу с иронией, считая себя суржиками или перевертнями, которые ничего общего не имеют с украинцами²³.

Так же здесь чрезвычайно слаба была украинская интеллигенция — главный носитель украинской национальной идеи. «Национальная интеллигенция, я буду говорить в большинстве случаев об украинской, еще только нарождается», — сообщалось в докладе заведующего центральным украинским бюро Совета по просвещению национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР П. С. Шафрана, который в апреле 1925 года побывал с инспекторской проверкой в Валуйском, Острогожском и Россошанском уездах Воронежской губернии. — «Прежняя украинская интеллигенция настолько русифицирована, что ее нельзя причислить к нацменовской. Проводником украинской культуры является только пока учительство. Все украинские учителя на 85—90% жители сел и деревень (дети крестьян) и работают среди того же крестьянства, а потому они не могли так русифицироваться, как остальная часть украинской интеллигенции»²⁴. Но если украинизация школ I степени проходила довольно успешно, то вопрос с педагогическими кадрами для школ повышенного типа (не говоря уже о техникумах и вузах) стоял довольно остро. Контингент учителей в них был представлен педагогами с дореволюционным стажем, которые, в основной своей массе, были противниками украинизации. «Переподготовка их проходит значительно труднее, так как с их стороны встречается пассивное сопротивление»²⁵, — говорилось в докладной записке областной комиссии, проводившей в мае 1930 года проверку выполнения директив центральных и местных органов власти о проведении украинизации в ЦЧО.

В связи с этим, государственная политика украинизации в РСФСР, особенно на первых этапах в 1923—1928 гг., всячески тормозилась, причем не последнюю роль в этом играли местные органы власти, ссылавшиеся при этом на имевшую место быть ассимиляцию. Так, в августе 1925 г. в отношении Воронежского ГубОНО в Президиум губисполкома по вопросу о просвещении на родном языке среди украинцев Воронежской губернии указывалось, что значительная часть работников

местных советских органов не склонна отличать особенности населения украинской национальности, утверждая, что таковое в Воронежской губернии достаточно русифицировано²⁶. То же отмечал и инспектор Отдела национальностей ВЦИКа З.С. Островский, побывавший в конце 1927 г. в Курской губернии. «К сожалению, в Курской губернии, как и во многих других местах СССР, где еще окончательно не изжиты остатки великорусского национализма, и где нередко наблюдается головоупячество отдельных руководящих товарищей, установилась точка зрения, что украинцы, мол, не являются нацменьшинством, что они, якобы, окончательно ассимилировались среди русского населения, что они отлично владеют русским языком и т.д., а посему не нуждаются ни в каком особом обслуживании на родном языке»²⁷. Поэтому местное украинское население зачастую высказывалось против проведения украинизации, что сводило на нет все украинизаторские усилия местных властей.

Когда в декабре 1929 г. в Грайворонском районе Белгородского округа ЦЧО был обследован Грайворонский украинский педтехникум, то уполномоченный по делам нацмен Галицкий пришел к выводу о том, что в сознании и педагогов и учащихся отсутствует понимание того, что им необходимо распространять и внедрять украинскую культуру среди местного украинского населения. Вместо этого украинская мова является в техникуме «как бы официальной вежливостью» и только. «Учащиеся педтехникума (за исключением отдельных групп) разговор ведут на русском языке, как в стенах педтехникума, общежития, так и вне его. Обычное явление, когда на лекциях, учебных конференциях, собраниях, совещаниях и т.д. слышишь русскую речь»²⁸. Поэтому, заключает Галицкий, вовсе не случайно, что не только отдельные граждане, но и руководящие работники района и общественность, видя такое положение в украинском педтехникуме, который должен был стать связующим центром в деле украинизации в округе, называют все это не иначе, как комедией с украинизацией.

Наконец, когда в начале 1930-х гг. на селе начался процесс сплошной коллективизации крестьянских хозяйств и ликвидации кулачества как класса, то политика украинизации на территории РСФСР вновь стала набирать свои обороты. На этот раз она должна была стать одним из инструментов в деле успешного проведения сплошной коллективизации. Вместе с тем, с началом перехода к строительству социализма и социалистической реконструкции сельского хозяйства меняются

приоритеты в реализации политики украинизации: резко усиливается ее классовый момент и затушевывается национальный. Поэтому важнейшей задачей в деле коренизации становится выдвигание пролетарских национальных кадров, которые должны возглавить строительство культуры, национальной по форме, но социалистической по содержанию.

По мнению И. И. Шульги, в Поволжье отношение местных властей к украинскому вопросу стало меняться только в 1929 году и было связано с тем, что в национальных районах большевикам необходима была поддержка беднейшего крестьянства в борьбе с кулачеством, с одной стороны, а с другой стороны, низкая эффективность политико-разъяснительной работы на русском языке в национальных украинских районах препятствовала быстрому созданию здесь колхозов. В одном из своих выступлений ответственный работник Нижне-Волжского крайкома Бергер отмечал: «Проблема украинизации в Нижне-Волжском крае особенно остро выдвигается сейчас в связи с развертыванием социалистического переустройства села. Кулачество в украинской деревне сильнее по своему удельному весу, чем в русской»²⁹.

Краевое совещание групп бедноты из украинцев Нижне-Волжского края и украинских учителей, состоявшееся 21 января 1930 года, в своем постановлении заявило, что: «Решительный перевод всей работы в украинском селе на родном языке населения значительно подвинет активность трудящейся массы украинцев, особенно бедноты и батрачества, нанесет чувствительный удар великодержавному шовинизму, разобьет попытку украинского кулачества создать единый национальный фронт, что обеспечит скорейшее развертывание социалистической перестройки украинского села»³⁰.

Отдельные участники этого совещания связывали напрямую вопрос украинизации и успешное поведение коллективизации в крае. Так, Клименко говорил о том, что «нужно переводить работу на украинский язык, как культурно-просветительную, так и административную, тогда коллективизацию мы закончим быстрее». А Спыця указывал на то, что «необходимо, нужно издавать специальную газету или же иметь «украинскую страничку» при «Советской деревне» — это скорей послужит тому, что кулачество как класс уничтожим»³¹.

Осенью 1930 года Президиум облизполкома ЦЧО своим постановлением дал указание районным исполнительным комитетам (рикам) «развернуть широкую политическую кампанию по разъяснению клас-

совой сущности проводимой украинизации, увязывая ее с разрешением текущих политическо-хозяйственных задач». Кроме того, в нем указывалось на необходимость усилить руководство сельсоветами, кооперативными и общественными организациями в проведении ими всех практических мероприятий по украинизации. Так, «торгующим и заготовительным организациям как государственным, так и кооперативным, необходимо обеспечить проведение в украинизируемых районах всех операций по приему и сдаче хлеба, по контрактации и заготовкам на украинском языке, подобрав для этого необходимые кадры работников и обеспечив в их аппаратах руководство этой работой»³².

Советская украинизация, проводившаяся в 1920-е — 1930-е гг., выступила, с одной стороны, в качестве своеобразного механизма в регулировании русско-украинских взаимоотношений на территории, прежде всего, Кубани и Центрального Черноземья РСФСР, а, с другой стороны, она явилась мощным фактором, стимулировавшим формирование украинского национального самосознания среди малороссийского населения, проживавшего на всей территории России.

Кризис хлебозаготовок 1932/33 года, завершившийся «Кубанским делом» и свертыванием украинизации на территории РСФСР, объяснялся с точки зрения национального фактора. По мнению властей, он возник в результате противодействия, которое оказывали хлебозаготовкам предатели в советском и партийном аппарате, многие из которых получили свои должности благодаря политике украинизации. Кампания террора 1933 г. на Украине и Кубани означала отказ от Пьемонтского принципа. К этому времени трансграничные этнические связи украинцев стали вызывать все большее опасение у сталинского режима. Они могли быть использованы не только для того, чтобы распространить коммунистическое влияние на сопредельные государства (украинцев Польши), но и для того, чтобы распространить украинский национализм на пограничные с УССР советские республики, и прежде всего на центральные области РСФСР, где проживало многомиллионное украинское население³³.

Отказ властей от политики украинизации на территории РСФСР не вызвал никакой негативной реакции со стороны украинцев России. По сути, на протяжении всего десятилетия с 1923 по 1932 год, когда проводилась украинизация, большая часть населения оставалась в роли пассивного наблюдателя и была абсолютно равнодушна к этой политике. Чего нельзя никак сказать, например, в отношении полити-

ки коллективизации сельского хозяйства и раскулачивания крестьян, которая оказала колоссальное влияние на традиционный уклад и менталитет местного крестьянского население, в том числе украинцев.

¹ Цит. по: Сергійчук В. І. Українська соборність. Відродження українства в 1917–1920 роках. – Київ, 1999. С. 150.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Государственный архив Белгородской области (ГАБО) Ф.81. Оп.1. Д.180. Л.1.

⁵ Федюк В. П. Украина в 1918 году. Гетман П. П. Скоропадский. — Ярославль, 1993. С. 27.

⁶ Цит. по: Сергійчук В. І. Указ.соч. С. 162–163.

⁷ Там же. С. 163.

⁸ Там же. С. 166.

⁹ ГАБО. Ф.82. Оп.1. Д.121. Л.40об., 44об.

¹⁰ Там же. Л. 53 об.-54, 241.

¹¹ Подробнее см.: Васильев И. Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. — Краснодар, изд-во: «Кубанькино», 2010.

¹² Черномаз В. А. Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.): — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009

¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А — 296. Оп. 1. Д. 132. Л. 5.

¹⁴ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939/Т. Мартин;(пер. с англ. О. Р. Щелковой). — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. С. 41.

¹⁵ Цит. по: Марчуков А. В. Украинское национальное движение: УССР. 1920–1930-е годы: цели, методы, результаты. М., 2006. С. 413.

¹⁶ Совещание уполномоченных по работе среди нацменьшинств при ЦИКах автономных республик, областных, краевых и губернских исполнительных комитетах, 1928 г. : Стенографический отчет. М., 1928. С. 389.

¹⁷ ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 30. Лл. 3–3об.

¹⁸ Борисенок Е. Ю. Советская украинизация в региональном измерении./Белоруссия и Украина: История и культура / Ин-т славяноведения. — М.: Наука, 2003. С. 224.

¹⁹ Более подробно о процессах ассимиляции и русификации в отношении украинского населения см.: Миллер А. Россия и русификация Украины в XIX веке; Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Рос-

сийской империи./Россия — Украина: история взаимоотношений. Отв. редакторы: Миллер А. И., Репринцев В. Ф., Флоря Б. Н. М., 1997.

²⁰ Марчуков А. В. Указ. соч. С. 26.

²¹ ГАРФ. Ф.Р. — 1235. Оп. 123. Д. 199. Л. 215 об; Л.67.

²² Там же. Оп. 122. Д. 55. Л. 159 об.

²³ Там же. Оп. 123. Д. 199. Л. 67.

²⁴ Там же. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 94. Л. 6.

²⁵ Там же. Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 199. Л. 65.

²⁶ Там же. Оп. 120. Д. 36. Л. 72.

²⁷ Там же. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 360. Л. 30.

²⁸ Там же. Ф. Р-1235. Оп. 125. Д. 192. Л. 91.

²⁹ Шульга И. И. «Украинский вопрос» и большевицкая власть в Нижнем Поволжье (1923—1933 гг.)//Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития: материалы Международной научно-практической конференции. — Киев — Москва — Уфа: Изд-во Уфимского филиала МГГУ им. М. А. Шолохова С. 141.

³⁰ Островский З. С. Проблема украинизации и белоруссизации в РСФСР. М., 1931. С. 42.

³¹ ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 23. Д. 1352. Л. 43—43 об.

³² Островский З. С. Указ. соч. С. 74.

³³ Мартин Т. Указ. соч. С. 402—403.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ РОССИИ В УКРАИНЕ: ЦЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Еще несколько лет тому назад сказать что-либо о целях и результатах борьбы России за влияние в Украине было очень трудно. События двух последних лет дают возможность это сделать.

Начнем с того, что исследования, проведенные недавно украинским Центром Разумкова, показали, что политический класс, чиновники, экспертное сообщество и журналисты считают, что за два года, прошедшие после избрания Президентом Украины Виктора Януковича Украина оказалась под сильным политическим влиянием России¹.

Так ли это?

Пока что никем не доказано, что усиление российского политического влияния в Украине является благом для России и, тем более, для Украины. Но, если это так, то это можно было бы считать одним из немногочисленных, увы, наших дипломатических успехов.

К сожалению, наше исследование этого не подтверждают.

Российское политическое влияние в этом новом независимом государстве за последние двадцать лет — с разной скоростью в разное время — уменьшалось и сегодня является минимальным, остаточным по отношению к любому (это следует подчеркнуть) из всех предшествующих периодов нового времени.

Я попробую это проиллюстрировать и обосновать с исторической, экономической, политической точек зрения и с точки зрения национальной безопасности.

Во-первых, не должно вводить в заблуждение несколько хаотическое состояние украинской политической жизни. При всех трудностях, порой очень значительных, вызванных объективными обстоятельствами и политическими ошибками, украинское государство состоялось. В Европе появилась «новая» страна с территорией в 603,7 тыс. км. кв. (5,7% территории Европы) и населением более 45 млн человек.

Никакого обратного ненасильственного движения — к общей государственности целиком или отдельными частями — быть не может. Может быть длительная, управляемая, равноправная и взаимовыгодная экономическая интеграция. Примерно так же, как это было (во всяком

случае до недавнего времени) со всеми без исключения успешными интеграционными проектами, например, Союзом угля и стали, Европейским экономическим сообществом, Европейским Союзом. То есть, образно говоря, возможно и желательно относительно длительное движение параллельными согласованными курсами по бурному морю современных глобальных экономических и политических процессов к общей цели — модернизации, новому состоянию общества, соответствующему современным требованиям и вызовам.

С исторической точки зрения, администрация Б. Ельцина, используя украинский фактор в борьбе с М. Горбачевым, затем в значительной степени потеряла интерес к Украине, уповая на ее экономическую зависимость и гарантированное этим сильное на нее влияние. Убедившись к 1993 году, что это не так, она последовательно делала ставку на лидера (Л. Кучма против Л. Кравчука), на т.н. Большой договор 1997 г., на партии, заявлявшие о своей пророссийской ориентации, (парламентские выборы 1998 г.), на многосторонние интеграционные проекты с «контрольным пакетом акций» у себя (СНГ, ЕвАзЭС, ЕЭП). Неизменным было единственно отношение к Украине как к зависимому от России младшему партнеру, обреченному следовать в фарватере российской политики. Объективно, между тем, влияние России в Украине продолжало уменьшаться.

Администрация В. Путина попыталась преодолеть растущую отчужденность и сменить тональность двусторонних отношений, проведя Год Украины в России (2002) и Год России в Украине (2003), сумев вовлечь находившегося в трудном политическом положении Президента Украины Л. Кучму в проект ЕвАзЭС, согласовав взаимные интересы в использовании российской и украинской трубопроводных систем и т.п. Казалось бы, наметился поворот в российско-украинских отношениях, однако непонимание происходивших в соседней стране процессов привело к излишне активному вмешательству в президентские выборы 2004 г. на стороне одного из двух главных претендентов — В. Януковича. А проигрыш последнего — к переходу к политике давления на Украину: беспрецедентная пропагандистская кампания, т.н. «газовые войны», ограничения в торговле, высказывания российских официальных лиц и т.п.

У Российской администрации были основания для беспокойства и критики украинских партнеров, но в силу не выясненных до конца причин все в конечном счете вылилось в полное замораживание отно-

шений на высшем уровне и стремление добиться замены одного украинского лидера на другого. Трудно сказать, что сыграло большую роль, российская политика или собственные политические ошибки команды В. Ющенко, но в 2010 году политическая цель, к которой стремилось российское руководство, была достигнута — Президентом Украины был избран Виктор Янукович.

При всей значимости поворота, происшедшего в украинской политике с избранием Президентом Украины В. Януковича, трудно пока что сказать что-нибудь определенное о том, куда он приведет Украину и российско-украинские отношения. Произведенное на удивление легко и быстро сосредоточение всех рычагов государственной власти в одних руках пока что не дает возможности говорить о том, для чего такая концентрация власти может быть использована. Равно как и российско-украинские отношения после бурного старта весной 2010 г., вопреки оптимистическим прогнозам и обещаниям, пока что особой динамики не демонстрируют.

С экономической точки зрения, разрыв существовавших в СССР товарных потоков и производственных цепочек, изменение направлений традиционной миграции рабочей силы был неизбежным следствием политического решения, принятого без должного изучения его последствий², — государственного разделения в 1991 году, в очень малой степени сопровождалось установлением торговых и производственных связей на новой рыночной основе. Государства — и российское, и украинское — в силу своей слабости и, мягко говоря, не адекватных времени представлений о роли государства в рыночной экономике от этой деятельности фактически устранились. Анализ многочисленных двухсторонних документов по торгово-экономическому сотрудничеству свидетельствует об их декларативности, а новые же хозяйствующие субъекты в обеих странах, как и следовало ожидать, руководствовались не национальными интересами, а исключительно соображениями прибыли.

В этих условиях уже к 1998 году разделение хозяйственных комплексов и финансовых систем в России и Украине фактически завершилось, о чем свидетельствовало относительно слабое влияние российского финансового кризиса на Украину. После кризиса, правда, экономический рост в обеих странах ускоряется, что, казалось бы, свидетельствует об обратном — сильной остаточной взаимозависимости. Отчасти это так, но примерно в это время пути их экономического раз-

вития начинают отчетливо и резко расходиться. В Украине относительный рост доходов и уровня жизни в 1999–2004 гг. происходит, в первую очередь, за счет развития мелкотоварного производства, а в Российской Федерации — за счет эксплуатации природных ресурсов и, прежде всего, за счет роста добычи и экспорта энергоносителей — нефти и газа. Кстати, именно в этом, а не в происках недоброжелателей, коренятся истинные причины т.н. «оранжевой революции» и, мягко говоря, неадекватной реакции на нее в России.

Как следствие, согласно упоминавшемуся уже социологическому исследованию, именно в этом 2011 году произошел перелом в долгосрочной тенденции преобладания в украинском обществе настроений в пользу экономической интеграции в восточном направлении. Впервые за все время проведения подобных исследований, большинство опрошенных политиков и экспертов в Украине отдали предпочтение ориентации на ЕС, а не на Россию. Самые большие перемены произошли в Центральном регионе Украины, который при относительной стабильности противоположных настроений в юго-восточных и западных областях предопределял доминирующую тенденцию³.

С политической точки зрения, возвратившись к уже упоминавшимся нами событиям осени 2004 — зимы 2005 года — т.н. «оранжевой революции»⁴, отметим, что в силу слабой изученности происходивших в Украине процессов, в этих событиях многие в России увидели лишь политическую интригу, направленную на ослабление российского влияния в Украине. Отчасти так оно и было. Но куда важнее ответить на вопрос о том, почему такая «интрига» стала вообще возможной и в чем-то успешной, во всяком случае на какое-то время.

Произошло это, на наш взгляд, потому, что к этому времени вполне проявились некие новые альтернативы развития Украины. Экономической стороны этого вопроса мы уже касались. Политически же возникла большая внутренняя неопределенность, не преодоленная и по сей день. Новые политические задачи не только не были решены, но даже не были удовлетворительно сформулированы и поставлены в актуальную политическую повестку дня в Украине.

Неуклонное, хотя и неравномерное, снижение российского влияния в Украине было, на наш взгляд, обусловлено тем, что объективно оно не только не помогало Украине увидеть и понять задачи нового этапа своего государственного строительства, но и мешало это делать. И тут уж никакая интенсивность встреч на высшем поли-

тическом уровне и умножение совместных проектов ничего исправить не могут.

В течение всего исследуемого нами периода российско-украинских отношений два важнейших для более тесного сотрудничества условия — последовательный либерализм и демократизм во внутренней политике, с одной стороны, и соответствующая взаимная внешнеполитическая ориентация, с другой, ни разу не соединились в одном влиятельном политическом субъекте — ни в Российской Федерации, ни в Украине.

Российская украинская политика, при ближайшем ее рассмотрении, сводится к тому, чтобы иметь максимум влияния при минимуме затрат. Суверенная Украина это, конечно, выдумка украинофилов и русофобов, — убеждены российские политики, — но ее существование терпимо и даже в чем-то удобно, пока она ничего не просит, ни в чем не противоречит и не подает «дурной» пример россиянам, демонстрируя преимущества внутренней свободы и открытости миру. Это по своему рациональная и последовательная политика, но, реализуя ее, не следует рассчитывать на понимание со стороны любой украинской администрации и, тем более, на сотрудничество с ней. Что, собственно, и не требуется, судя по характеру отношений с самой «пророссийской» из всех мыслимых администрацией В. Януковича и Н. Азарова.

Бывший Президент Украины Л. Кучма выступая в феврале 2011 г. на российско-украинской экономической конференции в Киеве отметил, что широко афишированное год тому назад возобновление российско-украинского экономического сотрудничества и его ускорение, целый ряд совместных экономических проектов не реализуются. «Многие думают, что Россия в Харькове решила стратегическую задачу в том, что касается Черноморского флота, — сказал он, — а более глубокие отношения с Украиной ей не интересны... Мы даем повод для таких размышлений»⁵.

Говоря о тенденциях политического развития, не могу не обратить ваше внимание на, может быть, самый тревожный и опасный тренд в украинской политике. В ней до последнего времени было что-то очень украинское, немного опереточное. Дело Тимошенко может перевести ее в иной режим, исторически более характерный для российской политической традиции — борьбы на физическое уничтожение. Украинское влияние, начиная уже с XVI—XVII веков, традиционно смягчало это крайне неприятное, если не сказать больше, ее качество. Россий-

скому руководству следовало бы поостеречься поощрять нынешнюю украинскую администрацию в этой крайне опасной, в том числе и для России, тенденции.

«Основная опасность для Украины — сказал Алексей Гарань, — это авторитарный режим, наподобие того, что можно видеть в России или Беларуси»⁶. Наше исследование подтверждает это. Авторитарный курс работать не будет, даже в России. Если он закрепится здесь в результате предстоящих парламентских и президентских выборов, мы будем свидетелями такого же радикального расхождения политических парадигм, как и экономических.

С точки зрения национальной безопасности, понимаемой, прежде всего, как сохранение территориальной целостности страны, Россия не рассматривается ее соседями, в том числе и Украиной, как надежное средство ее обеспечения.

Дмитрий Медведев на встрече с военными во Владикавказе впервые назвал одним из последствий войны с Грузией в 2008 году то, что ни Грузия, ни другие страны, против вступления которых в НАТО выступала Россия, так и не были приняты в альянс. Какие страны Президент РФ имел в виду, не тайна — кроме Грузии еще только Украина в годы президентства Виктора Ющенко выражала намерения вступить в НАТО. Кстати, фактическое отклонение просьбы Украины в представлении т.н. ПДЧ произошло на Бухарестском саммите НАТО в апреле, а военные действия в Южной Осетии, как известно, начались только в августе.

«Если бы в 2008 году мы дрогнули, была бы уже другая геополитическая раскладка, и целый ряд стран, которые пытались искусственно затащить в Североатлантический альянс, скорее всего, были бы там»⁷.

Это заявление Президента России очевидно и значительно расходится с заявлением Начальника Генерального штаба Министерства обороны России Николая Макарова, сделанным им несколькими днями ранее — 17 ноября в Общественной палате России. «В акваторию Черного моря вошли военные корабли ВМС США, — сказал Н. Макаров, — после чего российские войска остановили свое наступление по территории Грузии»⁸.

Дело не в том, насколько хорошо информирован Д. Медведев, верит он или не верит в то, что говорит, а в том, что это еще одно свидетельство убежденности нынешнего политического руководства России, что лишь жесткая политика в отношении соседних государств и в пер-

вую очередь Украины, может быть адекватной национальным интересам России и эффективной.

Увы, опыт последних двадцати лет и упомянутого Президентом военного конфликта если о чем-то и говорит, то о том, что политика давления нисколько не добавляла России влияния ни в Украине, ни в т.н. «ближнем зарубежье». И опыт Грузии, если верить словам Н. Макарова, был и останется одним из самых сильных аргументов для руководителей этих новых государств искать защиты своей территориальной целостности где угодно, только не в России.

Итак, для российского и украинского народов, государств, созданных ими и дважды в течении одного столетия фундаментально ими переустроенных, адекватное восприятие, ясное понимание взаимозависимостей их исторических судеб — это не только научно-теоретическая проблема. От того как складываются отношения между ними, зависят темпы их продвижения к современным формам организации своей хозяйственной, общественной и политической жизни. «Цена вопроса», как принято говорить, здесь чрезвычайно велика.

Премьер-министр РФ В. Путин определил ее так: «Уровень кооперации между российскими и украинскими производителями очень часто такой, что друг без друга они просто встанут, не будут существовать»⁹.

С этим трудно не согласиться. Именно в этой практической политической значимости российско-украинских отношений и такой важной их составляющей, как российское политическое влияние в Украине состоит, на наш взгляд, главный результат и актуальность данного исследования.

Объективно, с точки зрения Украины, сегодня и политика Запада, и политика России заключена в том, чтобы держать «беременную» модернизацией Украину «на сохранении» неопределенно долго, до тех пор, пока у Запада или России не появятся финансовые и экономические возможности более решительно склонить чашу весов в свою сторону. Такую политику по отношению к Украине можно квалифицировать как концепцию «ограниченного суверенитета».

Однако, было бы ошибкой отнести все имеющиеся трудности Украины в ее международной самоидентификации на счет её внешних контрагентов. Украинская внешняя политика в эти годы представляла собой, на наш взгляд, ситуативные импровизации на темы, задаваемые сохраняющейся культурно-этнической и нарастающей социальной не-

однородностью украинского общества, а также внешними условиями. Она строилась не от потребности экономической и политико-правовой модернизации страны, а от интересов узкого социального слоя новых собственников и государственной бюрократии, колебаний внешней политической конъюнктуры и от вытекающих из этого часто очень субъективных представлений о реальных или мнимых угрозах украинской государственности.

В Киеве постоянно путают политику независимую и враждебную или даже просто недоброжелательную, на которую не реагировать Россия просто не может. Украинскому МИД явно не хватает то ли профессионализма (что вряд ли, я лично знаю много очень профессиональных украинских дипломатов), то ли стимулов, что вероятнее, для того, чтобы всякий раз смотреть на действия российской стороны именно с этих позиций.

Внешняя политика, выстроенная на этих основаниях, какое-то время — в переходный период — даже могла считаться оправданной, поскольку оставляла пространство для маневра — пресловутой украинской «многовекторности». Однако, как любое переходное состояние, она не могла длиться долго. Можно какое-то время откладывать принятие политических решений, но делать это постоянно невозможно.

Понимание этого постепенно приходит и к украинским политикам. Министр иностранных дел Украины К. Грищенко заявил: «Исходя из своей уникальной роли на европейском пространстве и внеблокового статуса, Украина будет наиболее заинтересованной стороной в том, чтобы максимально устранять какие-либо антагонизмы по линии Восток — Запад в Европе, в частности и унаследованные от холодной войны. Такая роль для Украины естественнее. Ее миссия — не разделять, а объединять»¹⁰.

В феврале 2011 г. К. Грищенко пошел еще дальше, заявив в своей статье, что «мы рассматриваем себя, как пилотный проект будущей действительно единой Европы. Точно также как Восток и Запад Украины со своими разными историческими традициями должны сблизиться, Запад и Восток континента должны превратиться из двух частей в одно целое... Нашей долгосрочной целью должно стать полное преодоление расхождений между Востоком и Западом»¹¹.

Разумеется, нет никаких гарантий того, что взгляды на пути развития Украины, тождественные приведенным выше, возобладают и сформируются в комплекс политических идей, разделяемых большей

частью украинской политической элиты. Еще большие основания есть для сомнений в том, что такая трактовка украинцами своей миссии будет приемлема для российской политической элиты. Но, если это все же произойдет, Украина превратится из фактора неопределенности в обоих контекстах — российско-украинском и общеевропейском — в фактор надежды.

Подобная эволюция образа страны, цели ее модернизации, неизбежно окажет сильное влияние в том числе и на Россию. Процессы, происходящие, точнее, не происходящие, внутри Российской Федерации и общее, пусть пока и несколько декларативное потепление российско-украинских отношений во всяком случае не исключают подобное развитие событий.

То есть, на наш взгляд, сегодня российское политическое влияние находится в самой нижней точке. Расхождение парадигм социально-экономического развития двух стран достигло своего предела. Это плохо, но, как это всегда бывает, это, одновременно, и точка, с которой начинается сближение или, по меньшей мере, свертка курса.

Забрезжил свет в конце унылого тоннеля, по которому двигались российско-украинские отношения. Идя к нему, есть смысл внимательно присмотреться к пройденному пути, освободиться от груза предубеждений, стереотипов и добросовестных заблуждений, которыми, увы, полны были эти отношения в прошлом. Этой цели и подчинено исследование, с некоторыми результатами которого я и хотел вас познакомить.

¹ URL:http://news.zn.ua/POLITICS/vneblokovyy_status_uluchshil_otnosheniya_ukrainy_tolko_s_rossiey-91949.html (последнее обращение 21.11.2011)

² В РСФСР и БССР, в отличие от УССР, и без соответствующей демократической санкции. — В. М.

³ URL:<http://www.unian.net/ukr/news/news-469577.html> (последнее обращение 21.11.2011)

⁴ Активно используемое критиками этих и ряда других (в Грузии, Киргизии) событий название «цветные революции» как негативной коннотации лучше, чем что-либо другое иллюстрирует расхождение политических парадигм развития российского и украинского обществ. «Цветные революции» имеют своей объективной целью относительную демобилизацию соответствующего социума, стремление сделать политику более восприимчивой к многообразию (многоцветию) реальности (В. М.).

- ⁵ URL: <http://www.unian.net/ukr/news/news-420768.html> (последнее обращение 11.02.2011)
- ⁶ URL: <http://kontrakty.ua/article/38605> (последнее обращение 23.11.2011)
- ⁷ URL: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/11/21/n_2104434.shtml (последнее обращение 21.11.2011)
- ⁸ URL: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/11/17/n_2099238.shtml (последнее обращение 17.11.2011)
- ⁹ Независимая газета, 20 апреля 2010 г.
- ¹⁰ Константин Грищенко. За пределами шахматной доски: прагматичная повестка дня украинской внешней политики. Зеркало недели. № 27 (807) 17 июля — 6 августа 2010
- ¹¹ URL: <http://www.unian.net/ukr/news/news-419758.html>. (последнее обращение — 05.02.2011)

Н. Н. Олейник, Н. П. Овчинник

ИЗ ОПЫТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (НИУ «БелГУ») ПО РАЗВИТИЮ И УКРЕПЛЕНИЮ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С УКРАИНОЙ

Белгородский университет на протяжении более ста тридцатилетнего периода своего существования имел тесные связи с украинскими высшими учебными заведениями, в первую очередь Харькова и особенно с Харьковским национальным университетом.

Особенно этот процесс усилился после преобразования его сначала в педуниверситет, а потом в классический университет. В наш молодой университет были приглашены работать многие ученые, опытные преподаватели с ХНУ, других вузов Харькова и Украины. В определенной степени это способствовало невиданно динамичному развитию нашего вуза, вхождение его в число ведущих российских классических университетов.

Но и Белгородский университет будучи признательным за оказанное содействие всегда был готов оказать необходимую помощь вузам Украины. Его коллектив активно поддержал идею о подписании в 2003 г. договора между Харьковской и Белгородской областями о создании Еврорегиона «Слобожанщина» и Приграничного белорусско — российско — украинского консорциума классических университетов. В рамках вышеназванных структур ежегодно проводятся десятки научных мероприятий направленных на развитие и укрепление связей между российскими и украинскими вузами, Украинским и Российским государствами.

Однако для дальнейшего развития и укрепления связей БелГУ с Украиной, повышения эффективности этой деятельности ощущалась острая необходимость в создании особого интегрирующего центра.

Чтобы решить эту проблему, 31 августа 2003 года Ученый совет Белгородского государственного университета по инициативе ректора, профессора Л. Я. Дятченко, исходя из положений и требований Евро-

пейской хартии «О национальных меньшинствах», ФЗ РФ «О культурно-национальной автономии», договоров подписанных между Российской Федерацией и Украинским государством, Белгородской и Харьковской областями «О создании еврорегиона Слобожанщина», приграничного расположения БелГУ, состава населения региона и его давних дружественных отношений и связей с украинским народом, принял решение о создании в нашем университете кафедры украиноведения, первой в Российской Федерации.

О том, что эта задача назрела, свидетельствует то, что о решении Ученого совета БелГУ о создании этой кафедры сообщили все центральные и местные радио и телеканалы России и Украины, многие средства печатной массовой информации.

В концепции развития кафедры украиноведения утвержденной ректором БелГУ и его приказе о ее создании, перед ней была поставлена задача, стать интегрирующим центром украиноведческой работы в нашем университете. Были утверждены основные направления работы кафедры и определены главные задачи. Главная из них создание учебных украиноведческих курсов и организация их чтения для студентов всех специальностей. Кафедра так же должна была оказывать помощь в подготовке курсовых и дипломных работ связанных с историей, экономикой, правом и другими аспектами развития Украины ее народов, заниматься научными исследованиями по украиноведческой тематике. Она так же должна была проводить другую работу по укреплению дружбы между народами наших стран.

Как учебное подразделение вуза кафедра украиноведения должна осуществлять четыре вида обязательной вузовской деятельности: заниматься учебно-методической, учебной, научной и воспитательной работой.

Если говорить об учебно-методической работе, то коллектив созданной кафедры украиноведения встретился с огромными трудностями. В Российской Федерации подобных кафедр не было и не существует сегодня. Отсюда отсутствие учебных программ, необходимой учебно-методической литературы. В библиотеке БелГУ тогда, по сути, не было никакой литературы об Украине.

Кафедра, усиленно работая в этом направлении добились, определенных успехов. Уже в первые месяцы после ее создания были разработаны семь учебных и рабочих программ по таким дисциплинам, как: «История Украины», «История Слободской Украины (Слобожан-

щины)», «История государства и права Украины», «Конституционное право Украины», «История искусства и культуры Украины», «Украинский язык и литература», спецкурс «Восточнославянские народы в прошлом и настоящем».

По дисциплинам «История Украины», «История Слободской Украины (Слобожанщины)» созданы и опубликованы курсы лекций общим объемом 23 п.л. каждый. По названным курсам, а так же и по таким дисциплинам как: Конституционное право Украины; История государства и права Украины были подготовлены «Учебно-методические комплексы» и юниты на бумажных и электронных носителях информации в среднем объеме в 11–12 п.л. каждый, а с хрестоматиями и тестами около 20 п.л. Такие Учебно-методические комплексы уже подготовлены по всем основным дисциплинам, которые читаются нашей кафедрой.

Большая работа была проведена кафедрой по созданию необходимых фондов украиноведческой литературы в библиотеке БелГУ и учебно-методического кабинета кафедры. После письменного обращения нашего ректората к руководству высших учебных заведений города Харькова, Харьковской республиканской научной библиотеки имени Короленко, Харьковской областной научно-технической библиотеки, ими и в первую очередь Харьковским государственным университетом имени В. Н. Каразина под деятельность нашей кафедры было собрано и передано на бесплатной основе более двух тысяч научных, учебных, учебно-методических, искусствоведческих, краеведческих изданий по истории, экономике, праву, культуре, искусству и современному развитию Украины.

Второе направление нашей деятельности это учебная работа и организация учебного процесса. Кафедра уже с 2003/2004 учебного года по заказу вначале социально-теологического экономического, юридического и других факультетов начала чтение курсов по Истории Украины, Истории государства и права Украины, Конституционному праву Украины, другие. С 2004/2005 учебного года мы читаем наши курсы на 15–16 факультетах дневной и заочной форм обучения и охватываем в среднем более 3 тысяч студентов. Отметим, и это откровенно, что подавляющее большинство студентов с большим интересом воспринимают читаемые нами курсы, просят помочь им приобрести литературу по истории и культуре Украины.

Третье направление нашей деятельности это участие в научной работе. Безусловно, небольшой штат кафедры осложняет ее деятельность

в этом направлении. Но и здесь кафедра стремится принять посильное участие. На кафедре была открыта аспирантура, где в разное время занималось от двух до шести аспирантов. Вместе с преподавателями они участвовали и принимают активное участие в разработке двух кафедральных научных тем: «История освоения и развития Слобожанщины» и «Конституционно-правовое реформирование в Украинском государстве».

Кафедра украиноведения оказывает значительную помощь аспирантам и преподавателям других кафедр в подготовке диссертационных и других научных работ по проблемам связанных с Украиной. Особое внимание уделяется научно-студенческой работе. Так ежегодно в научных кружках, которые действуют в БелГУ на всех факультетах и кафедрах, преподаватели нашей кафедры консультируют и оказывают помощь в подготовке научно-студенческих работ связанных с украиноведением. Это сотни студентов. Ежегодно 60–80 студентов выступают с докладами на факультетских и общеуниверситетской научно-студенческой конференциях. По результатам этих конференций лучшие доклады рекомендуются для участия в научно-студенческих конференциях, которые организуются и проводятся в различных вузах Украины. В первую очередь, в самых близких для нас вузах сопредельных с нами территорий: Харьковской, Сумской, Полтавской, Донецкой, Луганской областей и других.

Только наша кафедра ежегодно направляет 50–60 студентов и аспирантов на 4–5 таких конференций. Кроме этого, факультеты, лучшие здесь экономический, юридический, управления и предпринимательства, и другие, с нашим участием направляют десятки студентов еще на 6–7 научно-студенческие конференции. Таким образом, более 100 студентов и аспирантов БелГУ ежегодно выступают на 12–14 научно-студенческих конференциях в Украине.

В российских и украинских изданиях за последние пять лет опубликовано более 200 статей и тезисов наших преподавателей, аспирантов и студентов.

Таким образом, студенты, преподаватели и аспиранты нашего университета, которых, прекрасно принимают в Украине пропагандируют историю, политику и современное развитие Российской Федерации и нашего университета.

Кафедра планирует и впредь будет уделять большое внимание популяризации истории, культуры, искусства, современного развития Российской Федерации в Украине.

Высоко оценивая эти направления работы, Институт Славяноведения РАН подписал с нашим вузом договор о сотрудничестве, поскольку БелГУ и кафедра украиноведения активно пропагандирует идеи славянского единства.

Коллектив кафедры по мере своих возможностей участвует в воспитательной работе. Преподаватели кафедры организуют экскурсии в музеи Белгорода, Харькова, в Белгородский драматический театр, особенно когда в нем даются представления на украинскую тематику. Интересно отметить и то, что в последние время на наших концертах, которые проводятся в нашем вузе все чаще, звучит украинская песня, и мы думаем, что и здесь ощущается влияние нашей кафедры.

Кафедра, кроме учебной работы, проводит значительную консультационную деятельность для преподавателей, сотрудников и студентов БелГУ. Обращаются к нам сотни человек в год по различным проблемам, связанным с Украиной. Приходят к нам на кафедру с просьбой дать консультации представители и других вузов Белгорода, областной администрации, органов местного самоуправления, фирм и предприятий нашего региона. К нам также систематически обращаются с просьбой дать комментарии по различным современным событиям и истории Украины местные радио и телеканалы, средства массовой информации.

Деятельность нашей кафедры неоднократно высоко оценивалась в СМИ Украины в государственных структурах Украины, в консорциуме приграничных университетов, различными делегациями, которые приезжают в БелГУ. О деятельности БелГУ в области укрепления связей с Украиной, в том числе и через нашу кафедру в СМИ РФ и Украины было сделано по нашим подсчетам 12 телепередач и 15 радиопередач, опубликовано десятки статей. Безусловно, это заслуга не столько кафедры, сколько нашего ректора — профессора Л. Я. Дятченко, проректоров и многих деканов, заведующих кафедрами, учебного и научного управлений, консорциума приграничных университетов которые оказывали и продолжают оказывать ей всевозможную помощь. Деятельность нашей кафедры изучается и за рубежом. Так, Московская редакция Би-би-си изучив работу нашей кафедры сделала пятиминутную передачу на Россию, 20-минутную на Украину и Англию. И завершились передачи интересным выводом, что Российская Федерация вынуждена признать независимость Украинского государства и изменить политику своей страны к украинскому народу, создавая подобные кафедры.

Это важно и потому, что в России стремительно растут различные фобии в среде подрастающего поколения, в том числе и украинская фобия. Помогает активно этому российский телеэфир, в котором в основном дается отрицательная характеристика Украинского государства. Для воспитания нашей молодежи чтобы не случались в Белгороде и других городах подобные выступления, которые имели место в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже других городах России надо создавать подобные кафедры.

Таким образом, подводя итоги сделанного, мы можем сказать, что Белгородский университет с момента создания проводит значительную работу по укреплению дружбы между народами наших стран. Нам представляется, что работа кафедры имеет не только социогуманитарное и культурное значение, но и экономическое. Объясняется это тем, что Украина по-прежнему, входит в число важнейших экономических партнеров России. Особенно это важно для нашего региона, для которого смежные территории Украины являются основными не только экономическими партнерами, но и культурными партнерами, и они ценят то, что делается на Белгородчине для дружбы с украинским народом, укрепление экономических и социогуманитарных связей.

ВНЕШНЯЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА УКРАИНЫ XXI ВЕКА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ

Стратегия внешней политики Украины в начале XXI века, формирование и осуществление надлежащей внешней культурной политики в геополитически и исторически важных для Украины регионах, требует чёткого определения институциональных параметров этого региона и стратегического места в нём Украины, особенно в сфере культурно-гуманитарного сотрудничества и образовательного пространства.

С 1 мая 2004 года Украина стала соседом Европейского Союза. Эта ситуация имеет как позитивные, так и отрицательные последствия для Украины. Расширение ЕС создает для Украины принципиально новую геополитическую, геокультурную и геоэкономическую ситуацию. В результате расширения Европейского Союза Украина оказалась между двумя центрами с неопределенным до конца её собственным статусом и это требует от нас продуманной, взвешенной, прагматической и реалистичной политики в мировом культурно-цивилизационном пространстве XXI века¹.

Важную роль в институциональных процессах внешней культурной политики государств (в контексте современных угроз и вызовов глобализирующегося мира и влияния цивилизационного фактора), играют международные культурные институты, прежде всего ООН, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ и т.д. Сегодня международные и национальные институты заинтересованы в сохранении всемирного культурного и исторического наследия и успешно осуществляют соответствующие программы и проекты (например, кафедры ЮНЕСКО и их плодотворная, многофункциональная деятельность в Украине).

Отношения между государствами XXI века должны основываться на общих целях, культурных и демократических ценностях.

В международных отношениях начала XXI века пристальное внимание исследователей обращено на культурную составляющую внешнеполитической деятельности государств.

Этот интерес обусловлен тем фактом, что в современном мире культура действительно является уникальным инструментом политического урегулирования и общественного управления, который способен гармонизировать международный климат, предотвращать кризисы и конфликты, активизировать социально-политические процессы и информационно-коммуникационные связи, сближать людей различных этнических, религиозных и социально-политических взглядов и общностей.

На сегодня уже накоплен опыт разработки и осуществления стратегий внешней культурной политики в различных государствах мирового сообщества, который использует и Украина XXI века. Но этот опыт должен применяться к украинским реалиям и возможным перспективам, только с учетом национальных особенностей, традиций, истории, культурного, политического, социально-экономического развития нашего государства.

Несмотря на широкий спектр подходов к реализации внешней политики и культурных концепций, только некоторые из государств обладают действительно эффективной и многовекторной внешней культурной политикой.

Принципы внешней политики и приоритеты культурной политики Украины определены в Законе Украины «Об основах внутренней и внешней политики Украины» от 01 июля 2010 года, № 2411-VI и в Указе Президента Украины «О культурно-информационном центре в составе зарубежного дипломатического учреждения Украины» от 20.02.2006 г. № 142/2006.

За двадцать лет независимости Украина накопила богатый собственный опыт и потенциал для дальнейшего развития культурно-гуманитарного сотрудничества во всех регионах мира. Особого внимания заслуживает деятельность культурно-информационных центров в составе зарубежных дипломатических учреждений Украины, их практический опыт, принципы и формы деятельности, стратегии и перспективы дальнейшего развития, в частности — по вопросу об использовании культуры в качестве инструмента внешней политики.

Основные направления внешней культурной политики ведущих стран Европы, включая Украину, нацелены в первую очередь на развитие и популяризацию национального искусства и культуры в широком понимании этого явления, и, прежде всего популяризацию национального колорита, спорта и туризма.

В свою очередь, они могут быть реализованы, выполнены как в традиционных формах, так и в инновационных проектах. Как правило, каждое из этих направлений находит освещение в соответствующих документах и нацелен поднять общий культурный престиж и имидж страны за рубежом².

Большое значение в концепциях внешней культурной политики государств уделяется лингвистическому фактору. Именно национальный язык является мощным средством, мощным инструментом, международным общением. Кроме того, знание языка содействует глубокому пониманию иной культуры, национальных ценностей того или другого государства, пониманию менталитета народа. Так, в частности, языковой фактор и понимание того, что язык является мощным инструментом внешнеполитического культурного влияния, нашли своё отражение и во внешней культурной политике Украины.

Таким образом, деятельность культурно-информационных центров в составе зарубежных дипломатических учреждений отражает основные направления внешней культурной политики Украины. Несмотря на особенности реализуемых ими программ и специфику стран пребывания, в их деятельности можно выделить много общего, прежде всего соединение двух важнейших компонентов — образовательного и культурного, что реально даёт возможность оценить, и глубоко понять духовное развитие общества.

В Украине такие функции выполняет Министерство иностранных дел, через культурно-информационные центры в составе зарубежных дипломатических учреждений Украины, и Министерство культуры Украины.

Их основные задачи в области внешних культурных отношений состоят в осуществлении (через систему институций) информационных, культурных, образовательных и гуманитарных связей Украины с другими государствами, а также — в содействии работе неправительственных организаций в этой области, в распространении украинского языка и украинской культуры.

Таким образом, культурно-информационные центры осуществляют активную деятельность по формированию объективного представления и информации о современной Украине, её экономическом, образовательном и духовном потенциале, о проводимых реформах и внешнеполитическом курсе государства, содействуют установлению прочных гуманитарных, научных, культурных связей с иностранными партнерами на основе взаимовыгодного сотрудничества.

Одним из основных направлений деятельности культурно-информационных центров в составе зарубежных дипломатических учреждений Украины является работа по повышению статуса украинского языка в мире, укреплению его позиций как языка мировой культуры.

Именно зарубежные дипломатические учреждения Украины есть главными центрами украинского языка за пределами нашего государства. На их базе работают курсы украинского языка, среди которых в последнее время начали превалировать профессионально-ориентированные программы и формы преподавания, например — интенсивные краткосрочные курсы для журналистов, бизнесменов и т.д. Большую часть слушателей таких курсов составляют студенты и школьники, особый контингент составляют представители украинской диаспоры.

Во всех культурно-информационных центрах Украины, в дополнение к языковой подготовке, проводится и разноплановая культурно-просветительская работа. Её формы и средства осуществления чрезвычайно разнообразны: организация конкурсов украинского языка и литературы, литературные вечера, встречи с украинскими поэтами и писателями, художниками и представителями творческой интеллигенции. Под эгидой этих центров часто организовываются театральные студии, музыкальные клубы, литературные гостиные. Культурно-информационными центрами проводится значительная методическая работа, в частности, по предоставлению помощи зарубежным украинистам, преподавателям украинского языка и литературы, систематически проводятся семинары, конференции, круглые столы, консультации.

Многое делают в области международного культурного сотрудничества в Украине отдельные лица и неправительственные организации при поддержке отечественных и международных фондов и организаций, таких, например, как Международный фонд «Возрождение», Британский Совет в Украине, Швейцарская культурная программа в Украине, Гёте Институт, Шведский институт, Французский культурный центр, Российский культурный центр в Украине и другие.

Начиная с 2002 года Министерство иностранных дел Украины, Министерство культуры Украины, Комитет Верховного Совета Украины по вопросам культуры участвуют и активно сотрудничают с культурными программами Совета Европы.

Следует отметить значительную активизацию за двадцать лет независимости Украины интеграцию в культурной и гуманитарной сфере,

которая была достигнута благодаря работе на достижение следующих основных целей:

- создание международного сообщества цивилизованной, демократической европейской страны с богатыми культурными традициями, как надежного партнера в решении современных проблем в области культуры, образования, науки, информации, туризма и спорта;
- сотрудничество в области реституции культурных ценностей;
- духовное возрождение и развитие культуры путем ознакомления с лучшими достижениями мировой культуры, а также распространение украинских культурных, научных и технических достижений в мире;
- обучение и повышение квалификации специалистами в учебных заведениях зарубежных стран;
- имплементация европейских норм и стандартов в сфере образования и науки Украины;
- осуществление совместных научных, культурных и образовательных проектов;
- обеспечение для украинцев за рубежом возможностей сохранить их родной язык, культуру, национальные традиции и помочь им в этом.

Целенаправленному развитию культурно-гуманитарных связей Украины с иностранными государствами способствовало создание солидной профильной договорно-правовой базы, которая в настоящее время насчитывает более 300 межправительственных и межведомственных договоров, соглашений, протоколов и программ в области культуры, образования и науки.

Для реализации поставленных задач в сфере внешней культурной политики МИД Украины регулярно инициирует обсуждение вопросов сотрудничества в области культуры, образования и науки во время визитов высших должностных лиц государства, активно способствует проведению в десятках стран по всему миру различных международных культурно-образовательных мероприятий, как например, дни культуры, фестивали искусств, художественные выставки и концерты. Многочисленные выступления украинских исполнителей, украинских коллективов, выставки произведений из собраний ведущих музеев Украины, экспозиции украинских художников способствуют укреплению международного авторитета Украины, предоставляют возмож-

ность зарубежной общественности познакомиться с культурными и художественными достижениями нашего государства, убедиться в том, что Украина является органической частью мирового культурного сообщества с его богатыми историческими, культурными и духовными традициями³.

Исходя из выше изложенного и положительно оценивая результаты деятельности культурно-гуманитарной деятельности Украины за двадцать лет независимости, приоритетными задачами в XXI веке в гуманитарной сфере должны быть:

- дальнейшая работа по развитию системы культурных и гуманитарных связей;
- обеспечение интеграции Украины в европейское и мировое пространство путем укрепления сотрудничества с Советом Европы, Европейским Союзом;
- дальнейшее постепенное внедрение европейских норм и стандартов в систему образования и науки Украины, распространение украинских культурных, научных и технических достижений;
- практические вопросы возвращения в Украину культурных ценностей, в частности, процесс переговоров о реституции культурных ценностей.

При этом приоритетами концептуализации и институционализации внешней политики в области культуры в целом на перспективу должны остаться:

- внимание к культуре как неотъемлемой части социально-экономического развития Украины;
- многоканальное финансирование культурных мероприятий и развитие финансовых и налоговых механизмов для стимулирования развития индустрии культуры;
- осуществление программного обеспечения финансирования культуры;
- разработка средне — и долгосрочных программ в области культуры;
- согласование определений понятия культуры как основы культурной политики;
- разработка и принятие нового основного закона о культуре;
- балансировка культурного развития с экономическим ростом;
- разработка долгосрочных программ международного культурного и гуманитарного сотрудничества.

Значительная роль во внешней культурной политике принадлежит деятельности сети культурно-информационных центров в составе иностранных дипломатических учреждений Украины⁴.

Компаративный анализ практического опыта работы культурно-информационных центров в составе зарубежных дипломатических учреждений Украины от момента их создания и до настоящего времени свидетельствует о высокой результативности их деятельности, которая на сегодня дала следующие результаты:

- содействовала системному характеру работы в культурно-гуманитарной сфере, усовершенствовала её содержательное наполнение;
- укрепила культурно-информационное присутствие Украины за рубежом, продемонстрировала её стремление углублять конструктивное и взаимовыгодное сотрудничество в области культуры, образования, науки, туризма и спорта;
- способствовала повышению авторитета и укреплению позитивного имиджа украинского государства в странах аккредитации, способствовала распространению информации о достижениях украинской культуры и украинских духовных ценностях;
- обеспечила эффективные контакты украинского государства с гражданами, которые постоянно проживают или временно пребывают за границей.

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что культурно-информационные центры Украины являются главными составляющими элементами формирующейся системы внешней культурной политики Украины и средством постоянного международного диалога. Вся деятельность культурно-информационных центров, в конечном итоге, должна быть направлена и должна работать на формирование благоприятного внешнеполитического имиджа и престижа Украины.

Культурно-информационные центры Украины в качестве институциональных элементов зарубежных дипломатических учреждений Украины представляют собой относительно новый инструмент внешней культурной политики, но при этом и достаточно эффективный. Поэтому важно изучить мировой и европейский опыт в этой сфере, проанализировать плюсы и минусы в их работе, чтобы достичь большей эффективности украинской системы культурно-информационных центров, а также учесть двадцатилетний опыт внешней культурной политики Украины, её исторические традиции, достижения, проблемы, стратегию развития и перспективы.

Сучасна культурна політика України виступає концептуально оформленою сукупністю науково обґрунтованих поглядів і принципів, що відповідають певним ціннісно-смысловим основам, цілям і пріоритетам. Але при цьому слід підкреслити, що між теоретичними моделями і практичними можливостями їх реалізації на практиці існує «розрив», що суттєво впливає на динаміку соціокультурних процесів в українському суспільстві. Головна завдання зовнішньої культурної політики України початку ХХІ століття — це розробка і реалізація її нової стратегії.

¹ См. подр.: Культурная политика в Европе. Выбор стратегии и ориентиры. Сборник материалов. — М., 2002; Зеленцова Е., Мельвиль Е. Культурная политика и экономика культуры. Тезисы для сборки региональных стратегий. — М., 2010; Культурно-цивілізаційний простір Європи і Україна: особливості становлення та сучасні тенденції розвитку / За ред. А. І. Кудряченка. — К., 2010.

² Мацевич И. Я. Вызовы креативности: культурная индустрия и культурная политика в Европе (на англ. яз.). — М., 2010. — С. 113–119; Карпухин О. И. Последний бастион. Глобализация культурных коммуникаций. — М., 2011; Карпова Г. Г. Социальное поле культурной политики. — М., 2011.

³ Архив Министерства иностранных дел Украины. — Департамент по связям с зарубежным украинством и культурно-гуманитарного сотрудничества. — 2006–2011 гг.

⁴ См подр.: Цивілій В. Г. Історичні традиції, здобутки, пріоритети та перспективи зовнішньої культурної політики: інституціональний аспект // Зовнішні справи. — 2011. — № 09. — С. 52–56; Цивілій В. Г. Зовнішня культурна політика України (1991–2011рр.): форми, принципи, стратегії розвитку // Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки і знахідки: Збірник наукових праць / Інститут історії НАН України. — К., 2011. — Випуск 20. — С. 70–83.

Т. С. Воропаева

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГРАЖДАН УКРАИНЫ (1991–2011 гг.)

Глобализация осуществляет кардинальное влияние на духовную сферу любого общества, деформируя традиционные системы ценностей и трансформируя коллективные идентичности. В таких условиях особую остроту и актуальность приобретает проблема формирования общей идентичности граждан стран СНГ, ведь только те государства, которым удастся сберечь свою национальную идентичность и самобытность, свой тип экзистенции, духовности и креативности, не поддадутся глобализационным схемам. В связи с этим актуальность изучения процесса формирования национальной и европейской идентичности граждан стран СНГ не вызывает сомнений.

Известно, что феномен национальной и европейской идентичности давно привлекает внимание многих исследователей и активно обсуждается в разноплановых социально-гуманитарных дискурсах. В зарубежной науке этот феномен изучался преимущественно в русле социокультурной антропологии и психологии с разных теоретико-методологических позиций (Е. Дюркгейм, З. Фрейд, Э. Эриксон, К. Юнг, М. Барретт, З. Бауман, Ф. Барт, П. Бергер, А. Ватерман, Б. Геральд, В. Дуаз, Дж. Колеман, Г. Кон, В. Коннор, Б. Лукман, Г. Люббе, Дж. Марсиа, Д. Маттесон, М. Мид, С. Московичи, Э. Смит, С. Страйкер, Г. Теджфел, Дж. Тернер, Ю. Хабермас, С. Хантингтон, Ч. Тейлор, В. Хесле и др.). Теоретический анализ разных концептуальных подходов к изучению проблемы национальной и европейской идентичности показывает, что идентичность является результатом процесса идентификации, которая чаще всего рассматривается как процесс уподобления, отождествления себя (или своей референтной группы) с кем-нибудь или чем-нибудь. Идентификация рассматривается современными исследователями как важнейший механизм социализации, этнизации и воспитания личности, который проявляется в принятии индивидом конкретной социальной роли, в понимании собственной групповой принадлежности и т.п.

Таким образом, идентичность — это динамическая структура, которая развивается на протяжении всей человеческой жизни, причем ее развитие является нелинейным и неравномерным, может разворачиваться как в прогрессивном, так и в регрессивном направлении, проходя этапы преодоления кризисов идентичности. Следовательно, идентификация должна рассматриваться как процесс, включенный в целостную жизнедеятельность субъекта; неразрывно связанный с когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферой личности; обусловленный ее потребностями, мотивами, целями и установками; опосредованный знаково-символическими, идейно-образными и ценностно-смысловыми системами культуры.

Со второй половины 80-х годов XX в. наблюдается повышение интереса ученых разных стран к проблеме национальной идентичности. Разворачиваются соответствующие научные исследования в России и Украине, публикуются статьи, издаются книги, проводятся конференции, «круглые столы» и семинары. Но изданные книги и сборники (см. работы Е. Галкиной, Н. Ивановой, Л. Ионина, Н. Корж, Н. Лебедевой, О. Мачинского, Л. Науменко, Т. Стефаненко и др.), а также проведенные теоретико-эмпирические исследования Н. Шульги [1], С. Савоскула [2, 299–301], П. Гнатенко и В. Павленко [3], М. Рябчука [4], Я. Грицака [5, 188–197] и многих других ученых не исчерпали идентификационную проблематику.

Коллективная идентичность граждан Украины изучалась в отечественной социогуманитаристике преимущественно в историческом и политологическом аспектах, без комплексного, междисциплинарного анализа эмпирических исследований, конструктивное использование которого возможно в рамках интегративного подхода. В частности, в проекте «Идентичность и социальная лояльность» (1994–1999 гг.), руководителем которого был известный украинский историк Ярослав Грицак, исследователи пытались изучить «максимально большое количество самых разнообразных идентичностей» [5, 189], но они не учли ни метаэтническую (например, славянскую), ни континентальную, ни планетарную идентичность. «Советскую идентичность» они почему-то назвали национальной [5, 190], предлагая респондентам не совсем понятную формулу «советский/ая» [5, 192], а украинскую и русскую идентичности не рассматривали в этническом понимании. Этого можно было бы избежать, если бы исследователи использовали интегративный подход (который предусматривает учет методологических прин-

ципов и категориального аппарата этнофилософии, этнопсихологии, этнополитологии и этносоциологии).

Использование интегративного подхода при исследовании особенностей формирования национальной и европейской идентичности граждан Украины предусматривает учет следующих теоретико-методологических положений: 1) необходимо системное видение постепенного разворачивания таких стадий эволюции универсума как геогенез, биогенез, психогенез, антропогенез, глоттогенез, социогенез, культурогенез, этногенез, субъектогенез, ноогенез и т.п.; 2) нужна обязательная концептуализация междисциплинарных обобщений (этнолингвистических, культурологических, этнополитологических, социально-психологических, историософских и т.д.) с использованием принципов вертикальной и горизонтальной интеграции разных научных дисциплин; 3) системное изучение процесса становления и развития коллективной идентичности должно проходить в контексте этногенетических, нациосозидательных и социокультурных процессов; 4) необходимо обязательное рассмотрение коллективной идентичности как динамической структуры, для которой характерно нелинейное и неравномерное развитие; 5) очень важно изучить системообразующую роль ноэтического (смыслового) измерения процесса идентификации субъектов (как индивидуальных, так и коллективных); 6) необходимо изучать украинскую нацию как полномасштабную (которая в соответствии с известной международной классификацией Я. Крейчи и В. Велимски является одновременно и этнической, и политической [6]), не разрывая племенной, этнический и национальный этапы ее развития; 7) необходимо понимание того, что без завершения процессов национального строительства и без сохранения собственной идентичности Украина не будет конкурентоспособным государством в мире; 8) целесообразным является сопоставление теоретических и эмпирических исследований, что кардинально уменьшит продуцирование неадекватных утверждений (например, про якобы сплошную интравертированность и меланхоличность украинцев).

Процесс формирования коллективной идентичности граждан Украины исследовался нами в рамках нескольких международных научных проектов Центра украиноведения Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, в которых активное участие принимали студенты и аспиранты факультетов психологии и социологии («Украинская национальная идея: теоретико-эмпирические ас-

пекты» [7; 8]; «Социально-психологические и региональные аспекты формирования национального самосознания граждан Украины как фактора государственного строительства» [9]; «Трансформация национальной идентичности: историософские, культурологические и социально-психологические аспекты» [10; 11; 12; 13] и др.). Эти проекты были поддержаны Фондом «Возрождение», Фондом Фридриха Эберта, Фондом фундаментальных исследований Министерства образования и науки Украины, а также Ассоциацией украинских банков.

В этих проектах на протяжении 1991–2011 годов были исследованы гендерная, возрастная, социально-профессиональная, религиозная, этническая, метаэтническая, локальная, региональная, национальная (или гражданско-политическая), европейская (или континентальная), планетарная, постсоветская и другие виды идентичности граждан Украины, проживающих в разных регионах страны. Всего было изучено 39 400 респондентов от 18 до 87 лет (в 1991 г. было опрошено 300 респондентов; в 1992 г. — 400, в 1993 г. — 1200, в 1994 г. — 1250, в 1995 г. — 1250, в 1996 г. — 1500, в 1997 г. — 1500, в 1998 г. — 1500, в 1999 г. — 1500, в 2000 г. — 2500, в 2001 г. — 2500, в 2002 г. — 2000, в 2003 г. — 2000, в 2004 г. — 2500, в 2005 г. — 2500, в 2006 г. — 2500, в 2007 г. — 2500, в 2008 г. — 2500, в 2009 г. — 2500, в 2010 г. — 2500, в 2011 г. — 2500). Для изучения трансформации разных видов идентичности мы использовали методику М. Куна — Т. Макпартленда «Кто Я?», адаптированную методику «Шкала измерения идентичности» М. Синереллы и другие методы. Надежность результатов проведенного исследования обеспечивалась методологическим обоснованием его исходных позиций; использованием совокупности диагностических методик, адекватных цели и заданиям исследования; объединением количественного и качественного анализа эмпирических данных; использованием методов математической статистики с привлечением современных программ обработки данных, репрезентативностью выборки.

Применение интегративного подхода позволило выявить достаточно интересные трансформации: 1) в 1991–1994 годах постсоветская идентичность занимала первые места (с 1-го по 5-ое), но ее отрыв от других форм идентичности стабильно уменьшался; 2) на протяжении 1994–2004 гг. значимость постсоветской идентичности стремительно уменьшалась (хотя в группе этнических русских и русскоязычных украинцев, которые проживают на Юге и Востоке Украины, постсоветская идентичность и сейчас занимает довольно высокие позиции, но уже не

доминирует); 3) этническая идентичность постепенно возрастала во всех группах (наиболее активный ее рост наблюдался в группах русских, украинцев, крымских татар, евреев); 4) религиозная идентичность начала стремительно возрастать во второй половине 2001 г. (после визита Папы Римского Иоанна Павла II в Украину), а начиная с 2004–2005 гг., респонденты все чаще используют идентитеты «христианин» и «христианка»; 5) планетарная идентичность за эти годы практически не изменилась; 6) европейская идентичность сначала занимала предпоследние места, но, начиная с 1998–1999 гг., ее значимость начала возрастать (особенно в группе этнических украинцев, поляков, венгров, словаков, румын, крымских татар); 7) наиболее стремительно возрастает европейская идентичность у жителей больших городов; 8) национальная (или гражданско-политическая) идентичность была законсервирована на протяжении 1991–1993 гг. во всех группах, но в 1994–1995 гг. она начала падать в группе этнических русских, белорусов, евреев; постепенное возрастание этой формы идентичности в группе этнических украинцев и в некоторых группах национальных меньшинств (прежде всего, в группе этнических поляков и крымских татар) прослеживается в 1997–1999 и 2004–2005 гг.; 9) престижность национальной (или гражданско-политической) идентичности более медленно возрастает на Востоке и Юге Украины, в отличие от Севера, Центра и Запада Украины; 10) наиболее заметные трансформации характерны для этнической и национальной (или гражданско-политической) идентичности, но разрыв между этими формами идентичности на Востоке и Юге гораздо больший, чем на Севере, Западе и в Центре Украины; 11) до 2010 г. у этнических украинцев на Юге и Востоке Украины наблюдалась тенденция к возрастанию европейской и национальной идентичности (в 2010–2011 гг. этот процесс приостановился); 12) у этнических украинцев, армян и молдаван, которые проживают на Востоке и Юге Украины, более выражены ностальгические настроения в отношении СССР, но у этих же этнических групп, которые проживают на Севере, в Центре и на Западе Украины, на первое место выходит желание ощущать себя европейцами; 13) в 2004–2008 гг. стабилизировались эмпирические показатели этнической идентичности как в группе этнических украинцев, так и в группе национальных меньшинств; 14) в группе национальных меньшинств в 2006–2007 гг. возросло значение региональной идентичности (при грамотной региональной политике этот тип идентичности мог бы стать базовым основанием для укрепления об-

шеукраинской идентичности, ведь в развитых странах мира региональная идентичность рассматривается как субнациональная); 15) высокий уровень национальной идентичности в 1991 г. имели 26% респондентов, в 2001 г. — 25%, а в 2011 г. — только 21% респондентов, низкий уровень национальной идентичности в 1991 г. имели 18%, в 2001 г. — 27%, а в 2011 г. — 39% респондентов, что свидетельствует о полном отсутствии взвешенной политики национальной идентичности в Украине; 16) национальная и европейская идентичность достигли самого высокого уровня развития в 2004–2005 гг. (в 2005 г. высокий уровень национальной идентичности имели 28% респондентов, а низкий уровень национальной идентичности был характерен только для 22% респондентов, в этом же году высокий уровень европейской идентичности имели 37% респондентов, а низкий уровень — 18%); 17) стала заметной тенденция к увеличению показателей европейской идентичности как в группе этнических украинцев, так и в группе национальных меньшинств; европейская идентичность до 2011 г. не теряла своей значимости для граждан Украины, таким образом, запрос на европейскость является очень сильным в украинском обществе.

Проведенные исследования показали, что идентификационные матрицы двух групп респондентов существенно отличаются: для представителей группы «В» (респонденты с развитой европейской и национальной идентичностью) характерна более конструктивная иерархия жизненных смыслов (у них доминируют экзистенциальные и самореализационные смыслы) и высший уровень патриотизма, чем для представителей группы «Н» (респонденты с низким уровнем европейской и национальной идентичностью), у которых доминируют гедонистические и статусные смыслы.

У представителей группы «В» и группы «Н» были выявлены четыре типа этнической идентичности (по типологии Берри [14]): а) *моноэтническая* идентичность с собственной этнической группой (соответственно — 71% и 24%); б) *измененная* идентичность, которая сформировалась на основе самоидентификации с чужой этнической группой (соответственно — 5% и 36%); в) *биэтническая* идентичность (19% и 6%); г) *маргинальная* этническая идентичность (5% и 34%), когда чужая этническая группа расценивается как такая, которая имеет более высокий экономический и социальный статус, нежели собственная (этот феномен объясняется желанием индивида интегрироваться в доминантную группу и таким образом получить позитивный социальный статус).

Таким образом, наиболее приемлемой для граждан Украины является национальная идентичность гражданско-политического типа, которая может соединяться с другими разновидностями идентичностей — религиозной, региональной, этнической и т.п. Национальная идентичность гражданско-политического типа по самой своей сути многомерна, ведь она *охватывает, но не отменяет* этническую, языковую, религиозную, региональную, профессиональную, возрастную, гендерную и другие идентичности. Для развития национальной и европейской идентичности граждан Украины необходимо защитить украинское информационное пространство; поднять на более высокий уровень политическую культуру населения Украины; преодолеть социально-психологические стереотипы утопического и тоталитарного происхождения, а также комплекс национальной неполноценности; расширить базу демократических сил; достичь состояния необратимости государствообразующих процессов и стабилизации политической и социально-экономической жизни; довести до логического конца незавершенный процесс консолидации украинской нации в единый социально-политический организм.

В контексте исследуемой проблемы необходимо хотя бы кратко рассмотреть современные тенденции разработки и реализации политики идентичности в некоторых европейских странах. После того, как многие страны Европы столкнулись с серьезными вызовами (связанными с проблемами коллективной безопасности, активизацией миграционных процессов, террористических действий, кардинальными социально-экономическими и общественно-политическими трансформациями) и угрозами постепенного размывания национальных культур, деформации представлений об общей идентичности, были инициированы междисциплинарные дискуссии относительно укрепления и поддержки коллективной идентичности граждан европейских стран. Было заявлено, что для преодоления этого кризиса идентичности необходима общая «референтная канва» (Ф. Ван Остром). И наилучшей в этом контексте будет именно та «канва», которая соединит национальный и европейский идентификационные модусы в единую систему [15]. Таким образом, сегодня, в связи с тем «культурным поворотом», о котором пишут Я. Асман, Ф. Ван Остром и другие ученые, необходимо говорить о политике идентичности как о комплексной, междисциплинарной проблеме. Поэтому разработка в Голландии, Дании и Латвии национальных Культурных Канонов, которые могут стать

базой для согласованного и сбалансированного развития национальной и европейской идентичности граждан многих стран, является примером конструктивного использования интегративного потенциала современной науки.

Примечание

В сентябре 2011 г. наш проект был отмечен как один излучших среди исследовательских работ в области социогуманитаристики, а коллектив был награжден Дипломом «In the forefront of science» («В авангарде науки») за научную аналитику в рамках конкурса «World Championship, continental, national and regional research analytics championships». Дипломом был вручен Директором Департамента международных проектов IASHE (International Academy of Sciences and Higher Education) Томасом Морганом (London, Great Britain).

1. Шульга Н. Этническая самоидентификация личности / Н. Шульга. — К.: Институт социологии, 1996. — 240 с.
2. Савоскул С. Русские в независимой Украине: статус, идентичность, перспективы / С. Савоскул // Украина и Россия: общества и государства. — Москва, 1997. — С. 299–301.
3. Гнатенко П. И. Идентичность: философский и психологический анализ / П. И. Гнатенко, В. Н. Павленко. — К.: Арт-Пресс, 1999. — 462 с.
4. Рябчук М. Від Малоросії до України: парадокси запізнілого націотворення / М. Рябчук. — К.: Критика, 2000. — 276 с.
5. Грицак Я. Страсті за націоналізмом. Історичні есеї / Я. Грицак. — К.: Критика, 2004. — С. 188–197.
6. Krejci, J. Ethnic and Political Nations in Europe / J. Krejci, V. Velimsky. — New York, 1981. — P. 58–59.
7. Гідність, розвиток, свобода: національна ідея для України // «Україна молоді». — 12 липня 2001 р.
8. Воропаєва Т. Сучасна українська національна ідея: теоретико-емпіричне дослідження / Т. Воропаєва, С. Бойко // Українознавство. Календар-щорічник — 2004. — К.: Українська видавнича спілка, 2003. — С. 127–134.
9. Воропаєва Т. Мовна ідентичність та національна самосвідомість громадян України / Т. Воропаєва, С. Бойко // Календар-щорічник «Українознавство — 2003». К.: Поліграфкнига, 2002. — С. 128–133.
10. Воропаєва Т. Трансформація національної ідентичності громадян України (1991–2001 рр.) / Т. Воропаєва, С. Бойко // Вісник КНУ імені Тараса Шевчен-

- ка. Серія «Українознавство». — Вип. № 6. — К.: ВПЦ «Київський університет», 2002. — С. 12–17.
11. Сергійчук В. Трансформація національної ідентичності: історіософські, культурологічні та соціально-психологічні аспекти / В. Сергійчук, Т. Воропаєва // *Фундаментальні орієнтири науки*. — К.: Фонд фундаментальних досліджень, 2005. С. 24–53.
 12. Воропаєва Т. С. Специфика самоидентификации этнических украинцев и русских в Украине: социально-психологические аспекты / Т. С. Воропаєва // *Личность в межкультурном пространстве*. — Ч. 1. — М.: РУДН, 2008. — С. 23–28.
 13. Воропаєва Т. С. Самоидентификация украинцев и русских на юге России и Украины: комплексный анализ / Т. С. Воропаєва // *Юг России и Украины в прошлом и настоящем: история, экономика, культура*. — Белгород: БелГУ, 2009. — С. 193–196.
 14. Berry, J. W. *Cross-cultural psychology: Research and applications* / J. W. Berry, Y. H. Poortinga, M. H. Segall, P. R. Dasen. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 44–62.
 15. Рыжакова С. И. Каноны национальных культур: опыты Голландии, Дании и Латвии 2000-х годов / С. И. Рыжакова // *Этнографическое обозрение*. — 2011. — №3. — С. 76–88.

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

Современный политический процесс в Украине привлекает большое внимание экспертного сообщества. Последние двадцать лет украинская политика служила ярким примером трудностей демократического транзита в посткоммунистических государствах. Однако, до сих пор ни на Западе, ни в России, ни в самой Украине среди экспертов не возникло консенсуса о значении украинского опыта постсоветских трансформаций.

С момента обретения государственного суверенитета Украина столкнулась с проблемой поиска и конструирования национальной идентичности. Этот вопрос был включён в политическую повестку дня одновременно с распадом СССР. Между тем, он продолжает быть не решённым до сих пор.

Среди ключевых проблем исследования демократии является вопрос о её генезисе, о переходе (транзите) в демократию из другого политического режима.

Демократический транзит — это многоэтапный процесс, в котором выделяется несколько фаз:

1. Подготовительная фаза (особую роль имеет наличие, как структурных факторов, так и желания акторов пойти на демократические перемены)
2. Фаза учреждения демократии (большое значение носят первые учредительные выборы и так называемые «выборы разочарования»)
3. Фаза консолидации демократии (этап, когда в обществе полностью укрепляется мнение, что демократия — это единственно возможная политическая модель для него)

В современной политической науке популярна теория волн демократизации С. Хантингтона, описанная им в книге «Третья волна. Демократия в конце XX века»¹. Согласно С. Хантингтону в истории существовало три волны демократизации, то есть процесса изменений в политической сфере, ведущих к институционализации открытой

конкуренции в борьбе за власть, наряду с предоставлением и поддержанием широких прав и свобод у граждан. Первая волна демократии длится с 1828 — по 1926 гг., закончившись спадом 1922—1943 гг. Вторая волна продолжается с 1943 — по 1962 гг., и заканчивается очередным спадом в 1958—1975 гг. Третья волна начинается в 1974 году. Данная теория на большом эмпирическом материале заставила учёных обратиться к изучению условий возникновения и консолидации демократии в современном мире. В современной политической науке существуют два основных подхода к изучению данной проблематики — структурный и процедурный.

Структурный подход основывается на идее, что в государстве существует набор объективно обусловленных условий, способствующих демократии. Известный российский исследователь демократии А. Ю. Мельвилль пишет: «Эти так называемые структурные процессы и предпосылки имеют разную природу и относятся к историческим, социально-классовым и социально-экономическим факторам, особенностям нациообразования и государственного строительства, типу политической культуры, особенностям экономического развития, степени гомогенности или фрагментированности общества и др. Главное в том, что эти предпосылки имеют историческую природу, они объективны и не зависят от конкретных решений и действий политических акторов. Соответственно, отсутствие этих условий и предпосылок задаёт ограничения и «потолки» возможного демократического развития»².

Процедурный подход возник в ходе изучения эмпирического материала третьей волны демократизации. В данном подходе основное внимание сосредоточено на конкретных политических решениях и действиях акторов, разрабатывающих конкретные стратегии и тактики, которые они стремятся претворить в жизнь. Согласно этому подходу структурные и объективные условия возможностей развития демократии уступают по значению субъективным решениям ключевых акторов демократизации, среди которых не последнюю роль играют политические партии и их лидеры.

В рамках данной работы центральное внимание будет сосредоточено на структурном факторе наличия или отсутствия национального единства как условия генезиса и развития демократии. Данный критерий впервые ввёл в 1970 г. в рамках структурного подхода Д. А. Растоу в работе «Переходы к демократии: попытка динамической модели»³. Исследователь называет национальное единство един-

ственным предварительным условием демократии. Национальное единство характеризуется как ситуация, когда у большинства граждан не возникает сомнений или внутренних оговорок относительно того к какому политическому сообществу они принадлежат. Национальное единство подразумевает, что в обществе отсутствуют как латентные расколы, так и желание объединяться с другими сообществами. Д. А. Растоу подчёркивал, что национальное единство является предварительным условием, так как должно предшествовать возникновению остальных факторов демократизации. А. Лейпхарт в своей книге «Демократия в многосоставных обществах» отмечал важнейшую роль элиты, которая в условиях социально-культурного и политического разнообразия вынуждена выстраивать и поддерживать общественные компромиссы. Тем не менее, А. Лейпхарт подчёркивал важность нерушимости границ у государства, строящего демократию и единую идентичность у элиты⁴.

Между тем, в современной Украине политиками, экспертами и общественным мнением считается, что внутренние геополитические и культурные расколы Украины являются единственным условием, которое позволяет стране избежать автократии, которые в немалом количестве возникли на постсоветском пространстве. Возникает расхождение между теорией демократизации и её практикой в независимой Украине. Следовательно, в Украине существует целый набор уникальных условий, который позволяет состояться Украине как демократическому национальному государству. В данном исследовании была предпринята попытка рассмотреть взаимозависимость национального строительства и демократического транзита в современной Украине.

С образованием украинского государства в 1991 г. проблема создания национальной идентичности населения Украины оказалась одной из наиболее насущных проблем украинской политики, что было вызвано историческим геополитическим расколом регионов страны на так называемые «западные» и «восточные». Е. Грицай замечает, что эта проблема была поставлена, скорее, не как создание национальной идентичности, а как выбор её из «набора», представленного различными политическими силами⁵. Исследовательница указывает: «Проблема национальной идентичности в Украине оказалась настолько политизированной, что может быть понята лишь в контексте властных отношений, а точнее — в контексте борьбы за власть между группами и отдельными представителями так называемых элит». Особую роль

должны были сыграть политические партии, которые стали строиться в Украине на обломках старой советской системы.

Все постсоветские республики перед вступлением в режимные трансформации прошли через единую подготовительную фазу — Перестройку в СССР 1985—1991 гг., вылившуюся в глубокий кризис всей советской системы. К началу 1990-х гг., экономический кризис достиг достаточной мощи для того, чтобы «национальные бюрократии» стали для жителей республик более близкими и перспективными. Украина, вступившая после обретения независимости в фазу учреждения демократии, оказалась в уникальных условиях, способствовавших демократическому развитию государства. Мирное и относительно спокойное учреждение демократии в Украине произошло благодаря стечению нескольких важных факторов. Во-первых, благодаря заключённому пакту между старыми и новыми элитами, у власти осталась старая элита, которая не только полностью приняла новые правила игры, но и активно способствовала их внедрению. Во-вторых, как отмечают Е. Головаха и Н. Панина, «украинская модель» первого этапа посткоммунистической трансформации общества, при всей ее экономической неэффективности, оказалась состоятельной в одном — способности сохранить в стране мир и избежать открытой внутренней агрессии и кровопролития⁶. Отвлечённость людей в условиях острого экономического кризиса от политики не оказалась фатальной для демократии, так как, в-третьих, украинская элита после распада СССР оказалась предоставленной самой себе после исчезновения советской иерархической лестницы. При этом осталась неизменной властвующая партийно-промышленная элита, которая только изменила публичную идеологию. В-четвёртых, внешняя среда способствовала демократизации, так как в начале 1990-х гг. все пограничные с Украиной государства двигались по пути демократических трансформаций, а у сил желающих реставрации не было не достаточных ресурсов, ни достаточной поддержки.

Тем не менее, фаза консолидации демократии в Украине растянулась на долгие годы и не является решённой до сих пор. В Украине впервые на постсоветском пространстве в ходе так называемых «выборов разочарования» в 1994 году произошла демократическим путём смена власти. В 1996 году Украина позднее других постсоветских государств получила Конституцию, ставшую компромиссом между элитами. На этапе после выборов разочарования украинская политическая

элита стала раскалываться на различные группировки. Данная система внутриэлитных отношений получил имя «кланово-олигархической»⁷. Главным источником такой фрагментации стала борьба за советское наследие в виде раздела собственности на первоначальной фазе развития рыночных отношений. Представители украинских элит рассматривают публичную политику как пространство разрешения конфликтов друг с другом. В этой ситуации демократические институты перестают быть инструментом решения политических потребностей всего общества, а служат одним из источников максимизации экономической прибыли персон, в этом заинтересованных.

Новоспечённые украинские элиты вместе с государством стали искать себя в мире и самоопределяться. Сразу возникло две стратегии для такого поиска: интеграция с Западом и реинтеграция с Россией и постсоветским пространством. Оба варианта требовали от украинских элит в той или иной степени отказа от приобретённого суверенитета, что никак не способствовало ясному самоопределению представителей элиты.

В такой сложной и многовекторной ситуации реальная политика и экономика в Украине ушли в сферу политических технологий, на основе которых населению предлагается тот или иной политический проект, за которым обычно закулисная борьба представителей элит между собой. В ситуации региональной разобщённости Украины использование ресурса социально-культурных размежеваний для повышения политического веса стало излюбленным инструментом для повышения политического рейтинга.

Следовательно, политические партии в Украине оказались инструментом легитимации для различных групп элит. Находясь в ситуации постоянных противоречий, украинские элиты для поддержания стабильности в стране вынуждены постоянно искать компромисс между собой. Он осуществляется на основе демократических выборов. В такой ситуации, социально-культурные размежевания всего лишь инструмент по мобилизации электората. Изложенные факты напрямую сказываются на качестве политических процессов, и предлагаемых партиями проектов консолидации украинского общества.

В украинском политическом процессе не наблюдается при ближайшем рассмотрении ближних перспектив консолидации. В этой ситуации особую важность приобретает исследование долгосрочных стратегий по достижению национального единства основных полити-

ческих акторов. Такой анализ позволяет в контурах наметить возможные интеграционные пути для украинского общества, а также определить трудности, которые могут встретиться на этом пути. Необходимо выявить различия и сходства в тех национальных проектах, которые предлагают современные украинские политические партии.

Для проведения анализа были взяты партийные программы партий представленных ныне в Верховной Раде шестого созыва: «Партии регионов», Блок Юлии Тимошенко, Наша Украина — Народная Самооборона, Блок Литвина. Для НУНС и Блока Литвина, за неимением в доступных открытых источниках программ этих партийных объединений, взяты программы центральных, образующих эти движения партий «Народный союз — Наша Украина» и «Народная партия».

Предвыборная программа Блока Тимошенко на внеочередных выборах в Верховную Раду Украины в 2007 году получила название «Украинский прорыв» и базировалась на идее скорейшего революционного инновационного развития украинских государства и общества. Основной целью называлось построение справедливой и конкурентоспособной страны⁸. С самого начала текста утверждается, что Украина не нуждается в поступательной эволюции — ей необходим качественный скачок, сравнимый с «экономическим скачком корейского тигра», «китайским экономическим чудом

Проблема консолидации украинского общества и поиска интегрирующей национальной идеи полностью отсутствует в тексте программы Блока Юлии Тимошенко. Образ национального представлен только в пункте «Аграрный прорыв»: «Несмотря на стремительную и неустанную урбанизацию, Украина остается аграрным государством. И это касается не только экономики и народного хозяйства, но и культуры и ментальности нации. Украина — это аграрная цивилизация, насчитывает несколько тысячелетий. Аграрная культура — это архетип Украины, без наведения порядка в этом секторе, нам нечего ожидать успех». Если опираться на этот фрагмент, то украинская нация членами БЮТ трактуется с примордиалистских позиций и базируется на распространённом для Восточной Европы «деревенском национализме». Однако, Украина не перестаёт рассматриваться как и хорошо урбанизованная страна. Таким образом, в программе Блока Юлии Тимошенко отсутствуют какие-либо чёткие границы возможностей консолидации украинского общества. Опираясь на популистскими лозунгами, данное политическое движение может легко обращаться к различным

идентификационным стратегиям, присутствующим в украинском обществе. Тем не менее, БЮТ нельзя рассматривать как движение, вносящее уникальный вклад в выбор путей интеграции жителей Украины в единую нацию.

Программа украинской коммунистической партии уделяет немало внимания проблемам национализма и формирования нации в Украине. Связанно это с тем, что после распада СССР в независимой Украине именно национализм стал основным идеологическим антагонистом находившегося в кризисе коммунизма. В тексте программы КПУ все её идеологические и другие политические противники называются «буржуазными национал-шовинистскими профашистскими силами»⁹. В программе КПУ с идеологических позиций отрицается возможность национальной консолидации, так как, согласно марксизму, национальный вопрос является инструментом в руках буржуазии для борьбы с пролетарским движением народов всего мира. Подчёркивается, что политические противники КПУ, постоянно борясь за национальную независимость, пренебрегают социальными и экономическими интересами людей, утверждая, что без национальной идеи не может быть подлинной свободы. В тексте программы намечены возможности выхода из общественно-политического раскола, существующего в Украине. Они должны базироваться на ленинской национальной политике и принципах пролетарского интернационализма. Указывается, что необходимо в СМИ прекратить антироссийскую пропаганду, а из образования исключить последовательный русофобский элемент. Полностью осуждаются попытки превратить Украину из многонациональной в мононациональную страну. КПУ поддерживает придание русскому языку статуса второго государственного.

Всё вышеизложенное позволяет сделать вывод, что КПУ имеет чёткую позицию по проблемам консолидации украинского общества. Однако, данная позиция не может стать в современной Украине интегрирующей, так как за последние двадцать лет украинское общество, в том числе и жители регионов с преобладанием ядерного электората КПУ, подверглись массовой антикоммунистической пропаганде, а голоса коммунистов забрала себе «Партия регионов». Современная КПУ вынуждена в публичных дискуссиях о проблемах формирования украинской нации играть второй номер после «Партии регионов», поддерживая её в вопросах русского языка, российско-украинских отношений и вступления в блок НАТО.

Политическая программа Народной партии основывается на социал-демократических принципах. Своей главной целью члены партии видят обеспечение безбедной и комфортной жизни каждому человеку. В программе уделено внимание проблемам национального строительства в Украине: «Урегулирование языковой ситуации в Украине, осуществление реальных мер для утверждения украинской нации как сообщества свободных граждан независимо от происхождения, языка, вероисповедания и политических убеждений»¹⁰. Таким образом, Народная партия утверждает не этнический, а гражданский тип нации. Однако, из программы неясно, что понимается под «урегулированием языковой ситуации», также не называются меры, которыми будет утверждаться украинская нация. При чётком понимании образа желаемого итога национального строительства отсутствует ясность в том, как этого добиваться.

В программе партии В. А. Ющенко уделяется много места рассмотрению проблем национальной консолидации украинского общества. «Наша Украина» называется партией украинского народа, призванной выражать его интересы. В тексте программы существует отдельный раздел названный «Укрепление национальной идентичности». Украинской нацией называется «сообщество граждан Украины независимо от их этнической и языковой принадлежности, вероисповедания и места проживания»¹¹. Однако, данная формулировка уточняется: «Гражданская консолидация в Украине немыслима без этнокультурного развития его граждан ... В многоэтнических обществах, которым является Украина, этот процесс должен происходить на культурной основе титульной украинской нации, которая не имеет других возможностей и форм собственного развития, кроме как в рамках национального государства». Далее в тексте программы описываются многочисленные задачи по формированию украинской нации: от сохранения за украинским языком статуса единственного государственного до развития истинно украинских религиозных конфессий (УАПЦ, УПЦ КП, УГКЦ).

Определение украинской нации как сообщества всех граждан Украины в независимости от этнического происхождения противоречит утверждению, что она должна формироваться на доминировании украинского этнического элемента. И таких противоречий в программе множество. Однако, программа «Нашей Украины» является единственной, где хотя и часто противоречия друг другу по смыслу детально описаны пути консолидации украинского общества — и это путь консолидации на украинской этнической основе.

«Партия регионов», электорат которой находится в юго-восточных регионах Украины, формулирует свою позицию по национальному вопросу на основе социально-культурных предпочтений местных жителей. Во-первых, гарантируется тесное сотрудничество с Россией и странами СНГ. Во-вторых, обещается придать русскому языку статус второго государственного. В-третьих, гарантируется, что вопрос о вступлении в НАТО Украины будет решаться на референдуме.

В программе «Партии регионов» больше, чем в программах других партий, уделено внимание языковой проблеме в Украине: «Партия регионов признает роль украинского языка как одного из символов украинского государства. Вместе с тем мы категорически против использования государственных институтов для насильственной украинизации и вытеснения других языков, прежде всего русского, из сфер официального общения, средств массовой информации, науки, образования и культуры¹²». Большую роль в программе «Партии регионов» отводится сохранению регионального разнообразия Украины. Региональная разобщённость Украины обозначается не как проблемный участок для консолидации украинского общества, но как основной ресурс развития страны.

«Партия регионов», опираясь на предпочтения избирателей юго-востока Украины, стремится утвердить проект политической нации на гражданских основаниях. Промышленные элиты Украины заинтересованы в тесных связях, как с Россией, так и с Западом, но в программе чётко прослеживается идея суверенной украинской государственности, так именно крупный бизнес юго-востока нуждается в утверждении на международной арене как самостоятельного игрока. Акцент на решении языкового вопроса вызван, с одной стороны, предпочтениями жителей юго-востока, с другой, нежеланием углубляться в интерпретации того, чем же в итоге должны оказаться украинская нация. Аккумулируя предпочтения восточных жителей страны, «Партия регионов» оказывается главным противовесом движениям, опирающимся на украинский этнический национализм.

Большинство украинских политических партий видят украинскую нацию как сложившееся сообщество всех граждан Украины вне зависимости от этнического происхождения, языка и религиозных убеждений. Тем не менее, многие партии делают акцент на решении языкового, религиозного вопросов, с положительной или с негативной трактовкой рассматривается проблема современной украинизации. Это позволяет сделать вывод, что трактовка большинством партий украинской нации

как политической и гражданской является формальным и ничего незначащим элементом партийных программ, дежурной фразой, придающей большую либеральность и демократичность партийным программам. Интеграционный проект украинской политической нации может возникнуть только в ситуации сплочённой элиты. Но на данном этапе украинские политики продолжают вести между собой борьбу за обладанием большими преференциями на внутренней и международной арене. Демократические институты становятся заложником внутриэлитных противостояний, так как большинство политиков согласилось с ними как с основополагающими ограничителями борьбы друг с другом, но ни как источником вертикальной связи между обществом и элитой.

¹ Хантингтон С. Третья Волна: Демократизация на исходе XX века М.: РОССПЭН — 2003. — 276 с.

² Мельвиль А. Ю., Стукал Д. К. Условия демократии и пределы демократизации. Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах и многомерного статистического анализа // Полис — 2011 — №3 — С. 165

³ Растоу Д. А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис — 1996, №5 — С. 5–15

⁴ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. — М.: Аспект Пресс, 1997. — 288 .

⁵ Грицай Е., Николко М. Украина: национальная идентичность в зеркале Другого — Вильнюс: ЕГУ, 2009. — С. 167

⁶ Головаха Е., Панина Н. Основные этапы и тенденции трансформации украинского общества: от перестройки до «оранжевой революции» // Полит.Ру — <http://www.polit.ru/research/2007/03/19/ukrtransformation.html> [Проверено 10.06.2011]

⁷ М. Погребинский. Как Украина шла к оранжевой революции // «Оранжевая революция»: лозунги и реальность: Сборник. — М.: Европа, 2006 — С. 123–136.

⁸ Предвыборная программа Блока Юлии Тимошенко «Украинский прорыв»// Лига Досье — http://file.liga.net/party/4/f_prog_platform.html [Проверено 01.06.2011]

⁹ Програма Комуністичної партії України//Официальный сайт КПУ — <http://www.kpu.net.ua/program/> [Проверено 01.06.2011]

¹⁰ Програма Народної Партії//Официальный сайт Народной партии — <http://narodna.org.ua/page/programme/> [Проверено 02.06.2011]

¹¹ Програма політичної партії «Наша Україна»/Официальный сайт партии «Наша Украина» — <http://www.razom.org.ua/documents/443/> [Проверено 02.06.2011]

¹² Програма Партії регіонів//Официальный сайт «Партии регионов» — <http://www.partyofregions.org.ua/meet/program/> [Проверено 02.06.2011]

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА УКРАИНЫ: МЕЖДУ ЕВРОСОЮЗОМ И ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИЕЙ

Понимание статуса Украины в интеграционных объединениях, а также анализ развития приоритетов и основных направлений внешней экономической и региональной политики государства является основополагающим для изучения её внешнеполитического курса. Выбор подобной тематики обусловлен тем, что Украина, на протяжении всей своей истории как независимого государства, принимает деятельное участие в региональных интеграционных объединениях, однако теоретическому обобщению её роли в этих структурах, как правило, уделяется мало внимания. Сложность в изучении данной проблематики состоит в том, что становление новых форм интеграции — процесс непрерывный, и в свете этого, всякое теоретическое обобщение рискует потерять свою актуальность в течение весьма непродолжительного промежутка времени.

Таким образом, перед нами возникает сразу несколько задач.

Первая — рассмотреть процесс развития и реформирования наиболее значимых организаций интеграционного типа, в которых участвовала Украина на протяжении своей независимой истории.

Вторая — проанализировать основные перспективы развития экономической и региональной политики Украины в рамках членства в обозначенных организациях в силу своего двоякого геополитического положения между странами постсоветского пространства и Евросоюзом.

В первые годы независимости, украинские руководители придерживались официальной концепции нейтралитета, основы которой были заложены еще в Декларации о государственном суверенитете Украины от 16 июля 1990. В ней подчеркивалось, что Украинская ССР провозглашает свое намерение стать в будущем постоянно нейтральным государством, которое не принимает участия в военных блоках и придерживается трех ядерных принципов: «не принимать, не изготавливать и не приобретать ядерного оружия»¹.

Однако, исходя из того, что геополитически Украина не может быть нейтральным государством и является типичной региональной страной, вскоре она начала занимать важные места в региональных политических и экономических союзах. Одним из первых направлений интеграции, которые стала развивать Украина, с момента образования независимого государства, стал курс на развитие экономической и региональной политики Черноморского бассейна.

Первые шаги в этом направлении были предприняты еще в конце 1991 — начале 1992 г., когда особую популярность приобрела идея о Черноморско-Балтийском содружестве. В случае успешного развития этой дипломатической операции, Украина могла получить собственные рычаги контроля над стратегическими торговыми коммуникациями. Однако Черноморско-Балтийское содружество с самого начала не имело внутренней опоры, а предполагалось как альтернатива влиянию России в регионе. При этом предполагалось Украинское лидерство в содружестве и стратегическое партнерство с Польшей. Однако подобная концепция вступала в противоречие как с нейтральным статусом Украины, так и с интересами самой Польши, которая никак не могла согласиться с лидерством Украины.

Вторая попытка установить политическое влияние в регионе была предпринята в июне 1992 г., когда странами Причерноморского бассейна (Сербия, Болгария, Румыния, Грузия, Украина) было подписано так называемое «Босфорское заявление», за которым последовало две сессии Парламентской Ассамблеи Черноморского экономического сотрудничества (ПАЧЕС). Ассамблея ставила перед собой цели экономического и политического сотрудничества. В сферу её интересов входило решение таких вопросов как решение экономических проблем, связанных с санкциями ООН против Сербии, а также снижение военно-морской активности на Черном море, в котором была заинтересована Украина².

В рамках обеих вышеупомянутых инициатив Украина могла получить удобных экономических союзников, а также заручиться поддержкой по вопросам снижения военно-морской активности на Черном море. Однако в связи с разнородностью задач и переоценкой возможностей структур интеграции в рамках подобных объединений, обе идеи так и не были до конца реализованы.

На сегодняшний день мы можем говорить о трех наиболее значимых объединениях, в рамках которых Украина реализует интеграционную политику на евразийском пространстве, а также в направлении сотрудничества с ЕС.

Содружество Независимых Государств

Об интеграции в рамках евразийского пространства посредством членства Украины в СНГ пока можно говорить лишь частично. Одним из немногих значимых проектов Содружества, в котором полноценно участвует Украина, является Зона свободной торговли, попытки реализации успешного функционирования которой до сих пор не привели к существенному успеху.

Зона свободной торговли СНГ существует с 15 апреля 1994 года. В этот день президенты 11 стран СНГ (кроме Туркменистана) подписали Соглашение о Зоне свободной торговли. Верховная Рада Украины ратифицировала его в 1999 году.

Соглашение могло бы сыграть позитивную роль, однако странам СНГ не удалось в разумные сроки разработать и согласовать на многосторонней основе общий перечень изъятий товаров из режима свободной торговли, предусмотренной соглашением. Только в подписанном в 1999 г. Протоколом о внесении изменений и дополнений в Соглашение о создании зоны свободной торговли было установлено, что изъятия из режима, имея временный характер, могут применяться на основе двусторонних документов³. Однако процесс правового оформления этих изъятий затянулся на годы.

Указанным соглашением и протоколом взамен действовавшего в СНГ ранее двустороннего режима свободной торговли вводился многосторонний. Предполагалось, что при осуществлении внешнеторговых операций на таможенных территориях стран, вошедших в зону свободной торговли, будут действовать унифицированные правила. Это должно было создать благоприятные условия для свободного движения товаров и услуг, роста взаимной торговли, развития взаимовыгодных кооперационных связей, открыть перспективу формирования общего рынка СНГ⁴.

Сегодня совершенствование механизма Зоны свободной торговли приобретает все большую актуальность в связи с обновлением соглашения на саммите глав-государств СНГ 18 октября, которое подписала в том числе и Украина⁵. Согласно документу, предполагается отменить экспортные и импортные пошлины на ряд товаров, однако в документ возвращена идея общего перечня изъятий, которые будут ликвидированы позднее. Обновление соглашения сохраняет перспективу его положительной реализации, однако, насколько оно будет успешно, покажет время.

Организация за демократию и экономическое развитие — ГУАМ

ГУАМ, начало которому было положено во время саммита Совета Европы в Страсбурге в 1997 г. создавался как политико-консультативный форум и длительное время существовал в качестве неформального объединения, клуба глав-государств, в компетенцию которого входил широчайший круг вопросов как военно-политического, так и культурного, социального и экономического характера. Официальный статус объединения получило лишь в 2001 году с подписанием Ялтинской хартии ГУУАМ на саммите глав-государств⁶. К этому моменту первоочередной задачей организации становится интеграция в экономической и иных сферах с другими государствами-членами.

В 2002 г. участниками было подписано соглашение о создании Зоны свободной торговли, намечающее пути унификации и гармонизации таможенного законодательства, регулирующее, например, такие вопросы, как правила определения страны происхождения товаров, приведение к единообразию таможенных процедур⁷. Это один из первых шагов на пути к реализации масштабного проекта создания транспортного коридора Азия-Европа, который являлся одной из задач, ради которых задумывался ГУАМ.

Однако инициатива по реформированию объединения в «Организацию за демократию и развитие — ГУАМ», ключевую роль в которой сыграла именно Украина, во многом поменяла её основные цели на политические. Одним из основных принципов отныне стало развитие отношений с западными соседями.

В мае 2006 г., во время саммита в Киеве, президентом Украины В. Ющенко было выдвинуто предложение об изменении названия организации. На основании данного предложения подписана декларация о создании «Организации за демократию и развитие — ГУАМ», секретариат которой должен был находиться в Киеве. Члены ГУАМ договорились о создании топливно-энергетического совета для координации действий по вопросам топливно-энергетической политики и безопасности. В ходе саммита Ющенко заявил, что участники ГУАМ намерены решать свои локальные задачи, которыми не занимается СНГ в силу глобальности Содружества. Устав «Организации за демократию и экономическое развитие — ГУАМ», окончательно закрепил международно-правовой статус этой структуры. Участники договорились преобразовать Объединение ГУАМ в международную региональную организацию⁸.

Таким образом, возникает противоречие между изначальными целями организации и предпринимаемыми ей реальными инициативами. Характерно, что одними из основных положений устава ГУАМ стали: выделение в качестве основной цели «утверждение демократических ценностей», а в качестве дополнительной «углубление европейской интеграции для создания общего пространства безопасности»⁹. Подобные формулировки лишают нас оснований говорить о приоритете экономических задач, делая организацию приоритетно политической, ориентированной на сотрудничество с западными странами. Задачи экономической интеграции в данной ситуации становятся второстепенными.

Восточное Партнерство

Восточное Партнерство является специальным проектом, созданным Европейским союзом и представленным на Совете ЕС 26 мая 2008 года. Главная цель проекта — сближение стран Евросоюза с 6 странами бывшего СССР: Азербайджаном, Арменией, Белоруссией, Грузией, Молдавией и Украиной. Важно отметить, что цели Восточного Партнерства носят, по большей части, декларативный характер. В документах по партнерству содержится намек на присоединение этих стран к ЕС в будущем, однако сами политики Евросоюза признают тот факт, что ВП не является заменой членства указанных стран в ЕС или альтернативным путем к нему¹⁰. Официально декларированные цели партнерства: принятие странами-членами технических стандартов ЕС, создание зоны свободной торговли между ЕС и ними, повышение эффективности работы госаппарата¹¹.

Украина, помимо официально декларированных задач, вероятно, преследовала и определенные цели в области экономической политики. В качестве примера можно привести слова Виктора Ющенко об укреплении европейской энергетической безопасности за счет реализации возможных проектов поставок углеводородного сырья в Европу в обход России¹².

Однако пока под проект восточного партнерства не подведен должный финансово-экономический фундамент, конкретная реализация его целей и задач остается не решенной. По причине глобального финансового кризиса и необходимости оказания помощи странам — «новичкам» ЕС не в состоянии выделить солидные средства на реализацию проекта. Украинские власти еще в 2009 г. выражали беспокойство

замедлением переговоров с еврокомиссией относительно заполнения программы¹³. Отмечалось отсутствие единого подхода и комплексного видения будущего механизма взаимодействия в рамках партнерства.

При грамотном использовании заключенных в Восточном Партнерстве возможностей Украина получила бы значительные выгоды в экономическом и социально-политическом планах, однако, учитывая сегодняшнюю экономическую ситуацию в Европейском Союзе, идея Восточного партнерства остается скорее долгосрочной перспективой.

Благодаря двусторонним планам действий Украина имеет возможность заключить гораздо более успешное соглашение об ассоциации, включающее положения об углубленной зоне свободной торговли и дальнейшей либерализации визового режима¹⁴.

Подводя итоги, можно сказать, что все рассматриваемые организации заключают в себе ряд преимуществ для развития внешней региональной политики Украины, однако, вместе с этим, имеют в перспективе своего развития необходимость устранить определенные недостатки. Немаловажным является и то, что все эти организации включены в биполярное геополитическое поле между евразийским пространством и Евросоюзом.

Об интеграции в рамках евразийского пространства посредством членства Украины в СНГ пока можно говорить лишь частично, однако обновление соглашения в ноябре этого года предоставляет одну из наиболее многообещающих перспектив в интеграционной политике Украины.

ГУАМ по своему географическому расположению и первоначальным задачам, безусловно, является объединением, направленным на развитие сотрудничества в области экономической политики на евразийском пространстве. Организацией принимается ряд перспективных инициатив по созданию Зоны свободной торговли, контролю над оборотом наркотиков, урегулированию ситуации в области контроля границ и противодействия террористической деятельности. Однако инициатива по реформированию объединения в «Организацию за демократию и развитие — ГУАМ» во многом поменяла её основные цели на политические, одним из основных принципов которых становится развитие отношений с западными соседями. Противоречие между изначальными целями ГУАМ и предпринимаемыми ей реальными инициативам и сохраняет неопределенность относительно перспектив развития организации.

Реализация задач, поставленных Восточным партнерством, могла бы дать Украине действительно существенные выгоды от членства в этой организации. Однако, по причине нестабильной ситуации внутри самого Евросоюза, входящие в него государства пока не заинтересованы в развитии данного направления и проект, по сути, является замороженным. Гораздо более успешных результатов в области сотрудничества с ЕС сегодня Украина получает от своего двустороннего сотрудничества с западными соседями.

¹ Декларация про державний суверенітет України // Національні відносини в Україні у ХХ столітті. Київ, 1994. — С. 454–487.

² Мельничук И. Н. Геополитические приоритеты современной Украины // Россия и её соседи. Соотнесение национальных интересов внутри СНГ. М. 1999. — С. 153–154.

³ Дипломатический вестник. 1999. № 8. — С. 17–19

⁴ Троицкий А. В. Формы экономической интеграции государств-участников Содружества независимых государств. СПб., 2008. — С. 51–52

⁵ О зоне свободной торговли. Договор от 18 октября 2011 года // Справочно-правовая система «Право.ру». URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/21097150/>

⁶ История ГУАМ // Официальный сайт ГУАМ. URL: <http://guam-organization.org/node/242>

⁷ Линотт Д., Оун Л.-Э. ГУУАМ: Соглашение о создании зоны свободной торговли (Предварительные итоги) // Центральная Азия и Кавказ. Стокгольм, 2003. № 1(25). С. 32.

⁸ Коммюнике Саммита ГУАМ, 23 мая 2006 года, г. Киев // Официальный сайт ГУАМ. URL: <http://guam-organization.org/node/441>

⁹ Комаровский В. С. Россия-Запад: диалог по поводу демократии // Диалог Восток-Запад: становление и развитие постсоциалистических систем. Приложение к журналу «Мир и Согласие». М., 2007. — С. 6.

¹⁰ Немецкий депутат: Украина не попадет в ЕС, если не выполнит программу «Восточное партнерство» // Информационное агентство Regnum. URL: <http://regnum.ru/news/1158830.html>

¹¹ Сергунин А. Восточное партнерство в контексте российско-европейских отношений // Россия и Восточное партнерство ЕС: вызов или новая платформа для сотрудничества? СПб., 2009. — С. 34

¹² Малков Д. «Восточное партнерство» как зеркало европейских ожиданий соседей РФ // Сайт информационного агентства РИА новости. URL: <http://ria.ru/world/20090508/170439144.html>

¹³ Президент Ющенко подтвердил, что «Восточное партнерство» заморожено // Информационное агентство Regnum. URL: <http://www.regnum.ru/news/1191336.html>

¹⁴ Эберхардт А. Восточное партнерство и региональная безопасность // Россия и Восточное партнерство ЕС: вызов или новая платформа для сотрудничества? СПб., 2009. — С. 74

А. Ю. Наумова

ПОЗИЦИЯ РОССИИ В ХОДЕ «ОРАНЖЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В УКРАИНЕ

В конце 2004 года Украина стала настоящим полем битвы на отдельно взятом, но очень важном, участке «великой шахматной доски» — постсоветском пространстве. Как известно, после распада bipolarной системы и развала Советского Союза именно этот регион является одним из наиболее конфликтогенных зон в рамках новой, формирующейся и поныне модели международных отношений.

Корни многочисленных конфликтов и кризисов, коими изобилует постсоветское пространство, следует искать в распаде СССР в 1991 году. После череды «бархатных», а затем и «цветных» революций в странах бывшего социалистического лагеря и «братских» советских республиках последовал переход большинства из них в стан союзников Североатлантического Альянса. Все это создало новую геополитическую реальность: граница противостояния по линии Россия—Запад (имеются ввиду США и ЕС) переместилась непосредственно к рубежам Российской Федерации.

Действительно, в течение 1990-х годов Россия растеряла большую часть своего влияния не только в странах-участниках Организации Варшавского Договора, но и непосредственно в бывших советских республиках. В последствии она оказалась в непростой ситуации: поддерживать в «цветных революциях» на пространстве бывшего СССР ей было практически некогда. Э. Шеварнадзе, Л. Кучма, В. Янукович были, безусловно, далеко не теми лидерами, которые планомерно проводили внешнеполитический курс, выгодный Москве, однако М. Саакашвили и В. Ющенко были настроены и вовсе антироссийски.

Переходя непосредственно к анализу факторов, которые определили позицию России в ходе «оранжевой революции» надо сразу отметить, что Украина — это главный непосредственный сосед России на юго-западе, страна с населением 48 миллионов человек, лежащая между Россией и ЕС. Главный интерес России в отношении Украины во время кризисных событий 2004 года был очень прост: обеспечить максимальное сотрудничество в экономической и политической сферах по всем направлениям, жизненно важных для обеспечения национальных интересов России.

Еще одной причиной столь пристального внимания России к украинским выборам стал фактор возможного вступления Украины в НАТО. После расширения Североатлантического Альянса на Восток весной 2004 года, осуществленного в том числе за счет балтийских государств, войска НАТО оказались буквально у границ России, началось, например, патрулирование самолетами альянса воздушного пространства вблизи российской границы.

Вхождение Украины в НАТО привело бы, помимо прочего, и к серьезным проблемам для российского, да и для украинского, военно-промышленного комплекса, которые изначально были очень плотно интегрированы. Кооперация продолжалась и после распада СССР, в том числе, в области производства транспортных самолетов, космических аппаратов и ракетно-космических комплексов, боевых кораблей и корабельного оборудования, военной радиотехнической продукции, а также в сфере модернизации, ремонта и сервиса продукции военного назначения. Кроме того, Москва справедливо предполагала, что при Ющенко начнется выдавливание российского Черноморского флота из Севастополя, в то время как строительство новой базы российского Черноморского флота обошлось бы в десятки миллиардов долларов, не говоря уже о падении влияния Москвы на одном из важнейших с геополитической точки зрения направлений.

Лидеры российского государства откровенно поддержали одного кандидата — В. Януковича. Москва поддержала В. Януковича, и это произошло не потому, что Янукович устраивал Кремль; Москва просто сделала ставку на стабильность и статус-кво. Януковича выбрали тогдашний президент Украины Л. Кучма, назначив его своим премьер-министром, и основные финансово-политические группы Украины. Правда, напрямую заявлений в поддержку Януковича именно как кандидата в президенты российское руководство не делало, но ряд публичных высказываний высших лиц государства, в том числе и президента В. В. Путина, одобрявших деятельность Януковича как премьер-министра, не оставляли никаких сомнений в том, какой выбор нужен Москве. «Мы примем любое решение украинского народа, но хотели бы рассчитывать на то, что будет сохранена преемственность в будущем»¹, — заявил Путин, прозрачно намекая на желательность сохранения прежней власти.

Такая позиция президента России по отношению к украинским выборам вытекала из курса на создание единого экономического пространства России, Украины, Белоруссии и Казахстана (ЕЭП) с общим

руководящим и координирующим органом. К такой интеграции был готов (по крайней мере, на словах) Янукович, но не был готов его визави — Ющенко, откровенно ориентировавшийся на сближение со странами Запада, на союз не только с Европой, но и с США².

Россию также настораживало, что при Ющенко-президенте русский язык, который считают своим родным не менее 50% граждан Украины, не только не смог бы получить официального статуса, но и подвергнулся бы интенсивному выдавливанию. Об этом свидетельствовали и неоднократные высказывания самого Ющенко, и то, что при его содействии в парламентскую фракцию «Наша Украина» вошли все украинские политики, которые в предыдущие годы прославились стремлением к вытеснению русского языка.

Нельзя не отметить и религиозный аспект «оранжевой революции». Как известно, Украина — страна, где религиозная жизнь является политически ярко окрашенной. В. Ющенко в ходе предвыборной кампании поддерживали Украинская греко-католическая церковь и Украинская православная церковь Киевского патриархата, которая выделилась из канонической УПЦ Московского патриархата в результате событий середины 90-х годов XX века, когда в Украине разыгрывались драматические бои прихожан за храмы. Как справедливо заметил российский политолог С. Марков, Москва небезосновательно считала, что в случае прихода к власти Ющенко и церковные политики в его команде выдают украинскую православную церковь Московского патриархата из Украины и тем самым конфессионально разделят Украину и Россию³.

Исходя из вышесказанного неудивительно, что Россия на данных выборах выступила против Ющенко. Созданный и активно работающий в Украине под патронатом российского посольства т.н. Российский клуб незадолго до украинских выборов в своем меморандуме декларировал: «Виктор Ющенко — антироссийский и прозападный политик... Виктор Ющенко — это угроза разрушения существующих договоренностей... Виктор Ющенко — это путь к расколу Украины... Виктор Ющенко — нерешительный и несамостоятельный политик... Виктор Ющенко — это политик старой формации» и т.д. Очевидно, что участие России в украинской избирательной кампании не ограничивалось подобными меморандумами.

Накануне выборов Россия поддержала Януковича не только словом, но и делом. Москва пошла на очередные серьезные экономические уступки Украине; в 2004 году существенно выросли товарооборот

России с Украиной, возросли российские инвестиции в украинскую экономику и т.д. Характерно, что финансово-экономическая поддержка России дала Януковичу возможность дополнительно освободить часть бюджетных средств для реализации социальных программ и, тем самым, повысить свои шансы на президентских выборах.

И все же результаты российского вмешательства оказались обратными желаемым. Зримое присутствие российского фактора актуализировало для украинцев проблему выбора и способствовало политической мобилизации вокруг Ющенко тех слоев населения, для которых было неприемлемо увеличение веса России в украинской политике, но которые в иных обстоятельствах совсем не обязательно пошли бы за лидером «Нашей Украины». Уровень ориентации простых украинцев на Россию в штабе Януковича явно преувеличивался. В результате Янукович сделал ставку на мобилизацию пророссийского электората и проиграл; найдя лозунги для объединения группы, включавшей максимум 35–40% населения, он оттолкнул остальных, например, украиноязычное население сельских районов центральных областей. В целом, настойчивое продвижение Москвы собственного взгляда на будущее Украины в силу логики отторжения, по сути, стало переломным фактором, сработавшим в пользу Ющенко.

Наконец, не существовало и согласованной линии российского истеблишмента в отношении украинских событий: российские финансовые ресурсы и политические консультанты оказались в обоих лагерях. Ющенко получил серьезную поддержку от российских либеральных политиков, прессы и некоторых бизнесменов.

России так и не удалось выработать четкую парадигму поведения в ходе украинских выборов, что в итоге привело к провалу российской политики на украинском направлении в 2004 году, что, в первую очередь, выразилось в поражении «промосковского» кандидата В. Януковича.

Принципиальное отличие позиции России от позиции Запада на украинских выборах состояло в различных механизмах и формах воздействия. Так, США и страны ЕС изначально имели достаточно определенную позицию относительно Украины. Уже более десяти лет они осуществляли целенаправленные кампании по формированию прозападной украинской элиты, в частности в среде экспертов и журналистов, что в результате оказалось весьма эффективным методом достижения своих целей⁴.

Так, еще в начале 1990-х годов в Украине начали появляться и активно развиваться прозападные гражданские организации нового типа — «thinktank's». Наиболее точным переводом на русский язык названия данного типа организаций будет «фабрика мысли». Эти организации занимались не только политическим анализом и исследованием политической ситуации в стране, они были на переднем краю создания «гражданского общества» и формирования позитивного имиджа Запада в глазах рядовых украинцев. Со стороны России же подобная работа практически не проводилась.

Данные организаций сыграли свою роль в осуществлении «оранжевой революции», именно они сразу после закрытия избирательных участков опубликовали данные экзит-поллов, согласно которым победа Ющенко была неоспоримой. На основании этих исследований оппозиция и заявила о нечестных выборах и «украденной победе» Виктора Ющенко.

В заключении следует отметить, что никогда раньше Запад столь активно не вовлекался в процесс выборов ни в одном постсоветском государстве, даже в Грузии. Тут нет ничего удивительного. Всем известно, что западные стратеги, да и не только западные, всегда выражали опасение по поводу того, что когда-нибудь Украина объединится с Россией, а это будет означать, что Россия обретет принципиально иное качество. Объединившись даже с восточной и южной частью Украины, она может обрести, во-первых, более выгодные геополитические позиции; во-вторых, около тридцати миллионов образованного и квалифицированного населения, в культурном и языковом отношении гомогенного с русскими; в-третьих, дополнительный экономический и военно-технический потенциал. Учитывая, что в середине 2000-х Россия находилась на подъеме, а глобализирующийся мир переходил от одних конфликтов к другим, это могло бы обеспечить России принципиально иное место и положение по отношению к Брюсселю и Вашингтону⁵.

Фактом является и то, что ни на одних выборах в мировой истории влияние внешних сил не было столь большим, ни одни выборы не привлекли столь пристального международного внимания. Количественным выражением этого стало присутствие на третьем туре украинских выборов 15 тысяч наблюдателей из западных стран и 900 — из СНГ, тогда как до этого ни на одни выборы в мире не приезжало больше 600 человек⁶.

Конечно, Россия могла бы перейти к открытой фазе противостояния Брюсселю и Вашингтону и простимулировать процессы по обособлению востока и юга Украины от Киева и запада. Однако это означало бы фронтальное столкновение с Брюсселем и Вашингтоном, к которому Россия не была готова.

Надо также отметить, что Россия недооценила политику Запада по отношению к Украине его желание и возможности вмешаться в украинский конфликт. Российская дипломатия, видимо, исходила из того, что Европейский союз, ОБСЕ и Соединенные Штаты поступят так же, как они поступали в отношении избирательных кампаний в Центральной Азии и в Закавказье, то есть будут критиковать, но не будут вмешиваться. Однако в случае с Украиной Запад очень активно включился в спор⁷.

Исход третьего тура легко было предсказать. Симптоматично, что приход к власти Ющенко ознаменовался резким усилением риторики восточноевропейского образца. Речь идет, например, об использовании им образа «берлинской стены» или же о рассмотрении событий в Украине как одного из звеньев единого процесса расширения демократии, инициированного восточноевропейскими революциями 1989–1990 годов⁸.

Надо отметить также и то, что впервые за 14 лет существования украинского государства кандидат Западной Украины победил кандидата Восточной Украины. По большому счету в глобальном, мировом плане «запад победил восток».

Президентские выборы показали уязвимость украинской государственности, достаточно сильное влияние Запада на внутриукраинские процессы, отразили незрелость украинского государства и гражданского общества. В ситуации, когда украинцам необходимо было сплотиться и выбрать определенный курс развития страны, общество начали раздирать противоречия, результатом которых стала достаточно сильная поляризация общества. Наиболее активная часть украинцев пошла за прозападно настроенным Ющенко. В то время как голосовавшие за условно пророссийского Януковича не смогли отстоять свое видение будущего Украины.

¹ Цит. по: Малинкович В. О причинах «оранжевой революции» в Украине // «Оранжевая революция». Украинская версия / Сост. М. Б. Погребинский. М., 2005. — С. 53.

- ² Там же. — С. 54.
- ³ Марков С. «Оранжевая революция» — пример революции глобального сообщества XXI века // «Оранжевая революция». — С. 80–81.
- ⁴ Литвиненко А. «Оранжевая революция»: причины, характер и результаты // «Оранжевая революция». — С. 23.
- ⁵ Мигранян А. Коктейль победы: Почему Россия выиграла украинские выборы // «Оранжевая революция». — С. 95–96.
- ⁶ Никонов В. «Оранжевая революция» в контексте жанра // «Оранжевая революция». — С. 115.
- ⁷ Рар А. «Оранжевая революция» // «Оранжевая революция». — С.167.
- ⁸ Финько А. Выборы 2004 года: основные конфликты и их последствия // «Оранжевая революция». — С. 209.

20 ЛЕТ ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: РОССИЯ И УКРАИНА В ПОПЫТКАХ РЕШЕНИЯ ВОПРОСА О ВЗАИМНОМ ПРИЗНАНИИ ДИПЛОМОВ И СТЕПЕНЕЙ

Взаимодействие России и Украины в области образования и науки насчитывает 20 лет. Это небольшой срок для того, чтобы стать предметом специальных исторических исследований, в области истории высшей школы и культуры образования. Тем не менее, в 2000-е годы появился ряд научных работ, в которых были затронуты важные проблемы формирования и развития сотрудничества постсоветских государств в сфере образования¹.

В статье предполагается сосредоточить основное внимание на основных этапах российско-украинских межгосударственных отношений в области подготовки научных кадров в системе университетского образования.

При рассмотрении истории российско-украинского взаимодействия в данной сфере следует особо отметить значимость президентского и межправительственного уровней сотрудничества. Личное доверие и взаимопонимание на высшем уровне, во многом, оказывается определяющим в отношениях двух стран.

Сквозным вопросом российско-украинского сотрудничества в области образования, который «решается» вот уже в течение 20 лет, был и остается вопрос взаимного признания дипломов и научных степеней, между Россией и Украиной. Несмотря на подписание в 2000 г. и 2003 г. Соглашений между Правительством Российской Федерации и Кабинетом министров Украины о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании и ученых званиях², эта проблема далека от практического решения. Неслучайно она постоянно возникает как в научных дискуссиях на конференциях, так и на президентском уровне.

Столь долгий срок решения вопроса о взаимном признании дипломов между Россией и Украиной выглядит диссонансом по отношению к положительному опыту преодоления «барьера признания» в Европе

в рамках «Болонского процесса». В этой связи интересно рассмотреть историю параллельного обсуждения вопроса на постсоветском и на общеевропейском пространстве.

Вначале стоит напомнить, что спустя полгода после распада СССР в мае 1992 г. в Ташкенте было подписано межправительственное Соглашение государств-участников СНГ о сотрудничестве в области образования³. В нем содержалась статья о взаимном признании государствами, подписавшими Соглашение, документов государственного образца об образовании. В числе стран, подписавших данное Соглашение, были Россия и Украина. Это говорит о том, что, несмотря на прекращение существования советского государства, образовательное пространство оставалось единым.

Тогда же, в мае 1992 г., на IV внеочередном съезде Ассоциации университетов СССР, (созданной еще в 1989 г.) была оформлена Евразийская ассоциация университетов⁴, инициатором создания которой выступил Московский государственный университет им М. В. Ломоносова. В настоящее время Евразийская ассоциация университетов объединяет 81 университет Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Молдовы, России, Таджикистана, Узбекистана и Украины. В состав ассоциации входят, в том числе, 49 российских и 15 украинских вузов, что составляет более половины всех университетов-участников ассоциации. Европейская ассоциация университетов действует очень активно, проводя ежегодно множество мероприятий, в которых задействованы университеты России и Украины.

Стремление к партнерству университетов России и Украины было закреплено в начале 1997 г., когда в Москве было подписано специальное Соглашение о сотрудничестве по формированию единого (общего) образовательного пространства СНГ⁵.

При рассмотрении содержания этого документа обнаруживается, что создание «единого образовательного пространства СНГ» предполагало:

1. Выработку механизма координации интеграционных процессов в области образования, подготовки и аттестации научных и научно — педагогических кадров;
2. Определение финансово-экономических параметров и механизмов реализации совместных проектов в области образования, подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров;

3. Обеспечение, в соответствии с национальным законодательством, свободного доступа к учебной и научно-технической информации;
4. Разработку необходимой правовой базы по вопросам взаимодействия в области образования, установления требований и механизма взаимного признания эквивалентности документов об образовании, ученых степеней и званий и др.

В это время процессы интеграции в сфере высшего образования принимали уже общеевропейский характер. Об этом свидетельствует подписание странами Европы в 1997 г. «Лиссабонской конвенции о признании»⁶. Этот документ подписали, в том числе, Россия и Украина. Таким образом, российско-украинское образовательное пространство было включено в общеевропейское. Но, если европейская политика в сфере высшего образования носит системный характер (конференции министров образования проводятся раз в два года) — то российско-украинское взаимодействие в этой сфере не столь систематично.

Лиссабонская конвенция о признании была принята в условиях взаимодействия России и Украины, в рамках Смешанной российско-украинской комиссии по сотрудничеству, созданной в начале 1996 г. Российскую часть комиссии возглавил премьер-министр РФ В. С. Черномырдин, а украинскую — Е. К. Марчук. Одним из основных результатов деятельности этой комиссии можно считать подписанный в мае 1997 г. Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной⁷. В 23-й статье этого Договора в очередной раз была подтверждена позиция об эквивалентности российских и украинских дипломов и научных степеней.

В годы работы Смешанной комиссии по сотрудничеству были созданы два российско-украинских университетских консорциума: Российско-украинский университет (Таганрог-Донецк), в 1997 г., и Российско-украинский приграничный университетский консорциум (Белгород-Харьков), в 2003 г. Позднее, в 2004 г., в состав последнего вошел еще и белорусский вуз — Гомельский государственный университет, — что превратило консорциум в белорусско-российско-украинский.

В рамках Приграничного консорциума, возможно, по аналогии с Болонской декларацией, в апреле 2008 г. была принята Белгородская декларация⁸, но в отличие от Болонской она носит узкий, региональный, характер. Болонскую же декларацию подписали и Россия (2003,

Берлин), и Украина (2005, Берген), следствием чего стало ускорение перехода систем высшего образования России и Украины на многоуровневую систему подготовки кадров.

В процессе развития междууниверситетского сотрудничества важным шагом на пути укрепления академических связей стала международная конференция в 2009 г. в Москве, посвященная созданию Сетевого университета стран СНГ (СУ СНГ) на базе Российского университета дружбы народов. Важным организационным результатом конференции было подписание Соглашения о сотрудничестве между двенадцатью вузами постсоветского пространства, среди которых были и два украинских университета: Донецкий национальный университет и Днепропетровский национальный университет им. Олеса Гончара.

В настоящее время в СУ СНГ участвуют 22 университета (три из которых входят в технический консорциум СУ СНГ). В 2011 г. 141 магистрант завершил, первый год обучения в магистратуре РУДН, по пяти направлениям высшего образования. По окончании первого года обучения в РУДН, студенты СУ СНГ разъехались по национальным университетам, чтобы там завершить второй год магистерской подготовки и, защитив магистерскую диссертацию, получить «двойной диплом» РУДН и национального вуза⁹. Таким образом, впервые получила практическое воплощение идея «двойного диплома» между вузами постсоветского пространства, в том числе между российскими и украинскими университетами.

На фоне первого успеха в деле координации образовательных пространств России и Украины, а также после выборов В. Януковича президентом Украины, состоялось третье заседание Подкомитета по гуманитарному сотрудничеству Российско-украинской межгосударственной комиссии¹⁰. Предыдущее заседание было в 2010 г. По политическим причинам график заседаний Межправительственной комиссии и Подкомитета по гуманитарному сотрудничеству не совпадает с тем порядком, который был установлен в Соглашении о создании Комиссии: дважды в год, поочередно, в Москве и в Киеве. Нестабильность российско-украинского взаимодействия на межправительственном уровне объяснялось политической нестабильностью на Украине. Третье заседание подкомитета по вопросам гуманитарного сотрудничества символизировало восстановление российско-украинских партнерских отношений в области образования и науки.

В мае 2010 г. состоялся визит президента РФ Дмитрия Медведева в Киев. Тогда же прошло заседание Межгосударственной комиссии, и в Киевском национальном университете им. Тараса Шевченко была организована встреча украинских студентов с российским президентом¹¹. Дмитрий Медведев отметил важность преподавательской и студенческой мобильности между Россией и Украиной и необходимость синхронного развития высшего образования в России и на Украине в рамках Болонского процесса. Отвечая на вопрос украинского студента, Д. А. Медведев вновь заявил о намерении решить вопрос о взаимном признании дипломов.

В сентябре 2011 г. в Москве, в стенах Российского государственного гуманитарного университета прошла Встреча представителей высшего образования и университетской науки Российской Федерации и Украины. В ходе этой встречи ее участники высказывали озабоченность по поводу наличия процедуры нострификации дипломов и отсутствия прямого признания научных степеней. В результате представители 42 вузов России и Украины подписали Меморандум о создании Ассоциации вузов-партнеров России и Украины¹², наметили план ближайших мероприятий в ее рамках. Ассоциация вузов-партнеров России и Украины напоминает Евразийскую ассоциацию университетов как по организационным принципам, так и по составу участников.

Следующим практическим мероприятием по укреплению межвузовского сотрудничества стала встреча Е. И. Пивовара и В. С. Бакирова, ректоров РГГУ и ХНУ им. В. Н. Каразина, в Белгороде в октябре 2011 г. В итоге была достигнута договоренность об открытии, в 2012/2013 уч. г., совместной магистерской программы по направлению «История». При создании совместной магистерской программы «проблема признания» была успешно решена, как и возникший вопрос о сроках обучения в магистратуре (российской и украинской): в России магистрант учится два года — а на Украине один. Заметим, что Договор о взаимодействии был подписан ректорами этих вузов еще в 2009 г., но только теперь сотрудничество вышло на уровень создания программы «двойного диплома» российско-украинской магистратуры.

Рассмотрев вехи истории российско-украинского взаимодействия в области образования и науки, можно сделать вывод о том, что это сотрудничество прошло полный цикл своего развития: от общего, «советского», образовательного пространства до единого «постсоветского», от Соглашения о взаимодействии в области образования и науки (1993)

до Соглашения между Правительством Российской Федерации и Кабинетом министров Украины о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании и ученых званиях (2003).

Таким образом, следует отметить, что практическое развитие меж-университетских и межправительственных контактов в области университетского образования и степень его эффективности находится в определенной зависимости от степени политического взаимопонимания между Россией и Украиной. Тем не менее, заметно, что в последнее время взаимодействие университетов России и Украины постепенно приобретает черты системности.

¹ Пивовар Е. И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции . Исторический очерк — СПб.: Алетейя, 2008. — С. 156–162; Гушин А. В. Роль образования в социокультурной интеграции на постсоветском пространстве // В едином историческом пространстве. РГГУ, М. 2009. — С. 460–468.

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Кабинетом министров Украины о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании и ученых званиях (с изменениями от 28 января 2003 г.). [Электронный ресурс] // URL <http://www.urist.in.ua:/showthread.php?t=7405> (дата обращения: 21.03. 2012).

³ Соглашение о сотрудничестве в сфере образования, 15 мая, 1992, Ташкент. [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: http://www.businesspravoDocumID_41306.html (дата обращения: 21.03.2012)

⁴ Евразийская ассоциация университетов [Электронный ресурс] // [Официальный сайт]. URL: <http://www.eau-msu.ru> (дата обращения: 21.03.2012).

⁵ Соглашение о сотрудничестве по формированию единого образовательного пространства стран СНГ (от 17.01.1997). [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ URL: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=4552 (дата обращения: 21.03.2012).

⁶ Лиссабонская конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в европейском регионе, 11.04.1997. [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки РФ [Официальный сайт]. URL: http://dic.edu.ru/international_community/projects/bol/1379/ обращения: 21.03.2012).

⁷ Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной (31.05.1997) [Электронный ресурс] // Зовнішні зв'язки Українських залізниць [Официальный сайт] URL: http://ci.uz.gov.ua/c/ russia/agr/econ_1998_2007.html (дата обращения: 21.03.2012).

⁸ Белгородская декларация об открытом доступе. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.bsu.edu.ru/ unid/links/declaration> (дата обращения: 21.03.2012).

⁹ Семейные связи. Магистры Сетевого университета поработают на Содружество [Электронный ресурс] “ Поиск”, №29–30, 2011. [Электронный ресурс] // URL:<http://www.poisknews.ru/theme/edu/1793> (дата обращения: 21.03.2012).

¹⁰ Протокол Третьего заседания Подкомитета по гуманитарному сотрудничеству Российско-украинской межгосударственной комиссии [Электронный ресурс] // URL:<http://mon.gov.ru/files/materials/7023/10.04.09-ros.ukr.sogl.pdf> (дата обращения 21.03.2012)

¹¹ Выступление Д. А. Медведева перед студентами Киевского национального университета им. Тараса Шевченко [Электронный ресурс] // Русская община [Официальный сайт] URL:<http://www.russian.kiev.ua/material.php?id=11604923> (дата обращения: 21.03.2012)

¹² Украинские и российские вузы объединились в ассоциацию, Росбалт, 16 сентября, 2011. [Электронный ресурс] // Росбалт [Информационное агентство] URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2011/09/16/890849.html> (дата обращения: 21.03.2012).

ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ПРИОРИТЕТЫ В ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ

На первый взгляд, последние двадцать лет, в течение которых Украина развивалась как независимое государство, языковая политика в ней была однозначной — нацеленной на создание, развитие и укрепление украинского языка как полноценного государственного. На это были направлены «Закон о языках в Украинской ССР», изменения в Конституции Украины в 1989 году, разъяснение Конституционным судом Украины в 1999 году правил употребления государственного украинского языка в органах государственной власти и в учебных учреждениях. Самым весомым являлось непрописанное положение о том, что украинский является *единственным* языком на государственном и официальном уровнях. Именно это и помогло возродить национальный язык в украинских городах, располагавшихся когда-то на территории Российской империи, а позже — Советского союза, повысить его престижность в центральных и даже западных областях, ввести на территории Крыма.

Выросло молодое поколение, которое мыслит, поет и пишет художественные тексты на родном языке, а если переводит — то на английский или другой европейский язык. Украинская литература пополнилась новыми темами и именами, перечислять которые можно на отдельной конференции: Иван Андрусак, Юрий Андрухович, Дмитро Бильй, Наталка Билоцеркивец, Юрий Винничук, Сергей Жадан, Богдан Жолдак, Оксана Забужко, Юрий Издрык, Андрей Курков, Иван Малкович, Мария Матиос, Юрий Покальчук, Любо Дереш, Люко Дашвар и др.

Отметить особо хотелось бы тенденцию украинских писателей-женщин создавать не конъюнктурно-развлекательные тексты, как это происходит в современной русской литературе (любовные романы, иронические детективы, саги о ведьмах и волшебниках), а серьезные проблемные романы о современной жизни, об истории, на философские и нравственно-политические темы, начиная с одиозно известного произведения Оксаны Забужко «Полевые исследования по украинскому сексу» и продолжая такими именами как Мария Матиас, Ирен Роздобудько, Люко Дашвар (псевдоним Ирины Черновой) — последние

родились в Донецке и Херсоне. С уверенностью можно констатировать ренессансный период украинской литературы.

В качестве музыкального примера приведем успешное творчество группы «Океан Ельзи», солист которой В. Вакарчук, хорошо известный русским и европейским меломанам, писал все тексты на родном языке, кроме одного из последних альбомов, ориентированного на гастроль и выполненного на английском. Безусловно, есть и другие примеры: группа «Бумбокс», сначала украиноязычная, а затем русскоязычная в связи с переездом в Москву¹, группа Quest Pistols, поющая только на русском языке, Ани Лорак, исполняющая примитивные тексты на обоих языках². Разница в пристрастиях прослеживается в географическом направлении от Львова до Киева и потом Крыма: чем восточнее, тем больше вероятность русскоязычных композиций, но у всех исполнителей обязательны песни или целые альбомы на английском. На «Евровидении» Украина в последние годы представляет исключительно англоязычные композиции.

Молодежь пытается вписаться в европространство, поэтому даже такие модные рекламные мероприятия как Lip Dub³ — общие танцы студентов вуза с открыванием рта под хит — от физиков и журналистов КНУ им. Т. Шевченка в 2011 году проходят под песни, скажем, леди Гага, с той разницей, что студенты физического факультета Киевского университета им. Тараса Шевченко в начале все-таки дают титры по-украински: «Фізфак відкритий для світу», — а факультета журналистики — исключительно на английском, в том числе и аббревиатуру родного учебного заведения. В результате от фамилии классика украинской литературы остается только буква S — Shevchenko. В данном контексте стоит отметить, что флэш-мобы ко дню Независимости, когда молодежь выступала под известные песни на площадях страны, были подготовлены на качественном украинском на западных территориях, например во Львове, и на украинском/английском/русском в Запорожье⁴.

Но наиболее серьезная работа за последние двадцать лет была проведена как раз в области науки и образования: выработаны научная и военная терминология (значительно отличающиеся от русских советского образца), лекции уже десять лет в обязательном порядке ведутся по-украински, переиздано большинство учебников, выпущены новые, в том числе и по такому предмету как «Украиноведение». Из школьных предметов были исключены русский язык и литература, осталось толь-

ко несколько имен в курсе мировой литературы, например, Гоголь, все произведения которого уже доступны в переводе на украинский язык.

Были разработаны стандарты оформления деловой документации и определены официально-деловые обороты речи. Президенты и премьер-министры заговорили на нормативном литературном языке. Но поскольку бюрократическая система очень консервативна, а чиновники младших рангов перешли «по наследству» из советской номенклатуры, в их дискурсе все время возникают калькированные обороты из прошлого. С ними борется практически каждый учебник по стилистике и деловому языку (начиная с «Антисуржика» О. Сербенской), приводя многочисленные таблицы «как можно и как нельзя», давая в приложении «словари ненормативной лексики», доходящие до 100 страниц, что, однако, не полностью ликвидирует тяжелое наследие прошлого.

По большей части развитие украинского языка все это время происходило по принципу максимального отталкивания от русского: заимствования из польского, английского, возрождение архаизмов. Статус русского языка был понижен до обиходно-бытового и просторечного, но русский не перестал употребляться, поскольку Украина «развелась, но не разъехалась» с Россией. Население Украины, среднее поколение, закончившее советские школы и изучавшее русский язык, разделилось на тех, кто ездит «на заработки» на восток с хорошо знакомым «общепонятным» и неиностранным русским, и на тех, кто ездит в Европу собирать апельсины, работать сиделками, горничными, строителями и пр. Последние, как правило, не владеют иностранным языком, а работают в общей восточнославянской группе (бригаде), где общаются опять-таки на русском или смеси русского с украинским, на так называемом *суржике*.

При настойчивом внедрении государственного языка во все сферы жизни у населения возникло также естественное противодействие, в результате которого русский (часто ненормативный) употреблялся специально и последовательно. Укратинофильские настроения всегда хорошо распространялись при тоталитарных и авторитарных режимах (Николай I, Сталин), более демократические формы правления снимают необходимость отстаивать национальную самобытность⁵. Поэтому в последние годы гипертрофированные формы приняло развитие гибридного русско-украинского *суржика*, который нашел отражение не только в устной речи, оборотах делопроизводства и текстах СМИ, но

и в художественной литературе. В пьесах Олеся Подеревьянского используется контрастная смесь русских грубых и матерных выражений и пафосных украинских слов, что создает атмосферу темпераментного украинского дискурса, примеры которого мы можем регулярно наблюдать из залов заседаний Верховной Рады Украины. В произведениях менее эпатажных авторов игра на стилистически окрашенных оборотах служит дополнительным средством художественной выразительности. Так, в романе Андрея Куркова «Ночной молочник» рядовые образованные граждане разговаривают нормативным украинским языком, депутаты — ненормативным, а простые жители киевского села — на суржике: «Тоби пожарыты картошки?» (в нормативном украинском должно бы быть «*Тобі засмажити картоплі?*» — но так практически никто не разговаривает). Феномен суржика вызывает живейший интерес у лингвистов, и в 2007 году в Германии состоялся форум по его изучению. По мнению коллег из Севастополя и Симферополя, он вполне может претендовать на статус самостоятельного языка.

Современная языковая ситуация в Украине чрезвычайно интересна: в ней присутствует разработанный и широко используемый на всех официальных позициях государственный украинский язык (когда-то основанный на киево-полтавских говорах, а дополненный и улучшенный на прошлом рубеже веков западными влияниями, на недавнем — польскими и диаспорными), широко употребляется русский язык в обиходно-бытовом общении, существует несколько значительно отличающихся диалектов, таких как русинский, лемковский, полесский и др., а все это восточнославянское многообразие (если не брать в расчет внутренние языки небольших диаспор (белорусский, цыганский, идиш) скреплено суржилом в вариативных формах: русско-украинский, украинско-русский, украинско-польский, украинско-венгерский с учетом диалектных особенностей восточно-, центрально — и западно-украинского языка. Стоит отметить и такое явление последних лет как толерантность к языковому выбору собеседника (вопрос по-русски, ответ по-украински и наоборот). О соотношении русского и украинского на телевидении и в интернете можно написать не одно исследование, в котором будут меняться прежде всего количественные характеристики по годам и регионам.

Языковые приоритеты в Украине, таким образом, разделяются на выгодные и удобные для политиков — и это всестороннее укрепление украинского языка с игнорированием русского, а с другой стороны — на

удобные для большей части населения. Причем, народ уверен, что лозунги так и останутся лозунгами — до следующих выборов⁶. В. Янукович шел к власти под лозунгом официального двуязычия, «надання статусу державної» русскому языку, но придя, отложил его надолго, даже несмотря на заступничество Совета Европы.

Примерно раз в год выдвигается проект нового закона о языке. В 2010 году это был проект Закона Украины «Про мови в Україні» (№ 1015–3), внесенный на рассмотрение Верховной Рады Украины народными депутатами О. Ефремовым, П. Симоненком, С. Гриневецким, «як такий, що забезпечує механізм реалізації Європейської хартії регіональних мов або мов меншин в Україні». В 2011 году народными депутатами Украины С. В. Киваловым и В. В. Колесниченко был предложен проект закона Украины «Про засади державної мовної політики», в котором использование языков понимается очень широко:

«На території України гарантується вільне використання регіональних мов, до яких віднесено російську, білоруську, болгарську, вірменську, гагаузьку, ідиш, кримськотатарську, молдавську, німецьку, новогрецьку, польську, ромську, румунську, словацьку і угорську. Додано русинську, караїмську та кримчацьку мови відповідно до рекомендацій Верховного комісара ОБСЄ у справах національних меншин (п. 32 Оцінок та рекомендацій). Дія цього положення поширюється на ті мови, які є рідними для не менше 10% громадян, що населяють певну територію за даними перепису. За рішенням місцевої ради чи за результатами збору підписів в окремих випадках, з урахуванням конкретної ситуації такі заходи можуть застосовуватися до мови, регіональна мовна група якої складає менше 10 відсотків населення відповідної території. Чисельність регіональної мовної групи на певній території визначається на підставі даних Всеукраїнського перепису населення про мовний склад населення у розрізі адміністративно-територіальних одиниць» (ст. 7). В данном контексте русскоговорящее «меньшинство», реально составляющее не менее 60%, приравнивается к тем, чья численность менее 10%, поскольку основанием для законного употребления служит понятие *родного, материнского языка*. Но соцопросы показывают, что каким бы ни был родной язык в семье, удобным языком для общения (общепонятным) превалирующее большинство называет русский язык⁷.

Принято говорить об украинско-русском двуязычии как основной проблеме развития украинского языка и — шире — украинской культу-

ры и нации. 350-летнее существование в составе Российской империи и Советского союза закрепило за русским языком статус престижного и сделало его языком межнационального общения, ущемив при этом развитие национального. Поэтому при выработке концепции «незалежності» самым естественным казалось отказаться от его использования, но это было возможно только внутри страны. Как было показано выше, удалось заполнить лакуны, вызванные неполноценным развитием украинского языка, а любовь к родному слову всегда была составной частью патриотически настроенной части общества. Препятствием для полного отказа от русского стало международное общение: работа, торговля, обучение и родственные связи на постсоветском пространстве. Кроме того, отвращение к русскому языку, так настойчиво внушаемое украинскоязычной прессой, сильно преувеличено — идет подмена тезиса об опасениях политического влияния России. «Мы все русофилы, слышите, мы все русофилы!»¹⁸ — писал в конце XIX века западноукраинский радикально настроенный поэт Иван Франко, а мой знакомый профессор Львовского университета им. И. Я. Франко до сих пор цитирует наизусть целые страницы из «Мастера и Маргариты» Булгакова (родившегося в Киеве и писавшего исключительно на русском языке даже в годы «коренизации» национальных культур). Киевская профессура, регулярно перечисляющая преступления русских против украинского языка, как правило, говорит по-русски с домочадцами и в качестве рабочего языка научных выступлений предпочитает русский.

Если лингвистически классифицировать современную языковую ситуацию, то ее скорее можно назвать не двуязычием, а *диглоссией* — неравноправным сосуществованием двух близкородственных языков. Такая ситуация была в Киевской Руси после принятия крещения, когда церковнославянский выполнял роль языка сакрального высокого стилистического уровня, а местный русский (*руський*) — разговорного и обиходно-делового; в странах с романскими языками, где на высшем уровне (церковь, наука, законы) была латынь, а на низшем — старофранцузский, испанский и др., с неизбежными смешанными формами в делопроизводстве, а впоследствии и в художественной литературе.

В нашем случае верхний стилистический ярус занимает украинский язык: язык законов, науки, образования и богослужения (популярность УПЦ и ГКЦ растет). На нижнем уровне разговорным украинский является только в западных регионах, но при этом даже Львовский рынок говорит по-русски. А посередине — тот самый сур-

жик, обслуживающий всех, смешивающий украинские и русские словоформы и грамматические конструкции (как это происходило с русским и церковнославянским в XIX веке), употребляющийся в делопроизводстве, в торговле, в межнациональном и межконфессиональном общении. Президент не может вспомнить под Новый год, как называется ёлка (*ялинка*), премьер-министр, закончивший МГУ, читает по бумажке украинский текст с явным русским акцентом, интернет-издания дают тексты на двух языках и, соответственно, количество калек в любом направлении увеличивается. Русский прорастает, как трава сквозь асфальт — и уже не полевая, а городская растительность, *другой русский*: просторечный, диалектный сленг с небольшим лексическим запасом и суженной сферой использования, не ограничиваемый в своем развитии ни школьным образованием, ни нормативным употреблением. Распространение русского языка отличается от украинского не количественными, а качественными характеристиками, и качество русского языка неуклонно ухудшается, в то время как *единственный государственный украинский* — улучшенный, дополненный и почти нормированный — не удерживает, к сожалению, своих позиций и теряет престижность.

Украина стоит перед выбором новых приоритетов в языковой политике. Если не рассматривать маловероятный с экономической точки зрения проект поддержки всех малых языков, то глобальных вариантов два.

Первый состоит в том, чтобы ввести употребление русского языка параллельно с украинским хотя бы в дело — и судопроизводстве. Тем более, что Луганская и Запорожская области уже сделали это на уровне местного управления и за ними последуют еще несколько регионов. В данном случае, скорее всего русский будет стремительно вытеснять украинский, потому что возвращение к исходному состоянию всегда происходит в ускоренном темпе. Восточная Украина снова станет практически русскоязычной, учитывая тотальное влияние телевидения, кино и интернета. Западная встанет перед проблемой самостоятельного сохранения языка и развития его в более далеком от остальных областей направлении, чем это было в XIX веке, разрыв между диалектами увеличится, возникнет новое мироощущение на базе совершенно отличающихся языков, что непременно повлечет за собой оформление на уровне обособления — территориального, административного, государственного — которое, впрочем, может произойти и отдельно от языковых процессов.

При продолжении в будущем существующей на данном этапе языковой политики украинский останется единственным государственным языком. В этом случае процесс будет происходить медленнее и приведет к несколько иному результату: русский из нижнего стилистического яруса передвинется в средний, суржик займет верхний (*дайте нам говорить так, как мы хотим!*), а украинский останется на позиции сакрального и устаревшего — языка литературы, фольклора и исторического прошлого, подобно церковнославянскому и латыни. Пессимистический взгляд на перспективы украинского языка разделяют даже его носители.

Оптимистическим вариантом могла бы стать попытка придумать национальную идею, которая бы объединила запад и восток (а то и Крым), как это было сделано в конце XIX века — только тогда, увы, на образе врага, но зато с выработкой чувства собственного человеческого достоинства, куда входил неременный компонент национального самосознания и языка. «Рідна мова» объединилась в единый язык в разных государствах (империях) и служила мощным стимулом для соединения народа и территории его проживания, затем она же стала одним из рычагов отделения от СССР и базовым мотивом проведения *помаранчевої* революции. Экс-премьер-министр Ю. Тимошенко выучила *мову* — но не предложила национальную идею. Бывший президент В. Ющенко смотрел в прошлое — *голодомор, покаяння, історична пам'ять* — но будущего не предложил. Нынешний президент В. Янукович погружен в экономические кризисные обстоятельства, при которых кажется невыгодным менять приоритеты в национальном самосознании и языковой политике. Затянувшееся ожидание членства в Евросоюзе служит показателем, что глобальных изменений в менталитете украинских граждан не произошло: ощущение свободы не появилось, а отсюда претензии к соседям. Но возможно совсем скоро появится, учитывая волну искренне радостных празднований по всей стране 20-летия Независимости, это будет показателем начала нового пути развития языков на территории Украины.

¹ Пример из песни «Вахтеры» с явным украинизмом: «*Вопрос извечный зачем да почему, я понемногу с ума — ты не сама* (в значении: ты не одна).

² Пример параллельных текстов: «*Розкажи чому в душі мойї печаль, казка не для нас — на жаль, на жаль, на жаль.../// Расскажи зачем в душе моей печаль, сказка не для нас — а жаль, а жаль, а жаль...*»

³ Lip Dub Born This Way UTS Kiev 2011, LipDub LMFAO — Party Rock Anthem

⁴ См. для сравнения флэш-мобы в Запорожье и Львове: <http://www.youtube.com/watch?v=nMadJ02e8FM&feature=related>; <http://www.youtube.com/watch?v=Dd4K9SzUqPU>

⁵ Борис Л. А. Образ «москаля» в украинской литературе XIX–XX вв. // Totalitarianism and Literary Discourse: 20th Century Experience, Edited by Irma Ratiani: This book first published 2010 (in Georgian). The present edition first published 2012. Cambridge Scholars Publishing.

⁶ О языковых прениях см. напр. публикацию в газете «День»: «Дайош другу державну мову?! — Спасибі, ми вже «там» були...» <http://www.day.kiev.ua/218639>

⁷ Мовна політика в Україні: Історія питання, сучасні виклики, та що може й повинна зробити держав. // День, №77, 25 квітня 2008 року // <http://www.day.kiev.ua/200679#>

⁸ Франко И. Я.: «Ми всі русофіли, чуєте, повторюю ще раз: ми всі русофіли. Ми любимо великоруський народ і бажаємо йому добра, і виучуємо його мову, й читаємо в тій мові певно не менше, а, може, й більше від вас»././ http://www.big-library.com.ua/book/16_Politologiya/1091_Ivan_Franko

СТАРОЕ И НОВОЕ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ НОМИНАЦИИ В УКРАИНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

Каждый язык как зеркало отражает окружающий нас мир. Но в самом языке он отображается не вообще, а в восприятии носителей языка, поэтому одновременно в языке проявляются особенности восприятия людей — представителей определенного времени и народа. К числу экстралингвистических факторов языкового развития относятся: постоянное языковое освоение действительности человеком, его желание быть более информированным, интеграция народов мира и обмен техническими, научными и культурными достижениями. В результате языковых контактов в язык приходят новые слова, которые либо заимствуются для осмысления новых реалий либо создаются на уже имеющемся материале по законам аналогии, т.е. происходит языковая номинация.

В развитии языка каждая эпоха характеризуется своими особенностями. Интенсификация языковых процессов особенно характерна для времени больших социальных потрясений. В такие периоды общественные изменения способствуют развитию тех потенциальных сил, которые характерны для каждого языка. Именно такую эпоху в последние четверть века переживает украинское общество, которое открыто для широких контактов с другими народами, а значит — и с другими языками.

Сложно описывать процессы, находящиеся в становлении и динамике, но в то же время фиксация характерных особенностей этих процессов является важной и необходимой, поскольку в такие периоды изменяются старые и формируются новые основы языкового стандарта.

Особенно наглядно появление нового на всех языковых уровнях фиксируют телевидение, пресса и интернет, которые не только отображают общественные и языковые процессы, но в значительной мере и формируют их. Оставив за пределами этого исследования язык интернета, который требует отдельного анализа (и в котором многие явле-

ния находятся за пределами собственно литературного языка), обратим внимание на прессу и телевидение как наиболее часто потребляемые населением источники информации. Именно они быстро и чутко улавливают инновации, нередко обрабатывают и трансформируют их.

Предметом данного анализа являются лексемы нескольких семантических полей, которые условно можно объединить под названием «общественно-политические отношения». Материалом для исследования послужила довольно значительная выборка неологизмов из ряда центральных киевских газет: «День», «Голос України», «Президентський вісник», «Урядовий вісник», «Хрещатик» и т.д. Региональные украинские издания сознательно оставлены за пределами анализа. На главных украинских телеканалах — «Перший національний», «24 канал», «1+1», «Интер», «СТБ», «ICTV» (и их сайтах) — предпочтение отдавалось информационно-новостным программам.

Поскольку обзор теленовостей и анализ украинской прессы являются неотъемлемой составляющей процесса изучения украинского языка как иностранного в МГИМО, данное исследование подчинено не только научным, но и учебно-методическим целям¹. Явления, протекающие в современном украинском языке, представляются сложными и динамичными. Поэтому студенты вместе с профессиональным украинистом наблюдают за инновациями, касающимися, в первую очередь, лексического и словообразовательного уровней. Это способствует активизации процесса обучения и помогает подготовке к будущей профессии.

Собранный языковой материал отражает интенсивное развитие общественной жизни Украины во всех сферах ее проявления. Результатом этого процесса стали новые названия наук, объектов наук, устройств, механизмов, техники, видов искусства и спорта, предметов быта и всего, что связано с понятием «новые технологии» (*смартфон, ноутбук, модем, фейсбук, сайт, дайджест, хостис, відсервінг, дизайн, артдилер, консалтинг, аудит, трилер, монстр, скотч*). Данный языковой материал подтверждает тот факт, что украинское общество находится в русле общего для всего человечества процесса ускорения темпа жизни, развития средств массовой коммуникации, укрепления контактов между многими странами мира.

В общем объеме неологизмов, касающихся предметов и явлений объективного мира, количественно преобладают инновации из сферы политики, экономики и международных отношений². Пересмотр

и увеличение собственно дипломатических терминов были не только результатом выхода Украины как государства на международную арену. Процессы глобализации, характерные для современного мира, привели к вовлечению большинства мировых стран в интеграционные процессы, а также к общему участию в решении мировых проблем. Отсюда — появление новых международных объединений и соответствующих аббревиатур (*СОТ* — *Світова організація торгівлі*, *ЧЕС* — *Чорноморське економічне співтовариство*, *АТР* — *Азіатсько-Тихоокеанський регіон*, *ОЗХЗ* — *Організація по забороні хімічної зброї*, *НКР* — *Національний Комітет України з питань Роззброєння*, *КХЗ* — *Конвенція про заборону розробки, виробництва, накопичення і застосування хімічної зброї та про її знищення*, *ДВЗЯВ* — *Договір із всеосяжної заборони ядерних випробувань*, *ЄЕП* — *Єдиний економічний простір*). Теми же факторами обусловлены названия самих проблем, требующих решения (*збройний хаос*, *збройний казус*, *система режимів нерозповсюдження*, *цивільний терор*, *глобальне партизанство*, *гуманітарна інтервенція*, *стратегія контррозповсюдження* и т.д.).

Для наименования социальных изменений в обществе часто используется переосмысление давно известных слов: *олигарх*, *підприємець*, *фермер*, *піар*, *імпічмент*. Процесс переименования коснулся многих явлений и понятий, в том числе названий высших учебных заведений, учреждений, министерств, должностей (например, *референт*, *пошукач*, *здобувач*, *речник*); возникли новые сферы деятельности человека и — соответственно — их названия: *дилер*, *хакер*, *менеджер*, *аудитор*, *кілер*.

Новые понятия в сфере экономической деятельности человека чаще всего (исключений здесь немного) передаются с помощью слов иноязычного происхождения: *авуари*, *ваучер*, *дегресія*, *дебюджетизація*, *ліквідант*, *лізинг*, *зворотна оренда*, *офшор*, *транш*.

Существенную группу составляют те неологизмы, которые не называют новые понятия, а возникли благодаря общей установке на возвращение (типа *речник*, *завідувач*) собственно украинских форм: *аеродром* — *летовище*, *пилосос* — *пилосмок*, *порохотяг*. Функционирование дублирующих друг друга лексем второго примера обусловлено тем, что русскому *пыль* соответствуют украинские *пил*, и *порохи*. Поэтому носители языка, находясь в поиске наиболее адекватного речевого соответствия, употребляют оба слова. Кстати, С. Караванский в своем словаре (1929 года издания) приводит перевод русского *пылеулавливатель* как *пилолов*³.

Причиной таких переименований является необходимость языкового уточнения тех названий предметов и явлений, которые в советское время были названы по аналогии с русскими и не соответствуют основным законам функционирования украинского языка. Этот процесс растянулся во времени и привел к значительному увеличению дублетов, когда и старое, и новое (или новые) названия употребляются одновременно. Здесь можно наблюдать разные тенденции. Так, например, слово *вуз* сейчас уже практически не используется. Современная украинская пресса и телевидение в течение длительного времени пытались заменить его словом *внз* (*вищий навчальний заклад*). Однако такое переименование, мотивированное отсутствием лексемы *учба* в украинском языке⁴, в речевом употреблении не принималось носителями языка: три согласных звука тяжеловесны в аббревиатуре и не соответствуют широко применяемому в украинском языке фонетическому принципу упрощения в группах согласных. Потребовалось несколько лет на полноценную замену его на слово *виш* (аббревиатура, полученная от словосочетания *вища школа*). Тем не менее и *внз* и *виш* сейчас используются параллельно.

Возможна и другая ситуация: в переименовании *вертоліт* на *гелікоптер* (где была необходимость заменить русское *вертеть*) речевая практика приняла иноязычную замену, однако вскоре появился третий вариант — дублет *гвинтокрил*, и все они употребляются одновременно. Также и *переговори*, дополненные возвращенным *перемови*⁵, пополнились дублетами *перемовини* и *перемовлення*, которые не были мотивированы необходимостью языкового развития⁶.

Собственно языковые факторы появления новых слов обусловлены:

1. тенденцией к экономии языковых средств высказывания. Это наиболее значимый стимул для появления новых языковых элементов. Носители языка осуществляют рациональный отбор языковых средств для общения. Сюда необходимо отнести такое языковое явление, как замена словосочетания одним словом: *туристичний оператор* — *туроператор*, *страховий агент* — *страховик*, *візитна картка* — *візитка*, *політичний технолог* — *політтехнолог*;
2. значительное количество лексических неологизмов, которые переименовывают уже известные понятия, возникло в результате действия самой языковой системы, реализующей потенциальные

- єдиниці словообразовательного гнезда: *силовик* — представитель силових структур, *апаратчик* — представитель ведомства государственного аппарата, *бюджетник* — тот, чья работа (учеба) финансируется государством, *платник* — тот, кто сам оплачивает учебу (в вузе);
3. происходит унификация языковых средств высказывания для названия новых реалий, которые до сих пор именовались описательно: *стилист* (специалист, работающий над стилем — прической, одеждой и т.п.), *дизайнер* (специалист, работающий в области оформления помещений), *шоумен* (ведущий развлекательной программы);
- в активное употребление возвращаются слова, названные С. Караванским «необоснованно заброшенными, забытыми» (укр. «*безпідставно занебданими*»⁷) с расширением старого значения (*референт*, *речник*, *страховик*).

Таким образом, исследование современного состояния языка является необходимым условием для определения тенденций его развития и прогнозирования дальнейших изменений. Сегодня динамика развития украинского языка в значительной степени определяется прежде всего сферой средств массовой информации, поскольку именно они обладают значительными возможностями для отображения и нормирования процессов, которые происходят в живом языке. Современное состояние украинского языка отображает его открытость для иноязычных контактов и активное заимствование достижений других культур, с одной стороны, и способность образования новых номинаций из собственно украинских элементов — с другой.

¹ Методические принципы работы над общественно-политической лексикой изложены автором в работе: Лісна Г. М. Українська мова як іноземна в Росії: до проблеми концепції викладання / Г. М. Лесная // Матеріали V Міжнародного конгресу україністів. Чернівці, 24–28 серпня 2002 р. Мовознавство: Збірник наукових статей. — Чернівці: Рута, 2003. — С. 130–134.

² В этой связи материал исследования дополнен специальными научными изданиями, касающимися сферы международных отношений: “Науковий вісник Дипломатичної академії України” и “Актуальні проблеми міжнародних відносин” (за 2000–2010 гг.).

³ Караванський С. Російсько-український словник складної лексики. Київ, 1998. — С. 507.

⁴ См.: Культура мови на щодень / Н. Я. Дзюбишина-Мельник, Н. С. Дужик, С. Я. Ермоленко та ін. / Бібліотека серії «Словники України». — Київ: Довіра, 2000. — С. 69.

⁵ Русско-украинский словарь: В 3-х т. / Институт языкознания им. А. А. Потебни АН УССР. — Киев: Наукова думка, 1969. — Т. 2. — С. 390. В словарной статье «переговоры» слово перемови приведено с пометкой уст.

⁶ Подробнее эти языковые процессы описаны автором в работах: Лесная Г. М. Учебник украинского языка. Уровень А1. — М.: МГИМО — Университет, 2010; Лесная Г. М. Украинский язык для стран СНГ : Учебник. — М.: РГГУ, 2010; Лесная Г. М. Вариантность и изменение языковой нормы в украинском литературном языке двух последних десятилетий // Славянские языки и культуры в современном мире: II Международный научный симпозиум. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. ф-т, 21–24 марта 2012 г.: Труды и материалы. — М.: Изд-во Москов. ун-та, 2012. — С. 370–371.

⁷ Караванський С. Указ. соч. — С. 4.

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕДАЧИ УКРАИНСКОЙ РЕЧИ В РУССКИХ ТЕКСТАХ (на примере советского кинематографа)

Настоящая статья затрагивает некоторые аспекты проблемы, недостаточно хорошо изученной в отечественной этнолингвистике — способам передачи украинской речи в русских письменных текстах и кинематографе, художественным и идеологическим задачам, ради которых эта речь включается в русский дискурс и особенностям ее восприятия зрителем (читателем). О том, что в русском языке выработан устойчивый набор средств (прежде всего, лексических) для обозначения украинского дискурса указывал еще Л. В. Щерба в своей речи о русском литературном языке, произнесенной по случаю 120-летия Ленинградского университета: «... например, Украина и украинский язык изображаются, кроме вышеуказанных *батько* и *жинка*, посредством слов *хата* вместо *изба*, *жито* вместо *рожь*, *парубок* вместо *парень*, *дивчина* вместо *девушка*, *брехать* вместо *лаять*, в прежние времена еще и посредством *горелка* (или *горилка*) вместо *водка*, *гопак* вместо *казачок* и т.д.».

Вопрос о том, какими способами русский человек XIX—XX вв. (в начале XXI в. культурная и языковая ситуация в этой сфере резко изменилась) составлял свое представление об украинском языке, через какие коммуникативные механизмы усваивал его элементы и использовал в собственной языковой практике при общении как с этническими украинцами, так и в русской языковой среде, является темой для отдельной работы. Несомненно, однако, что наряду с устными формами усвоения украинского в бытовом общении важной сферой формирования навыков его восприятия можно считать художественную литературу и, позднее, кинематограф. Основу этому заложил еще Н. В. Гоголь в своих ранних текстах, а также другие писатели украинского происхождения (например, Короленко), касавшиеся украинской тематики. Если говорить о русских художественных текстах, украинизмы как часть русского текста, понятного без перевода, встречаются уже в произведениях детской литературы, посвященных описанию среды совместного проживания русских и украинцев (В. Катаев «Белеет парус

одиноким», Л. Кассиль «Конduit и Швамбрания», А. Макаренко «Педагогическая поэма» и др.). Во «взрослой» художественной литературе (ср. «Белую гвардию» М. Булгакова, рассказы и повести К. Паустовского, в том числе его «Повесть о жизни» и др.) с помощью «украинского» может быть передана речь одного или нескольких персонажей.

В связи с этим можно говорить о существовании совместной русско-украинской языковой компетенции, при котором как русское, так и украинское языковые сообщества владеют достаточным (пассивным или активным) знанием сопредельного языка для успешного общения в сфере нерегламентированного коммуникативного поведения. Это не значит, что в данной сфере общения вообще отсутствует любая регламентация речевого общения, регламент в ней существует, но он основан на иных, нежели в официальном дискурсе принципах. В частности, на принципе взаимосовместимости, взаимодопустимости различных средств выражения: «в данную сферу «допускаются» все средства, которые в ней необходимы и выгодны с точки зрения потребностей повседневной коммуникации. Никакая другая характеристика (происхождение, структура, оригинальность, исконность, старость/новость) не ограничивает такой выбор. Общество никогда не вынуждено подкреплять функционирование этого регламента институционально. Формальные «недостатки» здесь компенсируются ситуативной закреплённостью коммуникации» (Гладкова, Ликоманова 2008, 39).

Основным материалом для данной статьи послужил ряд советских фильмов, в которых украинская речь (или вкрапление отдельных украинизмов) является одним из способов решения художественных и смысловых задач. Сюда относятся: «Максим Перепелица» (1955 г.), «Королева бензоколонки» (1963 г.), «Служили два товарища» (1968 г.), «Трембита» (1968 г.), «Гори, гори моя звезда» (1976), «Место встречи изменить нельзя» (1979 г.), «Зеленый фургон» (1983 г.) и некоторые другие.

Отнюдь не все фильмы и не все русские литературные произведения, так или иначе затрагивающие украинскую тематику, используют украинский язык для передачи речи персонажей-украинцев. Довольно часто речь украинцев в русских кинематографических и литературных текстах передается средствами русского разговорного («В бой идут одни старики») или даже литературного языка («Трембита»), что (с точки зрения создателей фильма) предполагает полное владение русским языком украинскими персонажами. В других случаях (и их в советском кинематографе большинство) практикуется включение отдельных элементов укра-

инского языка в русскую речевую ткань произведения, которые вводятся в речь отдельных персонажей, создавая нужный автору языковой портрет героя (ср. речь Ивана Пасюка в фильме «Место встречи изменить нельзя», речь героев фильмов «Кубанские казаки», «Станица дальняя», «Максим Перепелица»). Вкрапление украинизмов во вполне правильную в целом русскую разговорную речь служит решению весьма разных идейных и художественных задач в различные периоды советской фильмографии.

Условно можно выделить две довольно разных стратегии в изображении украинского языка в советских фильмах. Для первой стратегии, примерно охватывавшей период 30–50-х гг. XX в., характерна та эмблематичность в передаче украинской речи, которая отличает принципиально неточный дискурс. Это означает, что создатели фильмов не были нацелены на полноту и достоверность передачи реальной украинской речи, и тем более их не интересовали достоверные правила фонетики, грамматики, словообразования или синтаксиса украинского языка. Встречавшиеся в речи персонажей лексические и фонетические украинизмы служили своего рода эмблемой, за которой была закреплена совокупность идеологических значений, своего рода сигналов, легко опознававшихся зрителем. Вторая стратегия отображения украинского языка, характерная для позднего советского кинематографа 1970–1980-х гг., была в гораздо большей степени нацелена на решение чисто художественных и психологических задач. Во-первых, создавался этнокультурный стереотип украинца путем формирования его речевого образа, вернее, — развивался тот стереотип, который уже сложился в русской культуре к этому периоду. Во-вторых, в ряде фильмов решались уже более сложные задачи, а именно — создание речевого портрета конкретного персонажа как способ выражения его психологического характера (ср., например, речь девочки-сироты, героини Елены Прокловой в фильме «Гори, гори, моя звезда» или речь милиционера Грищенко в фильме «Зеленый фургон»).

В кинематографической эстетике 1930–1950-х гг. украинизмы использовались довольно часто, но их употребление вовсе не предполагало создания национального образа персонажа путем конструирования его речевого портрета. Основные идеологические постулаты этого периода о приоритете классового начала над национальным, о стирании границ между нациями, о построении нового, интернационального общества (центром которого мыслилась все та же «большая русская нация» уваровского образца) делали ненужным и даже идеологически вредным любое слишком явное маркирование национальных, в том числе

речевых, характеристик образа. В этот период украинизмы являются не этническим, а скорее социальным, классовым маркером, они служат средством для создания эффекта простонародной, некодифицированной разговорной речи, определяющей простого человека и противопоставленной, прежде всего, речи образованных людей и представителей государственной власти, говорящих по-русски (ср. речь персонажей в фильмах «Станица дальняя», «Максим Перепелица»).

Поэтому задача достоверной, объективной передачи реального украинского языка с его фонетическими, лексическими, словообразовательными особенностями не ставилась в принципе. Вместо этого в фильмах данного периода формируется и прочно утверждается некий фантомный конструкт, довольно приблизительно, а иногда искаженно воспроизводящий отдельные составляющие украинского языка, закрепляющий их в русском языковом сознании как «украинские». Сложившийся эмблематический образ кинематографического «украинского» языка не должен был сильно отличаться от русского, что обуславливалась двумя задачами — практической и идеологической. Практическая задача требовала, чтобы употребление украинской речи не приводило к коммуникативным затруднениям, нарушению восприятия со стороны зрителя. Поэтому при использовании украинизмов ориентировались, прежде всего, на те его элементы, которые давно и надежно были освоены русским языковым сознанием.

Речь персонажей фильмов этого периода вряд ли можно назвать украинской — скорее, можно говорить о русской разговорной речи, в большей или меньшей степени насыщенной украинскими элементами. Перефразируя цитату из Грибоедова, можно сказать, что это была смесь украинского с нижегородским. При этом «нижегородского» было больше, чем украинского.

Кроме того, «украинская» речь персонажей была ситуативной. Поскольку в фильмах этого периода психологизм не входил в число основных творческих целей, их создатели вовсе не ставили перед собой задачи формирования художественного образа путем создания его достоверного речевого портрета. Это означает, что украинизмы призваны были отражать не языковую личность говорящего (а через нее — его психологию), а маркировали социокультурные ситуации, в которых уместно или не уместно употребление украинского. Поэтому доля украинизмов в речи одного и того персонажа могла значительно разниться на протяжении всей роли — в одних коммуникативных ситуациях герой мог говорить

на почти правильном русском языке, в других его речь маркировалась отдельными украинскими вкраплениями, в третьих уровень украинских элементов значительно возрастал, а отдельные фразы или фрагменты речи произносились на более или менее правильном украинском языке. Иными словами, украинские элементы располагались в речи персонажа своеобразными «сгустками» — величина и уровень этих «сгустков» росли в одних типах коммуникации и сходили на нет в другие моменты общения. Можно указать на общую тенденцию — чем более официальной является коммуникативная ситуация, тем более «русской» становится речь героя; в более неформальной ситуации число украинизмов возрастает. С помощью украинского языка передается стилистика эмоционального состояния героя — сгущение украинизмов наблюдается в лирических или эмоциональных сценах или ритуально маркированных ситуациях, например, во время свадебного обряда (фильм 1930-х гг. «Станица дальняя»), при объяснении в любви, ссоры и т.д.

Примером такого речевого поведения может служить речь персонажей фильма «Максим Перепелица», в котором жители украинского села говорят, в целом соблюдая грамматический, лексический и синтаксический строй русского языка, однако на то, что это речь украинцев, указывают лексические и фонетические маркеры, привносимые в речь в виде вкраплений. Приведем диалог деда Мусия его жены по поводу тыквы, т.е. «гарбуза», обнаруженного на плетне их дома (в украинской традиции «гарбуз», поднесенный мужчине, означает со стороны девушки отказ ему в сватовстве): «Виник ты старый, кочерга ты блудливая. Назначили его над колхозной пасекой, так я ему уже не пара стала!» — «Опомнись, Парасю, опомнись!» — «Ты б внуков наших постыдился!» — «Это охальник какой-то подшутил!» — «Брэшэш! Брэшэш! Ну, скажи, к кому ты ходил?» — «Да не ходил!» — (реплика внучки): «Диду, диду, это же Максим повесил. Я сама видела». — «Ах, уром бы тебя побил...».

Как видно из этого отрывка, речь героев маркируется всего несколькими элементами украинского языка. Из фонетики здесь представлены: звук «i» как рефлекс этимологического «ѣ» в слове «виник»; результат процесса отвердения мягких согласных перед гласными переднего ряда, отраженный в слове «брэшэш»; «g» фрикативное в слове «гром». Грамматические особенности украинского языка представлены вокативной формой существительных «Парасю» и «диду». Обращает на себя внимание тот факт, что украинский элемент воспринимается исключительно как эмблема, т.е. как внешний, формальный знак украинской речи, изо-

лированный от остальной части словоформы, которая оформляется в соответствии с правилами русского языка, что приводит к контаминации русского и украинского элементов даже внутри одного слова. Примером такой контаминации в приведенном отрывке служит слово «виник», первый слог которого оформлен как украинский, а второй — как русский, поскольку в настоящем украинском слове «віник» [винык] второй слог отражает процесс отвердения мягких согласных перед гласными переднего ряда и, в отличие от русского языка, содержит твердый звук “н”, что обуславливает последующий гласный непереднего ряда. Такую же контаминацию представляет собой слово «зром» — в котором учтен «з» фрикативный, но не учтен переход “о” в “і” в новых закрытых слогах, как должно быть в настоящем украинском слове «грім». При этом даже эти немногочисленные элементы украинской фонетики даны последовательно, например, слово «кочерга» произносится с русским литературным “г” взрывным. При такой речевой стратегии авторы фильма ставят своей целью не достоверность передачи реального языка, а создание своеобразного и весьма выборочного набора «сигналов», создающих для русского зрителя эффект говорения по-украински. Как можно судить по исследуемому материалу, это элементы, в основном, фонетического, а не лексического и не грамматического порядка.

Такой прием фонетической контаминации встречается еще в поэтической речи Пушкина, где сфера украинского обозначается легким фонетическим мазком в рамках одного слога, тогда как слово в целом оформляется по правилам русского языка: «Ей-ей, не жаль отдать души за взгляд красоти *чернобривой*», вместо ожидаемой формы: *чорнобривой* («Гусар»).

Что касается корпуса украинской лексики, которая задействована в речи персонажей этого периода, то в него входят, прежде всего, те слова, которые были освоены и адаптированы русским языковым сознанием не только и не столько на уровне низового бытового общения («лексика базара»), сколько были введены в русский общенациональный язык через язык художественной литературы XIX в. (прежде всего, через язык произведений Гоголя, Короленко и др.). Этот набор украинизмов, освоенных русским языковым сознанием и включенных в русское языковое пространство, в ткани литературного произведения выполняет несколько функций. Украинизмы создают необходимый локальный колорит (имена и фамилии героев, названия национальной пищи, одежды, типов жилища, бытовых обычаев и ритуальных

традиций, иерархии социальных отношений), создают экспрессивную и определенную стилистическую окраску (оценочная лексика, слова, относящиеся к характеристике действия и состояния персонажа), определяют речевую характеристику персонажей. Состав и классификация украинских элементов разного уровня, а также их функции в русских литературных текстах данного периода отчасти проанализированы в дипломной работе Е. В. Притуляк на примере корпуса русских художественных текстов (Притуляк, 2007).

Можно говорить о том, что корпус маркеров «украинского» языка в советском киноязыке создавался не только по идеологическим причинам, диктовавшимся сверху (хотя отрицать этот фактор было бы неверно), но, прежде всего, исходя из реально существующего языкового и речевого пространства, общего для обоих народов.

Кроме создания речевого портрета «простого советского человека», труженика на своей земле, украинизмы в речи персонажей выполняли ряд других важных функций. В частности, они формировали необходимый уровень этнографизма — национального колорита как составной части этнокультурного стереотипа украинца, сложившегося в русской культурной традиции еще в первой половине XIX в. Первая волна рефлексий на украинские темы прослеживается на рубеже XVIII–XIX в. под влиянием идей и представлений о “поэтическом Юге”, сформированных сентиментальной литературой путешествий (В. Измайлов, П. Шаликов) — Украина (или, как она тогда называлась — “полуденная Россия”) становится топосом, символизирующим “русскую Аркадию”, а житель “Аркадии”-Украины в соответствии со взглядами эпохи сентиментализма и просвещения наделяется качествами “человека естественного”, “человека простодушного”, символизирующего собой “дитя природы”, не тронутое цивилизацией (как положительными ее сторонами — образованием, просвещением, интеллектуальностью, так и ее пороками). Советское кино, развивая этот стереотип, трансформирует его в образ Украины как «советской Аркадии», где «естественный» человек эволюционирует в «простого» (уже в социальном смысле слова) человека, а сама «украинская Аркадия» символизирует собой место благоденствия и изобилия, где воплощаются утопические коммунистические идеи построения «рая на земле».

Для формирования этнокультурного стереотипа украинца в русской культуре особую актуальность приобретает фольклоризм с его вниманием к этнографическому колориту Украины как к фону, на котором действуют герои. Изображение украинских персонажей в фольклор-

ном (вернее — псевдофольклорном) контексте становится устойчивым стереотипом для русской культуры и находит свое отражение и дальнейшее развитие в советском кинематографе (ср., например, эпизоды с «украинской» свадьбой в фильмах «Станица дальняя», «Богатая невеста», «Свадьба в Малиновке», тема сельского сватовства в «Максиме Перепелице», образы украинских селян в «Зеленом фургоне»). Фольклоризм как характерная черта речевого стереотипа украинца проявляется, прежде всего, в том, что упомянутые выше «сгустки» украинизмов приходится на пословицы, поговорки, фразеологизмы и прочие устойчивые речевые формы, генетически восходящие к фольклорным формам, которые выражаются высказываниями, наиболее приближенными к реальному украинскому языку. Ср., например, диалог между Степаном Левадой и Максимом Перепелицей, который начинается по-русски, а заканчивается по-украински: (реплика Левады): «Обиделась?» — (Перепелица): «Кто?» — «Маруся». — «Тю, да чи ты Марусю не знаешь? Зашепила, як шкварка и всё, зараз прибежит»; или: «Не, ну шо тим диўчатам надо? Нет, ну ты подывьись на Мыколу — гарный, як намалёванный», «Дай оборэця, замэрз, як тютя!», «Ты попэрэд батька у пэкло лизэш», «Дай Божэ, шоб усэ было гожэ» и т.д.

Украинский этнографизм в фильме часто выражается и другими языковыми средствами — топонимикой (ср. название села Яблонивка в «Максиме Перепелице»), а чаще всего украинскими формами личных имен (Василина, Ганна, Евдоха, Панько, он же Опанас или Атанас, Кондрат, Богдан, Василь, Микола и др.) или фамилий героев: Перепелица, Левада, Козак, Худотэпный, Иван Твэрдохлиб в «Максиме Перепелице», Иван Пасюк в фильме «Место встречи изменить нельзя», Людмила Добрывечер, Тарас Шпичка, Пидорожный, Борщ, Лопата в «Королеве бензоколонки», Богдан Сусик в «Трембите».

Корпус личных имен, имеющих национальную, в том числе, украинскую стилистическую «маркировку», весьма устойчив в языковой традиции. Более того, такой набор имен довольно индивидуален для той ли иной национальной традиции, например, для русской и польской. Корпусы антропонимов, маркированных как украинские в русской и польской языковых традициях, требуют отдельного сравнения. Не останавливаясь подробно на этой теме, укажем лишь, что для русского узуса такой набор, несомненно, более узок, чем для польского, поскольку в польском языковом пространстве в качестве «украинских» отмечены не только собственно украинские формы восточнославянских

имен (типа Василь, Петро, Микола, Грицько), но и довольно широкий круг восточнославянских антропонимов, которые в русском языковом сознании считаются «своими» и не имеют «украинской» стилистической окраски. Например, в упомянутой выше работе М. Стрыхарской-Бжезины в антропонимический ряд, характеризующий в польском языковом стереотипе украинского казака, попали такие личные имена, как: Иван, Артем, Яков, Клим, Макар, Максим, Осип, Наум, Захар, Сидор и др. (Strycharska-Brzezina 2005, 119–129), которые для носителя русской языковой традиции не несут в себе ничего специфически «украинского». При этом типология фамилий прозвищного типа, маркированных как «украинские», вполне совпадает как для польского, так и для русского узуса (например, Муха, Сорока, Чайка, Шуляк, Хват, Гук, Сердюк, Орленко, Палий, Золотобородый и под. Там же, 129–133).

В позднюю советскую эпоху, а именно в 1970–1980-е гг. с усложнением языка кино и общих художественных задач меняются и усложняются иллюкативные цели использования украинской речи в языковом пространстве фильма. На смену политическим и идеологическим задачам, которые были приоритетными для фильмографии 1930–1950 гг., приходят чисто художественные, связанные с вниманием к человеческой личности и достоверным изображением ее психологического мира. Среди методов построения психологического рисунка человеческого характера одним из основных является создание речевого портрета персонажа, особенностей его речевого поведения, способов его коммуникации с окружающими людьми — через все эти составляющие эксплицируются черты личности. Авторы фильмов этого периода охотно используют украинскую речь как яркую языковую «краску», с помощью которой выстраивается художественный типаж. Можно говорить о том, что к этому времени полностью складывается и закрепляется в качестве стереотипного набор языковых средств, с помощью которого украинская речь отображается на экране, а сам украинский язык становится художественным идиостилем русского языка. В таких фильмах, как «Зеленый фургон», «Гори, гори, моя звезда», «Служили два товарища», «Место встречи изменить нельзя» украинская речь возникает уже не в виде «сгустков», маркирующих те или иные коммуникативные ситуации, а как основной материал для формирования речевого портрета героя — бывшего крестьянина, отца троих дочерей, младшего милиционера Грищенко («Зеленый фургон», роль Бориса Брондукова), сельской неграмотной девушки, сироты, попавшей в водоворот Гражданской войны («Гори,

гори, моя звезда», роль Елены Прокловой), не очень образованного, но с хитрецей сотрудника Уголовного розыска Ивана Пасюка («Место встречи изменить нельзя»), бывших неграмотных крестьян, озлобленных Гражданской войной и подавшихся в махновцы («Служили два товарища»). Во все этих случаях речь персонажей с большей или меньшей степенью последовательности передается средствами украинского языка вернее, тем идиостилем, который выработан для его передачи в русской языковой культуре. По сравнению с периодом 1930–1950-х гг. этот идиостиль содержит уже гораздо больший набор фонетических, лексических и словообразовательных элементов украинского языка и в большей степени стремится к их правдоподобной передаче.

Можно сделать некоторые выводы относительно функции украинской речи в русскоязычных фильмах. Украинская речь существует в языковом пространстве фильма не как самодостаточный, изолированный элемент, а исключительно в сопоставлении или в контаминации ее с русской речью как устойчиво сформировавшийся идиостиль, оттеняющий русскую речь и именно на пересечении с ней создающий определенный набор эмотивных смыслов. Анализируя употребление украинизмов и русизмов в польском узусе, профессор Ежи Барминский в работе о языке фольклора отмечает, что чужеродные языковые элементы, вводимые в пространство национального языка, занимают особое функциональное место. Он останавливает свое внимание на использовании русской речи в сказках у старшего поколения (напр. по-русски говорит царь, поп, солдат...) Такого рода употребления работают на создание реалистичности повествования. Что же касается украинизмов, то они чаще всего выполняют эмотивную функцию, служат ритмическим средством для создания настроения, эмоционального тона высказывания — т.е. выполняют роль поэтического стиля (Bartmiński, 1973, 11). Похожие выводы можно сделать и в отношении роли украинизмов в русской художественной речи.

1. Гладкова, Ликоманова 2008 — Гладкова Г., Ликоманова И. Языковая ситуация: истоки и перспективы (болгарско-чешские параллели). Прага, 2008.
2. Питуляк 2007 — Питуляк Е. В. Полонизмы и украинизмы в русской литературе XIX–XX вв. Дип. работа. МГУ. М., 2007.
3. Bartmiński 1973 — Bartmiński J. O języku folkloru. Wrocław, 1973.
4. Strycharska-Brzezina 2005 — Strycharska-Brzezina M. Kozak Ukraiński. Studium językowe. Kraków, 2005.

РУСИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ: НОРМАТИВНАЯ ОЦЕНКА И РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА

Проблема присутствия русизмов и их нормативной оценки в языках стран, входивших некогда в единое пространство СССР и — шире — образовывавших Восточную или Центрально-Восточную Европу, привлекает сегодня внимание исследователей в различных славянских странах¹. Это связано с целым рядом причин, как политических, так и собственно лингвистических. С одной стороны, изменения, произошедшие на политической карте в последние 30 лет, привели к декларативному и отчасти также реальному уходу русского языка, по крайней мере, из официальной сферы коммуникации. Так, с 1990-х гг. употребление русского языка на Украине в «высоких» коммуникативных функциях (официальная сфера, в том числе делопроизводство и судопроизводство, сфера образования) существенно сократилось в пользу государственного украинского языка, что, впрочем, привело к не всегда симметричным изменениям его престижа в языковом сознании. По данным социологических исследований, проводившихся центром «Общественное мнение» 50,2% опрошенных считают престижным общаться в государственных учреждениях по-украински и лишь 22% по-русски, но во всех прочих сферах официального и полуофициального общения устанавливается своеобразный паритет языков. Например, в сфере обслуживания предпочитают общаться по-украински 27,1% респондентов, а по-русски — 29,5%, в сфере образования соответственно 38,7% и 24,7%, при общении с незнакомыми людьми на улице 26,5% и 30,7%, в сфере бизнеса — 28,5% и 32,4%². С другой стороны, все славянские языки на современном этапе своего развития сталкиваются с целым комплексом собственно лингвистических проблем в сфере культуры речи, вызванных отчетливой тенденцией к коллоквиализации (демократизации) узуса и расшатыванием литературной нормы³.

Все это вынуждает в той или иной степени корректировать языковые идеологии славянских стран, в том числе в отношении заимствова-

ний. В понимании термина «идеология языка» мы идем за Л. Биланюк: «Языковая идеология проявляется на уровне конкретного языкового акта в наборе предпочтительных лексем и языковых структур. В более широком понимании языковая идеология относится к представлениям о природе языка в абстрактном смысле — имеет ли он идеальную форму, как он соотносится с этнической или национальной идентичностью»⁴. Здесь украинские кодификаторы сознательно избрали элитарный принцип формирования нормы с целью противостоять массовому проникновению в литературный язык форм и лексем, имеющих отчетливо сниженную окраску⁵. Именно в этом контексте в современном украинском дискурсе о языке (как в специальном, так и в популярном) возникает проблема заимствований из русского языка.

Русизм при этом (вслед за Т. С. Тихомировой) понимается нами довольно широко — как любой языковой факт, обязанный своим возникновением влиянию русского языка и восходящий к собственно русскому первоисточнику, а также имеющий отчетливые фонетико-словообразовательные и/или грамматические черты, выделяющие его в данном случае на общем украиноязычном фоне. Влияние русского языка прослеживается на всех уровнях языковой системы, т.о. различают русизмы лексические, семантические, фразеологические, грамматические, синтаксические. Перечень характерных ошибок, возникших под влиянием русского языка, без труда можно обнаружить во многих украинских пособиях по культуре речи⁶. При этом возникает важная проблема методологического и общетеоретического свойства: насколько действенными могут быть усилия кодификаторов применительно к сфере неформальной или полуформальной реализации языковой системы, т.е. к узусу. С большой долей уверенности можно утверждать, что призывы к элитаризации нормы и стремление к ее ужесточению приводят лишь к дополнительному углублению разрыва между нормативными рекомендациями и реальным функционированием речи. Дополнительную сложность представляет здесь отсутствие консенсуса в профессиональном лингвистическом сообществе относительно определения конститутивных черт украинской разговорной речи и просторечия, обслуживающих сферу неофициального общения, которая с трудом поддается сегментации и описанию. Квалификаторы *розмовне* и *просторічне*, появляющиеся в современных украинских словарях, автоматически выводят лексемы за рамки нормы, а интенсивность русского влияния признается одним из характерных призна-

ков «суржика», как бы мы не подходили к определению этого идиома в украинском языковом пространстве⁷.

Так или иначе, важным элементом языковой идеологии после 1990-х гг. стал пересмотр норм современного украинского языка, который затронул, в частности, отношение к русизмам. В советское время проникновение русизмов в структуру украинского литературного языка не только не ограничивалось, но и приветствовалось. Открыто провозглашались принципы перевода, согласно которым «при существовании в украинском языке синонимичных слов, как например *процент* и *відсоток*, *поступ* и *прогрес*, *визиск* и *експлуатація* эти понятия» передавались «языковыми формами, общими для русского и украинского языков»⁸. Основными чертами развития украинского литературного языка признавалось «расширение в нем социалистического фонда лексики и фразеологии, общего для всех языков всех социалистических наций Советского Союза» и «углубление его многогранных связей с русским литературным языком как языком межнационального общения и источником творческой помощи языкам социалистических наций»⁹. Особо подчеркивалось, что русизмы проникают в сферу производственной, общекультурной жизни, тем самым, несомненно, способствуя обогащению литературного языка — в отличие от полонизмов, дублирующих и так имеющиеся в украинском языке наименования для понятий из сферы быта.

В постсоветскую эпоху в этом смысле наблюдается отчетливая переоценка принципов проникновения заимствований из русского языка и попытка «остранения» русизмов, причем не только в кодификаторской практике, но и в широко понимаемом языковом сознании и практике словоупотребления. Об этом свидетельствует, в частности, появление в разных частях украинского языкового пространства, причем не только на Западе, как это принято считать, гражданских инициатив, направленных на повышение культуры украинской речи и вытеснение из узуса широко распространенных русизмов. Так, плакаты, пропагандирующие нормативные украинские формы, появляются в детских садах, маршрутках, магазинах и т.п.¹⁰ Задействованными оказываются и технические возможности, которые предоставляют сегодня компьютерные технологии, в частности, на некоторых украиноязычных сайтах, в том числе посвященных обсуждению перевода интерфейса на украинский язык, автоматически блокируются русскоязычные комментарии.

И. Онхайзер предлагает обозначать подобную тенденцию в современных славянских языках термином «национализация». Национализация, в отличие от классического пуризма, не противоречит интернационализации, и касается интернационализмов только в том случае, если они вошли в узус через ранее доминировавший язык¹¹. Национализация наиболее ярко проявляется в языках тех славянских стран, которые ранее входили в состав многонациональных государств и испытывали на себе влияние близкородственных языков, обладавших более высоким коммуникативным статусом. После обретения национальными языками статуса государственного повышение их престижа в коммуникативном пространстве вылилось в ограничение влияния прежнего «высокого» языка, в украинском случае — русского.

Тенденция национализации украинского языкового пространства имеет в узусе ряд характерных черт, что отчетливо проявляется, в том числе, при анализе функционирования лексических средств в такой специфической сфере коммуникации, балансирующей на грани официального и неофициального общения, как Интернет. Можно констатировать, что к настоящему моменту сформировалось два способа введения русизмов в украинскую письменную речь. Первую тенденцию в самом общем виде можно обозначить как «остранение». Она выражается в сознательном маркировании чужеродности русских включений в украиноязычном тексте. Такое выделение русизмов осуществляется либо при помощи лексических средств, в том числе дополнительных комментариев вводного характера (типа *як кажуть* и под.), либо при помощи графических средств (кавычки, скобки), не исключая также их сочетания: *Якщо ви запитуєте, що додається в тісто, сир або “творог”, то це “творог”* (relax.ua/mob/menu/cheese-pastry/all-comments/); *Кисломолочний сир (творог) — це натуральний молочно-білковий продукт, один з найцінніших молочних продуктів* (webkursovik.ru/kartgotrab.asp). Вторая тенденция — отчасти противоположная первой — проявляется в полусознанном или несознательном «присвоении» заимствования, что предполагает, в частности, отрицание связи с русским первоисточником. Показателен в этом отношении комментарий к слову *бомж* одного из пользователей: *До речі, до мого сорому, я не знала, що слово бомж — це русизм? І вживаю його з думкою про те, що воно якесь загальне*:-(. На лингвистических форумах встречаются также весьма развернутые обоснования необходимости использования русизмов, в т.ч. таких аббревиатур, как *вуз* или *бомж*¹². Заметим, что факт заимствования

складносокращенного слова не является препятствием для его полной адаптации в украинском культурном и языковом пространстве, напротив, «понятность» аббревиатуры для носителей украинского языка делает ее удобным синонимом для многословного определения, создавая при этом специфическую внутрисистемную диспропорцию: *вищий навчальний заклад* — вуз, *Клуб кмітливих і винахідливих* — КВН. Освоение языковой системой русизмов такого рода проявляется, в частности, в наличии деривативных связей: *КВН* — *кавеенщики*, ср. пример из другой семантической группы *КГБ* — *кагебешники*.

Узуальным способом освоения русизмов является их фонетико-орфографическая и грамматическая адаптация к нормам украинского языка, проходящая нередко в несколько этапов. Разная степень отчетливости исходной языковой формы является дополнительным источником вариативности для современных заимствований из русского языка: в ряде случаев исходное (русское) происхождение слова выявляется только в сопоставлении с более адаптированной (украинизированной) формой: *особняк* ср. *осібняк*, *розборки* ср. *розбірки*, *тусовка* ср. *тусівка*, *бусік* ср. *бусик*, *стьоб* ср. *стеб* и под. В этой связи подчеркнутое фонетико-орфографическое выделение заимствования несет обратную — отчетливо негативную — окраску. Особо следует здесь выделить так называемую фонетизацию (максимальное приближение письма к произношению) как сознательный стилистический прием, призванный на графическом уровне маркировать чужеродность лексемы, пришедшей из русского языка: «*Якби в касі було тисяч двісті гривень, я б домовився з гопніками: 1. нажав би кнопку. 2. віддав бабло. 3. підставив під пулю руку. А потім поділилися б. За «членовідтілість» мені 75%* (<http://robho.com.ua/forum/viewtopic.php>). Русский фонетический облик слова подчеркивается также в других экспрессивно маркированных случаях: *єдїнонедєліміцкі* (ср. *єдинонеділімість / єдинонеподільник*), *общєчеловєкі*. Прием этот, кстати, активно используется в разнообразных анекдотах, эксплуатирующих русско-украинские взаимные стереотипы, в том числе в языковой сфере.

Среди русизмов, функционирующих в современном украинском языке, можно выделить несколько групп заимствований с точки зрения их семантики. Одну из них составляют собственно лексические заимствования, заполняющие лексико-семантические лакуны, прежде всего в разговорной речи: *творог* (ср. *сир* в примерах выше), *туфлі* (ср. уст. *черевики*, рег. *мешти*), *знімок* (ср. рег. *знимка*), *точка* (в значении «за-

бегаловка, место встречи»). Впрочем, такие заимствования проникают и в сферу регламентированного словоупотребления. Так, в недавно изданном учебнике украинского языка для поляков в качестве узуальных предлагаются такие лексемы: *багаж* (вм. *вантаж*), *туфельки* (вм. *червички*), *палатки* (вм. *намети*), *мужчина* (вм. *чоловік*)¹³. Специфика заимствований такого рода состоит в том, что они лишь изредка обозначают характерные черты собственно русского (российского) быта и жизни. В ряде случаев их проникновение в украинский язык связано с возникновением или распространением соответствующей реалии (*особняк*), внутрисистемной потребностью в устранении омонимии (*творог* вм. *сир*) или замещении устаревшей словарной единицы (*туфельки* вм. *черевички*). Нельзя не отметить и наблюдаемую в разговорной практике тенденцию к дублированию уже имеющихся словарных единиц за счет новых заимствований из русского языка. В большинстве своем такие заимствования сближаются с русизмами, давно вошедшими в украинский язык и уже утратившими связь с языком-источником: *завод*, *самоцвіти*, *паровоз* и под. Объединяет их в первую очередь стилистическая нейтральность, хотя для некоторых из них характерна ограниченная региональная употребимость. Так, русизмы *мужчина*, *знімка* распространены преимущественно в западных регионах Украины, где их употребление поддерживается специфической языковой ситуацией, длительным функционированием «язычия» и особым отношением к церковнославянскому наследию¹⁴. В свою очередь, обилие русизмов (в том числе нейтральных) на востоке Украины объясняется высокой интенсивностью русско-украинской интерференции.

Несколько иначе обстоит дело с заимствованиями из русского языка, связанными с реалиями советского времени. Советизмы в целом демонстрируют устойчивую тенденцию к маргинализации в рамках языкового пространства, а их выведение из активного словарного состава сопровождается обретением ярко выраженной экспрессивной окраски — заметим, аналогичное явление наблюдается и в русском, и в других славянских (и не только) языках. В украинском случае дополнительным средством маркирования становится подчеркивание связи с русским источником при помощи графико-фонетических средств. Прекрасно иллюстрирует это положение функционирование лексем *совєти*, *совєцький* с негативными коннотациями на фоне соответствующих им относительно нейтральных украинских аналогов с корнем *рад* — (*радянський*)¹⁵. В этом смысле весьма показательны также функ-

ционирование в украинском языковом и культурном пространстве открыто маркированных аббревиатур и сложносокращенных слов типа *КГБ, Гулаг*, сохраняющих свою исходную языковую форму — при возможном наличии параллельной украинской формы *КДБ, Гутаб*. Впрочем, в большинстве случаев здесь преобладает семантика самого слова и негативная оценка советских реалий в языковом сознании, отодвигая на второй план связь с собственно русской языковой формой, что показывает параллельное использование в подобных контекстах лексем *колхоз* и *колгосп*: «*Це ОРИГІНАЛ. А доробка — це “колхоз”*», ср. «*Настоящий колгосп!; Можливо колись був і колгоспом, та зараз й на це не схожий*» (комментарии к информации о Львовском национальном аграрном университете: <http://www.jobs.ua/university/244>).

Очевидно, что наличие и интенсивность дополнительной экспрессивной окраски напрямую связана со временем проникновения заимствования в украинский язык и спецификой межстратового взаимодействия в рассматриваемых языковых пространствах. Приходится констатировать, что новейшие русизмы наиболее активно пополняют набор жаргонизмов и коллоквиализмов в украинском языке. Утрата русским языком его значения как языка официального и доминирующего привела к тому, что русизмы в настоящий момент активно проникают — осознанно и неосознанно — прежде всего в украинский субстандарт и жаргон. Лучшее тому свидетельство — «Короткий словник жаргонної лексики» Л. Ставицкой, где большинство из приведенных словарных единиц напрямую заимствованы из русского жаргона (кстати, об этом автор в большинстве случаев даже не упоминает, видимо, считая это само собой разумеющимся фактом). Примеры такого рода находим и в монографиях, посвященных исследованию современного разговорного украинского языка и языка СМИ¹⁶. Нередко это также варианты лексем, демонстрирующие разную степень освоения заимствования в украинской языковой среде: *щодоколишник, мобілка, федерал*; среди них по-прежнему большой процент составляют кальки: *відморозок, довгобуд (довгобудова), ляльковод, паперотворець*.

Обилие русизмов со сниженной окраской в современной украинской речи отражает более масштабное явление: перемещение центра взаимодействия русского и украинского языков из сферы «высоких» коммуникативных функций в сферу повседневного общения. Этот факт при ограниченном функционировании украинского языка в неофициальной межличностной коммуникации в ряде регионов Украи-

ны облегчает проникновение русских жаргонизмов и просторечных элементов в украинский сленг и разговорную речь. Неизбежно затрагивает этот процесс также язык СМИ, что в целом отражает тенденцию к colloquialization современной нормы в славянских языках. В то же время, очевидно, что в нашем случае связь экспрессивной лексемы с русским языковым фоном усиливает эффект жаргонизации. Не случайно «новые русские» жаргонизмы используются в том числе с целью привлечения внимания читателя в заголовках к совершенно нейтральным («Відкат» з плати за навчання: *Необхідні документи: <http://chernigiv.info/economic/region/203058.html>*) и рекламным текстам (*Тарілка серія Ультот! Посуд! Нековзне дно. Ергономічна Nubi 520 http://m-plus.ua/index2.php?page=shop.product_details&flypage*), ср. также название кафе в Донецке «Ультот». Заметим, что заимствованные русские разговорные, просторечные и жаргонные элементы сохраняют свою стратовую маркированность и в новой языковой среде. Так, очевидно, в украинском языке и в языковом сознании носителей также существует различие, скажем, между ставшим разговорным *прикол* и жаргонным *стрёмно* (в укр. орфографии *стрьомно*). Неслучайно первое встречается в составе переводного названия фильма (*Будинок із приколами (The Haunted Mansion)*), а второе при введении в нейтральную речь требует особого комментария (*Спочатку мені було трохи, як то кажуть, "стрьомно". Але після перших репетицій я зрозуміла, що тут достатньо весело, і я отримаю від творчого процесу велику насолоду: molode.com.ua/?q=node/3428* — из интервью с участницей проекта “Зірка+Зірка 2” на украинском телевидении).

Особый экспрессивный потенциал содержит сознательно используемый прием переключения кодов, когда в украинскую нейтральную речь вставляются целые фразы на русском языке: «*Коли людина вільно володіє мовою, їй комфортно у соціумі і добре у фізичному вимірі. Але коли їй можуть сказати: «Говори на човеческом языке», вона відчуває насильство над особистістю* (из интервью с П. Е. Гриценко: «Газета по-українськи» №1112 за 20.10.2010; <http://gazeta.ua/articles/comments-newspaper/358094>). Причем экспрессивизация происходит независимо от непосредственного содержания русскоязычной цитаты: «*Таким чином нас штовхають на шлях, на якому «тільки бледнолиций брат дважды наступає на грабли»*».

Открытым остается вопрос: является ли преимущественно негативная экспрессивная окраска значительного числа новейших ру-

сизмов слідством отрицательного отношения к русскому языку (как к так называемому «языку-агрессору») или таков характер межъязыкового взаимодействия близкородственных языков в целом. Так или иначе, очевидно, что русизмы являются одним из весьма выразительных средств придания украинской речи дополнительных экспрессивных коннотаций, одним из источников вариативности лексико-стилистических средств. Прекрасно иллюстрирует данное положение синонимический ряд: *фотографія — світлина — знімка — знімок*, где первый нейтральный элемент в зависимости от ситуации общения может заменяться пуризмом (2), регионализмом (3) или разговорной лексемой (4), которая по своему происхождению является русизмом. Очевидно также, что активные усилия украинских кодификаторов по вытеснению русизмов приносят явный успех лишь в сфере «высоких» коммуникативных функций, а для повседневной украинской речевой практики характерно обилие заимствований из русского языка.

¹ См., например, на польском материале: Т. Тихомирова. Судьбы русизмов в польском языке // Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты. М.: Квадрига, 2011. С. 100–115; там же библиография вопроса.

² Подробнее об условиях и результатах опроса см.: Мовна політика та мовна ситуація в Україні. Аналіз і рекомендації. Київ, 2008. с. 345–346.

³ Об этом см., в частности: Ohnheiser I. Эколингвистика и тенденции развития современных славянских языков // *Języki słowiańskie w perspektywie ekolingwistycznej* / red. W. Lubaś, I. Ohnheiser, Z. Topolińska. Opole, 2003. S. 31–32.

⁴ «The language ideology is expressed on the level of specific speech acts in phonology and word choice... and body language. On the more general level language ideology can refer to beliefs about the nature of language in abstract sense — whether or not it has an ideal form, or how it relates to ethnic or national identity» — перевод наш О. Остапчук: L. M. Bilaniuk. The politics of language and identity in post-soviet Ukraine. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy (Anthropology) in the University of Michigan, 1998. P. 9.

⁵ Г. Яворська. Генеза сучасних проблем нормалізації та кодифікації // Українська мова. Сер. Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Opole, 1999. S. 204; этой же проблематике посвящена монография: Л. Струганець. Динаміка лексичних норм української літературної мови ХХ століття. Тернопіль, 2002.

⁶ Обзор таких работ см.: О. О. Тараненко Колоквіалізація, субстандартризація та вульгаризація як характерні явища стилістики сучасної української мови (з кінця 1980-х рр.) // Мовознавство. 2002, № 4–5. С. 33–39; Мовознавство. 2003, № 1.

С. 32–41.

⁷ Наиболее взвешенную позицию заняли здесь зарубежные исследователи, см., в частности: М. Флайер. Суржик: правила взаимодействия // Он же. Избранные труды. Т. 1: Работы по синхронному языкознанию. М., 2010. С. 622–650.

⁸ Курс історії української літературної мови. Київ, 1961. Т. II. С. 395.

⁹ Там же. С. 221.

¹⁰ См. инициативы группы «Молода Черкащина», примеры материалов такого рода можно найти, в частности, на сайте: zik.com.ua.

¹¹ Ohnheiser I. Эколингвистика и тенденции развития современных славянских языков... S. 30.

¹² *«В українській мові вони вже активно вживаються. «Вищий навчальний заклад» — вже пізніше тлумачення цієї аббревіатури з метою наблизити її до української мови (хоча особливої потреби в цьому нема — «вуз» є, до певної міри, запозиченим іменником, як «комсомол». Просто комітет радянської молоді припинив своє існування, а вищі навчальні заклади продовжують навчати студентів). ВНЗ, будучи правильно побудованим українським скороченням, не має тенденції до перетворення в самостійне слово — у ньому відсутні голосні, «веензе» не має відмінків, тоді як ВУЗ поступово стає звичайним іменником II відміни. Вживаючи слово «вуз», ми у більшості випадків навіть не замислюємось, що це скорочення»* <http://lingvoforum.net/index.php?topic=9123.0>

¹³ Белей О. Розмовляєте українською? Підручник української мови. Вроцлав, 2006

¹⁴ Об этом подробнее см.: Остапчук О. А. Фактор полилингвизма в истории украинского литературного языка // Славянский вестник. Вып. 2. М., 2004. С. 257–269.

¹⁵ «Вони РАБИ з серпом і молотом в голові, їхні внуки — діти до сих пір кажуть совєцький рубель на гривну, ти думаєш таких можна переучити чи перевиховати»: из комментариев к обращению В. Ющенко в 2010 г. <http://korrespondent.net/ukraine/politics/1055397-yushchenko-ya-obrashchus-k-nacii-s-prizyvom-o-nepovinovennii>.

¹⁶ Стишов О. А. Українська лексика кінця ХХ століття (на матеріалі засобів масової інформації). Київ, 2003; Струганець Л. Динаміка лексичних норм української літературної мови ХХ століття. Тернопіль, 2002.

ИЗ ОПЫТА 10-ЛЕТНЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА В РОССИЙСКОМ ВУЗЕ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

С 2001 года в Филиале МГУ имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе студенты изучают украинский язык. Преподавание украинского языка ведется по программам: «Украинский язык по профессиональному направлению» и «Деловой украинский язык» для студентов 8 специальностей: история, журналистика, психология, экономика и управление, прикладная математика, физика и география. Украинский язык как второй славянский изучают филологи.

Программы курсов были составлены на основе типовой программы изучения украинского языка, утвержденной Министерством образования Украины для высших учебных заведений Украины, с коррекцией с учетом специфики изучения украинского языка в филиале российского вуза.

Цель курсов «Украинский язык по профессиональному направлению» и «Деловой украинский язык» — познакомить студентов с особенностями официально — деловой речи, ее практическим применением в широкой сфере деятельности разных специалистов, повысить общий разговорный уровень студентов.

В целом курсы «Украинский язык по профессиональному направлению» и «Деловой украинский язык» — это комплекс, в основе которого лежит работа по вопросам делопроизводства на украинском языке, развитие устной и письменной речи, овладение языком специальности. Курс лекций последовательно и детально освещает вопросы современного украинского делового языка, начиная от общих понятий языковой нормы, официально-делового стиля и классификации документов, дает характеристики основных требований к составлению и оформлению документов вместе с анализом каждого отдельного вида документа. Этот анализ включает в себя ознакомление со структурой документа, порядком его составления, подбором нужных слов, форм

слов или предложных конструкций. Также предусматривается работа с деловыми бумагами, деловой терминологией.

Специально подобранный лексико-грамматический материал направлен на развитие навыков деловой речи в устной и письменной форме. Основой учебного материала являются элементарные данные о деловых бумагах, необходимый грамматический минимум по функциональным стилям языка, особенности и способы употребления, основные группы терминологической лексики и структурные типы предложений, правила правописания, необходимые в делопроизводстве.

Для изучения терминов на практических занятиях предусмотрена активная работа с терминологическими словарями, самостоятельное составление терминологических словарей — минимумов.

Преподавание данных дисциплин осложнено языковой ситуацией, которая складывается на Украине и в студенческой аудитории, меняющаяся каждый год. Языковую ситуацию сейчас не будем комментировать, а вот ситуация в студенческой аудитории представляет интерес.

Студенческий контингент в Филиале формируется в такой пропорции: от 35 до 60% — выпускники российских средних учебных заведений; от 35 до 65% — выпускники украинских средних учебных заведений, из них до 70% — выпускники севастопольских школ и колледжей (из них около 40% — выпускники российской школы, открытой в г. Севастополе); до 5% — выпускники средних учебных заведений других стран (Беларусь, Молдова и др.).

Как видно, только одна категория студентов, а именно, выпускники украинских средних учебных заведений, владеют украинским языком. На протяжении всего периода обучения в школе они изучали параллельно русский и украинский (государственный) языки. Для большинства из них русский является родным, но в то же время среди них встречаются школьники — билингвы, в равной степени хорошо владеющие русским и украинским языками.

Небольшая справка: до 1993 года в Севастополе, в отличие от школ с русским языком обучения в других регионах Украины, украинский язык не преподавался. Изучение украинского языка и литературы как обязательных предметов в школе введено в Севастополе с 1998 года. В переходный период, с 1993 по 1998 гг., украинский язык в севастопольских школах преподавался нерегулярно и не во всех учебных заведениях. Основная проблема, возникшая в этот период, — нехватка учителей украинского языка и литературы.

Таким образом, с момента преподавания украинского языка в Филлиале севастопольские выпускники каждого нового набора поступали с лучшими знаниями языка, чем студенты предыдущего. Вместе с ними в аудитории обучались выпускники российских и других государств средних учебных заведений, ранее не изучавших преподаваемый язык. Практически в каждой студенческой группе были студенты, которые ранее не изучали украинский язык, а также те, которые изучали от одного до десяти лет, владеющие разными навыками и компетенциями. Это диктовало необходимость проведения дифференцированного обучения и индивидуализации работы студентов, поиска новых методов и форм обучения.

Следует сказать несколько слов об изучении украинского языка в школе. Изучение языка осуществляется в специфических языковых условиях. Русский и украинский языки относятся к одной языковой группе, т.е. они являются близкородственными, поэтому в ходе обучения русскоязычных детей украинскому языку следует учитывать интерференцию (лексическую, фонетическую, фонемную, орфографическую) и транспозицию (перенос), по Н. М. Шанскому, положительный перенос умений и навыков в речи на другом языке. При изучении украинского языка в украинских школах имеются большие возможности для транспозиции, для опоры на аналогичные знания, умения и навыки по родному языку. Это позволило бы использовать при изучении украинского языка многие методы и приемы, эффективные при обучении русскому языку как родному [1, 27]. Но, это, к сожалению, не используется, потому что учителя украинского языка не всегда компетентны в вопросах русского языка и методики его преподавания (в силу того, что русский язык в вузе не изучали), и еще есть один фактор, который мешает проводить обучение с опорой на знания родного для детей языка, зачастую программа украинского языка опережает программу изучения того же языкового явления, изучаемого в курсе русского языка. А вместе с тем место и роль интерференции и транспозиции при овладении детьми двумя языками зависят от соотношения систем родного и украинского языков и от уровня знаний родного языка.

Из исследований психологов и лингвистов (Л. С. Выготский, А. А. Леонтьев, И. В. Баранников, А. М. Богуш, М. Б. Успенский, Н. М., Шанский и другие) известно, что в условиях близкородственного двуязычия опора на родной язык значительно облегчает процесс овладения вторым языком. Под опорой на родной язык на современном этапе

развития понимаются соответствующие построения, программы учебников, методических пособий и подготовки воспитателей и учителей, обучающих русскоязычных детей украинскому языку.

Таким образом, мы видим, насколько велика роль родного языка в условиях близкородственного двуязычия. Именно поэтому в начальный период работы со студентами для облегчения дальнейшей работы необходимо все полученные ранее знания по украинскому языку, а зачастую и по русскому, систематизировать, потому что изучение грамматики проводится путем сопоставления грамматических систем двух языков.

Ученые отмечают, что сопоставительный метод особенно эффективен применительно к родственным языкам, так как их контрастные черты проступают наиболее ярко на фоне сходных.

Надо отметить, что грамматические системы близкородственных языков отличаются не столько средствами выражения, не столько различиями типологического и системного характера, сколько неодинаковой функционально-стилистической значимостью изучаемых категорий и их членов, разной степенью употребительности, неодинаковым удельным весом в системе или микросистеме языка, разной дистрибуцией сопоставляемых категорий.

При сопоставлении морфологических категорий русского и украинского языков предусмотрены следующие аспекты: краткая общая характеристика категории; формальное выражение категории в сопоставляемых языках; семантическая структура категории; общее и специфическое в выражении категории; особенности функционального употребления форм категории; связь данной морфологической категории с другими категориями определенной части речи [2, 19–20].

В студенческой аудитории изучение грамматической категории происходит следующим образом: сначала актуализируются знания из изученного ранее в школе или вузе курса русского языка, затем проводится терминологическое сопоставление в языках, определяются сходные и отличные черты в определении и характеристике изучаемого языкового явления). Сопоставительный анализ русского и украинского словообразования, морфологии и синтаксиса осуществляется в плане синхронии, на материале современных литературных языков. Для закрепления теоретического материала студенты выполняют различного вида практические работы.

Большую помощь в систематизации наработанного теоретического материала оказала коллективная монография «Сопоставительная

грамматика русского и украинского языков» авторов В. П. Мусиенко, Н. Г. Озерова, Г. П. Олейник, Н. П. Романова, Е. С. Снитко, О. Е. Творнович, вышедшая под редакцией Н. Г. Озеровой.

Студенты-филологи в рамках курса изучения украинского языка самостоятельно проводят сопоставительный анализ одной грамматической категории или части речи. Например, при знакомстве с именем существительным особое внимание уделяется таким темам: Род и число существительных. Склонение существительных. Деление существительных на склонения и группы. Звательный падеж. Склонение существительных 1,2 склонения. Родительный падеж существительных 2-ого склонения. Склонение существительных 3,4 склонения. Падежные окончания. Особенности употребления существительных в деловых бумагах.

Продемонстрируем на примере категории рода при изучении имени существительного. Категория рода рассматривается как несловоизменительная, свойственная всем именам существительным, за исключением субстантивов *plurale tantum*, а также именам прилагательным, местоимениям и т. д. Грамматический род выступает в качестве основного признака, который определяет распределение существительных по типам склонения. Для существительных категория рода является классифицирующей морфологической категорией и выполняет роль скрепы для синтаксических единиц, образующихся вокруг существительного.

В школьной грамматике категория рода у русских и украинских существительных характеризуется триадой (мужской, женский, средний), научная грамматика выделяет еще и общий род у существительных (существительные мужского рода, существительные женского рода и так называемого парного рода, у имен существительных *plurale tantum*).

В различных лексико-грамматических разрядах существительных содержание категории рода различно. У одушевленных существительных категория рода семантически, отображает реальное противопоставление биологических полов. Исключением являются слова *животное, дитя, пресмыкающееся, лицо, божество, ничтожество, беспозвоночное*, имеющие значение среднего рода в русском языке. В украинском языке одушевленных имен существительных среднего рода значительно больше, например, в него входят все названия детенышей животных и птиц: *кошеня, собаченя, лоша, теля, порося, вовченя, курча, гусеня, каченя*. В русском языке указанные существительные относятся к тому

или иному роду, например: *котенок, щенок, жеребенок, теленок, поросенок, волчонок, цыпленок, гусенок, утенок* — мужского рода, независимо от естественного пола. Только слова *дитя, дитяtko* среднего рода.

В устной речи допустимы родовые параллели с женским родом — общие наименования лиц по профессии, специальности, которые образуются от заимствованных основ при помощи суффикса — ша: *администраторша, аптекарша, гастролерша*.

В украинском языке от существительных мужского рода с семей 'лицо' образуются существительные женского рода с суффиксом — к-: *авторка, агитаторка, агрономка* и разговорные *бухгалтерка, директорка, инженерка*, а также словообразовательные корреляты личных существительных женского рода с суффиксом -ша: *билетерша, агрономша, дикторша*.

Для обозначения лиц женского пола употребляются личные существительные мужского рода, не имеющие женских коррелятов, напр.: *диригент, соціолог, педагог* [2, 203–204].

Кроме того, при изучении категории рода у существительных рассматривается вопрос распределения по родам сложносоставных существительных и аббревиатур.

В курсе изучения украинского языка особое внимание уделяется работе с текстами лингвострановедческого и культурологического содержания, в ходе которой приходит осознание роли родного языка и культуры в зеркале культуры другого народа потому как без знаний о культуре, истории, реалиях и традициях страны изучаемого языка овладеть языком невозможно. Кроме того, это позволяет удачно сочетать элементы страноведения с языковыми явлениями, которые выступают не только как средство коммуникации, но и как способ знакомства обучаемых с новой для них действительностью.

При обучении деловой речи затруднения у студентов вызывают устойчивые конструкции, представляющие сложность для перевода, типа: по закону — *згідно із законом*, потребляемые средства — *споживчі кошти*, предоставленные льготы — *надані пільги*, при уходе с должности — *при залишенні посади*, по окончании действия контракта — *після закінчення дії контракту*. Для закрепления изученного материала студенты обороты, вызвавшие сложности при переводе, заносят в словарики.

Наибольший интерес у студентов вызывают материалы по деловому общению и этикету. Поиск информации на заданную тему и пуб-

личное выступление — один из обязательных видов самостоятельной работы студентов в рамках данного курса.

В целом, при изучении украинского языка студенты достигают хороших результатов: приобретают навыки делового устного и письменного общения, постигают основы делопроизводства, формируют терминологический запас. Студенты-филологи на базе хорошей теоретической подготовки по курсам дисциплин русского языка, применяя методические приемы сопоставления, сравнения, выявляя различия и сходства языковых процессов двух родственных языков, делают свои собственные маленькие научные открытия. Задача преподавателя состоит в том, чтобы мотивировать студентов к изучению украинского языка и, имея в виду неоднородность контингента студентов, подобрать и применить такие методы и приемы обучения, которые учитывают индивидуальность каждого учащегося.

1. Шанский Н. М., Успенский М. Б. Основные направления в развитии методики русского языка в национальной школе // Русский язык в национальной школе. 1977. № 6 — С. 19–28.
2. Сопоставительная грамматика русского и украинского языков / Г.Д. Басова, А. В. Качура, А. В. Кихно и др. — Киев: Наукова думка, 2003. — 534 с.

ПРЕПОДАВАНИЕ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА В УЧРЕЖДЕНИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Преподавание украинского языка в России имеет свою специфику. Учебники, самоучители, курсы украинского языка как иностранного или неродного в большинстве своем рассчитаны либо на тех, чей родной язык далек от восточнославянской, да и вообще славянской языковой группы, либо на русскоязычных, проживающих в Украине, то есть в большей или меньшей степени, в языковой среде. Для преподавания украинского языка в России эти учебники не могли быть использованы эффективно, так как первая их группа не учитывала фоновых знаний близкородственного языка, вторая группа учебных пособий была ориентирована на обучение неродному, но НЕ иностранному языку.

Кроме того, разрозненность учебников и программ учебных курсов, ориентированных на носителей разных языков требовала выработки единых объективных критериев оценки языковой компетенции и прогресса в овладении украинским языком.

В последние годы одним из перспективных средств обучения иностранному языку становится технология «языкового портфеля»¹. Для нас она представляет интерес, так как, по нашему мнению, «Европейский языковой портфель» (ЕЯП), помогает решить комплекс задач, связанных с преподаванием украинского языка в РФ.

В процессе обучения иностранным языкам сегодня наблюдается стойкая тенденция к смещению акцента с *преподавательской деятельности на деятельность обучающегося*. Технология языкового портфеля способствует:

- воспитанию личной ответственности обучающегося за ход и результаты обучения, что достигается как оценкой, *так и самооценкой* учебной деятельности;
- формированию не только и не столько языковой, сколько *лингвокультурной компетенции*, созданию целостной языковой картины мира и осознанию места украинского языка в языковой картине мира;

- расширению рамок учебного процесса за счёт включения его индивидуального опыта в межкультурном общении с носителем языка.

В современной практике преподавания иностранных языков эффективно используются различные типы языкового портфеля (ЯП) в зависимости от его целевой направленности:

- ЯП как *инструмент самооценки* (Self-Assessment Language Portfolio);
- ЯП как *инструмент автономного изучения ИЯ* (Language Learning Portfolio). Данный вид ЯП может также варьироваться в зависимости от *одноцелевой* (например ЯП по письму) или комплексной направленности.
- ЯП как *инструмент демонстрации учебного продукта — результата овладения ИЯ* (Administrative Language Portfolio). С помощью такого портфеля учащийся может показать свои достижения в использовании изучаемого языка при приеме на работу, в учебное заведение и пр.
- ЯП как *инструмент осуществления обратной связи и коррекции самостоятельной учебной деятельности* по овладению ИЯ по результатам выполнения определенных учебных заданий (Feedback).
- ЯП как *инструмент презентации успешного* (с точки зрения учащегося) опыта иноязычного речевого общения (Show Case).

Европейский языковой портфель представляет собой синтез различных типов ЯП. В его основе — стандарты, выработанные Советом Европы и обобщенные в «Общеввропейских компетенциях владения иностранным языком». Российская версия была разработана в 2001 году. В настоящее время существует три варианта типового портфеля для трех возрастных групп. Разработкой российской версии ЕЯП и ее внедрением в отечественную практику обучения иностранным языкам занимается Московский государственный лингвистический университет при участии экспертов Совета Европы. Авторам проекта необходимо было создать *общую, унифицированную* терминологию и систему единиц для описания того, что составляет предмета изучения, а также для описания уровней владения языком, независимо от того, какой язык изучается, в какой стране, и каким образом: в учебном заведении, на курсах, частным образом или самостоятельно, и какие методики при этом используются. В итоге были разработаны: система уровней владения языком и система описания этих уровней с использованием стандартных категорий.

Эти два комплекса создают понятийную систему, которая может быть использована для описания в единых терминах любой программы обучения, начиная с постановки задач и заканчивая достигаемыми в результате обучения компетенциями, и любой системы оценки (и сертификации) уровня владения иностранным языком или языками. Она позволяет также проинформировать других о чьей-либо языковой компетенции в терминах, принятых Советом Европы и понятных на всем европейском пространстве. *Совет Европы признает его в качестве международного документа*, в котором зафиксирован и документально подтвержден тот или иной уровень владения иностранным языком. (Он может использоваться при продолжении учебы или поиске работы в европейских странах).

Проект Европейский языковой портфель дает человеку, изучающему иностранные языки (или неродной язык, например, государственный язык страны проживания), доступный инструмент для определения уровня своего языковой компетенции, своих достижений в овладении иностранными языками, дальнейшего совершенствования своих знаний и умений; позволяет развивать и поддерживать интерес к изучению языков на протяжении всей жизни. Педагогу же проект облегчает планирование учебного процесса, контроль за ним и оценку уровня знаний, позволяет отследить самостоятельную, внеаудиторную работу учащегося и совершенствование его языкового уровня, дает возможность оценивать эффективность процесса обучения и применяемых методик, реализует индивидуальный подход к обучению, позволяя оценить уровень достижений *каждого* учащегося в овладении иностранными языками и *внести в случае необходимости коррективы в свою преподавательскую деятельность*.

ЕЯП призван способствовать формированию единого образовательного пространства в сфере овладения современными языками Европы. Опыт его использования может быть полезен и при изучении других языков.

Предлагаемая в языковом портфеле шестиуровневая система владения языком полностью соответствует общеевропейским стандартам и представляет собой более низкие и более высокие подуровни в классической трехуровневой системе, включающей в себя базовый — или «допороговый» — уровень (А), средний — «пороговый» — (В) и уровень свободного владения языком (С). Схема уровней построена по принципу последовательного разветвления:

Элементарное владение (А)	A1 — Уровень выживания
	A2 — Допороговый уровень
Самостоятельное владение (В)	B1 — Пороговый уровень
	B2 — Пороговый продвинутый уровень
Свободное владение (С)	C1 — Высокий (или уровень профессионального владения)
	C2 — Владение в совершенстве

ЕЯП — пакет рабочих материалов, который отражает результаты учебной деятельности по овладению иностранным языком и культурой. Он состоит из трех частей: *паспорта*, *языковой биографии* его пользователя и *досье*.

«Языковой паспорт» представлен в ЕЯП отдельным документом. *Он признается Советом Европы в качестве документа, отражающего достижения его владельца в изучении иностранных языков.*

В «Языковой паспорт» вносят общие данные о себе, изучаемых языках, и на основании самооценки указывают уровень владения тем или иным иностранным или неродным языком. Для этого, после внесения личных данных, владельцы ЕЯП должны внимательно изучить «Таблицы самооценки» и заполнить их. (пример: *владелец «портфеля» считает, что его навык понимания устной речи соответствует уровню В1*)

Во второй части ЕЯП — «Языковой биографии» — необходимо сначала внимательно изучить изложенное в контрольных листах самооценки описание коммуникативных умений по всем видам речевой деятельности соответствующего уровня. Согласно инструкции необходимо в соответствующих разделах контрольных листов самооценки отметить те коммуникативные умения, которыми обучающиеся, по их мнению, уже овладели, а также умения, которыми они хотят овладеть в дальнейшем.

В контрольных листах для самооценки обучающиеся заполняют только графы 1 (умею) и 3 (хочу научиться) по каждому из изучаемых ими языков. Графа 2, также содержащая оценку умений, предусмотрена для заполнения преподавателем.

Также в разделе «Языковая биография» представлены различные стратегии и приемы работы над языком.

«Досье» ЕЯП позволяет его владельцам представить материальные свидетельства своих достижений, например, материалы учебных проектов, докладов и презентаций, справки и дипломы об окончании языковых курсов, дипломы победителей олимпиад или дипломантов конкурсов и т.д. Все эти материалы складываются в папку, регистрируются и оцениваются с точки зрения их полезности для изучения и использования изучаемого языка.

В современном компьютеризированном обществе, где практически повсеместно используются информационные технологии, очень практичным и удобным может стать создание электронной версии ЕЯП.

Выбор электронного (в отличие от бумажного) способа представления портфеля обусловлен возможностью мобильного заполнения и представления, анимационных эффектов, экономичностью. Создание языкового портфеля в электронном виде позволяет:

- представить «Досье» в более полном и наглядном виде за счет использования не только текстового, но и аудио-, графического, видео — форматов, позволяющих проследить развитие навыков произношения, аудирования, говорения, а также хранить, редактировать и демонстрировать работы учащихся с помощью мультимедийных средств;
- обеспечить оперативный доступ, в том числе и дистанционный, к материалам электронного портфеля.

Электронная версия портфеля наиболее удобна для дистантной формы обучения иностранному языку. Мы используем печатную версию ЕЯП с января 2011, а в электронном виде начали работать с ним только с января этого года. Использование языкового портфеля при овладении украинским языком:

- обеспечивает преемственность в процессе обучения (при переходе в другую учебную группу или учебное заведение, изучение языков на протяжении всей жизни);
- позволяет отслеживать опыт межкультурного общения учащегося.
- дает надежный и понятный инструмент для постановки задач и определения прогресса в изучении языка.

По своей сути Европейский языковой портфель является эффективным учебным средством, которое может быть адаптировано практически к любой учебной ситуации, с учетом так факторов как:

- цели обучения,
- возраст обучающихся,

- уровень овладения иностранным языком,
- условия обучения,
- индивидуальные особенности учащихся,
- используемые методы и средства обучения.

Эффективность языкового портфеля объясняется, прежде всего, аутентичным и объективным характером оценки и самооценки по сравнению с другими формами контроля, используемыми в языковой области, что достигается, благодаря четко осознаваемым обучаемыми критериям оценки; выделением и обобщением обучающимися на основе личного опыта эффективных для них форм и методов изучения иностранного языка, представленными в языковом портфеле реальными продуктами креативной учебной деятельности.

Одним из важных преимуществ языкового портфеля, по сравнению с другими формами проверки знаний, в частности, со стандартизированными тестами, дающими “разовую оценку”, является возможность для обучающегося самостоятельно определить свою динамику уровня владения языком, получить отражение не только своих знаний и умений, но и прогресса в изучении языка.

Использование технологии Европейского языкового портфеля в процессе обучения украинскому языку обеспечивает способность и готовность обучаемого к самостоятельному изучению языка и повышению уровня своей языковой компетенции на протяжении всей жизни и создает условия для непрерывного самостоятельного языкового образования.

¹ См. подробнее об этом: Гальскова Н.Д. Языковой портфель как инструмент оценки учащегося в области изучения иностранных языков // ИЯШ. 2000. № 5. С. 6–11; Горегляд О.Л. Языковой портфель как одно из перспективных средств обучения иностранному языку в школе — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.festival.1september.ru>articles/562370/>. — Загл. с экрана; Европейский языковой портфель для России. М.: МГЛУ; СПб: Златоуст, 2001.; Коряковцева Н.Ф. Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык: Пособие для учителей. — М: Аркти, 2002. — С. 93–103; Лабазина Л.Н. Европейский языковой портфель — средство оценки и самооценки знаний учащихся по иностранным языкам. // Ярославский педагогический вестник. — 2003. — № 2 (35).

В. Г. Крикуненко

ОПЫТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ

Говоря о цивилизационно-культурных связях наших стран, нельзя не учитывать такого важного фактора как присутствие в них исторически сформировавшихся расселения русских в Украине и украинцев в Российской Федерации, наличие значительного и во многом нераскрытого культурного потенциала этих диаспор и национальных меньшинств. В этой связи заслуживает особого внимания мало изученный опыт функционирования украинской литературы в России.

Известно, что на протяжении XIX–XX веков украинская литература создавалась не только в Украине, но и во многих странах, где издавна расселялись и жили украинцы. Поистине всемирный ареал ее распространения наблюдаем в XX веке: многие украинские литераторы живут, пишут и издаются на родном языке в Польше, Словакии, Югославии, Румынии, ФРГ, Великобритании, США, Канаде, Бразилии, Аргентине, Австралии...

Именно XX век, обрушивший на Украину губительные войны, организованный голодомор, тотальную русификацию общественной жизни и массовые репрессии против национальной интеллигенции, явил поистине «фениксовый» характер украинской культуры, ее стойкую способность сохранять и воспроизводить себя в диаспорном поле. Сегодня становится все более очевидным, что во многом благодаря этому удалось сберечь преемственность важных идейных, художественно-стилевых нитей, связывающих развивающийся в пространстве и времени как единое историко-культурное целое украинский литературный процесс, расширить его рамки, обозначить новые перспективные векторы.

Произведения писателей зарубежья ныне широко издаются в Украине, становятся предметом академических исследований, изучаются в вузах и школах. Во многом этот процесс возвращения связан и с вхождением в нашу духовную жизнь поколения «Расстрелянного Возрождения» 1920-х — начала 1930-х гг., тем более что и многие деятели украинской словесности в диаспоре принадлежат к той же генерации, в двадцатые годы они начинали свой творческий путь в Украине (То-

дось Осьмачка, Улас Самчук, Иван Багряный, Юрий Шевелев, Аркадий Любченко, Юрий Бургардт) либо в Российской Федерации (Василь Барка, Дмитро Нитченко).

Все это говорит об усилившихся с восстановлением независимого Украинского государства интегративных тенденциях в культуре мирового украинства, духовном единении ее диаспорных «кустов», отстоявших в чужеродной среде национальную самобытность, дополнив ее нюансами местных культурных влияний, вписав также неповторимые украинские краски в культуру стран своего проживания.

Пассионарная энергия диаспоры делает картину современной украинской культуры Украины более живой, наполненной, глубинной. Нельзя не согласиться с многим благодаря диаспоре, географические и творческие координаты украинской литературы приобретают сегодня более масштабный и разветвленный характер, сближая страны и континенты, народы и культуры с самой Украиной. И все же остается литературная «terra inkognita», причем это едва ли не самая большая часть диаспорного поля, все еще лежащая целиной для историков литературы.

И, как это ни странно, находится она не за тридевять земель, а буквально по соседству с Украиной — в Российской Федерации. В стране, на территории которой издавна проживало самое крупное украинское расселение вне своей исторической родины. Если исторические, хозяйственно-экономические, социальные, этнографические и некоторые иные аспекты расселения представителей этого крупнейшего после русских и татар этноса современной России хотя бы эпизодически изучались, освещались в монографиях и статьях, то культурологическая и особенно литературная проблематика долгое время оставалась вне поля зрения ученых.

Что, впрочем, и понятно: изучать истоки, развитие и само бытование украинской литературы в России в прошлые годы означало бы признание ее права на существование как важнейшего фактора духовной жизни, национального саморазвития местного украинства. А это, разумеется, не входило в планы ни имперской, ни советской администраций. «Вот почему вплоть до начала 1990-х гг. российская украиника пряталась за тяжелой дверью спецхранов. Она была похожа на затонувшую Атлантиду: кое-кто о ней слышал, но никто толком ничего не знал.

И все же ключ к познанию заключался в самих вопросах, которые, наконец, могут свободно прозвучать: «А знаете ли вы о существовании

в 1920-е — начале 1930-х годов украинских литературных организаций в Москве, на Кубани, в Сибири?» «Известно ли вам об украинском драматическом театре на Дальнем Востоке?» «Об украинских журналах и альманахах, выходивших в свое время в Краснодаре, Ростове-на-Дону, в Саратове?» «О книжном издательстве «СiМ» и журнале «Нео-Лiф» в Москве?», «О кубанских литературных дебютах одного из ведущих украинских писателей в США Василия Барки?»

Искать ответы на этот вопрос необходимо. Ведь без них не представить в полной мере широкий ареал украинской литературы, проблем усвоения ее материковой частью всего лучшего, созданного украинскими писателями в рассеянии. Этот необыкновенно важный и благотворный процесс выявления и собирания, расплывенных в зарубежье «пульсаров» духовной энергии нации останется неполным и незавершенным, если не будет охватывать крупнейшего в мире восточного массива диаспорной украинской культуры и литературы, в частности, той ее части, которая создавалась на территории России, Российской Федерации.

Важно заметить, что, в отличие от западной диаспоры, расселение украинцев в России долгое время происходило в рамках общего унитарного государства — Российской империи, Союза Советских Социалистических Республик. При этом значительная часть украинцев, проживающих на территории соседних с Украиной российских областей, издревле являлась там автохтонным населением (часть Воронежской, Ростовской, Курской, Белгородской, Брянской областей, Кубань).

Казалось бы, это позволяло им с большим успехом развивать народную культуру, традиции, язык в собственной этнической среде, поддерживать более тесные связи с материковой культурой. Однако подчиненное положение самой Украины, препятствия, повсеместно чинимые царскими, а затем и большевистскими властями свободному развитию украинской культуры, образования, политика последовательной русификации резко ограничивали возможности сохранения диаспорой своей национальной идентичности, выявления ее национально-культурного потенциала.

И если западная диаспора, особенно второй (послереволюционной) и третьей (послевоенной) волны во многом формировалась за счет так называемой культурной эмиграции с Украины, которая несла с собой в зарубежье уже сформированный идейно-творческий, в том числе и литературный багаж, то украинские переселения на восток, в Россию

подчинялись преимущественно сугубо утилитарным экономическим или карательно-политическим задачам (освоение новых земель в Сибири и на Дальнем Востоке, строительство и налаживание промышленного производства, эвакуация в годы войны, изоляция националистических, кулацких и иных «враждебных элементов» и проч.).

При этом организаторами переселений делалась однозначная ставка на быстрое обрусение переселяемой украинской «рабсилы», что методично и выполнялось: исключая короткий период украинизации в конце 20-х гг., для переселенцев с Украины не было создано ни одной украинской школы, ни одной украинской газеты... Нельзя, правда, сказать, что на территории России тогда не было украинских писателей. Были. И немало. Значительная часть состава довоенного Союза писателей Украины, многие литераторы послевоенного времени пребывали в лагерях ГУЛАГа — на Соловках, Колыме, в Мордовии. Там остались неизвестные могилы большинства из них... Там не было литературной жизни...¹

И все же, вопреки всему, она возрождалась... Ведь корни украинской словесности на российской земле уходят в глубину веков. И было время, когда сюда, говоря современным языком, с Украины проследовала мощная волна «культурной эмиграции». Уместно вспомнить, что начало украинской литературной традиции в России связано с именами таких известнейших литераторов, публицистов, церковных проповедников XVII—XVIII вв. Евфимий Славинецкий, Симеон Яворский, Дмитрий Туптало, Феофан Прокопович и других выходцев из Киево-Могилянской академии², которые, по определению П. Пекарского, «в первой четверти XVIII в. определяли культурную политику в России»³.

Правда, выступив своеобразными культурными донорами, названные представители украинской культуры в России обслуживали первоочередные интересы «прорубающей окна» в Европу империи, которая, воспользовавшись их услугами, вскоре силой административного воздействия запретила украинское книгопечатание, надолго поставив украинскую литературу в униженные, полуподпольные условия существования.

В последующие годы приезжающие в Россию представители украинской интеллигенции, став известными русскими писателями, все же каждый по-своему выказывали свое украинство в литературном творчестве: это проявлялось в языковом колорите их произведений, изобиловавших украинизмами, украинскими фольклорными, этно-

графическими мотивами (Николай Гоголь, Василий Нарезный). Иные выходцы с Украины, оказавшись в российских культурных центрах, утрачивали свое украинство. Характерна творческая судьба Василия Рубана (1742–1795 гг.) — украинского и русского писателя, историка, издателя. После окончания Киевской академии талантливый юноша продолжил учебу в Московском университете. Успешно закончив его, жил и работал в Петербурге. Писал лирические стихотворения, оды и хвалебные стихи, издавал популярные журналы «Ни то, ни сию», «Трудолюбивый муравей», альманах «Старизна и новизна», переводил с латинского, немецкого и французского языков⁴.

Собственно украинская литературная традиция ушла из поля его деятельности, также как не стала она определяющей и в судьбе ряда других известных украинских по происхождению писателей, живших в России, таких, как Николай Кукольник, Василь Капнист и др.

Но эта традиция жила в народной украинской среде, и уже в конце XVIII века откликнулась с берегов Кубани в песнях-балладах казачьего предводителя Антона Головатого, а затем — в поэзии и прозе Якова Кухаренко, Василия Мовы, Василя Вареника, других авторов. Несомненно, большую стимулирующую роль в зарождении украинского литературного движения на территории России XIX в. играли пребывание и активная литературная деятельность в Петербурге, Москве, других российских городах Тараса Шевченко, Пантелеймона Кулиша, Николая Костомарова, Михаила Максимовича, Осипа Бодянского и других выдающихся украинских писателей.

Пройдут годы, десятилетия и украинская среда российских губерний выдвинет и поддержит таких талантливых литераторов как Яков Жарко, Вячеслав Потапенко, Гаврила Доброскок, Кость Буревий («Эдуард Стриха») примет с Большой Украины и вдохновит на творчество Владимира Самийленко, Спиридона Добровольского и многих других. Кто-то из этих авторов родился и вырос в самой Великороссии, кто-то находился там временно, по воле жизненных обстоятельств, и, разумеется, литературная диаспора здесь всегда пребывала под непосредственным влиянием мастеров слова из Украины.

Проживая в России, украинские писатели создавали здесь свои литературно-художественные кружки и издания (альманах «Ластівка» /»Ласточка»/, журнал «Основа», издавались в середине XIX в. в Петербурге; журналы «Зоря», «Украинская жизнь», «Промінь» /»Луч»/ продолжали традиции украинской журналистики в Москве). На их страницах

печатались произведения публицистических жанров, а также поэзия, проза, литературная критика, фольклорные и историко-краеведческие материалы, находившие заинтересованный отклик в Украине.

Отдельное явление досоветского периода представляет собой уже упоминавшийся феномен украинской литературы Кубани, олицетворяемый именами Антона Головатого, Якова Кухаренко, Василия Мовы (Лиманского), Якова Жаркого, Никифора Щербины и ряда других писателей, творческое наследие которых впервые представлено как целостное явление в изданном в Краснодаре сборнике «Курень» (антология кубанской литературы конца XVIII — начала XX вв.), составленном известным исследователем творчества украинских писателей Кубани Виктором Чумаченко. Составитель справедливо указывает в предисловии к сборнику, что в историко-культурных условиях Кубани именно украинский фольклор стал живительной почвой для возрастания там индивидуальных писательских талантов. Вместе с тем украинская литература Кубани очень быстро прошла «фольклорный» путь развития и подключилась к решению общенациональных художественных задач. Об этом красноречиво свидетельствуют, например, активное участие одного из ведущих представителей этой литературы Якова Кухаренко в журнале «Основа», вслед за ним к украинскому литературному процессу приобщились и другие кубанские авторы (Федор Бойчук, Василь Мова-Лиманский, Дмитрий Дмитриенко-Бут, Стецько Шарап)⁵.

Реконструируя историю литературного движения кубанских казаков, нельзя не видеть, как немилостиво относилась судьба к тем, кто отваживался поддержать огонек национальной жизни в этом отдаленном уголке украинского этнического пространства. Но наиболее жестоко она обидела самого талантливого кубанца — Василия Мову (Лиманского), который смог за всю свою жизнь опубликовать всего две статьи в защиту поэзии Тараса Шевченко и десятка два лирических стихотворений.

Положительную роль сыграли появившиеся на гребне революционных событий 1917 года не только в столицах, но и во многих провинциальных городах России украинские газеты: «Наше життя» («Наша жизнь») — Петроград, «Сонце України» («Солнце Украины») — Москва, «Праця і Воля» («Труд и Свобода») — Воронеж, «Чорноморська Рада» — Новороссийск, «Голос України» — Омск, «Українське слово» — Томск, «Українська Амурська Справа» («Украинское Амурское Дело») — Благовещенск, «Щире слово» («Искреннее слово») — Влади-

восток и другие. И хотя многие из этих газет вскоре прекратили существование, вокруг них успевали организоваться кружки местных украинских литераторов, заинтересованный круг читателей.

Заметно оживилась литературная украинская жизнь в различных регионах России в двадцатые годы, что во многом явилось откликом на стремительно возрастающие духовные запросы украинского населения, количество которого в России существенно увеличилось. Так, если по переписи населения 1920 г. в РСФСР (без автономий) проживало около 4 миллионов украинцев, то в 1926 г. этот показатель приближался уже к 8 миллионам человек. То есть почти четверть от общего количества украинцев в СССР находилось на территории Российской Федерации. Это обстоятельство, а также взятый советской властью на первых порах курс на поддержку национальных меньшинств, в частности, на украинизацию в местах компактного проживания украинского населения, способствовали созданию здесь достаточно широкой и разветвленной культурно-образовательной инфраструктуры. Множатся периодические украинские издания, среди них появляются и литературно-художественные. Объективно создавались новые предпосылки и необходимая культурно-информационная среда для выявления и реализации творческого потенциала местного украинства, в частности, в области журналистики, художественной литературы. Достаточно быстро происходила самоорганизация литературных сил, возникали первые писательские организации, объединявшие авторов, которые писали на украинском языке.

Важным для поддержки украинского литературного движения был «столичный импульс», поступающий из Москвы. С октября 1923 г. до августа 1924 г. здесь активно действовал филиал украинской организации пролетарских писателей ГАРТ (Владимир Гадзинский, Григорий Коляда, Иван Дорожный, Андрей Скеля, Павел Анищенко и другие), которая явилась первой попыткой собирания украинских литературных сил в масштабах РСФСР. Впоследствии из московского гартовского актива сформировалось ядро всероссийской организации украинских писателей «СiМ» («Село і Місто» — «Село и город») — «Союз украинских пролетарских и крестьянских писателей в РСФСР». В нем объединились украинские писатели, проживающие в Москве, на Кубани, в Сибири. Организующим ядром московской группы «СiМа» были Кость Буревий (Эдвард Стриха), Григорий Коляда (Гео Коляда), Владимир Гадзин-

ский (Иосиф Грих). В творчестве каждого из них заметно как глубинное освоение достижений украинской классики, так и равнение на лучшие образцы русского, европейского и мирового искусства, склонность к экспериментаторству⁶.

Судьба всех троих сложилась трагично. Автор поэмы-мистификации «Зозендропия», многих талантливых стихотворений и статей Кость Буревий (родился в 1888 г. в слободе Велика Меженка, южная Воронежчина) с юных лет приобщился к революционному движению, за подпольную деятельность в российской партии социалистов-революционеров неоднократно арестовывался царской охранкой. В 1917 г. Буревий в Воронеже — председатель совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, депутат Всероссийского Учредительного собрания. В 1922–23 гг. Буревий оставляет активную политическую деятельность и переходит на литературную работу. В 1925 г. журнал «Червоний шлях» публикует отрывок из его романа «Хам», а также корреспонденции о жизни украинской общины в Москве, о действовавших там Украинском клубе. Украинской театральной студии и издательстве «Село і Місто», в организации которого К. Буревий играл ведущую роль. Заметный резонанс в Украине имела изданная им в Москве книга «Європа чи Росія. Шляхи розвитку сучасної літератури» («Европа или Россия. Пути развития современной литературы»), в которой Буревий выступил оппонентом Микола Хвильового, обвиняя последнего в идеализации Европы и недооценке достоинств русской литературы. С 1927 г. Буревий выступил под псевдонимом «Эдварда Стрихи», как беспощадный сатирик-пародист, высмеивая приспособленчество и советский карьеризм. В 1929 г. Буревий переезжает в Харьков, где он показал себя как знаток и критик театра, литературы, искусства, выпускает монографии об Амвросие Бучме, Дмитриии Левицком, Николае Самокише и др. Перу Буревия принадлежит написанная им в Москве историческая драма «Павло Полуботок», в которой, как и в ряде других произведений автор отчетливо заявил о своих национально-освободительных идеалах. Общественная позиция Буревия шла вразрез с требованиями большевистского режима в Украине, поэт подвергается преследованиям сталинской охранки, что принуждает его в сентябре 1934 г. возвратиться в Москву. Однако «карающая рука» вездесущих «органов» вскоре настигла его. По обвинению в националистической и террористической деятельности, причастности к покушению на Сергея Кирова поэт был осужден и расстрелян в 1934 году⁷.

Был репрессирован после своего возвращения в Украину (Одесса) и погиб в заключении блестящий поэт и критик, получивший образование во Львовской политехнике и Венском университете уроженец Галиции Владимир Гадзинский — автор ряда изданных в Москве поэтических книг («З дороги», «Айнштайн. Земля», «УРСР — поеми», «Заклик Червоного Ренесансу»), сборника статей «На безкровному фронті. Зауваження до літдискусії».

Григорий Коляда (в начале 1920-х гг. переехал в Москву из Харькова), автор нескольких футуристически окрашенных поэтических сборников, изданных в Москве и Харькове, под угрозой преследований вынужден был в начале 1930-х гг. отойти от литературного процесса, работал преподавателем теоретической механики в московских вузах. В первые дни Великой Отечественной войны с народным ополчением ушел на фронт, где и погиб в районе Ельни.

В 1925 г. усилиями Владимира Гадзинского, Григория Коляды, Костя Буревия в Москве создается украинское книжное издательство «СiМ», которое уже в первые месяцы своей деятельности смогло выпустить пятнадцать названий книг украинских писателей, как классиков, так и современников. В том же году здесь выходит литературно-художественный журнал «Нео-Ліф».

Заметными событиями стали публикация в издательстве «СiМ» поэтического сборника Гео Коляды «Штурм и натиск» в оформлении Александра Родченко, «Избранных произведений» этого же автора. Отдельными книгами вышли поэмы Владимира Гадзинского «Призыв Красного Ренессанса» и Ивана Дорожного «Поезд смерти». Под редакцией Владимира Гадзинского и Костя Буревия «СiМ» издало 45-тысячным тиражом «Полный сборник произведений Тараса Шевченко в 2-х томах» на украинском языке в художественном оформлении выдающегося украинского художника Анатолия Петрицкого. Одновременно было положено начало серии «Библиотека украинских писателей в русских переводах».

Интересной и поныне малоизученной страницей бытования украинской литературы в Российской Федерации является деятельность кубанского филиала «СiМа», который объединил литературные силы края (Мыкола Чайка, Иван Луценко, Ярослава Яр, Тымиш Иващенко, Кирило Тихий и др.). Новый толчок для своего развития украинская литературная жизнь в Придонуе, Поволжье и на Северном Кавказе получила с возникновением крупных региональных украиноязычных газет

в Ростове-на-Дону, Саратове, Краснодаре, а также с появлением здесь альманахов и журналов «Новый шлях», «Великий колектив», «Наступ», «Ленінським шляхом», налаживанием массового выпуска украинских книг в издательстве «Северный Кавказ». Так, в 1931 г. в издательствах Северо-Кавказского края было издано 149 названий украинских книг и брошюр общим тиражом 968 000 экз. Согласно плану на 1932 г. предусматривалось напечатать уже 600 названий тиражом 4 800 000 экз.

После ликвидации «СiМа» украинская литературная жизнь сосредоточилась на юге России вокруг литературной группы «Нова Кубань», за короткое время издавшей литературно-художественный сборник группы «Нова Кубань», а также остропублицистический очерк Федора Чапалы «Украинизация на Северном Кавказе», сборник стихотворений Иван Луценко, повесть Спиридона Добровольского «Степь на баррикадах» и др. В конце 1920-х гг. украинские литераторы Северо-Кавказского края сформировали украинские секции при местных писательских объединениях «пролетарских и крестьянских писателей». В них входили Спиридон Добровольский, Микола Михаевич, Павло Олиянчук, Юрий Таран, Василий Очерет, Федор Прийма, Микола Лола, Олекса Кирий, Юрий Коржевский, Юрий Безкровный и другие. В составе Всероссийского союза крестьянских писателей находилось немало литераторов Кубани, которые одновременно являлись членами всеукраинской писательской организации «Плуг», благодаря чему их произведения широко печатались и в Украине. Творчество украинских авторов Северного Кавказа было представлено также на страницах журнала «Подъем», где в течение ряда лет существовал украинский раздел.

Ярким представителем украинской литературы Кубани является оригинальный поэт и прозаик, талантливый актер Яков Жарко или Жарков (1861–1933 гг.), еще в дооктябрьские годы успевший издать семь книг: шесть поэтических сборников и один «Оповідань» («Рассказов»), а также ряд брошюр — публицистических, краеведческих и научно-популярных, около сорока интересных публикаций в периодике.

Именно здесь, на Кубани, на Северном Кавказе, где существовало мощное украинское расселение, и поныне во многом сохранившее свою этнографическую, фольклорную среду, начинали свой путь в литературу известные украинские писатели — мастер исторического романа Спиридон Добровольский, умерший в США прозаик и поэт, автор уникальных строфических эпоей Василь Барка (В. Очерет), подвижник на ниве украинской культуры и образования в диаспоре Дмитро

Нитченко (Д. Ниценко, Д. Чуб), впоследствии эмигрировавший в Австралию...

Однако одновременно с прекращением украинизации в районах массового проживания украинцев на территории РСФСР (да и в самой Украине), которое фактически совпало с началом голода 1932–1933 годов и массовым выселением украинских крестьян, казачества под предлогом борьбы с кулачеством, были ликвидированы и очаги украинской литературы в России. С началом 30-х годов, широкомасштабных сталинских репрессий, искоренением ростков украинизации, украинская литературная жизнь в пространстве «восточной диаспоры» фактически замирает. Уцелевшие украинские авторы вынуждены были на долгие десятилетия замолкнуть (как, например, московский поэт Андрей Чужий), а некоторые — и эмигрировать (Вас. Очерет, Дм. Нитченко).

Листая издания украинских писателей, живших и творивших в двадцатые годы в Москве, Краснодаре, Ростове-на-Дону, мы имеем возможность сравнить эти альманахи, сборники и журналы с подобными изданиями западной украинской диаспоры того времени, выходившими в США и Канаде. И приходим к выводу: произведения украинских литераторов из России (несмотря на известный идеологический налет, прессинг соцреализма), по своей идейно-художественной силе, глубине содержания, национальному своеобразию часто ничуть не уступали творческим достижениям их коллег из западной диаспоры. И это естественно: ведь украинские писатели в России почти не дистанцировались от материка родной культуры ни географически, ни исторически, ни, разумеется, культурно, а часто и этнографически, ибо нередко жили и работали в украинской этнической среде.

Казалось бы, принадлежность их к общему с материковой Украиной цивилизационно-культурному полюсу давала животворную почву для нормального развития этих литературных очагов. И хотя история в имперских, а затем в советских условиях распорядилась иначе, изучение упомянутых и других трагически оборванных ее страниц имеет важное значение как для воссоздания целостной картины мирового контекста развития украинской культуры, так и с учетом перспектив духовного возрождения современного украинства, его культуры в условиях демократической России.

В последние годы в Москве, Санкт-Петербурге, Оренбурге, Новосибирске, Краснодаре, Республике Коми, Тюменской области, Хабаровске появились «первые ласточки» такого возрождения — новые

книги, журнальные и газетные публикации украинских литераторов из России, которые в своей совокупности засвидетельствовали присутствие здесь, хотя и немногочисленных, разрозненных, однако достаточно интересных и активных литературных сил, которые в непростых современных условиях способствуют распространению и утверждению украинского слова в диаспоре, ознакомлению с украинской культурой российской общественности.

В Российской Федерации после 1991 года жили и работали члены Союза писателей Украины: литературовед, переводчик и публицист Александр Руденко-Десняк (Москва), известные шевченковеды, лауреаты Государственной премии Украины имени Т. Г. Шевченко Леонид Большаков (Оренбург), Петр Жур (Санкт-Петербург), поэт, прозаик, переводчик из Калуги Александр Струк, философ и поэт из Новосибирска, академик Иосаф Ладенко. Продолжают свое творчество москвичи известный литературовед и культуролог Юрий Барабаш, поэты Юлия Иллина, Иван Шишов, литературовед Нина Надьярных, хабаровчане — переводчик с китайского и японского языков Григорий Турков и поэт и прозаик Александр Лозиков, создавший украиноязычный журнал «Далекосхідна хвиля», исследователь украинской литературы из Краснодара Виктор Чумаченко и др.

В последние годы заметно активизировалась деятельность переводчиков украинской литературы в России. Стараниями Андрея Пустогарова, Елены Мариничевой, Игоря Клеха, Виталия Крикуненко и др. популяризаторов украинской поэзии и прозы в 2000-е годы в издательствах Москвы и Санкт-Петербурга увидели свет антологии украинской поэзии «Неизвестная Украина», «Украинская поэзия: из века в век» (это издание впервые явило российскому читателю творчество украинских авторов из западной и восточной диаспор), «Станислав+2. Антологія», книги Юрия Андруховича, Оксаны Забужко, Сергея Жадана, Дмитра Павлычко и др.

Произведения украинских авторов-россиян на родном языке выходили отдельными сборниками, печатались в альманахах в Москве, Санкт-Петербурге, Иваново, Хабаровске, Златоусте (познакомиться с этими и другими изданиями российских украинцев можно в московской Библиотеке украинской литературы). Бережно сохраняя родную речь, они стремятся быть доступнее многонациональной читательской аудитории своей страны, активно используют в творчестве возможности русского языка.

В послесловии к своей книге ученый и поэт И. Ладенко, самокритично отмечая «известные несовершенства своей поэзии», объясняет читателям желание опубликовать свои произведения также и на русском языке: «Во-первых, в России проживают украинцы, не владеющие или плохо владеющие родным языком, что не отменяет их приобщения к национальной культуре. В особенности много о таком приобщении стали говорить в контексте общего духовного возрождения России. Во-вторых, знакомство с украинской культурой чрезвычайно важно и для представителей русского народа и других народов России... Это может позволить сборнику сыграть скромную роль одного из инструментов межнационального и межкультурного общения, послужить возникновению и укреплению интереса к литературным произведениям современных украинских авторов»⁸.

Эти и другие примеры свидетельствуют о реальной украинской литературной жизни в Российской Федерации. Жизнь, которая в рассеянии, и вопреки всему, имеет неукротимую склонность к возрождению. У нее есть традиции, история, опыт предшественников. Глубже изучать этот опыт, вводить его в общеукраинский, а также и общероссийский социокультурные контексты — дело чести историков литературы. Нельзя не согласиться с мнением Нины Надьярных, утверждающей, что именно с познанием диаспорного вклада открываются реальные перспективы осуществления давно назревшей систематики этнических компонентов культуры, культурологической типологии регионов и этнических сообществ, а также культурно-государственных возрожденческих процессов на территории бывшего СССР⁹.

В своей статье мы попытались затронуть лишь малую толику этой большой проблемы, обозначить некоторые временные и географические, личностные координаты развития украинского литературного движения в России, указать на драматичность этого процесса в условиях имперского и тоталитарного режима. Очевидно, что широкое украинское диаспорное поле в России, будучи оплодотворенным национальной культурой, способно приносить духовный урожай, в том числе и на литературной ниве.

И, как нам думается, сам факт наличия в многонациональном культурном поле украиноязычного литературного сегмента, так же как и свободное развитие в Украине русскоязычной литературы, призваны быть не просто свидетельством идущих из глубины веков реальных цивилизационно-культурных связей Украины и России, но и становиться действенным фактором их дальнейшего развития.

- ¹ Крикуненко В. Г. Українська література: російські адреси // Літературне зарубіжжя: Проблема національної ідентичності. Випуск I. Москва. ІМЛІ РАН, Насліддя. 2000. С. 94–97
- ² Нецаєв В. Малорусько-польське впливання в Москві і російська школа XVII століття // Три століття. Росія від смути до нашого часу. Історический збірник під редакцією В. В. Калаша. В 6-ти т. Видання Т-ва Н. Д. Сытина. М., 1912. Т. 2. С. 77–84.
- ³ Пекарський П. Наука і література в Росії при Петрі Великому. СПб., 1862. С. 2; Історія російської літератури. В 4-х т. М., 1980. Т. 1. С. 410.
- ⁴ Історія українсько-російських літературних зв'язків. У 2 т. Київ. Наукова думка. 1987. Т. 2. С. 93–94.
- ⁵ Курень: Антологія кубанської літератури кінця 18 — початку 20 століть. Краснодар: Книжне видавництво «Южна зірка». 1994. С. 4–5.
- ⁶ Крикуненко В. Г. СІМ — українська письменницька спілка в Росії: становлення і трагедія // Книжник. Київ. 1991. №3. С. 15–17.
- ⁷ Єдиним виданням творів Кости Буревія після його смерті є книга: Едвард Стріха «Пародези. Зозендропія. Автоекзекуція», побачивши світ в Нью-Йорку (США) в 1955 р. Нами використані факти, викладені в опублікованій тут статті Юрія Шереха «Історія однієї фальсифікації». С. 260–262
- ⁸ См.: Ідея гідності (замість послів) // Ладенко І. Слова гідності. Поетическі етюди. Новосибірськ: Видавництво інституту інтелектуальних інновацій і проблем консультивання, 1995. С. 106–107.
- ⁹ Надьярных Н. С. Пространство диаспори // Нация. Личность. Литература. — М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 1996. Вып. I. С. 42.

СУДЬБА НАСЛЕДИЯ Д. И. ЧИЖЕВСКОГО В РОССИИ И В УКРАИНЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 20 ЛЕТ

Д. И. Чижевский (1894–1977) всемирно известный славист. Родился он в Украине, в местечке Александрия, на Херсонщине 23 марта (5 апреля) 1894 г. В 1911–12 гг. учился в Санкт-Петербургском университете на физико-математическом факультете, потом (по состоянию здоровья) перевелся в Киевский университет, но уже на историко-филологический факультет. В 1919 году закончил его защитой дипломной работы по теме «К вопросу о философском развитии Шиллера». С 1913 года Чижевский был членом РСДРП, за что даже попал в тюрьму в 1916 г. В 1917–1918 он был членом Центральной Рады. В 1918–1921 годах принимает активное участие в революционных событиях. В 1921 Чижевский уезжает в эмиграцию, едва избежав расстрела по приговору большевиков. В Германии он продолжает обучение во Фрейбурге в Брейсгау. Как пишет Х.-Ю. Геригк, «с 1924 по 1931 год он работал на должности профессора в украинских высших учебных заведениях в Праге, с 1932 работал на должности лектора в университете Мартина Лютера в Галле на Заале, одновременно, на протяжении семестра, преподавал по совмещению славистику в Йене, и с 1945 по осень 1949 года занимался преподавательской деятельностью на должности профессора славистики в Марбурге. С 1949 до 1955 года он преподавал славистику в Гарвардском университете, в 1956 вернулся в Германию, чтобы занять должность профессора Гейдельбергского университета, имея полномочия осуществлять преподавательскую деятельность в качестве внештатного экстраординарного профессора. Эту должность он лаконично характеризовал: “Ординарный профессор не знает ничего экстраординарного”. Параллельно с этим он исполнял обязанности почетного профессора Кёльнского университета. В период своей деятельности в Галле, он среди прочего, в начале 1935 года, нашел утраченную рукопись *Pampaedia* Яна Амоса Коменского в архиве приюта для сирот имени Франке.<...> Дмитрий Чижевский умер в возрасте восьмидесяти трех лет 18 апреля 1977 в Гейдельберге, где он и похоронен»¹.

В Гейдельберге Чижевский явился одним из основателей Славянского института Гейдельбергского университета (1956).

Основные направления научной деятельности ученого: история славянских литератур и философии, славяно-германская компаративистика. Писал он работы и на лингвистические темы и по искусствоведению. Его библиография насчитывает около 1000 позиций, из них более 100 монографий. Вел большую издательскую деятельность: издавал целыми сериями славистическую литературу, научные исследования.

В Советском Союзе его имя и работы старательно замалчивались (в «лучшем случае» его бранили за буржуазный национализм и формализм²). Известный польский филолог-славист Анджей де Винценз в своих воспоминаниях о Чижевском приводит эпизод, хорошо иллюстрирующий отношения Чижевского с Советским Союзом. В августе 1968 года в Праге проводился конгресс славистов. «На конгрессе царил атмосфера разрядки, как и в течение всего 1967–1968 года, в частности, хозяева лезли из шкуры, чтоб избежать малейших инцидентов. Чехи, по большей части бывшие коллеги и ученики Чижевского, испытывали к нему настоящий культ; словаки, как уже было сказано, считали его прямо почетным земляком. Так что для его доклада про восточнославянское барокко выделили большую аудиторию. Хозяева тайно питали надежду, что знаменитый доклад Чижевского (а что он будет знаменит, в этом никто не сомневался) поможет снять табу, которое уже около тридцати лет тяготело в СССР над исследованиями этой литературы. Аудитория была набита, царил атмосфера напряженного ожидания. Чижевский подошел к кафедре, приветствовал присутствующих и заявил на русском языке достаточно взволнованным и не очень вежливым тоном, что...доклад не прочитает в знак протеста против замалчивания его имени и его научных трудов в Советском Союзе на протяжении десятилетий. Учинился международный скандал, хозяева попали в неудобное положение, авторитет Чижевского упал в их глазах, а праздновал победу, конечно же, главный идеологический противник — московский профессор Берков. Однако, как говорил Чижевский, надо иметь счастье. Неделю спустя советские танки были в Праге. Когда я приехал в Прагу во второй раз, выступление Чижевского вспоминали с большим восхищением: «Только он знал, как надо говорить с русскими!»³.

В постсоветской России освоение наследия Д. И. Чижевского только начинается. На сегодняшний день его труды у нас практически не переведены и не изданы. Даже русскоязычные его работы у нас только

начинают перепечатываться. Так, в 2007 году впервые вышла у нас известная книга Чижевского «Гегель в России». В предисловии к этому изданию А. А. Ермичев приводит небольшой список перепечатанных у нас работ Чижевского⁴: «Неизвестный Гоголь»⁵; «О формализме в этике (Заметки о современном кризисе этической теории)»⁶; «Г. С. Скворода и немецкая мистика»⁷; «О поэзии русского футуризма»⁸; «Эвгемеризм в старославянских литературах»⁹; рецензия: «П. М. Бицилли. Очерки теории исторической науки. Прага, 1925»¹⁰; рецензия: «А. Бем. Тайна личности Достоевского. Прага. 1928»¹¹. В приложении к монографии Чижевского «Гегель в России» А. А. Ермичев опубликовал рецензию ученого на книгу: «Frank S. Die russische Weltanschauung. Philosophische Vorträge veroffentlicht von der Kant-Gesellschaft. №29. Charlottenburg, 1926. S. 41.» (с. 398–402) и статью: «Современная русская философия» (с. 402–409). К этому списку можно добавить следующие переиздания работ ученого: «Ян Амос Коменский и западная философия»¹², «Речь о Степуне (Д. Чижевский)»¹³; «Д. И. Чижевский. Новые книги о Достоевском»/фрагмент/¹⁴; «Тютчев и немецкий романтизм» (пер. Р. Мних, И. Дьячок)¹⁵; «К проблемам литературы барокко у славян»¹⁶. В. Янцен опубликовал в журнале «Вопросы философии» неопубликованную статью Чижевского «Гоголь как художник и мыслитель»¹⁷.

В 2005 году выходит первая у нас монография о Чижевском Н. С. Надъярных: «Дмитрий Чижевский. Единство смысла». Монография посвящена исследованию научного метода Чижевского.

Одним из центров исследования жизни и трудов Чижевского в России стала Библиотека-фонд «Русское зарубежье» имени А. И. Солженицына. Событием стало издание в 2007 году БФРЗ первого тома избранных работ Чижевского: «Чижевский Д. И. Избранное: В трех томах. Т. 1. Материалы к биографии (1894–1977) (сост. В. Янцен, И. Валякко, В. Кортхаазе)». В этом же году были переизданы в рамках проекта БФРЗ сборники статей под редакцией А. Л. Бема¹⁸ с известными работами Чижевского о Достоевском («К проблеме „Двойника“», «Достоевский-психолог»). В 2008 в Петербурге вышла книга В. Янца «Неизвестный Чижевский. Обзор неопубликованных трудов». Книга посвящена исследованию архивов ученого¹⁹.

Мной подготовлены к публикации три статьи Чижевского о Достоевском: «Д. И. Чижевский. Шиллер и „Братья Карамазовы“»²⁰ (совместно с В. Янценым, пер. с немецкого С. Кравца, В. Янца); «Достоевский и западноевропейская философия»²¹ (пер. с хорватского А. Савостьяно-

вой); «Достоевський і просвітлення»²² (спільно з Р. Ю. Данилевським, пер. з нем. М. Карманової). Ці публікації є частиною книги робіт Чижевського про Достоевського, яку я готую до друку.

Дальніше вивчення спадщини славіста, звичайно, вимагає видання повного зібрання творчості Чижевського на російській мові, публікації архівних матеріалів²³. Поки що у нас немає навіть повної бібліографії його робіт²⁴. Для нашої славістики освоєння спадщини Чижевського і введення його в нашу наукову обіг — справа нашої справи, хочеться сподіватися, швидкого майбутнього.

В Україні Д. І. Чижевський відомий куди більше. Він визнаний одним з 100 найкращих видатних українців, про нього пишуть дисертації, статті і монографії, його видають і перепечатають, його іменем названі бібліотеки в Кіровограді²⁵ (1994) і Александрії (2007), Президіумом Національної Академії наук України встановлено премія ім. Д. І. Чижевського за високі наукові досягнення в області філософії (1999 р.). В 1994 році було широко відзначено 100-ліття з дня народження Д. І. Чижевського. В Александрії на будинку родини Чижевських була встановлена меморіальна дошка в його честь і названа його іменем одна з вулиць міста²⁶.

З початку 90-х рр. в Україні активно перевидаються твори вченого. Існує декілька центрів, активно займаються виданням Чижевського. Так, в Харкові Л. Ушкалов перевидав твори Чижевського, написані українською мовою, — «Філософія Г. С. Сковороди» і «Український літературний барокко. Нариси» (2003). Два рази перевидавано «Історія української літератури від початків до доби реалізму» (Тернопіль, 1994, Київ, 2003). В Києві вийшов том робіт Чижевського про українське літературне барокко (2003). М. Наєнко видав переклад монографії Чижевського «Порівняльна історія слов'янських літератур» (Київ, 2005) і першої частини його «Історії російської літератури 19 століття. Романтизм» (Київ, 2009). В 2005 Інститут філософії ім. Г. Сковороди НАН України, Наукове товариство ім. Шевченка в Америці, Українська Вільна Академія Наук (США) видали в Києві в 4-х томах філософські твори Чижевського (Київ, 2005)²⁷. Центром дослідження спадщини Чижевського на Західній Україні став Дрогобич. В 2003 році на базі Дрогобичеського державного педагогічного університету ім. І. Франка пройшов семінар «Дмитро Чижевський і світова славістика» за матеріалами якого його організатори (Роман Мних і Євген Пшеничний) видали збірник нау-

ных трудов: Славистика. Том I. Дмитро Чижевський і світова славистика (Дрогобич, 2003). В 2011 вышел 2-й том этого издания²⁸. В Дрогобыче вышла и книга В. Кортхаазе «Від Меланхтона до Коменського та Чижевського» (Дрогобич — Київ, 2005). Ныне Роман Мних работает в Польше. Он является директором Института Польской филологии и прикладной лингвистики, заведует кафедрой теории литературы и антропологии художественного произведения в Гуманитарном университете в Седльцах. В Польше он развернул активную издательскую деятельность. В частности, он издал сборники «Наследие Дмитрия Чижевского и проблемы его изучения» (Седльце, 2009), «Дмитрий Чижевский и европейская культура» (Дрогобыч-Седльце, 2010), биографию Чижевского В. Кортхаазе: «Дмитрий Чижевский: жизнь великого ученого» (Седльце, 2010), монографию своей ученицы, Оксаны Блашквив: «Чеська и словацька культура в житті та науковій спадщині Дмитра Чижевського» (Седльце, 2010).

К сожалению, необходимо отметить, что издания работ Чижевского в Украине пока осуществляются на достаточно примитивном уровне: без комментариев²⁹, без необходимой научной подготовки, что приводит к большому количеству опечаток, ошибок и недоразумений³⁰. Но, вместе с тем, как пишет И. Валявко, «благодаря всем этим публикациям научное наследие Дмитрия Чижевского постепенно входит в контекст украинской культуры и начинает жить своей самостоятельной жизнью. Имя ученого вошло во многие учебные и методические пособия по истории философии, литературоведению и культурологии, его работы цитируют и анализируют. Его творческое наследие было предметом обсуждения различных научных конференций, семинаров и круглых столов, проходивших в Украине. Количество статей, посвященных анализу работ Д. Чижевского и в определенной степени продолжению его научных разработок, давно перевалило за сотню. <...> Рассматривая этот массив работ, отметим, что в основном эти исследования затрагивают историко-философское и литературоведческое наследие Чижевского, частично работы, связанные с германославикиой. Менее исследован его вклад в другие славянские культуры и его филологические работы»³¹. В Украине, в отличие от России, научное наследие Чижевского в последние 20 лет стало влиятельным фактором развития гуманитарной сферы.

Конечно, на данный момент, гуманитарные сообщества Украины и России находятся на разных этапах освоения наследия Д. И. Чижев-

ского. Но главной общей задачей в настоящее время остается научная подготовка и издание на должном профессиональном уровне собрания сочинений Д. И. Чижевского, которое бы позволило критически осмыслить его наследие, вклад в славистику и в гуманитарную сферу в целом. Издание трудов ученого предполагает активное освоение и введение в научный оборот архивных материалов, создание научной биографии Чижевского. Пока это тоже только задачи на перспективу.

1. Герик Х.-Ю. Дмитрий Чижевский (1894–1977) // Достоевский и мировая культура. №24. СПб., 2008. С. 151.
2. Комановский Б. Под маской объективизма, или история украинской литературы по пану Чижевскому // Дружба народов. 1957. №1. С. 256–258 и др.
3. Andrzej de Vincenz. Dmytro Czyzewski // Славистика. Том 1. Дмитро Чижевський і світова славистика. Збірник наукових праць під ред. Р. Мниха і Є. Пшеничного. Дрогобич, 2003. С. 185–186 (перевод с польского мой. — А. Т.). Воспоминания Анджея де Винченца были опубликованы на польском языке в журнале «Kultura», Париж, 1978. №5/368. С. 85–92. Переведены на украинский язык Ниной Ильницькой: Сучасність, 1988. №7–8 (327–328), липень-серпень. С. 108–117. Перепечатаны: «Записки обласної наукової бібліотеки імені Дмитра Чижевського». Кіровоград, 1994. С. 37–42; *Чижевський Д.* Українське літературне бароко. С. 534–544. Об этом эпизоде из жизни Чижевского см. также: *Чижевський Д.* Избранное. В трех томах. Т. 1. Материалы к биографии (1894–1977). С. 429–430, 615–617 (воспоминания Ренаты Лахман), С. 439 (об отношениях с П. Берковым), С. 209–210 (письмо Д. Чижевского Д. Герхардту с описанием «скандала»).
4. Чижевский Д. И. Гегель в России. СПб., 2007. С. 16.
5. Гоголь: материалы и исследования. М., 1995. С. 188–197.
6. Надъярных Н. С. Дмитрий Чижевский. Единство смысла. М., 2005. С. 264–277.
7. Там же. С. 277–294.
8. Там же. С. 277–294.
9. Там же. С. 328–345.
10. Там же. С. 345–351.
11. Там же. С. 352–356.
12. Коменский Я. А. Сочинения. М., 1997. С. 5–12.
13. Федор Степун. Встречи. М., 1998. С. 246–250.
14. М. Бахтин: Pro et contra. РХГА. СПб., 2001. Т. 1. С. 210–213.
15. Ф. И. Тютчев. Pro et contra. СПб., 2005. С. 608–632.
16. Человек в культуре русского барокко. М., 2007. С. 557–610.

17. Вопросы философии. №1, 2010. С. 118–129.
18. Вокруг Достоевского: В 2 т. Т. 1: О Достоевском: Сборник статей под редакцией А. Л. Бема / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. М., 2007.
19. См. мою рецензию на книгу В. Янцена в: «Вестник СПбГУ». Серия 9, вып. 2. Июнь 2010. С. 217–220.
20. Достоевский. Материалы и исследования. Т. 19. СПб., 2010. «Наука». С. 23–53.
21. Достоевский и мировая культура. Альманах №27. СПб., 2010. С. 264–272.
22. Вестник РХГА. №12, Вып. 3. 2011. С. 179–198.
23. Большинство публикаций архивных материалов о Чижевском сделано у нас *В. Янценом*. Упомяну следующие его материалы: 1) Спасти, сохранить и освоить! О судьбе книжных собраний и архивов Дмитрия Ивановича Чижевского в Германии / Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2003 [6]. Под ред. М. А. Колерова. Москва, 2004. С. 232–278.; 2) Неизвестное письмо Б. В. Яковенко к Д. И. Чижевскому (1934): к истории одного философского скандала / Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2003 [6]. Под ред. М. А. Колерова. Москва, 2004. С. 605–608.; 3) Д. И. Чижевский, Е. Д. Шор и Г. Г. Шпет // В. А. Лекторский, Л. А. Микешина, Б. И. Пружинин, Т. Г. Шедрина (Ред.). Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. Москва: Языки славянских культур, 2006. С. 357–382. Приложение 1: П. Прокофьев <Д. И. Чижевский:> Густав Шпет. Очерки развития русской философии. Первая часть. Петербург, 1922. Стр. XVI–350. Публикация В. Янцена / Там же. С. 385–389. Приложение 2: <Чижевский Д. И.> Рецензия на Г. Шпета: Очерк истории русской философии. Ч. I. СПб., 1922. Публикация В. Янцена / Там же. С. 390–402.; 4) Российские ученики Э. Гуссерля из фрейбургской «Святой общины». Фрагменты переписки Д. И. Чижевского и Е. Д. Шора // Логос. Москва, 2006, № 1 (52). С. 138–169.; 5) Российские ученики Э. Гуссерля из фрейбургской «Святой общины». Фрагменты переписки Д. И. Чижевского и Е. Д. Шора // Логос. Москва, 2006, № 1 (52). С. 138–169.; 6) С. Л. Франк. Письма к Д. И. Чижевскому (1932–1937), публикация, подготовка текста и примечания В. В. Янцена / Там же. С. 327–335.
24. Библиография, опубликованная В. Янценом в «Материалах к биографии» (с. 772–807), безусловно, является важным этапом на пути к составлению полной библиографии работ ученого. Это первая опубликованная у нас библиография работ Чижевского. Она охватывает весь период его научной деятельности и является важным подспорьем в освоении наследия ученого. Но данная библиография закономерно требует дальнейшей доработки, проверки и дополнения (см. мою рецензию на «Материалы»: Вестник РХГА. №12, вып. 3. 2011. С. 284–288).

25. Областная научная библиотека в Кировограде, благодаря деятельности А. Чуднова, стала одним из центров изучения наследия и биографии Д. И. Чижевского. А. Чуднов является составителем библиографического указателя: «Вчений-енциклопедист Дмитро Іванович Чижевський (1894–1977). До 100-річчя з дня народження. Бібліографічний покажчик» (Кіровоград, 1994).
26. Валявко И. О научном наследии Д. И. Чижевского в Украине // Dmitrij I. Tschizevskij. Slavica Varia Halensia hrsg. Von A. Richter und S. Mengel. Band 9. Berlin, 2009. S. 127–128.
27. См. об этом же в работе И. Валявко: Валявко І. Стан дослідження філософських студій Дмитра Чижевського в Україні // Філософська думка. 2004. № 6. С. 119–133; Валявко И. Дмитрий Иванович Чижевский как исследователь славянского барокко // Человек в культуре русского барокко. М., 2007. С. 116–117.
28. Славістика. Том II. Дмитро Чижевський і європейська культура. Дрогобич, 2011.
29. обстоятельным научным комментарием снабжены тексты работ Чижевского, опубліковані в 2 томах «Славістики».
30. См. Об этом: Р. Мних 1) *Weg wird nicht Čyževškyj ehren?* Дмитро Чижевський: Філософські твори у чотирьох томах. Під загальною редакцією В. Лісового. Томи 1–4. Київ: Смолоскип, 2005 // Україна модерна: Стандарти науки і академічне середовище. Київ, Львів, 2007. Ч. 12 (1). С. 229–238.; 2) Дмитро Чижевський — «ні у нас, ні в чужих» // Славістика. Том 2. Дмитро Чижевський і європейська культура. Дрогобич, 2011. С. 93–102.
31. Валявко И. О научном наследии Д. И. Чижевского в Украине // Dmitrij I. Tschizevskij. Slavica Varia Halensia hrsg. Von A. Richter und S. Mengel. Band 9. Berlin, 2009. S. 130–131.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА В УКРАИНСКОЙ КНИЖНОСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВВ.

Геральдическая символика являлась важным элементом западно-европейской печатной книги, начиная с XV в. Геральдические и геральдико-поэтические композиции стали важным элементом украинской печатной книги, начиная с изданий Ивана Федорова.

Со второй половины XVII в. в украинских типографиях (Киев, Чернигов) продолжают уже привычную традицию включения в книги геральдических композиций. Правда, их становится меньше и значительная их часть — визуально-вербальные композиции, трактующие государственную символику. Украинские типографы помещают в книги композиции с российской государственной символикой, которые воспринимались ими как личные гербы государей — российских царей и царевичей (Алексея Михайловича, Алексея Алексеевича, Федора Алексеевича, Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича).

Эстетика барокко позволяла украинским авторам не только использовать классические приемы составления панегирических текстов, прославляющих носителя герба, но и применять графические приемы, словесные метафоры для создания полисемантических образов истолкования российской государственной символики. Первым полисемантическим текстом, интерпретирующим российскую государственную символику, была гравюра в Патерике Печерском (Киев, 1661).

Эта композиция, выполненная одним из талантливейших гравиров типографии Киево-Печерской Лавры Ильей и, видимо, была сделана по инициативе настоятеля Лавры Иннокентия Гизеля, который стремился наладить тесные отношения с Москвой, в том числе и в области книгоиздания. Композиция фронтисписа Патерика выстроена вертикально и имеет четыре уровня, символизируя два мира — небесный (горний) и земной (дольний). К земному миру относится нижняя часть композиции, на которой центральное место занимает изображение Успенской церкви Киево-Печерской Лавры, по обе стороны которой

стоят Преподобные Печерские. Интересно, что гравер, нарушая закон перспективы, выстраивает изображение преподобных в один уровень с изображением храма, тем самым подчеркивая их значимость в духовной жизни. К вратам храма ведет маленькая тропинка, символизирующая, праведный путь каждого человека, проходящего в храм. Небесный мир состоит, в свою очередь, из двух уровней, отделенных друг от друга облаками, и включает три крылатых фигуры. Высший уровень представлен изображением Иисуса Христа с распростертыми руками и крыльями. Над изображением надпись «Яко оел покры гнездо свое» (Втор. 32: 11). Вся композиция осеняется благословением Спасителя.

Второй уровень представлен образом крылатой Богородицы, над изображением которой надпись: «И даны быша жене две крыле орла велкаго» (Откр. 12: 14). Богородица покрывает своим омофором двуглавого орла под тремя коронами, на груди которого всадник с копьем, поражающий змия. Изображение орла обрамлено венком из листьев, образующих круглый медальон, и символизирующих славу русского государя. Объединяющим два смысловых уровня является и изображение двуглавого орла. Сам орел — символ царской (нынешней государственной) власти, а всадник олицетворяет ее преемственность, поскольку в образе юного всадника явно читается изображение наследника царевича Алексея Алексеевича.

В 60–70 гг. в типографии Киево-Печерской Лавры поэтико-геральдические композиции помещались преимущественно в авторских книгах: Лазаря Барановича «Меч духовный» (1666), «Żywoty świętych ten Apollo pieie, jak ci działali niech tak kozdy dzieie» (1670), «Lutnia Apollinowa koźdey sprawie gotowa» (1671), «Трубы словес проповедных...» и «Трубы на дни нарочитыя праздников...» (1674); Иннокентия Гизеля «Мир с Богом Человеку» (1669); Иоанникия Галатовского «Мессия правдивый Исус Христос Сын Божий» (1669), «Messiasz prawdziwy Iezus Chrystus syn Boży» (1672); Синописе (1680; ок. 1700). В данной работе приемы и образы, которые использовались в украинской книжности, будут рассмотрены на примере одного из изданий, получившего широкое распространение в Московском государстве.

Особенное место интерпретация государственной символики занимает в творчестве Лазаря Барановича — одного из ярких представителей культуры украинского барокко. Книги Лазаря Барановича — образцы лучших в художественном плане киевских изданий с многочисленными сложными барочными гравюрами, образующими

вместе с поэтическими и прозаическими текстами единые визуально-вербальные произведения.

В 1666 г. в типографии Киево-Печерской Лавры был издан сборник проповедей Лазаря Барановича «Меч духовный, еже есть глас Божий». Книга была посвящена царю Алексею Михайловичу. Геральдическая композиция в ней состоит из гравюры на титульном листе, стихов «На его пресветлаго царского величества знамение» (тит. л. об.), гравюры, изображающей основные символы царской власти (л. [1]), «Предословия», обращенного «до царя Алексея Михайловича» и подписанного епископом Черниговским и Новгородским (Новгород-Северским. — *Ю. III.*) Лазарем Барановичем (л. [1] об.—[8] об.). Единство визуально-вербальной композиции можно рассматривать как воплощение принципов поэтического искусства в изобразительном и изобразительного — в поэтическом. Тексты (визуальные, поэтические, прозаические) дополняют друг друга, соприкасаются в основных элементах композиции и интерпретации символов и эмблем.

На титульном листе представлены изображения Христа на коне с мечом, выходящим из его уст, воинства небесного с мечами, креста на державе, изображенного в виде меча. Держава, как один из символов царской власти, опирается на два меча с надписями «Ветхий завет» и «Новый завет», которые держат царь Давид и апостол Павел. Так здесь показан синтез двух смыслов символики меча — религиозного и светского, как образа царской власти. Для Лазаря Барановича было принципиально важным подчеркнуть единство светской и духовной власти русского царя. Объединение Украины с Московским государством рассматривалось, прежде всего, сквозь призму объединения народов в единой православной вере. На самой гравюре нет изображения двуглавого орла, однако вся представленная здесь символика с ним неразрывно связана. Этому дает объяснение Лазарь Баранович в тексте «Предисловия». Меч предназначен «на пользу» воину — геральдическое воплощение которого — на груди двуглавого орла, так как он «побеждает копием, да победит мечем» (л. [5]). Посвящая книгу царю Алексею Михайловичу, автор говорит, что он приносит «меч сей духовный орлу» царя, «якоже Христос сам орел сый». Сравнение символики орла с Христом автор объясняет цитатой: «яко орел покры гнездо свое» (Втор. 32: 11). Орел, имеющий «в устах меч» (Пс. 58: 8) не останется и без меча духовного а «Меч есть язык царев и устнами пасет цар люди своя». Два меча, изображенные на титульном листе, символизируют не

только Ветхий и Новый Завет, как это читается по гравюре, но и предназначены для двух глав геральдического орла. Два меча духовных в устах двуглавого орла символизируют его духовную силу в победах на государственном поприще и в делах духовных.

Геральдические стихи Лазаря Барановича объясняют символику царской власти и тесно связаны с другой гравюрой в этом издании, выполненной в лучших традициях графики эпохи барокко. Вверху ксилографии над облаками в солнечных лучах изображен крест. Образ креста символизирует, с одной стороны, небесное покровительство царю, а с другой — победы государя, прежде всего духовные:

Крест на облаках Иисусов сияет,
Пресветлый Царский Дом ваш просвещает.
Крест знаменует Победу Цареве,
Силою Ц(а)ря, распята на древе.

Из облаков в левой части гравированной композиции мы видим простирающиеся руки, одна рассыпает звезды («Умножу семя твое яко звезды» (Быт. 22: 17)), а другая держит три венца («Славою и честью венчаю тя» (Евр. 2: 7)). Объяснение этим символам дается в стихах:

Род умножает Рука со Звездами,
Другая Главу венчает венцами.

Смысл и происхождение этой символики объясняет Лазарь Баранович в «Предисловии до его пресветлаго царского величества». В Откровении Иоанн Богослов говорит, что Бог «в десной руке своей содержит звезды» (Откр. 1: 16). Эта рука благословляет Дом и род русского царя. В предисловии автор дает объяснение цитате из Библии, которая воспроизведена на гравюре, тем самым делая визуально-вербальный символ более зримым и понятным: «Умножу семя твое, яко звезды небесныя» (Быт. 22: 17) «и по земном царствии, в царствии небесном венчает венцем звезд» (л. [2] об.).

Второй уровень композиции на гравюре представлен двуглавым орлом (в центре) и по бокам от него в круглых медальонах на фоне солнечных лучей Богоматерь (слева) и Иисус Христос (справа). Над всеми изображениями надписи в лентах. Над орлом — «В сем знамении победиши», над Богородицей — «Избраная яко солнце» (Песн. 6: 10), над Иисусом Христом — «В солнци положи селение свое» (Пс. 18: 5). Главы орла обращаются к Богородице и Иисусу Христу, говоря соответственно: «Очи мои выну къ Госпоже» и «Очи мои выну к Господу» (Пс. 24: 15). Орел — знамение Дома царя Российского. Как птица, летающая вы-

соко в небе, «горняя мудрствуя», он олицетворяет мудрость и справедливость. Солнце здесь представлено как символ божественной власти, поэтому обращенные к солнечным лучам, Богородице и Христу главы орла подчеркивают с одной стороны их покровительство царской власти, а с другой ее богоизбранность:

Сугубоглавный парящий высоко,
Орел на солнце обращает око.

Как орел «по естеству своему» смотрит на Солнце, так и геральдический двуглавый орел смотрит — «на Христа праведное Солнце» и на «другое Солнце — матер Божию», а также на Алексия человека Божия, небесного покровителя царя Алексея Михайловича:

Человек Божий АЛЕКСИЙ на Бога
Смотрит: МАРИИ к МАРИИ дорога.

Для творчества Барановича характерно использование символики небесных светил для трактовки образа царской власти. Орел, как птица, парящая высоко в небе, олицетворяется с Солнцем, а духовные враги, персонифицируемые с Луной, неизбежно побеждаемы властью, устремленной к Солнцу. Лапы орла на гравюре опираются на антропоморфное изображение Луны с надписью «И луна под ногама его» (Откр. 12: 1):

Аще свет БОГА и МАРИИ с Вами,
Луна всех варвар у Вас под ногами.

В «Предисловии» также объясняется эта символика. Луна под ногами орла, который «ея же той роги, своими пазнокты попирает» символизирует врагов, «варвары луны знаменiem красятся». Орел, обращая свой взор к «Солнцу правды и милосердия, к Христу и Богородице» силой крестной попирает врагов, «орел сей непостоянную луну, яже изобразует несмысленных непостояние, ногами своими попирает» (л. [3]).

Верхний уровень гравюры связан со вторым повторением символов, усиливая тем самым их значимость, причем повторяется символика троекратно. Трижды изображено Солнце с лучами, на его фоне изображен Крест, Богородица и Иисус Христос. Соединение двух уровней композиции гравюры — в подчеркивании преемственности данной от Бога власти: рука держит три венца и три короны венчают двуглавого орла. Символ Св. Троицы и связь его с царской властью, с геральдической символикой орла подчеркивается и в «Предисловии», где говорится, что Царю Небесному в Троице «покланяемому», покланяется царь

российский «Троическим венцем венчаныи». Далее Лазарь Баранович объясняет происхождение и символику венцов над главами орла: двумя венцами венчает Бог две главы орла, а третий венец возлагает посредине, «венчающ добродетели, всегда бо добродетель посреде место содержать». И далее: «Собраны суть две главы орла Вашего пресветлаго Царского Величества, в имя Христа две в себе естества, божественное и человеческое имущаго; Христос есть посреде сию двоих глав в Венцу Третьем, вышшая глава церкви невидимая, умудряя Ваше Пресветлое Царское Величество» (л. [2]). Здесь используется прием двойственности символа, характерный для поэтики барокко. Божественная и человеческая природа царской власти воплощена в двух главах орла. Но, по сути, это трехглавый орел. Третья, средняя, глава орла — невидима, и это символ Спасителя: «Невидима сия Глава», — объясняет Лазарь Баранович эту символику, цитируя Евангелие от Иоанна — но «блажени невидевшии и веровавшии» (Ин. 20: 29). Эта интерпретация царского герба перекликается с изображением на гравюре Патерика Печерского, где верховное покровительство также олицетворяет крылатый образ Иисуса Христа, то есть «невидимой главы» двуглавого орла. А вот изображение всадника Баранович трактует как собирательный образ воина, не персонифицируя его ни с наследником престола (Патерик Печерский. Киев, 1661), ни с царем (Библия, М., 1663): «Воин вашего пресветлаго царского величества седяй на коне и копием змия побеждая».

Третий уровень гравированной композиции представлен двумя миниатюрами. Они объясняют символику геральдического орла — птицы и всадника, расположенного в сердцевидном щитке на груди орла. Левая миниатюра показывает, как венценосный орел побеждает других птиц: «Уповающи на Господа окрылают яко орлы, текут и не утрудятся» (Ис. 40: 31). В «Предисловии» Лазарь Баранович развивает эту тему: орел, «елико ему воздуха простресея, парит крылы своими по нем, яко царь всех птиц, и иныя вся покарает, и побеждая поганяет» (л. [3]). На правой миниатюре изображен венценосный всадник, поражающий копьём змия и вражеское войско: «Пожену враги моя и постигну я, и не возвращаюся дондеже скончаются» (Пс. 17: 38). Лазарь Баранович видит в этой эмблеме единство небесного и земного мира, а именно — борьбы с врагами, причем орел побеждает «воздушных врагов», а ездец-воин одолевает земные вражеские силы:

Орел воздушных врагов побеждает,

А воин земных, гоня, скончевает.

В «Предисловии» также объясняется этот символ. Воин, сидящий на коне, и копьем змия побеждающий, «елико имат земнаго круга женет, страшен всем врагом». Если кто-либо против него пойдет, то он ответит: «Пожену враги моя и постигну я, и не возвращуся дондеже скончуются» (Пс. 17: 38). Именно эти слова воспроизведены над всадником на гравюре. Однако в уста воина Лазарь Баранович вкладывает и другую библейскую цитату: «Благословен Господь Бог мой, научая руце мои на ополчение, и персты моя на брань» (Пс. 143: 1). Воин этот, продолжает автор, облачится в броню веры, и верой — победит (Лук. 11: 22). Царь, который венчает своего орла тремя венцами и «заградить уста копием змию», будет всегда «крепок в бранех, обращая в бегство полки чуждых» (л. [3] об.).

Нижняя часть гравюры посвящена преемственности царской власти и озаглавлена: «Род правых благословися» (Пс. 111: 2). Эта тема связана с символом, изображенным в верхней части гравюры. Рука, сеющая звезды, со всходами-деревьями как символами божественного происхождения, крепости и преемственности царской власти:

Благославится, як звезды, род правый,
Исполн богатства, дом исполн и славы.

Со вторым уровнем гравюры (орлом) Лазарь Баранович связывает нижнюю ее часть в тексте «Предисловия». Орел, в тех венцах летая «по всем воздухе», имеет три дерева, «на них же почивает» (л. [4]). Орел? как символ царской власти, связан с царским родом и домом нынешнего царя Алексея Михайловича.

В нижней (земной) части гравированной композиции изображены три дерева, на каждом из которых в венцах-гнездах сидит по три птенца-орленка: «Еже плод свой даст во время свое» (Пс. 1: 3). Эту символику объясняет Лазарь Баранович и в стихах: «От сего орла орлы ся раждают, / Во венцах царских, царми бо бывають», и в предисловии: «Мадьи орлы его в венцах гнездятся, яко до царствия рожденный».

Центральное изображение этой части гравюры — генеалогическое древо «Яко древо сажденное приисходищих вод» (Пс. 1: 3), которое произрастает «от благаго корене» Святого Равноапостольного князя Владимира:

Корень Владимир, свят, о его рода
Свята ест, царю, вся ваша порода.

На стволе древа надпись: «Аще корень свят, то и ветви» (Рим. 11: 16). На древе изображены царь Алексей Михайлович, царица Мария Ильинична, царевичи Алексей Алексеевич, Феодор Алексеевич и Симеон

Алексеевич. Три царевича, изображенные на генеалогическом древе, представляют собой как будто бы воплотившихся трех птенцов-орлят. Птенцы на финиковой пальме и кедре символизируют прославление и преумножение царского рода: «кедры ливанстии, их же еси насадил, ту птица вогнездытся и превознесется» (Пс. 103: 16–17). Если на гравюре представлены только три сына Алексея Михайловича и Марии Ильиничны, как наследники престола, то в тексте предисловия перечислены все дети Алексея Михайловича, а также его сестры. После имен царевичей указаны имена царевен и великих княжон: Ирины Михайловны, Анны Михайловны, Татьяны Михайловны, Евдокии Алексеевны, Марфы Алексеевны, Софьи Алексеевны, Екатерины Алексеевны, Марии Алексеевны, Феодосии Алексеевны.

В нижней левой части гравюры у древа (финиковой пальмы) изображены Св. князь Глеб «Праведник яко финик процветет», в нижней правой части у древа (дуба/кедра) — Св. князь Борис «Яко кедр иже в Ливане умножится». Библейская символика деревьев, которые поддерживают Борис и Глеб подчеркивает их связь с древом-родом нынешнего царя Алексея Михайловича:

Аще корень свят, то и ветвы святы.

Красят домъ царский Борис и Глеб, братья,

Красят, егда кров красную приносят,

А Царя Неба за дом царский просят.

Борис и Глеб — ветви центрального генеалогического древа («ветвы сего корене святого»), при окроплении земли кровью своей, «яко Финикс процвитоша, и яко Кедр иже в Ливане умножишася» (л. [4]—[4] об.).

Для геральдической поэзии характерен прием художественного сопоставления добродетелей человека и этимологии его имени. Лазарь Баранович несколько раз в стихотворении связывает добродетельность царской власти с покровительством Преподобного Алексия человека Божия:

АЛЕКСИЙ БОЖИЙ человек названный,

Богом за царя нам АЛЕКСИЙ даный.

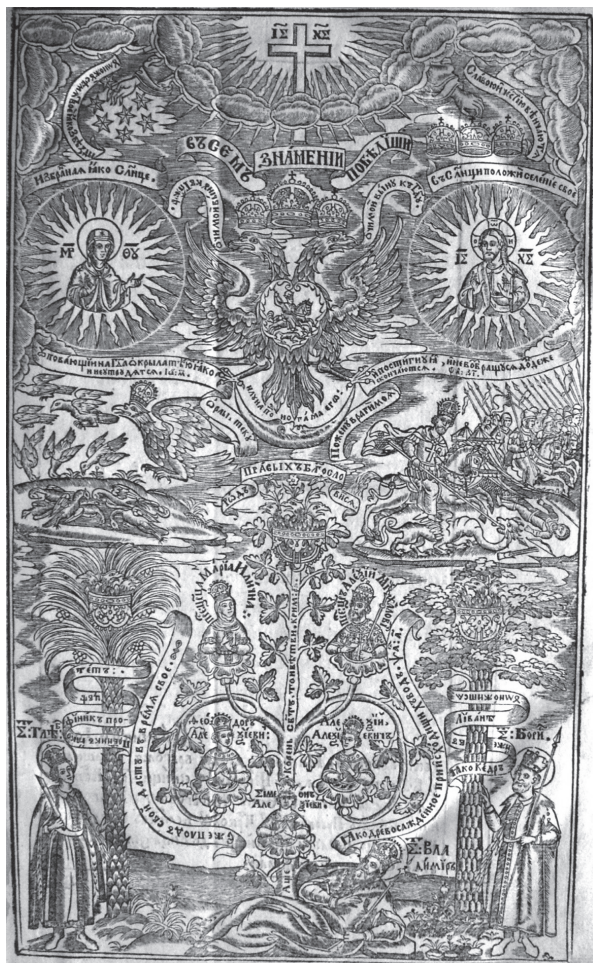
Прославлением царя заканчиваются стихи, подчеркивая еще раз божественную природу царской власти, которая гарантирует ее силу (в борьбе с врагами) и справедливость:

Да zde царствует донеле Круг Солнца,

А в Небе имат царствовать без конца.

Венок символического прославления царя российского заканчивается в тексте «Предисловия». Деревьев, прославляющих в том числе царский род, «сих древ евангелисты и учителя церковны держатся» и под их сенью полезные для церкви слова «начертавают». Далее Лазарь Баранович перечисляет евангелистов с их символами и указывает, какое покровительство российскому царю они оказывают. Евангелист Матфей с «знаменем своим человеком» оказывает покровительство царскому воину. Марк со львом придает царскому воину силу, крепость и «лвово в нем сердце усмотре», чтобы побеждал, как лев. Вол евангелиста Луки «грядет на землю» и придает силу коню воина. Он, словно вспахивая землю, гонит врагов своих и «ногами попирая». На этой земле посеянное семя даст плоды свои. Орел евангелиста Иоанна к царскому орлу парит и, «якоже у Небеснаго царя возлеже на персех, обещает себе и на Ваших царских почити».

В конце XVII — начале XVIII в. традиция использования сложных барочных композиций, интерпретирующих государственную символику, продолжается в типографии Киево-Печерской Лавры, получает развитие в Чернигове. Они включаются в состав как богослужебных и четких книг: *Минея общая* (Киев, 1680), *Полуустав* (Киев, 1691), *Новый Завет* (Киев, 1703), *Полуустав* (Чернигов, 1703), *Патерик Печерский* (Киев, 1702) так и присутствуют в авторских изданиях: Лазаря Барановича “*Благодать и истина*” (Чернигов, 1683), Дмитрия Ростовского “*Руно орошенное*” (Чернигов, 1696), Симеона Яворского “*Echo głosu wołaiącego...*” (Киев, 1689), Филиппа Орлика “*Nipromenes Sarmacki*” (Киев, 1698), “*Зерцале от писания Божественного*” (Чернигов, 1705), Иоанна Максимовича “*Алфавит рифмами сложенный*” (Чернигов, 1705), Иоганна Герарда “*Богомыслие*” (Чернигов, 1711). В большинстве своем композиции включают гравюру на меди, что позволяло создать более сложный и выразительный текст, по сравнению с ксилографией. Над этими гравюрами работали выдающиеся мастера своего времени Иоанн Щирский, Леонтий Тарасевич, Михаил Карновский. Вербальные части композиций были написаны Лаврентием Крщоновичем, Иоасафом Кроковским, Иоанном Максимовичем. Государственная символика (двуглавый орел под тремя коронами с всадником на груди) встречается не только как главный объект графических текстов, но и как вспомогательный или второстепенный, например, как символ на знамени победы в гравюре, посвященной воинской победе Бориса Петровича Шереметева в 1694 г. (Piotr Terlecki “*Sława heroiczných dzieł...*”).

Borysa Petrowicza Szeremety". Чернигов, 1695) или в медальоне заставки (Феофан Прокопович. Панегирикос... Петру Алексевичу. Киев, 1709).

Все композиции представляют расцвет барокко в синтетическом вербально-визуальном воплощении, где причудливо переплетаются визуальные геральдические символы, иконографическая символика, эмблематика, аллегории, метафоры Священного писания, реалии конкретных исторических событий, архитектурных панорамных изображений и символическое восприятие исторических деятелей.

Поэтико-геральдические композиции, в отличие от помещенных в состав книг предшествующего периода, содержат весьма вольные истолкования государственной символики. Так, следует отметить, что в изображении двуглавого орла авторы используют разные приемы, чтобы воплотить идею истолкования как этой геральдической фигуры, так и образа царской власти. Этот символ становится полисемантическим за счет того, что изменяется символика изображения на груди орла. Вместо всадника, поражающего копьём змия, на щитке помещаются преимущественно иконографические сюжеты, которые должны показать покровительстве царской власти. Так, в Минее общей (Киев, 1680) в геральдическом щитке на груди орла — Распятие Христа с надписью: “В сем знамении победиша”. Эта интерпретация перекликается с темой, впервые появившейся в поэтико-геральдической композиции в книге Лазаря Барановича “Меч духовный”. В Патерике Печерском (Киев, 1702) на груди орла без всякого обрамления помещены Богоматерь с младенцем — иконографическое изображение Богоматери Знамение. На гравюре из “Алфавита рифмами сложенного” Иоанна Максимовича (Чернигов, 1705) на груди орла в круглом медальоне — солнце — иконографическое изображение Богоматери Одигитрии; в Новом Завете (Киев, 1703) и в “Богомыслии” Иоганна Герарда (Чернигов, 1711) — в овальном медальоне изображен голубь — символ Святого Духа, а в книге Лазаря Барановича “Благодать и истина” (Чернигов, 1683) на барочном геральдическом щитке — два сердца.

Вариативны в изображениях орла атрибуты в лапах. Это — щит и стрелы в гравюре из книги Лазаря Барановича “Благодать и истина”, рог изобилия (Филипп Орлика “*Hippomenes Sarmacki*”), символика герба Ивана Мазепы (Симеон Яворский “*Echo głosu wołaiącego...*”), стрелы, поражающие врагов (“Триумф польской музе”), меч (“Краткое обыкновение учение с крепчайшим и лучшим растолкованием в строении пеших полков”), ключи от царства небесного (Новый завет, 1703). В текстах поэтических и предисловиях/посвящениях объясняется символика самого орла, его двух глав, трех корон.

Восприятие государственной символики украинскими книжниками позволяет понять интеграционные процессы в культуре, когда Россия усваивала западноевропейскую культуру, в том числе посредством православного украинского преломления и переосмысления. С другой стороны, и украинская культура активно впитывала и интегрировала русскую культуру и систему ценностей, что позволяло в рамках эстетики барокко создавать замечательные памятники книжной культуры.

Л. Ю. Лиманская

ЮЖНО-УКРАИНСКИЙ АВАНГАРД НАЧАЛА XX ВЕКА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕВРОПОЙ: ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Говоря о цивилизационно-культурных взаимосвязях, которые определяют художественное мировоззрение России и Украины в начале XX века, представляется важным проследить пути взаимодействия русского, украинского и европейского авангарда. Географическая ось, на которой расположены крупные культурные центры — Киев, Львов, Одесса, Харьков, Ужгород, Москва, Новгород, Санкт-Петербург, Смоленск — является одной из древнейших культурных магистралей, объединявших Россию, Украину с Европой. К началу XX века новейшие течения в области литературы и искусства, которые возникали в России, Европе и на Украине, быстро распространялись по всей культурной траектории и образовывали мультикультуральное пространство, объединявшее как художественные поиски, так и человеческие судьбы. Активные международные контакты художников определили интернациональную природу образного языка авангардных течений. Интерес к народному примитиву, условности сюжета и изображения отражали поиск новой духовности, которая проявлялась не в рационально сконструированных академических композициях, а в естественной простоте красочных отношений, их эмоциональной выразительности. Особую роль в развитии интернационального характера авангарда играл тот факт, что многие художники мыслили себя как граждане мира: Киевская художница и педагог А. Экстер жила в Киеве, Одессе, Санкт-Петербурге и Париже; поэт и художник футурист Д. Бурлюк — в Чернянке, Киеве, Москве, Санкт-Петербурге, других городах; Александр Тышлер, выпускник киевского художественного училища и школы Экстер, завершил свое образование во ВХУТЕМАСе в мастерской В. Фаворского. Одесские художники Михаил Андреев и Соня Делоне творчески сформировались в Париже. Один из основоположников кубизма в скульптуре А. Архипенко учился в Киевском художественном училище, из которого был исключён и продолжил образование в Мос-

ковском училище живописи, ваяния и зодчества, а в 1909 году переехал в Париж, где до 1914 жил в интернациональной колонии художников на Монпарнасе «Улье». В парижском Салоне Независимых вместе с А. Архипенко выставлялись представители русского, украинского, и европейского авангарда: А. Экстер, К. Малевич, П. Пикассо, Ж. Брак, А. Дерен и др. Архипенко вместе с В. Кандинским, К. Малевичем, Э. Лисицким преподавал в Новом Баухаусе.

С Украиной, в частности с Одессой, многое связывало Василия Кандинского, туда он переехал с родителями из Москвы в 1871 году. Здесь он учился в 3-й мужской гимназии. И хотя в автобиографической книге «Ступени» художник отмечал, что внутренне и внешне всегда ощущал себя коренным москвичом («... внешнюю и внутреннюю Москву я считаю исходной точкой моих исканий. Она — мой живописный камертон»¹), тем не менее после своего отъезда в Мюнхен, он ежегодно посещал Одессу, где оставались его первая жена Анна Абрикосова, родственники и друзья. С 1898 по 1910 гг он был экспонентом и членом Товарищества южно-русских художников, поддерживал контакты с П. Нилусом, К. Костанди и многими молодыми художниками.

Особую роль в развитии мультикультурализма и художественного плюрализма русского и украинского авангарда сыграли «Салоны» Владимира Алексеевича Издебского (1882–1965), польского аристократа, скульптора, художника, родившегося в Киеве в 1882 году и закончившего в 1904 году Одесское художественное училище. В 1904 году он уезжает Париж, Мюнхен, Женеву. В Париже Издебский знакомится с О. Роденом, посещает ряд частных школ. Во время пребывания в Мюнхене с 1905 по 1909 годы он сблизился с Василием Кандинским. В этот период у них появилась мысль представить отечественной публике последние направления в искусстве. В начале 1909 года вернувшись из Мюнхена, Издебский принял участие в петербургском Салоне С. К. Маковского, на котором были представлены все направления современного искусства — от академизма до авангарда. Эта идея вдохновила его, и при содействии Кандинского он решает организовать передвижные международные выставки современного искусства, охватив Санкт-Петербург, Киев, Одессу, Ригу, Николаев, Херсон. В предисловии к каталогу петербургского Салона 1910 года Издебский писал: «Цель настоящего «Салона» представить картину современного художественного творчества. Наиболее правильным казалось нам дать при этом высказаться представителям всех направлений: от классического

академизма через ступени импрессионизма к последним граням к последней красочной глубине...От академизма и импрессионизма через Голгофу искупительных заблуждений идет искусство к новому Воскресению. К глубочайшему синтезу..., тайну Святая святых современного духа, вечное чувство жизни раскрывают краски и линии»².

Первый Салон был открыт в Одессе в период с декабря 1909 по январь 1910 года. На выставке было представлено более 700 работ российских и зарубежных авангардных художников: реалисты, импрессионисты, фовисты, кубисты. После Одессы выставка переехала в Ригу, затем в Киев и в Санкт-Петербург. Русские и украинские художники были выставлены отдельной группой: В. Бехтеев, В. Кандинский, А. Явлинский, М. Веревкина, А. Экстер, Давид и Владимир Бурлюки, А. Ленгулов, И. Машков, М. Матюшин и другие. Другую часть экспозиции составляли произведения зарубежных художников: А. Матисса, А. Дерена, А. Марке, Ж. Брака П. Боннара, Ж. Руо, Дж. Балла, А. Ле Фоконье и других³. Работа Салона в Одессе и Киеве отличалась активной просветительской направленностью. Произведения выставлялись по региональному принципу и по стилистике, были представлены разделы графики и декоративно-прикладного искусства. Одесская пресса вела постоянные репортажи, информировала публику о составе участников, освещала привлекавшие внимание публики произведения, давала сведения об их авторах. Просветительская работа в рамках деятельности Салона была поставлена на достаточно высокий профессиональный уровень. С лекциями выступали ведущие художественные, театральные критики и литературоведы.

Сам Владимир Издебский прочел лекции «О новом искусстве», «О задачах современной живописи», «Современное искусство и город». Суть своего понимания языка искусства он изложил в предисловии к каталогу 1910 года. Находясь под влиянием эстетических и религиозно-философских идей своего времени, Издебский в движении художественных стилей видел «Голгофу искупительных заблуждений», цель которой заключалась в Воскресении духовного в искусстве. Главная задача современных художников, по Издебскому, при помощи красок и линий постичь «Тайну святая святых современного духа», разбив старые формы, создать новый синтез, и так постичь тайны своего Я: «Мы уже прошли через безумно-пышные оргии красок и солнца и из сверкающего хаоса самогорящих красок прозвучал чей-то голос: «Да будет!» и родилась живая душа»⁴.

В 1910 году в Мюнхене выходит книга Кандинского «О духовном в искусстве». Объясняя суть новых художественных форм, он писал: «*Всякое произведение искусства есть дитя своего времени, часто оно и мать наших чувств... Мы не можем ни чувствовать, как древние греки, ни жить их внутренней жизнью...*»⁵ Рассматривая роль средств художественной выразительности в формировании современного ему языка изобразительных искусств, Издебский и Кандинский делали акцент на экспрессивной природе формы, цвета, линии и композиции, которые способны проявлять «душевные эмоции», подобные музыкальным консонансам: «*Живопись в наше время еще почти всецело зависит от форм, заимствованных у природы. Ее сегодняшняя задача состоит в исследовании и познании своих собственных сил и средств — что давно уже делает музыка — и в стремлении применить эти средства и силы чисто живописным образом для цели своего творчества*»⁶.

Призывая художников, поэтов и музыкантов к художественному синтезу, представители раннего авангарда видели в искусстве способ приобщения к сфере общих, универсальных ценностей.

Российские, украинские и европейские представители авангарда были объединены не только активными межкультуральными взаимосвязями, но и поиском общего дома, в котором бы могла обрести жизнь новая духовность XX в. Призыв к ее поиску прозвучал и в ряде лекций, которые были прочитаны литературно-художественными и театральными критиками во время работы «Салон» 1909–1911 годов. Среди участников научно-просветительской плеяды, освещавшей деятельность «Салон», был известный петербургский писатель и критик, член Одесского литературно-артистического общества (Литературки) Петр Пильский (1879–1941). Во время работы Одесского Салона в 1910 году он прочел лекции «Красота и ее Парисы» и «Куприн, его жизнь и творчество». Будучи частым докладчиком на разного рода литературных вечерах, артистических «судах», ориентируясь, прежде всего, на сенсационность, Пильский активно поддержал просветительскую инициативу Издебского. Характерной чертой литературно-художественных взглядов Пильского была эксцентричность, независимость суждений. Развивая мысль о бунтарской природе новых художественных форм, Пильский пользовался большой популярностью в среде поэтов футуристов, символистов. Его мнение высоко ценили Л. Гумилев, В. Брюсов, В. Маяковский, Д. Бурлюк, А. Куприн и др. Известный литературовед Л. П. Гроссман, восхищаясь дарованием Пильского,

в «Одесских новостях» от 19 января 1910 года писал: «Его стиль изумительно богат, блестящ, ослепителен..., книга Пильского представляет собой горячую, субъективную, интимную импровизацию ума»⁷.

В 1910–1913 годах Пильский много ездил по югу России, публиковал статьи в киевских газетах и «Одесских новостях», вел литературные вечера, открывал вечера футуристов, занимался пропагандой нового искусства, активно печатался в периодических изданиях Киева, Одессы, Харькова. Как литератору ему был близок жанр экспрессионистического эссе. А. И. Куприн, оценивая вышедшие в 1907 и переизданные в 1910 году «Рассказы» Пильского, отметил: «Внутреннее настроение его рассказов производит... сильное впечатление»⁸. Вышедшие сборники критических статей: «Проблемы пола, половые авторы и половой герой» (1909) и «Критические статьи» (1910) получили разнообразный отклик. Позже поэт В. Каменский вспоминал Пильского на одном из вечеров футуристической поэзии в Одессе в 1914 году: «Знакомый по Петербургу критик Петр Пильский сказал крепкую вступительную речь, как блестящий адвокат, защищающий тяжких преступников...»⁹.

В работе «Салона» также принимал участие музыкальный и театральный критик, философ, ученик известного немецкого психолога В. М. Вундта Иосиф Григорьевич Ашкенази, который прочел лекцию «Театр Вагнера». Уехав из Одессы в 1904 году в Лейпциг, он работал в институте экспериментальной психологии под руководством В. М. Вундта. Изучая философию и психологию пола, как профессиональный музыкант он исследовал личность и творчество Р. Вагнера. Переехав в 1910 году в Мюнхен, Ашкенази выпустил книгу о Вагнере. Многие критики, участвовавшие в «Салоне», являлись участниками Одесского литературно-художественного общества и были знакомы между собой. Поэтому интерес к взаимосвязи творческой личности и психологии пола привлек внимание не только Ашкенази, но и Пильского, а опыт в области театральных экспериментов имел и сам Издебский.

Наряду с научно-просветительской работой, имена и произведения участников «Салона» активно обсуждались в прессе. Мало знакомая с новейшими течениями в искусстве одесская публика нуждалась в объяснении целей и задач нового искусства. Одесские новости 1909–1910 годов отмечали горячие дебаты, которые проходили в залах французской живописи. На третий день после открытия «Салона» его посетил Кириак Костанди, учитель Издебского и Кандинского. Закончив в Санкт-Петербурге Академию художеств в 1882 г. он вернулся в Одессу и в 1897 году

примкнул к движению «передвижников», сыграв важную роль во внедрении этой идеологии на юге России. Он был одним из основателей Общества художников Южной России и председателем общества с 1902 по 1920 гг. В зале иностранной живописи в присутствии публики состоялась ссора между В. Издебским и К. Костанди, который в достаточно резкой форме обвинил «Салон» в «надувательстве» провинциальной публики, которая мало разбирается в вопросах искусства, особенно живописи. Обиженный Издебский обвинил Костанди в непонимании сути новаторского искусства, в отрицании его прогрессивной роли.

Одесская критика в пылу полемики о французских художниках Ван Донгене и Ле Фоконье, не отметила картин Матисса и не оценила опыты Кандинского¹⁰. Зато в Киеве, где «Салон» также привлек внимание прессы и художественной общественности, критик Г. Бурданов в газете «Киевская мысль» подчеркнул художественную значимость полотен Матисса, Ле Фоконье и Кандинского, который в этот период приступил к экспериментам в области абстракции¹¹.

19 апреля 1910 года состоялось открытие «Салона» в Петербурге. Во время посещения его И. Репиным возник конфликт, о котором Бенау писал: «Каждый день на выставке происходят недоразумения: почтенные люди корят устроителей за шарлатанство и разврат, На днях произошла мучительная сцена с одним из представителей передвижнической эпохи (иметься ввиду посетивший выставку Репин), излившим в горьких словах свое презрение к художественным новшествам»¹². В Петербурге деятельность «Салона» не сопровождалась лекциями и дискуссиями, статьи в прессе по большей части носили разгромный характер и призывали покончить с заразой модернизма. Большинство рецензентов петербургских газет («Россия», Петербургский листок», «Биржевые ведомости») и критики «Апполона» главное достоинство видели в отделе французской живописи, отечественных авангардистов рассматривали как эпигонов.

Второй «Салон» был открыт 6 февраля 1911 года, на нем были представлены художники «Бубнового валета» (П. Кончаловский, М. Ларионов, И. Машков), а также В. Кандинский, Д. Бурлюк, Н. Гончарова, и немецкая художница Габриэлла Мюнтер, гражданская супруга В. Кандинского. Среди одесских художников свои произведения показали Издебский и М. Гершенфельд.

В работу по организации второго «Салона» активно включился Кандинский. Он разработал афиши и клише для обложки каталога

с заглавием «1910/11 «Салон-2» где была напечатана его ксилография и вступительная статья. Маршрут «Салона — 2» после Одессы был направлен в Николаев и в Херсон. Выставка активно посещалась, многие работы были куплены. Несмотря на успех выставочных предприятий, в 1913 г. Издебский покинул Одессу и поселился в Париже. В 1941 году он переехал в США, где и оставался до конца жизни — 1965 г.

Важную роль в развитии украинско-русских культурных контактов начала XX века сыграли и такие художественные объединения Санкт-Петербурга и Москвы, как «Мир искусства» и Союз русских художников. «Мир искусства» привез в Киев весной 1913 года работы Натана Альтмана, Льва Бакста, Александра Бенуа, Михаила Ларионова, Георгия Лукомского, Кузьмы Петрова-Водкина и Георгия Якулова. Союз русских художников в том же году в Киеве выставил другие работы Бакста, Бенуа, Петрова-Водкина, а также Бориса Кустодиева, Георгия Нарбута. В свою очередь украинское искусство получило известность в двух столицах в рамках открывшейся в 1913 году в Санкт-Петербурге выставки «Русское народное искусство» по случаю празднования 300-летия Дома Романовых, основной целью которой было показать единство, а не разобщенность культур народов, населяющих Россию, продемонстрировать их вклад в общее основание, которое зовется великой русской культурой.

1. Кандинский В. Ступени. М., 1918. С.55.
2. Издебский В. Предисловие к каталогу Салона 1910 г.// Салон. СПб, 1910. С.4.
3. Владимир Издебский и его «Салоны». СПб, 2003. С.7.
4. Там же. С.3.
5. Кандинский В. О духовном в искусстве. М., 1992. С.10.
6. Там жею С.38.
7. Одесские новости. 1910. 19 января.
8. РГАЛИ. Ф.2517. Оп.1. Ед. хр. 151. Л.47.
9. Каменский В. Путешествие трех // Меймре А. П. Пильский. Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Т. I, Таллинн: Авенариус, 1996. С. 204.
10. См: Нилус П. Заметки художника. Французы в Салоне // Одесские новости.1909. 22 декабря; Петроний. Веселье самоубийцы. // Одесские новости. 1909. 20 декабря и др.
11. Бурданов Г. Интернациональная выставка картин «Салон» // Киевская мысль.1910. 23 февраля.
12. Бенуа А. Салон и школа Бакста // Речь. 1910. 21 апреля.

ОБ АВТОРАХ

Борис Людмила Алексеевна — доцент МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат филологических наук

Борисёнок Елена Юрьевна — зав. отделом восточного славянства Института славяноведения РАН, кандидат исторических наук

Величко Наталья Валентиновна — преподаватель Филиала Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе

Воропаева Татьяна Сергеевна — старший научный сотрудник Центра украиноведения философского факультета Киевского национального университета им. Т. Шевченко, кандидат психологических наук, доцент

Дмитриев Михаил Владимирович — директор Центра украинистики и белорусистики исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор, доктор исторических наук

Добрянский Александр Владимирович — декан факультета истории, политологии и международных отношений Черновицкого национального университета имени Ю. Федыковича, доктор исторических наук, профессор

Дроздов Константин Сергеевич — научный сотрудник Института российской истории РАН, ведущий специалист Государственного архива Российской Федерации, кандидат исторических наук

Крикуненко Виталий Григорьевич — заместитель директора Библиотеки украинской литературы в Москве

Левкиевская Елена Евгеньевна — ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, доктор филологических наук

Лесная Галина Мирославовна — доцент МГИМО МИД России, профессор РГГУ, кандидат филологических наук, президент РАУ

Лиманская Людмила Юрьевна — профессор РГГУ, доктор искусствоведения

Лошкарёв Иван Дмитриевич — студент 4 курса МГИМО МИД России

Мироненко Виктор Иванович — ведущий научный сотрудник и руководитель Центра украинских исследований Института Европы РАН, кандидат исторических наук, вице-президент РАУ

Наумова Анастасия Юрьевна — преподаватель РГГУ, кандидат исторических наук

Новиков Максим Николаевич — аспирант РГГУ

Овчинник Нелли Петровна — старший преподаватель Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»)

Олейник Николай Николаевич — зав. кафедрой украиноведения НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Остапчук Оксана Александровна — доцент МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат филологических наук

Пивовар Ефим Иосифович — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, ректор РГГУ, председатель Координационного совета РАУ

Простаков Сергей Александрович — студент 2-го курса магистратуры Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)

Тоичкина Александра Витальевна — доцент СПбГУ, кандидат филологических наук

Торкунов Анатолий Васильевич — академик РАН, доктор политических наук, профессор, ректор МГИМО МИД России, президент Российской ассоциации международных исследований (РАМИ)

Циватый Вячеслав Григорьевич — первый проректор Дипломатической академии Украины при МИД Украины, доцент, кандидат исторических наук

Чижов Михаил Михайлович — аспирант РГГУ

Шовгун Нина Александровна — педагог дополнительного образования Московского городского дворца детского (юношеского) творчества, кандидат филологических наук

Шульга Игорь Иванович — доцент Саратовского государственного технического университета, кандидат исторических наук

Шустова Юлия Эдуардовна — доцент РГГУ, кандидат исторических наук

Яцок Вячеслав Викторович — советник-посланник Посольства Украины в Российской Федерации

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ УКРАИНИСТОВ
при содействии
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТА) МИД РОССИИ
и поддержке
РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (РАМИ)

**УКРАИНСКАЯ ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА
И НАЦИОНАЛЬНАЯ МЫСЛЬ
В НАСЛЕДИИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО:
ОПЫТ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ
ОТ XIX ВЕКА ДО НАШИХ ДНЕЙ**

ТРЕТЬЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ УКРАИНИСТОВ
Материалы научно-практической конференции

25 апреля 2014 г.
МГИМО

Оглавление

Предисловие

<i>А. В. Тоичкина</i> ОБРАЗ МОСКАЛЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Т. Г. ШЕВЧЕНКО	251
<i>В. Г. Циватый</i> ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ Т. Г. ШЕВЧЕНКО И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ УКРАИНЫ: ИСТОРИОСОФСКИЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО- ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ (взгляд из XXI века)	264
<i>Е. Ю. Борисёнок</i> Т. Г. ШЕВЧЕНКО КАК СИМВОЛ СОВЕТСКОЙ УКРАИНИЗАЦИИ	271
<i>К. С. Дроздов</i> ДНИ ПАМЯТИ Т. Г. ШЕВЧЕНКО В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ УКРАИНИЗАЦИИ В РОССИИ/РСФСР ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX СТОЛЕТИЯ.....	278
<i>Е. Е. Левкиевская</i> ОБРАЗ Т. Г. ШЕВЧЕНКО В СОВЕТСКОМ МАССОВОМ СОЗНАНИИ: КУЛЬТУРНЫЙ СТЕРЕОТИП И ПУТИ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ	290
<i>Г. М. Лесная</i> ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ СЕРИАЛ «МОЙ ШЕВЧЕНКО» В ПРЕПОДАВАНИИ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	299
<i>Е. В. Байдалова</i> «ШЕВЧЕНКОВСКИЙ ТЕКСТ» В РОМАНЕ В. К. ВИННИЧЕНКО «ХОЧУ!»	304
<i>М. Ч. Ларионова</i> Т. ШЕВЧЕНКО И А. ЧЕХОВ: ОБЩНОСТЬ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА	311
<i>Н. А. Шовгун</i> АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ШЕВЧЕНКИАНА.....	318
ОБ АВТОРАХ	325

Предисловие

Третья конференция Российской ассоциации украинистов (РАУ) под названием «Украинская история, культура и национальная мысль в наследии Тараса Шевченко: опыт переосмысления от XIX века до наших дней» прошла 25 апреля 2014 года в МГИМО—Университете МИД России в рамках VIII Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ). Мероприятие было посвящено 200-летию со дня рождения поэта.

Во вступительном слове президент РАУ Г. М. Лесная рассказала об участии российской делегации в работе VIII Международного конгресса украинистов, который состоялся в октябре 2013 года и также был посвящен шевченковскому юбилею.

В работе конференции приняли участие ведущие специалисты-украинисты из Института славяноведения РАН, Института российской истории РАН, Санкт-Петербургского государственного университета, Библиотеки украинской литературы в Москве, МГИМО—Университета.

Также в конференции участвовал известный российский исследователь украинской литературы главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, доктор филологических наук, профессор Ю. Я. Барабаш. Старейший литературовед-украинист в России, Юрий Яковлевич Барабаш — автор знаковых монографий о Н. Гоголе, Г. Сковороде, А. Довженко. Также он является исследователем творчества Т. Шевченко, в частности его перу принадлежат монографии «Почва и судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков» (1995), «Коли забуду тебе, Єрусалиме. Гоголь і Шевченко, порівняльно-типологічні студії» (2001). Участие Ю. Я. Барабаша в обсуждении тем представленных докладов и основных проблем творчества Шевченко стало важным аспектом конференции.

Заинтересованной была работа на мероприятии и студентов российско-украинской магистратуры МГИМО (совместной с Киевским национальным университетом им. Т. Шевченко), и представителей Украинского землячества МГИМО — студентов, родом из Украины, обучающихся в университете.

Закончилась конференция заседанием Российской ассоциации украинистов. На нем были подведены предварительные итоги работы мероприятия и намечен план работы на будущее. Также решались текущие организационные вопросы: издание материалов конференции, прием новых членов в ассоциацию, избрание и переизбрание руководящих органов РАУ и т.п.

Г. М. Лесная

ОБРАЗ МОСКАЛЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Образ москаля — один из важных образов в истории украинской литературы XIX столетия. В этом образе своеобразно воплощается непростой сюжет отношений Украины и России. И аспект этих отношений в данном случае имеет свои трагические исторические обертоны, ибо опыт солдатчины стал для народов Российской империи не менее, если не более трагическим, чем опыт крепостного права.

В известном словаре В. И. Даля предложен следующий круг значений слова «москаль». «Москаль — москвич, русский; солдат, военнослужащий». Далее идут примеры народного виденья москаля: «От москаля, хоть полы отрежь, да уйди! Кто идет? Черт! Ладно, абы не москаль. С москалем дружись, а камень за пазухой держи (а за пол держись). Мутит, как москаль на селе, т.е. солдат. Не за то бьют москаля, что крадет, а чтобы концы хоронил. Знает москаль дорогу, а спрашивает. *Москалить* млрс. мошенничать, обманывать в торговле»¹.

Надо сказать, что в истории украинской литературы XIX века варианты художественных решений образа москаля более разнообразны. Если вспомнить пьесу «Москаль-чарівник» отца новой украинской литературы И. П. Котляревского, то можно увидеть позитивный образ скорее разумного, чем хитрого москаля, образ которого в произведении работает на утверждение положительного смысла драмы². В «Салдацькому патреті» Г. Квитки-Основьяненко перед нами отталкивающий образ москаля. Кузьма Трохимович по заказу пана изображает «як живо-го» солдата (рассказчик подчеркивает именно эффект реальности изображенного образа): «Отже ж то і змальовав він солдата, та ще як? Що, я ж кажу, що й живий не буде такий бридкий, як то був намальований: пикатий, мордатий, та ще з здоровенними усами, що не тільки горобцеві, та й чоловікові страшний. Мундер на ньому лепський, гудзиками позаципований, що аж сяє. А оружжю? — так погибель його зна, як то живо списав! Оттак, бачиться, і стрельне, що і приступитись страшно! А, як задивишся на нього, так, бачиться, вже і ворущитись, і усом морга, і очима поводить, і ногами дрига, таки так і думаєш: “От побіжить...от битиметь!” Так-то скусно був намальований!»³. В соответствии с этим

«патретом» в повести появляется живой москаль, который не только крадет мешок груш у сельчан, но еще и сдирает с них деньги и горилку.

В творчестве Т. Г. Шевченко образ москаля занимает особое место⁴. Тема солдатчины не осталась для него темой сугубо литературной или социально-политической. Собственный драматический опыт солдатчины оказался принципиально значимым для эволюции литературного образа. И задача данного исследования — рассмотреть эволюцию этого образа в творчестве Т. Г. Шевченко на материале его поэзии. Очень интересный материал по этой же теме находим в его русскоязычных повестях, «Журнале» и письмах; к этому материалу будем обращаться параллельно с рассмотрением собственно поэтических произведений.

В первый период творчества поэта (1837–1847) образ москаля наиболее ярко воплощается в поэме «Катерина» (1838). Еще один вариант художественного осмысления темы в этот период — поэма «Сова» (1844). Тема солдатчины в обоих произведениях — тема страдания женщин (соблазненной дивчины и покинутой матери). В сатирических поэмах «Сон» («У всякого своя доля...», 1844) и «Кавказ» (1845) это тема государственной власти, которая угнетает народы Российской империи. Однако именно образ офицера из поэмы «Катерина» является наиболее полным и ярким художественным решением темы на первом этапе творчества Шевченко.

Поэма начинается знаменитым обобщающим зачином, который задает лейтмотив произведения:

Кохайтеся, чорнобриві,
Та не з москалями,
Бо москалі — чужі люде,
Роблять лихо з вами.
Москаль любить жартуючи,
Жартуючи кине;
Піде в свою Московщину,
А дівчина гине...⁵

Далее, как известно, идет рассказ про историю Катруси, ее любовь к «москалю молодому». Имя героя мы узнаем, когда Катерина на дороге в метель встречает москалей и спрашивает «Чи немає// Мого Йвана чорнявого?» (1, 103) (сцена разворачивается в третьем разделе поэмы, она предшествует финальной встрече героини с соблазнителем-офицером; необходимо отметить и то, что речь идет не о простом солдате, а именно об офицере, дворянине, что в значительной степени уси-

ливаает социальный аспект образа). Москали в ответ «Сміються, жартують: //”Ай да баба! Ай да наши! // Кого не надують!”» (1, 103). Самого москаля-соблазнителя мы (вместе с героиней) встречаем в четвертом разделе поэмы. «Ре́ве, свище завірюха». Москали едут «як один верхами». Впереди — тот самый Иван. Катерина кидається к нему, хватає за стремєна: «А він подивився, //Та шпорами коня вбоки.//...Нібито й не бачить» (1, 106). И когда Катерина снова обращается к нему, то получает ответ (драматизм встречи героев в этой сцене поэмы воплощается на языковом уровне в столкновении русского и украинского языков): «Дура, отвяжися! // Возьмите прочь, безумную!//...Возьмите прочь! Что ж вы стали?» (1, 106). Катерина кидається за сыном (это ее последний аргумент), но когда возвращается, то офицера уже и след пропал: «Утік!.. нема!.. Сина, сина // Батько одцурався!» (1, 107). Этот образ жестокого москаля, который бесчеловечно отталкивает соблазненную им дивчину, мать его сына, соотносится в поэзии Шевченко с образом еще одного российского всадника — с образом Петра I в поэме «Сон» («У всякого своя доля», 1844):

От я повертаюсь —
Аж кінь летить, копитами
Скелю розбиває!
А на коні сидить охляп,
У свиті — не свиті,
І без шапки. Якимсь листом
Голова повита.
Кінь басує — от-от річку,
От...от... перескочить.
А він руку простягає,
Мов світ увесь хоче
Загарбати. Хто ж це такий?
От собі й читаю,
Що на скелі наковано:
Первому — вторая
Таке диво наставила.
Тепер же я знаю:
Це той *первий*, що розпинав
Нашу Україну,
А *вторая* доканала
Вдову сиротину. (1, 275)

Отталкивающий жест всадника в «Катерине» находится в определенном историческом соотношении с захватническим царским жестом в поэме «Сон». Образ москаля в поэме «Катерина» воплощает идею мирового зла, которое в наибольшей степени с точки зрения поэта проявляется в имперской силе государства, которое увечит народы, ломает судьбы частных людей. Этот символический смысл проявляется на разных уровнях поэтики образа: в блистательных речевых характеристиках, в драматической организации текста (встреча подается как столкновение двух миров: украинского и российского⁶). И пейзаж — зимний лес, лютая выюга, «ставок під кригою в неволі» (1, 105) — работает на поэтику не только образа бесчеловечно разбитой любви, искалеченной судьбы украинской дивчини, но и торжества воплощенного в имперской власти мирового зла.

Именно после встречи с предавшим ее возлюбленным Катерина бросается в ставок. Надо сказать, что при сжатости описания сцены самоубийства Катерины по художественному мастерству и тонкости психологического рисунка ее можно соотнести со сценами самоубийства бедной Лизы в повести Карамзина и Анны Карениной в романе Толстого:

Біга Катря боса лісом,
 Біга та голосить;
 То проклина свого Йвана,
 То плаче, то просить.
 Вибігає на возлісся;
 Кругом подивилась,
 Та в яр... біжить... Серед ставу
 Мовчки опинилась.
 «Прийми, Боже, мою душу,
 А ти — моє тіло!»
 Шубовствь в воду!... Попід льодом
 Геть загуркотіло.
 Чорнобрива Катерина
 Найшла, що шукала.
 Дунув вітер понад ставом —
 І сліду не стало. (1, 108)

Последний штрих к образу москаля в «Катерине» дается в пятом, завершающем поэму, разделе. На дороге пан, в котором мы узнаем того самого соблазнителья офицера, встречает малого Йвася. Он узнает сво-

его сына, но отворачивается от него: «А пан глянув...Одвернувся...// Пізнав, препоганий, //Пізнав тії карі очі, //Чорні бровенята...Пізнав батько свого сина, //Та не хоче взяти» (1, 109). Целостность поэтики образа выдержана до конца в соответствии с художественной идеей, которую он воплощает.

Но есть и один момент, который намечает будущий путь эволюции образа москаля-офицера. Речь идет о посвящении, предваряющем текст поэмы. Как известно, поэма посвящена «Василию Андреевичу Жуковскому на память 22 апреля 1838 года». 22 апреля 1838 года — один из самых памятных в жизни Т. Г. Шевченко дней: это день его выкупа из крепостничества. Как известно, В. А. Жуковский попросил К. П. Брюллова написать портрет Жуковского и разыграл его в лотерею в царской семье. Шевченко был выкуплен у пана Энгельгардта за 2500 рублей ассигнациями и 25 апреля 1838 года Жуковский на квартире Брюллова вручил отпускную Шевченко⁷. С датой 22 апреля в биографии Т. Г. Шевченко связано и еще одно драматическое событие: его арест в Киеве по делу Кирилло-Мефодиевского братства в апреле 1847 года. В письме В. Н. Репниной от 24 октября 1847 года он напишет: «По ходатайству вашему, добрая моя Варвара Николаевна, я был определен в Киевский университет, и в тот самый день, когда пришло определение, меня арестовали и отвезли в Петербург 22 апреля (день для меня чрезвычайно памятный), а 30 мая мне прочитали конфирмацию, и я был уже не учитель Киевского университета, а рядовой солдат Оренбургского линейного гарнизона!» (6, 36). По документам известно, что арестован Шевченко был 5 апреля 1847 года, а в Петербург его привезли 16 апреля. Но скорей всего не случайно в памяти поэта арест оказался связан с днем 22 апреля. В контексте же нашей темы укажем и на то, что вторую редакцию «Москалевої криниці» поэт будет писать в апреле 1857 года в Новопетровском укреплении, когда получит письмо от Лазаревского с долгожданным известием про освобождение из ссылки. Посвящена вторая редакция другу: «Я Кухаренкові. На пам'ять 7 мая 1857 року» (2, 234). Комментаторы указывают на 7 апреля — дату отправки автографа поэмы Кухаренко (2, 689).

На втором этапе творчества Т. Г. Шевченко (1847–1861)⁸ принципиально меняется угол зрения поэта на тему солдатчины и москалей. Эта тема становится теперь частью его биографии, так как он «сам еси тепер москаль»:

Чого ж тепер заплакав ти?
 Чого тепер тобі, старому,
 У цій неволі стало жаль —
 Що світ зав'язаний, закритий!
 Що сам еси тепер москаль,
 Що серце порване, побите,
 І що хороше-дороге
 Було в йому, то розлилося,
 Що ось як жити довелось, — Чи так, лебедику?! — Еге...(2, 95)⁹.

В лирических стихах-размышлениях этого времени образ москаля — это образ лирического героя поэзии Шевченко:

Благаю Бога, щоб світало,
 Мов волі, світу сонця жду.
 Цвіркун замовкне, зорю б'ють.
 Благаю Бога, щоб смеркало,
 Бо на позорище ведуть
 Старого дурня муштровати.
 Щоб знав, як волю шанувати,
 Щоб знав, що дурня всюди б'ють. (2, 60–61).

Образ лирического героя в данном контексте — образ жертвы государственной системы, жертвы судьбы, внутренним стержнем которого становится идея дисгармонии мироздания. Образ москаля-жертвы возникает и в девятом произведении из цикла «Каземати» (1847) «Рановранці новобранці // Виходили за село», в котором поэт создает образ москаля — жертвы государственного строя. Его жизнь и жизнь его невесты искалечены солдатчиной.

«Внутренний» угол зрения задает новые обертоны образа москаля. Так в стихотворении «Не спалося, а ніч, як море» (1847) подаются художественные зарисовки ночной беседы про «солдатськеє нежитіє» двух часовых:

Верчуся, світу дожидаю¹⁰,
 А за дверима про своє
 Солдатськеє нежитіє
 Два часовії розмовляють (2, 21).

Реализм описания историй жизни часовых напоминает аналогичные страницы «Записок из Мертвого дома» Ф. Достоевского. И русский язык в этом произведении Шевченко уже не противопоставляется (как в «Катерине») украинскому: горькая судьба объединяет лю-

дей. И так, как потом в «Записках» Достоевского, у Шевченко ночная беседа часовых раскрывает картину бедствий народной жизни по всей стране: в обеих историях солдатчина спасает героев от худшей участи, от панской распушенности и произвола.

Переживание опыта солдатчины приводит поэта к созданию совсем другого (по сравнению с предыдущим) образа москаля. Если в «Катерине» перед нами появлялся образ «препоганого» москаля, то в поэме «Москалева криниця» (1847, 1857) мы видим образ «москаля-праведника»¹¹. Как известно, существуют две редакции этой поэмы. С точки зрения их соотношения и хотелось бы проанализировать этот образ¹².

Надо сказать, что образ москаля Максима оказывается достаточно необычным, если его рассмотреть в контексте истории украинской литературы. Образы москалей у И. П. Котляревского и Г. Ф. Квитки-Основьяненко имеют фольклорное происхождение. Образ москаля Максима, который появится позднее в знаменитом романе Панааса Мирного «Хіба ревуть воли, як ясла повні» (1875, 1880), генетически связан, с одной стороны, именно с образом москаля у Квитки. С другой, он полемически заострен по отношению к москалю Максиму из поэмы Шевченко (как образ бандита к образу праведника).

Главное отличие двух вариантов текста поэмы Шевченко, как известно, состоит в принципиальных отличиях в образах рассказчиков. В первом рассказчик повествует о судьбе Максима человеку образованному, «из привилегированных слоев, который живет только “для себя”, “заплющивши письменні очі” на людские страдания, и к тому же делает вид, будто разочаровался в жизни»¹³. Во втором варианте рассказчик — варнак (каторжный): «раб своих страстей, носитель эгоистической морали, которая приводит его к полной моральной деградации и преступлениям (из ревности поджигает хату Максима, а когда тот возвращается после солдатчины, топит его в колодеце, не выдержав рядом с собой существование “праведника”»¹⁴.

С образом рассказчика связаны и композиционно-сюжетные отличия в вариантах поэмы. В первом варианте кто-то из бедноты (сіряків) из зависти поджигает хату Максима, а его жена (кстати тоже Катруся: это имя в контексте темы москаля отправляет нас к поэме «Катерина») «з москалями // Десь помандрувала!» (2, 65). Максим вместо вдовиного сына идет в москаля, возвращается в село калекой. Помогает дяку на клиросе и в школе, молится Богу и выкапывает «край шляху при долині» колодець. Возле этого колодца он и умирает:

А на друге літо
Москаля вже неживого,
Найшли в балці діти
Коло самої криниці —
Вийшов подивиться
Останній раз, сіромаха,
На свою криницю. (2, 68–69)

Первая редакция заканчивается эпическим эпилогом:

Громадою при долині
Його поховали,
І долину і криницю
На пам'ять назвали
Москалевою. На Спаса
Або Маковія
І досі там воду святять.
І дуб зеленіє.
Хто йде, їде — не минають
Зеленого дуба,
В холодочку посідають
Та тихо та любо,
П'ючи воду погожую,
Згадують Максима... (2, 69).

Конечно, в этом первом варианте поэту не хватало остроты интриги и драматизации сюжета. Видимо поэтому и возникла необходимость поиска новых художественных средств подачи образа праведного Максима. И на этапе создания второго варианта произведения Шевченко драматизирует действие, создавая внутренний сюжет на уровне слова рассказчика. Во втором варианте поэмы рассказчик — варнак. Вся история рассказывается им самим. Он сам из ревности сжигает дом Максима (Катерина «з переляку вмерла» 2, 238). Именно он убивает Максима. Его рассказ — это его исповедь. Смена рассказчика привела к трансформации и усложнению сюжета, композиции поэмы, а значит, и ее смысла.

В первой редакции судьба Максима была представлена в разговоре двух собеседников как пример достойной жизни человека в нечеловеческих условиях общества, а в другом варианте историю Максима рассказывает человек, который совершает преступления против Максима. Ревность толкает Варнака на преступление, и оно приводит к гибели любимой Варнаком Катерины, которую он до сих пор не может забыть:

А красота-то красота
Мій Боже милий! А трудяше,
А чепурне, та роботяше,
Та тихе. Бач, і сирота,
А всім була навдивовижу.
Бувало, вигляне із хижі,
Як тая квіточка з роси,
Як тее сонечко з-за хмари.
Ввесь похолону, неживий
Стою, бувало. Ані кара,
Ні муки, кайдани,
Ніже літа, сину,
Тії сили не втомили...
Отак і загину!
Так і згину. Бо дивися:
Смерті сподіваюсь,
А ридаю, мов дитина,
Як я нагадаю
Катерину. (2, 235)

Его ненависть толкает к новым преступлениям: он убивает Максима, скинув его в тот самый колодец, который вырыл Максим, чтоб люди пили из него воду:

От приходим до криниці,
Я перш подивився,
Чи глибока. — Власовичу, —
Кажу, — потрудися
Води достать, я не вмію. —
Він і нахилився,
Опускаючи відерце;
А я...я за ноги
Вхопив його, та й укинув
Максима святого
У криницю...Такее-то
Сотворив я, сину! (11, с. 243)

В результате переосмыслиется основная проблематика поэмы. Проблема зла во втором варианте поэмы — это не проблема мирового зла, воплощенного в государственном строе Российской империи. Это проблема выбора жизненного пути конкретным человеком: «Хоті-

лося б жить на світі, // Та ба! Треба вчитись, // Ще змалечку треба вчитись, // Як на світі жити, // А то битимуть, та й дуже!» (2, 237). Преступления Варнака разрушают не только судьбу Максима, они разрушают гармонию мира и судьбу самого грешника. Образ Максима подается словом человека, который был одержим ненавистью к нему. И тем большее значение обретають его позитивные характеристики:

...Непевний був
 Максим отой, брате.
 А трудящий, роботящий,
 Та тихий до того,
 Та ласкавий ...Було тобі
 Ніже анікого
 Не зачепить, ніже ділом,
 Ніже яким словом.
 — І талан і безталання,
 Все, — каже, — од Бога,
 Вседержителя святого,
 А більш ні од кого. —
 Преблагий був муж на світі
 Максим отой, сину.
 А я! а я!.. Не вимовлю.
 Моя ти дитино!
 Я вбив його! (2, 240)

Момент рассказывания-исповеди становится моментом переосмысления Варнаком своих поступков. А это переосмысление становится внутренним сюжетом повести: что и почему он творил тогда, и как свои преступления он оценивает теперь. Композицию произведения создает драматическое сопоставление судеб Варнака и праведного Максима. Конфликт художественно решается в символическом образе колодца (само название произведения — «москалева криниця» — обозначает идейную значимость этого образа в поэме, и символика образа, безусловно, отсылает нас к Евангелию от Иоанна: 4, 6¹⁵). Судьба преступно убитого праведника становится тем «колодцем духа», который животворит людей: вместо эпического финала первого варианта в 4 части второй редакции — свидетельство собеседника Варнака:

Так ти кажеш,
 Що бачив криницю
 Москалеву, що ще й досі

Беруть з неї воду,
І хрест, кажеш, коло шляху
І досі Господній
Стоїть собі на роздоллі. (2, 240)

А в последней, 8 части про Максима и его колодец сказано очень кратко (в сравнении с эпическим завершением первого варианта):

Через тиждень вже витягли
Максима з криниці
Та у балці й поховали.
Чималу каплицю
Поставили громадою,
А його криницю
Москалевою назвали.
От тобі й билиця
Про ту криницю москалеву.
Нелюдська билиця. (2, 243)

И заканчивается поэма рассказом Варнака о его судьбе («І пропадаю, мов собака, // Мов той Іуда!» 2, 243) с просьбой помолиться о нем в Украине: «Чи не полегшає мені?» (2, 243).

Жизнь праведного человека преобразует душу даже отпетого злодея. Его исповедь исполнена сердечной боли и покаяния — это следствие пересечения судеб Варнака и праведного Максима. Именно история колодца москаля становится отправной точкой разговора Варнака с поэтом. История Максима и преобразует душу Варнака. И образ праведного москаля во втором варианте поэмы приобретает идейно-художественное значение именно благодаря изображению реальной силы влияния праведности на судьбу конкретного человека.

Конечно, меняются по отношению к поэме «Катерина» (в связи с образом москаля) и принципы изображения русской темы. Нет в этой поэме противопоставления русского и украинского языков. Конфликт на уровнях национальной и социальной проблемы снимается, и за счет этого усиливается собственно христианский аспект проблемы зла как проблемы выбора каждого конкретного человека, ответственности каждого человека за состояние общества и мира.

В завершение необходимо сказать, что сама эволюция поэтики образа москаля в поэзии Т. Г. Шевченко (от преступника к праведнику) дает нам возможность увидеть, каким образом поэт художест-

венно решал одну из кардинальных для его жизни и творчества проблем — проблему зла — в связи с образом москаля, в поэтике которого очень непросто переплетаются тема зла с темой российско-украинских отношений.

¹ Даль В. Толковый словарь живого Великорусского языка Владимира Даля : в 4 т. / В. И. Даль; под ред. И. А. Бодуэна — де-Куртене; 3 изд., испр. и доп. — СПб. — М.: Товарищество М. О. Вольф, 1905. — Т. 2. — С. 911–913.

² Вопрос про генезис образа москаля в украинском литературоведении рассматривался как раз в связи с произведением Котляревського: Перетц Вл. К исследованию о литературном источнике оперы И. П. Котляревського «Москаль-Чарівник» // Киевская старина. — 1894. — Т. 44. — № 3. — С. 548–551; Боцяновский Вл. К вопросу об источнике водевиля Котляревського «Москаль-чаривник» // Киевская старина. — 1894. — Т. 47. — № 10. — С. 151–154; Малинка А. К. К вопросу об источниках «Москаля-Чарівника» Котляревського // Киевская старина. — 1903. — Т. 82. — № 7/8. Отд. 2. — С. 1–4. Надо сказать, что принципиальным для вопроса о генезисе этого образа является его связь с фольклорными источниками, прежде всего сказками про солдата.

³ Квітка-Основьяненко Г. Ф. Зібрання творів: у 7 т. / Г. Ф. Квітка-Основьяненко — К.: Наукова думка, 1981. — Т. 3. — С. 8–9.

⁴ Социо — и этнопсихологическим характеристикам образа москаля посвящены статьи Я. Розумного (Розумний Я. «Москаль» і «москальство» в Шевченковій поезії // Сучасність. — 2001. — № 9. — С. 107–117) и О. Яблонской (Яблонська О. Поетична творчість Т. Шевченка: соціо — та етнопсихологічні параметри образу москаля [Електронний ресурс] // Шевченкознавчі студії. Збірник наукових праць. — Вип. 16. — С. 109–120. Режим доступа: <http://www.univ.kiev.ua/ua/geninf/shevchenko-200/publikacii>).

⁵ Шевченко Т. Г. Зібрання творів: у 6 т. (видання, автентичне 1–6 томам «Повного зібрання творів у дванадцяти томах»). / Т. Г. Шевченко. — К.: Наукова думка, 2003. — Т. 1. — С. 92. Далее Шевченко цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках том и страницы.

⁶ См. об этом, напр., работу Л. Билецкого: Білецький Л. «Катерина» // Шевченко Т. Г. Твори: у 16 т. / Т. Г. Шевченко. — Варшава; Львів, 1934. — Т. 2. — С. 287–295.

⁷ Как пишет И. Дзюба, сам Шевченко, судя по всему, «не вкладывал в поэму какой-то этнической или политической враждебности к москалям-россиянам. Иначе он не решился бы подарить ее Жуковскому — поэту, не лишённому чувства российского патриотизма» (Дзюба І. Тарас Шевченко. Життя і творчість / І. Дзюба, 2-е вид., допр. — К.: Києво-Могилянська академія, 2008. — С. 105). Другое дело, что

в истории интерпретации поэмы образ Катерины стал прочитываться как символ судьбы Украины, поневоленной Россией (1, 615).

⁸ Не выделяем в данном случае последний петербургский период, так как в контексте данной темы в этом нет необходимости.

⁹ В письме А. И. Лизогубу от 22 октября 1847 года Шевченко пишет: «...Я опинився в Орской крепости в салдаській сірій шинелі...І я тепер точнісінький, як той москаль, що змалював Кузьма Трохимович панові, що дуже кохався в огородах» (6, 35). А в письме В. Н. Репниной: «Вы непременно бы рассмеялись бы, если б увидели теперь меня. Вообразите себе самого неуклюжего гарнизонного солдата, растрепанного, небритого, с чудовишными усами, — и это буду я. Смешно, а слезы катятся. Что делать, так угодно Богу. Видно, я мало терпел в моей жизни. И правда, что прежние мои страдания, в сравнении с настоящими, были детские слезы: горько, невыносимо горько!» (6, 36).

¹⁰ Напомним строчки из письма Шевченко: «Я страшно мучуся, бо мені запрещено писати и рисувати. А ночі, ночі! Господи, страшні та довгі — та ще й у казармах» (Письмо к А. И. Лизогубу от 11 декабря 1847 из Орской крепости. — 6, 37).

¹¹ Из достаточно большой по объему литературы, посвященной «Москалевій криниці» Т. Г. Шевченко, назовем книгу Л. Плюща, в которой рассматривается именно христианский смысл этого произведения: Плющ Л. Экзод Тараса Шевченка: Навколо «Москалевої криниці»: Дванадцять статтів / Передм. Ю. Шевельова. — Едмонтон: Канадський інститут українських студій. Альбертський університет, 1986. — 330 с.

¹² Сопоставлению двух редакций поэмы посвящена своя литература. Укажем статью Ф. Вашука «Дві редакції поеми Т. Г. Шевченка "Москалева криниця"» (Вашук Ф. Шевченкознавчі праці / Ф. Вашук. — К.: Україна, 2011. — С. 130–141).

¹³ Шевченківський словник: у 2 т. — К.: УРЕ, 1977. — Т. 2. — С. 8–9.

¹⁴ Там же. — С. 9.

¹⁵ Речь идет о встрече Иисуса и самарянки у колодезя Иаковлева.

**ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ Т. Г. ШЕВЧЕНКО
И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ УКРАИНЫ:
ИСТОРИОСОФСКИЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-
ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
(взгляд из XXI века)**

Обращение к исторической памяти, изучение прошлого и настоящего в исторической ретроспективе и перспективе, диахроническом и историософском измерениях, учреждение институций, осуществлявших такую работу, — всё это важные составляющие процесса формирования национального самосознания в любом национальном движении.

Идея самобытности Украины нашла отражение в историко-этнографических трудах, публицистических и художественных произведениях, которые появились в первой половине XIX века, а также в новых философских и социальных концепциях, распространявшихся из Западной Европы. Национальное возрождение в Украине добавляло воодушевления подвижникам национального духа, которые заботились о массовом распространении национального сознания, украинского языка и культуры. Поиск национальной идентичности представителями украинской интеллигенции в начале XIX века не имел политической окраски. Его подпитывала любовь к родному языку, литературе, истории, фольклору, обычаям. Однако уже в 30–40-х годах культурно-просветительская деятельность интеллигенции приобретает первые признаки политического характера.

Национальный язык — это многофункциональный инструмент из арсенала дипломатического инструментария, который служит человечеству ежечасно как в общественно-политической жизни, так и в межгосударственных отношениях. При помощи языка каждый гражданин формулирует и высказывает свои мысли, выражает чувства и эмоции, познаёт окружающий мир и ориентируется в мировом пространстве. Но, кроме коммуникативной, мыслетворческой, институтотворческой, политической, эмотивной, экспрессивной, гносеологической и других функций язык может выступать и составляющей в создании нации.

Язык не является универсальной характеристикой всех наций. Однако в истории формирования украинской нации украинский язык сыграл особую историческую роль. В этом контексте следует обратиться к истории украинского литературного языка.

Новая украинская литература начала бурно развиваться с конца XVIII века. На новый уровень развития украинский язык вознесли Т. Шевченко и П. Кулиш. Текстовые фрагменты деятельности и литературного творчества Тараса Григорьевича Шевченко слагаются в грандиозное полотно украинского национального возрождения, в центре которого находится сам Тарас Шевченко. Мастерство его слова и литературная деятельность сыграли важную роль в истории формирования современной украинской нации. Украинский язык, при несомненном литературном содействии Тараса Шевченко, способствовал формированию традиций институционально-политического развития украинской нации.

Как отмечает в своих воспоминаниях в 1840 году А. С. Афанасьев-Чужбинский¹: «... Ещё мальчики могли научиться по-украински, но девочкам предстояло много труда понимать «по-мужицки», хотя ничто не мешало сохранять родной акцент и до глубокой старости. В то время, кроме «Энеиды» Котляревского, которой девицам читать не давали, на украинском языке были уже: повести Квитки, Полтова и приказки Гребенки, имелись везде рукописные сочинения Гулака-Артемовского, но всё это читалось как-то вяло высшим кругом. Появление «Кобзаря» мигом разбудило апатию и вызвало любовь к родному слову...»².

Особая историческая роль и значение в процессе формирования современной украинской нации принадлежит изданному в 1840 году в Петербурге сборнику поэтических произведений «Кобзарь» Тараса Шевченко — автора, тогда ещё неизвестного широкой общественности.

Именно как художник он обратил на себя внимание деятелей культуры того времени (будучи ещё крепостным). Его талант открыл перед ним дверь к обучению живописи и дал возможность войти в круг известных и влиятельных людей, которые добились его выкупа из крепостничества и помогли юноше получить престижное образование. Значение Тараса Шевченко как живописца, рисовальщика, гравёра уже могло бы обеспечить ему почётное место в истории искусства. Но всё же Тарас Шевченко вошёл в историю украинской и мировой культуры как поэт, который прославил Украину.

Украинские деятели XIX века приложили максимум усилий для реализации остро возникшей потребности расширения сфер функционирования украинского языка, были сделаны первые шаги по внедрению его в образование, науку, церковь (Кирилло-Мефодиевское общество 1840-х годов, украинское национально-культурное возрождение конца 50-х — начала 60-х годов XIX века), что в определённой степени подталкивало царское правительство Российской империи предполагать в этом культурно-гуманитарном процессе политическую угрозу. И, как следствие, многими царскими указами запрещается использование украинского языка. Наиболее известные из них — Валуевский циркуляр 1863 года и Эмский указ 1876 года. Эти документы запрещали украиноязычное образование, науку, театральные постановки, переводы, публичные выступления и т.д.

Знаменательно, что в то время, когда употребление украинского языка ограничивалось государством и он не мог полноценно выполнять свои функции (прежде всего коммуникативную функцию — обеспечение общения в различных сферах жизнедеятельности), украинский язык выполнил другую функцию — консолидирующую: он не только стал звеном, объединяющим украинцев в борьбе за их национальные права, но и объединил разделённый между двумя империями (Российской и Австрийской) украинский народ. Украинский язык, в том числе и благодаря усилиям и деятельности Т. Г. Шевченко, духовному влиянию его литературного наследия, стал основным элементом создания нации и сформировал весомые традиции институционально-политического развития украинской нации.

Поэтому, учитывая различные историографические подходы в вопросе возникновения и эволюции украинской нации — примордиалистский и модернистский³, — важно прежде всего акцентировать внимание на том, что в истории формирования украинской нации украинский язык сыграл свою судьбоносную и особенную роль в XVIII—XIX веках.

Личностью Тараса Шевченко, литературным и историософским наследием Т. Г. Шевченко интересуются не только историки, лингвисты, литературоведы, а и современные политики и дипломаты. Творчество Тараса Шевченко — это своеобразная историческая программа, которая объединяет украинцев всех поколений и всех континентов, исходя из принципов патриотизма и национальной идентичности на протяжении XIX—XXI веков. И именно в этой исключительно всеобъединяющей силе — истинность Шевченковского слова и величие его духа.

Дипломаты и политики в настоящее время институционализируют творческое и литературное наследие знаменитого Кобзаря в мировом политико-дипломатическом пространстве, поскольку с его именем связан вопрос традиций государственного строительства, не утратившего свою актуальность и сегодня.

Тараса Шевченко знают во многих государствах и чествуют его имя. На сегодня насчитывается 1384 памятника Тарасу Шевченко в мире, из которых 128 установлены в 35 иностранных государствах, а 1256 — в Украине. В юбилейном 2014 году это количество несомненно увеличится.

Первый памятник поэту был открыт в 1881 году к 20-летию со дня его смерти в нынешнем г. Форт Шевченко (Казахстан) под руководством И. А. Ускова — коменданта Новопетровского укрепления, где Т. Шевченко находился в ссылке. В Украине первый памятник (бюст) был установлен в Харькове в усадьбе Алчевских в 1881 году. Одним из лучших памятников поэту считается харьковский памятник, его авторы — Матвей Манизер и архитектор Иосиф Лангбард.

В Украине в 2012 году впервые был издан историко-биографический атлас — «Дорогами Великого Кобзаря»⁴.

ЮНЕСКО (Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры) внесла двухсотлетие со дня рождения Тараса Шевченко в Календарь памятных дат. Указом Президента Украины от 11 апреля 2012 года № 257/2012 текущий 2014 год объявлен Годом Тараса Шевченко. В связи с этим запланирован целый перечень культурно-гуманитарных мероприятий как в Украине, так и за рубежом⁵.

Популяризация творчества и наследия Тараса Шевченко в мировом культурно-гуманитарном пространстве — это важный инструментарий современной украинской дипломатии. Украинский язык не только сыграл особенную роль в истории создания украинской нации, он продолжает свою институционально-политическую функцию на просторах мирового пространства XXI века.

Внешнеполитические стратегии Украины начала XXI века в европейском международно-политическом регионе, формирование и реализация эффективной внешней культурной политики в контексте публичной дипломатии Украины, несомненно, зависят от определённых институциональных основ, основных параметров этого региона и места в нём Украины, в частности в культурно-гуманитарном и образовательном пространстве⁶.

В начале XXI века интерес к сфере культуры в мире значительно возрос, и не исключено — что в ответ на глобализационные процессы⁷. Культурно-информационные центры как институциональные составляющие заграничного дипломатического учреждения Украины — это сравнительно новый инструмент внешней культурной политики, но при этом достаточно результативный в своей деятельности.

Культурная дипломатия как составляющая публичной дипломатии на сегодня представляет собой действенную «мягкую» силу в межгосударственных отношениях и является эффективным способом формирования позитивного имиджа государства за рубежом. Именно в начале XXI века она пополнила инструментарий дипломатии и стала результативно внедряться на практике ведущими государствами мира.

Сегодня, в условиях, когда информация распространяется в мире намного быстрее, чем когда-либо ранее, реализация форм и методов дипломатии традиционным путём — через секретные соглашения между правительствами или действия с позиции силы — имеет всё меньше смысла. Ведь степень реального признания международного сообщества является более важным фактором, чем те предпочтения, которые государство сможет получить от тайной дипломатии. Культурная дипломатия предусматривает, прежде всего, установление длительных взаимоотношений, которые создают благоприятные условия для государственной политики. Культурная дипломатия является основным инструментарием публичной дипломатии, который содействует формированию позитивного имиджа государства в мире. Вполне заслужено в американской дипломатии её называют «новой интеллигентной силой» (англ. *smart power*)⁸.

Среди международных культурных событий 2014 года одним из важнейших является 200-летие со дня рождения выдающегося поэта, художника, личности эпической и в тоже время близкой и знакомой каждому истинному украинцу — Тараса Григорьевича Шевченко (1814—1861). Уникальность личности Тараса Шевченко состоит в том, что в нём объединились множество талантов: поэта, художника и общественно-политического деятеля.

Тарас Григорьевич Шевченко прожил ровно 47 лет, из них: 24 года в крепостнической неволе, 10 лет был солдатом и 13 лет — под постоянной угрозой быть арестованным за свою патриотическую деятельность — таковы главные этапы его трагической биографии. В конце XIX — начале XX веков, вопреки царскому запрету и жандармским при-

теснениям, передовая общественность Российской империи почтила память украинского поэта. Во Львове, который тогда входил в состав Австро-Венгрии, в 1873 году благодаря усилиям творческой интеллигенции Галичины и Надднепрянщины было создано Литературное общество им. Т. Шевченко (оно впоследствии в 1892 году было преобразовано на многопрофильное Научное общество имени Шевченко). В Петербурге в 1898 году было создано Общество имени Т. Г. Шевченко для помощи выходцам из Южной России, которые обучались в высших учебных заведениях Санкт-Петербурга. В 1904–1909 годах также существовало Общество имени Т. Г. Шевченко в Канаде. Ещё в конце XIX века одну из улиц Киева по требованию членов кружка украинской интеллигенции было названо Тарасовской. В 1911 году на историко-филологическом факультете Харьковского университета была основана премия имени Тараса Шевченко за лучшую студенческую научную работу.

В советской Украине имя поэта Тараса Шевченко было присвоено многим предприятиям, учебным и культурно-образовательным учреждениям, сёлам и городам, паркам, улицам, заводам, пароходам и т.д.

В целом в Украине насчитывается 352 населённых пункта, которые носят имя Тараса Шевченко.

Дань памяти и уважения Великому Кобзарю в этом юбилейном 2014 году отдают во всём мире. Поэтому вполне естественной представляется активная деятельность Министерства иностранных дел Украины по подготовке и проведению комплекса культурно-гуманитарных мероприятий по случаю славного юбилея Т. Г. Шевченко (через свои дипломатические учреждения за границей и, прежде всего, культурно-информационные центры). Так, например, это напрямую касается Посольств Украины в странах, тесно связанных с биографией юбиляра — в Литовской Республике, Республике Польша, Российской Федерации, Казахстане. Главная цель этой важной работы — презентовать Украину в контексте Года Шевченко.

В конце марта 2014 года в украинско-иорданских отношениях произошло знаковое событие: по случаю 200-летия со дня рождения Кобзаря муниципалитет Великого Аммана принял решение о присвоении одной из улиц иорданской столицы имени Тараса Шевченко. В итоге Амман стал первой столицей в арабском мире, в которой одна из улиц названа в честь великого украинца. Символично, что Посольство Украины в Иордании располагается именно на этой улице. Более того,

благодаря мудрому решению городских властей Аммана Посольство Украины в этом государстве на сегодня стало единственным украинским дипломатическим учреждением в мире, которое располагается на улице Тараса Шевченко⁹.

Украинская дипломатия по достоинству представляет имя славного Кобзаря, который выступает в XXI веке той величественной фигурой, обеспечивающей тесную, неразрывную связь писателя с Родиной и народом Украины во всём мире. Бесспорно, что сегодня политико-дипломатическое значение литературного наследия Тараса Шевченко состоит также и в формировании национальной идентичности украинцев. Творчество Тараса Шевченко — это выражение и общечеловеческих ценностей, и свободолюбия и демократичности самих украинцев.

¹ Афанасьев Александр Степанович (1817–1875) — более известен под псевдонимом А. Чужбинский — писатель и этнограф. С Тарасом Шевченко познакомился в июне 1843 года на балу у Волховской. Тарасу Шевченко он посвятил стихотворение «Гарно твоя кобза грає», которое было напечатано в сборнике «Молодик» (1843).

² Чужбинский А. Воспоминания о Т. Г. Шевченке / А. Чужбинский. — СПб., 1861. — С. 3–4.

³ См. подр.: Касьянов Г. Теорії нації та націоналізму. Монографія / Георгій Касьянов. — К.: Либідь, 1999. — С. 265.

⁴ См.: Україна. Шляхами Великого Кобзаря. Туристична карта / Атлас. — К., 2012.

⁵ Текущий архив Министерства иностранных дел Украины. — Департамент по связям с заграницным украинством и культурно-гуманитарного сотрудничества. — Рабочее досье: 2012–2014 годы.

⁶ Циватый В. Г. Внешняя культурная политика Украины: модель и институциональное развитие в XXI веке / В. Г. Циватый // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (вторая половина XX — начало XXI в.): материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 25–26 апреля 2013 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А. П. Косов (отв. ред.) [и др.]. — Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2013. — С. 243–245.

⁷ Культурно-цивілізаційний простір Європи і Україна: особливості становлення та сучасні тенденції розвитку / За ред. А. І. Кудряченка. — К., 2010. — 404 с.

⁸ Pigman Geoffrey Allen. Contemporary Diplomacy / Geoffrey Allen Pigman. — Washington, 2010. — 241 p.

⁹ См. подр.: Нагайчук В. І. Вулиця Тараса Шевченка в Аммані: контекст / Віктор Нагайчук // Зовнішні справи. — 2014. — № 04. — С. 8–10.

Е. Ю. Борисёнок

Т. Г. ШЕВЧЕНКО КАК СИМВОЛ СОВЕТСКОЙ УКРАИНИЗАЦИИ

Советская политика способствовала внедрению в массовое сознание украинской идентичности (конечно, в советском варианте). Большевистское руководство, признав за украинской нацией право на существование, нуждалось в установлении символов новой нации, необходимо было создать свой пантеон украинских национальных героев. Таким символом украинской советской идентичности стал Т. Г. Шевченко. Именем Шевченко были названы населенные пункты, улицы, площади, районы, его имя носили предприятия и колхозы, учебные заведения, были созданы музеи Шевченко, его произведения вошли в школьные программы. С. Екельчик назвал Шевченко даже «советской иконой»¹. Имя Шевченко было названо среди имен выдающихся деятелей социализма и революции, поэтов и писателей, память о которых должна была быть увековечена по плану монументальной пропаганды. В Москве памятник Т. Г. Шевченко создал известный скульптор С. М. Волнухин (он был победителем конкурса на сооружение монумента в Киеве в 1913 году, устанавливать который царское правительство запретило). Открытие памятника Т. Г. Шевченко состоялось 3 ноября 1918 года. Примерно в это же время, 29 ноября 1918 года в Петрограде был установлен памятник Кобзарю работы латышского скульптора Я. Тилберга. В 1919 году, после прихода к власти, большевики установили памятник Шевченко в Киеве (скульптор Б. М. Кратко) на Михайловской площади вместо фигуры княгини Ольги. Правда, простоял памятник Тарасу Шевченко совсем недолго и уже вскоре был свергнут белогвардейцами Деникина².

Почему Шевченко был избран большевиками символом украинскости? Прежде всего, это объясняется популярностью фигуры Шевченко в украинском национальном движении. Как писал И. Айзеншток в 1935 году в своей статье в «Литературном наследстве», «кто только не тянул Шевченко к себе, кто только не пытался использовать его стихи для лозунгов на своем знамени, кто не клялся его именем, не стремился подтверждать его произведениями правильность своей политической программы! Портреты Шевченко, украшенные традиционными «руш-

никами» <...>, вешались на почетных местах и в гайдамацких лагерях, и в петлюровских штабах, и в немецких комендатурах (в почетном соедстве с портретами Вильгельма и гетмана Скоропадского!)»³.

Большевики не могли обойти вниманием столь популярную фигуру. На Шевченковском вечере 14 марта 1927 года А. В. Луначарский дал очень точное определение причины внимания большевиков к фигуре поэта: «Если мы, может быть, должны много думать над тем, что из произведений Пушкина для нас приемлемо и что нет, потому что он далек от нас по своей социальной обстановке, то, наоборот, для нас Шевченко свой брат. Он не только крестьянин и бедняк — он, кроме того, революционер, протестант, жертва царизма. Поэтому всеми своими фибрами срастающийся с всей новой действительностью. Отсюда новый источник особенно горячей любви и высшей оценки по отношению к Шевченко». Иными словами, для большевиков Шевченко — «с ног до головы революционер; он революционен, а не только националистичен»⁴.

Для большевиков ценность образа Шевченко состояла именно в сочетании «революционности и националистичности». В 1920-е годы советская общественность предпринимала попытки найти соотношение между интернационализмом и национальной культурой, пыталась найти ответ на вопрос: в какой мере следует при строительстве социализма развивать национальную культуру, в данном случае украинскую, особенно учитывая тот факт, что большинство украинцев были крестьянами. Например, бывший укапист Андрей Речицкий, член КП(б) У, сотрудник научно-исследовательского института литературы им. Шевченко, подчеркивал, что классовая основа творчества Шевченко — закрепощенные слои крестьянства, беднейшие его слои, будущий наемный пролетариат. Поэтому значение Шевченко в том, что он был поэтом-борцом за освобождение этого социального слоя, прародителя современного рабочего класса⁵.

Хотя Речицкий позднее и был осужден за «националистические формулы, подкрашенные «марксистской» фразеологией»⁶, но он совершенно справедливо отметил важность проблемы влияния на украинское крестьянство. Действительно, для большевиков развитие национальной культуры было не самоцелью, а одним из средств построения социализма. Во имя этой основной задачи коммунисты и должны были «овладеть национальной культурой». Как говорил глава украинских коммунистов Л. М. Каганович, задача состояла в том, чтобы «вовлечь

крестьян в советское строительство и тем самым укрепить наш союз с крестьянством»⁷. В противном случае, и это хорошо понимало большевистское руководство, решающее влияние на крестьянство будут оказывать не коммунистическая партия, а «мелкобуржуазные шовинистические группы украинской интеллигенции»⁸.

Провозглашая лозунг развития национальной культуры, центральное большевистское руководство настаивало на ее социалистическом характере. Речь шла о «приспособлении» развития национальной культуры к интересам и потребностям социализма, к интересам и потребностям пролетарской диктатуры. В массовое сознание внедрялась новая система ценностей, причем ставка делалась на пропаганду образов революционеров: если речь шла об истории — то борцов с оковами царизма, если о современности — то советских людей, строителей социализма. В этих целях официальной идеологией была выбрана фигура Шевченко как фигура пострадавшего при царском режиме выходца из народных низов.

В постановлении президиума ВУЦИК 1924 года о праздновании шевченковских дней как всенародного революционного праздника, в выступлениях советских и партийных деятелей (Г. И. Петровского, Д. З. Мануильского, В. П. Затонского, А. В. Иванова и др.) подчеркивалось значение наследия поэта для создания социалистической культуры. Активно велась борьба против попыток «буржуазных националистов» спекулировать именем Шевченко, появилось много статей на тему «Шевченко — наш!».

В статье «За украинское литературоведение» Н. А. Скрипник подчеркивал необходимость «исследовать нашу украинскую классическую литературу, наших классиков XIX в.»⁹ и, прежде всего, Т. Шевченко. «Никто, может, из писателей не был объектом такой острой жестокой классовой борьбы как Шевченко, — негодовал нарком просвещения. — К Шевченко тянули руки все и вся. Шевченко хотели использовать, чтобы оправдать борьбу против трудящихся масс, против пролетарской диктатуры. Вопрос о Шевченко символизирует весь социально-политический и исторический вес дела научного марксистско-ленинского исследования украинской классической литературы»¹⁰.

При советской власти началось изучение жизни и творчества Шевченко — шевченковедение. Под руководством И. Айзенштока и при его непосредственном участии (комментирование) в 1925–1931 гг. было подготовлено к выходу в свет Собрание сочинений Т. Шевченко

(в 12-ти томах). В 1926 г. Харькове был создан Институт Тараса Шевченко (ИТШ). Главным заданием коллектива было изучение истории украинской литературы, а центральной проблемой — исследование наследия Т. Шевченко. В 1933 г. ИТШ был реорганизован в Научно-исследовательский институт Тараса Шевченко (НИИТШ).

Шевченко был настолько популярен, что это дало основание футуристам в «*Новій Генерації*» (начиная с № 5 за 1928 год) поставить вопрос о недопустимости «канонизации» образа Шевченко. Например, Гео Коляда протестовал против наследства царизма, против «нации хохлацкой», которая «нас научила награждать орденом божеским каждого гения в кавычках». Он выступает против «критиков гетманских, радских, бандитских и других», что сделали из Шевченко «национальное чучело». В одном памфлете он говорит о «советских шевченкистах», «шевченкоидах», которые вместо того, чтобы его (Шевченко) показать «как настоящего человека», сделали из него канон, надев «ковпак та свиту», и выставляют его напоказ. Футуристы говорили о том, что из Шевченко сделали «божка или икону», икону «в накрахмаленных рушниках», «замусоленный заплаканный дед в вышитом галстуке, в сивой шапке, <...> в сапогах, смазанных дегтем» и ставят вопрос: а разве такой Тарас Григорьевич?¹¹

С середины 1930-х годов Шевченко все чаще выступает в роли наиболее выдающегося национального поэта. 22 марта 1935 года политбюро ЦК КП(б)У приняло решение переименовать харьковский театр «Березиль» в театр им. Шевченко. Один из организованных в 1936 году институтов общественных наук при АН УССР — Институт украинской литературы — носил имя Шевченко. В середине 1930-х годов произошли изменения в официальной трактовке образа Шевченко. В «Тезисах к 120-летию со дня рождения Т.Г. Шевченко» 1934 года поэт был обозначен как крестьянский революционный демократ. А в центре исследовательского внимания оказалась тема «Шевченко — соратник и последователь Чернышевского» (в 1935 году вышла книга Е. Шаблювского «Шевченко и российская социал-демократия»). Под народностью Шевченко стали понимать то, что его творчество отвечало коренным интересам народных масс, способствовало освободительной борьбе народа, отображало его думы и чаяния.

Также следует подчеркнуть, что большевистское руководство стремилось сформировать чувство сопричастности в отношении дружных народов, населяющих СССР («единая семья братских народов»).

Признавая разнообразие национальных культур, руководство страны стремилось внедрить в массовое сознание формулы интернационализма и дружбы народов, в том числе и за счет пропаганды национальных культурных символов среди народов других республик.

Ярким выражением этих тенденций стало празднование 125-летнего юбилея Шевченко в 1939 году¹². Праздничные мероприятия, проводимые советской властью, не могли не напомнить о событиях четвертьвековой давности. Тогда празднование 100-летнего юбилея Т. Г. Шевченко было запрещено министром внутренних дел Н. А. Маклаковым, что дало повод для широких дискуссий в прессе и для споров в Думе. Маклаков прислал генерал-губернаторам циркуляр, запрещающий «публичные чествования малороссийского писателя Тараса Шевченко», в 1939 же году празднование проводилось под руководством партийных и советских властей.

Был создан Всесоюзный правительственный Шевченковский юбилейный комитет во главе с украинским драматургом и общественным деятелем, главой Союза советских писателей Украины Александром Корнейчуком. В советских республиках в рамках подготовки к празднованию юбилея Кобзаря были созданы республиканские комитеты при союзах советских писателей. Шевченковские комитеты были созданы во многих организациях и культурных учреждениях. Советская власть стремилась подчеркнуть в готовящемся праздновании интернациональную тему и принадлежность шевченковского наследия всем советским народам. Символическим выражением этого была встреча представителей рабочих, колхозников и интеллигенции братских народов, посвященная будущему юбилею Шевченко, которая состоялась 28 января на перекрестке границ трех советских республик — РСФСР, Украины и Белоруссии в селе Ключы Черниговской области.

В тот же день в Москве на расширенном заседании президиума правления союза было принято решение созвать в марте в Киеве пленум правления Союза советских писателей, посвященный 125-летию со дня рождения Шевченко. В Харьковском украинском драматическом театре имени Шевченко 31 января состоялась встреча писателей Киева и Харькова с харьковскими работниками искусства, посвященная будущему юбилею. Во многих городах и районах УССР были организованы Шевченковские выставки, творческие вечера и лекции. Среди школьников был проведен всесоюзный конкурс на лучшую биографию Шевченко. Вышло множество газетных и журнальных

публикаций, в которых речь шла о «великом народном поэте», «великом сыне украинского народа», «поэте-страдальце», «поэте-революционере», «боевом соратнике» русских революционно-демократических писателей.

Юбилей отмечался и в других республиках. Например, в Азербайджане проводился двухнедельный праздник, посвященный жизни и творчеству Шевченко. Шевченковскую выставку организовали в Ереване. В Минске вышел «Кобзарь» на белорусском языке, две книги вышли в Киргизии, шевченковские вечера были проведены в Адыгейской АО, выставки сочинений Шевченко состоялись в Чемкенте, Шевченковская выставка прошла в Саратове и т.д. Конечно, широко праздновал юбилей Шевченко Киев, где прошли юбилейные спектакли и концерты, литературно-музыкальные вечера, научные сессии и т.д. В 1939 г. были установлены памятники Шевченко работы скульптора М. Манизера Каневе и в Киеве (перед главным корпусом Киевского государственного университета, которому тогда же было присвоено имя поэта, — теперь КНУ им. Т. Шевченко). В Киеве открылась выставка работ Шевченко, приуроченная к 125 годовщине со дня его рождения. Оперный театр — в том же 1939 году — тоже нарекли именем Шевченко. 20 сентября 1940 года был создан Центральный музей Т. Г. Шевченко. Наконец, шевченковские вечера были проведены в Колонном зале Дома Союзов, в Политехническом музее, домах культуры, клубах, театрах и школах Москвы. Шевченковские выставки состоялись в Ленинграде.

При праздновании юбилея утверждался официальный мемориальный канон образа Шевченко. В одной из публикаций о Шевченко говорилось: «Непреклонный певец крестьянской революции, яростный обличитель царско-помещичьего строя, пламенный патриот, сочетавший горячую любовь к родине с братскими чувствами к русскому и другим народам, борющимся за свое освобождение, — он разделил ужасную судьбу лучших людей, живших в эпоху николаевской реакции»¹³.

Таким образом, политика большевиков в области национальной культуры была ориентирована на использование понятных и привлекательных для граждан образов. Выдвижение на первый план подходящего героя из недавнего прошлого и соответствующая трактовка его образа должны были задать правильный курс украинскому национальному самосознанию, создать «правильные» ориентиры для общественного сознания украинцев. Именно поэтому столько внимания

уделялось «борьбе за Шевченко», созданию идеального представления о нем как о пострадавшем при царском режиме выходец из народных низов. Использование образов-символов должно было, в конечном счете, послужить делу популяризации господствующей идеологии, для чего использовались такие маркеры, как Шевченко — революционер-демократ; Шевченко — непримиримый борец против царизма, крепостничества и национализма; Шевченко — интернационалист; интернационализм шевченковского наследия и т.п. Такой Шевченко стал символом украинской идентичности в советской национальной политике.

¹ Скельчик С. Імперія пам'яті: Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві / пер. з англ. М. Климчука, Х. Чушак. — Київ: Часопис «Критика», 2008. — С. 44.

² Цветков В. Крымское решение «украинского вопроса». Южнорусское Белое движение и политический статус Украины / В. Цветков // Родина. — 2014. — № 5. — С. 127.

³ Айзеншток И. Судьба литературного наследства Т.Г. Шевченко / И. Айзеншток // Литературное наследство. — 1935. — Вып. 19–21. — С. 420.

⁴ Луначарский А. В. Вступительное слово на шевченковском вечере 14 марта 1927 г./ А. Луначарский // Литературное наследство. Т. 82. А. В. Луначарский. Неизданные материалы. — М.: Наука, 1970. — С. 214.

⁵ Річицький А. Тарас Шевченко в світлі епохи / Анд. Річицький. — Вид. 2-ге. — [Б. м.]: Держ. вид-во України, 1925. — С. 223, 225.

⁶ Айзеншток И. Указ. соч. — С. 423.

⁷ РГАСПИ. — Ф. 81. — Оп. 3. — Д. 105. — Л. 34 об.

⁸ Там же. — Д. 105. — Л. 37 об., 61 об.

⁹ Скрипник М. За українське літературознавство / М. Скрипник // Скрипник Микола. Статті й промови. — Х.: Держвидав України, 1930. — С. 44.

¹⁰ Там же. — С. 45–46.

¹¹ Ільницький О. Шевченко і футуристи / О. Ільницький // Михайль Семенко. Вибрані твори. — Київ, 2010. — С. 631–633.

¹² См. подробнее: Формування коломоративного канону Тараса Шевченка в Україні [Електронний ресурс] / Український інститут національної пам'яті. — Публікації. — Режим доступа: <http://www.memory.gov.ua:8080/ua/publication/content/1655.htm>

¹³ Бельчиков Н. Т. Г. Шевченко (к столетияпятилетию со дня рождения) / Н. Бельчиков // Детская литература, 1939. — № 3. — С. 2

ДНИ ПАМЯТИ Т. Г. ШЕВЧЕНКО В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ УКРАИНИЗАЦИИ В РОССИИ/РСФСР ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX СТОЛЕТИЯ

Имя Тараса Григорьевича Шевченко в начале XX века стало восприниматься как один из главных символов украинского национально-освободительного движения. Для идеологов украинского движения/украинства он являл собой образец идеального украинца: борца за независимость Украины (в дореволюционной России) и борца за лучшую долю ее трудового народа (в первое постреволюционное десятилетие).

«Традиция «Шевченковских свят» зародилась на Украине в конце XIX в. среди украинского студенчества, превратившись вскоре в манифестации общенационального единства всего украинского народа. Они стали не только выражением почитания памяти поэта, но и проявлением своего рода культа Т. Г. Шевченко, который прочно устанавливается в кругах украинской интеллигенции практически сразу же после его смерти. В дальнейшем это почитание выдающегося национально-го поэта захватывает и народную массу, украинские народные низы, с каждым годом принимая различные формы. В основном это было проведение панихид и Шевченковских вечеров, которые, как правило, включали спектакли с концертными отделами и рефератами»¹.

В рамках политики украинизации первой трети двадцатого столетия дни памяти Т. Г. Шевченко играли исключительно важную роль в процессе формирования украинской национальной идентичности и украинского национального самосознания среди бывшего малороссийского населения России/РСФСР. Особое значение они приобретали в деле воспитания подрастающего поколения в духе украинского патриотизма. В период осуществления политики украинизации в СССР в 1920-е — 1930-е гг. культ поклонения Шевченко достиг своего апогея. При помощи советского государства он активно внедряется в широкие трудящиеся массы не только на Украине, но и за ее пределами, среди украинцев, проживавших в русских губерниях РСФСР. Здесь дни памяти Т. Г. Шевченко должны были служить объединяющим началом для всего бывшего малороссийского населения России. Причем независи-

мо от того, где оно проживало — на Кубани или в Центральном Черноземье, на Дальнем Востоке или в Поволжье. Дни памяти Т. Г. Шевченко позволяли этому населению ощущать себя подлинными украинцами.

В начале XX столетия «украинофильство, выражаемое в демонстративном предпочтении украинского языка, интересе к творчеству Т. Г. Шевченко, украинской песне, танцу, театру, существовало среди некоторых групп учащейся молодежи, например, в Майкопском ремесленном училище»². По всей видимости, тогда же на Кубани стали впервые отмечать и Шевченковские свята. Так, в 1904 г. дни памяти Шевченко прошли в Екатеринодаре на базе женской гимназии. Специально для этого был приглашен бандурист с Украины³.

Еще до февральской революции Владивостокская студенческая Громада положила начало традиции проведения на Дальнем Востоке так называемых Шевченковских свят — торжественных празднований годовщин рождения и смерти великого украинского поэта Т. Г. Шевченко, которые проводились ежегодно в 20-х числах февраля. Еще 1 февраля в газете «Далекая окраина» за подписью «Украинец» появилась статья «К 48-летней годовщине смерти Украинского поэта Т. Г. Шевченко», в которой были освещены основные вехи его жизненного пути и значение его творчества. 25 февраля 1909 г. по инициативе Владивостокской студенческой Громады была торжественно отмечена 48-я годовщина смерти поэта. К предстоящему торжеству член студенческой громады, выпускник Пензенского художественного училища П. Гладкий изготовил бюст Т. Г. Шевченко. В театре «Золотой Рог» состоялся концерт. В программе вечера были танцы, «конфетти», киоски в национальном стиле, приз за лучший женский украинский костюм. Весь сбор с проведенного вечера был направлен в Киев на сооружение памятника поэту⁴.

Так как царские власти видели в зарождавшемся украинском движении угрозу целостности Российской империи, то многие возникшие в период революции украинские организации были закрыты. Так, в соответствии с распоряжением министра народного просвещения Шварца уже в 1909 г. была закрыта владивостокская студенческая Громада. Однако все последующие годы, вплоть до Февральской революции, украинская культурно-просветительная деятельность велась в полулегальных формах. Так, во Владивостоке любители, которые объединились вокруг студенческой Громады, не прекратили своей работы и под руководством Ю. Мовы продолжали устройство украинских спектаклей

и других литературно-концертных мероприятий, в том числе «Шевченковских свят», которые приурочивались к очередной годовщине рождения и смерти поэта. Так, 19 февраля 1910 г. во Владивостоке в Пушкинском театре, с целью «усиления средств на сооружение памятника Т. Г. Шевченко в Киеве» был устроен украинский бал-концерт. Украинская общественность провела к нему большую подготовительную работу. Из Киева было выписано много художественно-декоративных аксессуаров, портретов Шевченко и других выдающихся украинских деятелей, художественных открыток с репродукциями картин украинских художников. Вечер открыл Ю. Глушко-Мова, выступивший с рефератом «Шевченко и его влияние на украинскую общественность». Затем перед бюстом Т. Шевченко был исполнен его «Заповіт». В рамках концерта был поставлен второй акт драмы «Назар Стодоля» — «Вечорниця». Украинский артист И. Переверзев-Разсуда прочитал поэму Т. Шевченко «Розрита могила». Чистая прибыль, которая была направлена на «усиление фонда по сооружению памятника Т. Шевченко в Киеве», составила 149 руб. 77 коп⁵.

В 1912 г. наряду с Владивостоком чествование памяти Т. Г. Шевченко состоялось также в Полтаве, Каневе, Каменце-Подольском, Киеве, Одессе, Николаеве, Екатеринодаре, Екатеринославе, Ново-Александрии, Новороссийске, Риге, Курске, Мстиславе, Тифлисе и Оренбурге⁶.

Накануне первой мировой войны волна правительственных репрессий в отношении украинского национального движения достигла наиболее значительных масштабов. Одним из наиболее наглядных проявлений такой политики стал, в частности, запрет на празднование в Киеве в 1914 г. столетия со дня рождения Т. Г. Шевченко. Но, несмотря на запрет Шевченковских мероприятий в Киеве, юбилейные чествования памяти поэта (Шевченковские святя) состоялись в Екатеринославе, Елисаветграде, Сумах, Херсоне, а также — Петербурге, Красноярске, Риге, Митаве, Дерпте, Новочеркасске, Владикавказе, Семипалатинске, Варшаве, Вильне.

Торжественный концерт, посвященный 100-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко, состоялся во Владивостоке 25 февраля 1914 г. в Пушкинском театре при активном участии Владивостокского отдела Императорского Русского Музыкального Общества. Несмотря на ограниченность времени на подготовку, юбилейный вечер прошел с огромным как моральным, так и материальным успехом. Еще за несколько часов до начала концерта зал и фойе Пушкинского теат-

ра были переполнены. Среди публики было много людей, особенно женщин, в украинских национальных костюмах. В фойе продавались юбилейные значки, которые представляли сине-желтый бант с портретом Т. Г. Шевченко посередине. При этом всем желающим значков не хватило. Как отмечал очевидец, везде был слышен украинский язык, настроение у всех присутствующих было приподнятым, праздничным, ощущалось, «что это не обычный спектакль, а какой-то величественный, какой-то торжественный праздник!»⁷.

Вечер краткой речью открыл его режиссер Ю. Мова. Затем в исполнении большого украинского хора прозвучал «Заповіт», который был выслушан всеми присутствующими стоя. Далее Ю. Мова прочитал специально написанное им к юбилею стихотворение «До 100-х роковин з дня народження Т. Г. Шевченка», после чего к бюсту поэта, изготовленному в 1909 г. П. Гладким и являвшемуся с тех пор неотъемлемым украшением всех последующих Шевченковских свят, были возложены венки от украинской колонии г. Владивостока, Собрания приказчиков, Общества народных чтений и Е. и М. Шишлянниковых. В фойе театра были устроены киоски в украинском стиле, в которых продавались украинские книги, открытки, портреты Т. Г. Шевченко и др. украинских писателей. Была также устроена выставка украинской прессы из России, австрийской Украины и Америки, но, перестраховавшись, один из распорядителей вечера заставил убрать эту выставку. Вся чистая прибыль от вечера в сумме 790 руб. 04 коп., в соответствии с постановлением губернатора, была передана под расписку полицейскому чиновнику для пересылки в объединенный комитет по сооружению памятника Т. Г. Шевченко в Киеве. Стоит также отметить, что все местные газеты бесплатно поместили объявления о Шевченковском вечере, которые печатались на украинском языке. Собрание приказчиков также бесплатно предоставило для вечера помещение Пушкинского театра⁸.

Начало Первой мировой войны послужило российскому правительству поводом для усиления репрессий против украинского национального движения. На Дальнем Востоке украинская общественная жизнь также замирает⁹.

Падение царской власти в ходе февральской революции 1917 г. дало новый импульс для развития украинского национального движения во всех регионах России, где компактной массой проживало малороссийское население. Тогда же предпринимаются и первые легальные

попытки со стороны общественных организаций начать украинизацию в сфере народного образования, а также культурно-просветительных учреждений. Поэтому вполне закономерно, что весной 1917 г. проведение Шевченковских свят вызвало небывалый подъем среди широких народных масс.

25 марта в станице Ахтырской на Кубани с размахом были отпразднованы дни памяти Т. Г. Шевченко¹⁰. Интересно отметить, что уже 16 апреля 1917 г. на украинском съезде в Харькове было принято решение заменить по всей Украине царские портреты на портреты Шевченко.

«Шевченковский март» отмечался и в следующем 1918 году. Так, в слободе Бутурлиновке Воронежской губернии состоялся большой вечер, посвященный Шевченко: была поставлена его драма «Назар Стодоля», декламировались его стихи, пел малороссийский хор. Чуть позже в 1921 г. в Воронеже будет создан украинский клуб имени Шевченко. При нем работали кружки — политический, драматический и хоровой. Члены клуба ежегодно в марте проводили шевченковские вечера, куда приглашались не только члены клуба с семьями, но и все желающие украинцы¹¹.

Впервые свободно Шевченковские святя прошли на Дальнем Востоке сразу после Февральской революции. Во Владивостоке традиционный Шевченковский вечер состоялся 19 марта 1917 г. в Пушкинском театре. Концерту предшествовал краткий реферат о великом украинском поэте, прочитанный бывшим политссыльным, участником революции 1905 г. социал-демократом Н. Новицким. Как отмечал очевидец, «традиционный праздник украинцев» первый раз за все время состоялся в обстановке полной свободы слова, что дало возможность «осветить те стороны жизни, деятельности и творчества поэта, которых не было возможности даже коснуться ни разу публично за 56 лет со дня его смерти». Имеется в виду «горячее, страстное стремление поэта к свободе народа, страстная ненависть к царизму, организация Кирилло-Мефодьевского братства, Петропавловская крепость, многолетняя ссылка», то есть то, что «составляло сущность и цель духовной его жизни и работы». На вечере прозвучали бывшие ранее запретными произведения Т. Шевченко, «проникнутые наиболее страстным, могучим чувством ненависти к угнетению и любви к поработанному люду»¹².

В начале 1920-х гг., на начальном этапе советской украинизации, мартовские дни памяти Шевченко служили площадкой для всена-

родного обсуждения перспектив самой политики украинизации. Так, например, было в станице Неберджаевской Кубанского округа. Здесь на вечере памяти Шевченко был сделан доклад о поднятии культуры хлеборобов и об украинской школе. Население станицы, присутствовавшее на данном мероприятии, постановило украинизировать свои школы¹³.

О первом опыте украинизации Богучарской школы 2 ступени Воронежской губернии в 1923/24 учебном году сообщается в докладе (на украинском языке) учительницы Василик Людмилы Михайловны, который она направила в ГубОНО на имя инспектора по работе с нацменьшинствами Мороза Ивана Николаевича. Как пишет Василик, несмотря на то, что ученики школы совсем не слышали украинского литературного языка, я хотела подойти к делу преподавания так, чтобы они полюбили этот свой материнский язык. Язык этот, по словам школьной учительницы, с первых же ею сказанных фраз был для учеников легко понятен, что ее очень обрадовало. С самого начала преподавания украинского языка она обращала внимание на то, чтобы дети научились читать и писать, и чтобы могли свободно высказывать свои мысли на украинском языке. Ученики сначала читали рассказы в книге, а затем пересказывали прочитанное своими словами. Но беда была в том, что на 250 учеников было всего только десять книг «Веселки», а хрестоматий на украинском языке для старших групп не было вообще. Все прочитанные рассказы сопровождалась рисунками в школьных тетрадях, чтобы облегчить запоминание украинских слов. Причем, людей рисовали в украинской национальной одежде, чтобы развить у детей любовь ко всему своему быту. Чтобы школьники имели большой запас украинских слов, Василик разучивала с ними стихи различных украинских поэтов и писателей. Кроме того, учительница большое внимание уделяла такому методическому приему обучения, как живая беседа на родном языке с использованием наглядных пособий, которая позволяла ученикам проявить свои творческие способности и приучала их к систематическому размышлению. «Для живой беседы я брала материал из родной близкой обстановки ребенка (поле, лес, их значение и т.д.)», — пишет в своем докладе Василик. В конце учебного года все детские работы (рисунки, лепка) были представлены на школьной выставке¹⁴.

При изучении украинской литературы ученики знакомились с жизнью и творчеством украинских писателей. Так, например, школьники богучарской школы 2 ступени познакомились с произведениями Ива-

на Котляревского «Энеида» и «Наталка Полтавка», с литературной деятельностью Петра Гулак-Артемовского и Левко Боровиковского, прочитали присказки Евгения Гребенки «Пан и собачка», «Рыбак», а также рассказ Григория Квитки-Основьяненко «Солдатский портрет». Наконец, они узнали о жизни, литературной и общественной деятельности поэта Тараса Шевченко. В классе читали и разбирали следующие его произведения: историческую поэму «Гайдамаки», поэмы «Сон», «Еретик» и «Неофиты», повесть «Наймичка». Кроме того, был организован школьный вечер, посвященный памяти Тараса Шевченко. Старшую группу удалось вкратце познакомить еще с творчеством Кулиша и Марко Вовчок. Школьники прочитали рассказы Марии Маркович (литературный псевдоним Марко Вовчок) из жизни крепостнической России: «Сестра», «Казачка», «Выкуп», «Одарка», «Максим Гримач» и др.¹⁵

Уже в феврале 1925 г. Совнацмен Наркомпроса РСФСР издает специальное распоряжение, которым должны были руководствоваться местные органы народного образования при проведении празднования дней памяти Т. Г. Шевченко. Так, например, в Армавирском округе были проведены литературные вечера и утренники. Читались отрывки из произведений Шевченко, озвучивались воспоминания старых украинских активистов¹⁶.

На следующий год Совнацмен вновь издает распоряжение от 18 февраля 1926 г. о дне памяти Тараса Шевченко в просветительных учреждениях. «Имя украинского народного поэта Тараса Григорьевича Шевченко, певца угнетенных и обездоленных, является популярнейшим именем среди широких трудящихся масс украинского населения», — говорилось в распоряжении. «Необходимо отметить день смерти поэта 12 марта в подведомственных вам учреждениях Соцвоса и Политпросвета, обслуживающих население(...), уделив особое внимание докладу «Жизнь, деятельность и мировоззрение поэта». Подчеркивалась социальная составляющая его творчества, противостояние с царской властью¹⁷.

29 января 1927 г. Центросовнацмен издает директиву для украинских учреждений о проведении дня Т. Г. Шевченко в украинских школах. «10 марта украинский пролетариат и беднейшее крестьянство празднуют годовщину рождения своего великого поэта, борца за волю, певца обездоленных и угнетенных, Т. Г. Шевченко. Культурно-просветительным учреждениям, ведущим свою работу среди украинского населения, необходимо отметить день рождения великого поэта. Отдел

народов западной культуры Центросовнацмена НКП рекомендует провести этот день и подготовку к нему следующим образом:

Учреждения политпросвета устраивают в это день бесплатные вечера, спектакли, на которых обязательно должны быть прочтены доклады о жизни и деятельности Т. Г. Шевченко.

Проведение праздника должно пройти под лозунгом «Шевченко — борец против царя и помещиков».

«Февральская революция — начало осуществления идеалов Т. Г. Шевченко».

«Только Октябрьская революция осуществила освободительные стремления Шевченко».

«Работница и крестьянка в произведениях поэта». Материал для художественной части вечера — произведения Шевченко, а также сборник «Тарас Шевченко» — Панченко.

Подготовка ко дню Шевченко в школах начинается за неделю, по такому примерно плану:

1. Изучение произведений Т. Г. Шевченко.
2. Знакомство с биографией поэта.
3. Разучивание музыкальных произведений на слова Т. Г. Шевченко.
4. Издание школьного журнала, стенной газеты, посвященных памяти поэта.
5. Организация уголка Т. Г. Шевченко.
6. Подготовка к литературно-музыкальному утру (10 марта утро), инсценировки и т.д.
7. Устройство (10 марта) литературно-музыкального утра. Чтение реферата — обязательно учащимся старшей группы.

Материал прорабатывается применительно к возрасту учащихся¹⁸.

Осенью 1927 г. в Краснодаре в кинотеатре «Великан» демонстрировалась дидактико-пропагандистская картина «Тарас Шевченко» 1924 года выпуска. Тема жизни и творчества Т. Г. Шевченко была затронута и на следующий год, когда были показаны фильмы «Тарас Шевченко», «Жизнь Шевченко». Тогда же прославился Кубанский мужской вокальный квартет, организованный выпускниками музыкального техникума А. Авдеевым, А. Хоперским, Н. Лободой, М. Ходжиани. Его репертуар во многом состоял из украинских песен, в том числе на стихи Шевченко. Только в 1926 г. квартет провел более 100 концертов. Развивался в Краснодаре и украинский драматический театр, который именовался «Украинский театр имени Т. Г. Шевченко»¹⁹.

Поэтому не случайно, что по степени своей популярности среди широких крестьянских масс украинцев России имя Т. Г. Шевченко в 1920-е гг. стояло рядом с именем вождя мирового пролетариата. В этот период «подчеркивалась социальная составляющая его творчества, противостояние с царской властью, его роль в интернациональном демократическом сообществе»²⁰. Со временем дни памяти Т. Г. Шевченко становились все больше не столько украинофильским, сколько просоветским мероприятием. Эта тенденция нашла свое отражение и в выпускаемых в это время украинских учебниках. Так, например, в учебнике «Вчимося далі. Перша рабоча книжка після букваря для станичних та хутірських шкіл північно-кавказького краю», который был издан в Ростове-на-Дону в 1929 году, рядом показаны такие фигуры, как В. И. Ленин и Т. Г. Шевченко. «И тот и другой показаны во многом сходно, как непримиримые участники классовой борьбы, защитники обездоленных и угнетенных. Никакой особой «украинскости» в фигуре Тараса Шевченко не подчеркивается. В рассказе о нем даже не сказано, что он был украинцем. Образы В. И. Ленина и Т. Г. Шевченко даны максимально кратко и схематично. В их разработке использованы народные представления о героях и заступниках»²¹.

Интересно отметить и еще один аспект, связанный с именем Т. Г. Шевченко и проводившейся тогда политикой украинизации на территории РСФСР, вокруг которого разгорелись нешуточные споры. Это так называемый вопрос о «шевченковском языке» — том языке, который понимают крестьяне и казаки на Кубани и в других областях России, в отличие от языка «галицийского», который стал официальным языком УССР.

Из Богучарского уезда Воронежской губернии 30 июня 1923 г. сообщали, что «вследствие вековой русификации украинских поселений через школы и официальный русский язык, украинское население полуутратило свое наречие, с которым оно пришло с правобережной Украины, и в настоящее время говорит своеобразным коверканым наречием, несколько подходящим к языку, на каком написан «Кобзарь» Шевченко»²².

На Кубани местные руководящие работники, приводя доводы против украинизации, ссылались при этом на преимущества местного «шевченковского» языка перед якобы культивируемым на Украине «галицийским наречием». Как писал в книге «Проблема украинизации и белоруссизации в РСФСР» З. С. Островский, на Кубани 1920-х

гг. можно было услышать такой вопрос: «Вы вот говорите, что язык Шевченко — это украинский литературный язык, но почему же язык Шевченко я понимаю, а вашего (подразумевается язык газет, журналов, научный и т.п.) не понимаю». При проверке обычно оказывается, заключает Островский, что такие лица и в произведении Шевченко не все понимают, а только значительно большую часть слов и выражений. Ссылка же на «галицийщину» является только стыдливым прикрытием отрицательного отношения к украинизации вообще²³.

Далее Островский пишет: «Украинского литературного языка кубанцы не понимают; больше понимают они язык «Шевченко», — так обыкновенно говорят те, кто забывает, что степень понимания всякого литературного языка зависит от уровня образованности, от того, как близко или как далеко данное лицо стоит от культурного уровня жизни своего народа, взятого в целом. Так могут говорить те, кто забывает, что не только необразованные украинцы не вполне понимают литературный украинский язык, но в таком же положении находятся необразованные русские, немцы, французы, англичане и т.п. по отношению к своим литературным языкам: знание литературного языка без его изучения невозможно.

Указанное совещание (имеется в виду совещание по вопросам украинизации, созванное при Краснодарском Окрисполкоме в июле 1928 года. — Д. К.) установило, что старая украинская литература и новая доступны казачеству постольку, поскольку вообще и русскому крестьянину доступна русская литература. Если, например, дать в деревню рядовому русскому крестьянину «Евгения Онегина», «Войну и мир» или «Мертвые души», то он их не поймет; точно так же он плохо поймет, например, статью в газете «Правда»; популярные же статьи из «Бедноты» и «Крестьянской газеты» он понимает.

Поэтому Наркомпрос РСФСР вполне правильно поступил, когда в своем постановлении от 30 августа 1929 г. указал, что языком компактно живущих масс украинского населения РСФСР должен быть язык украинской республики²⁴.

После прекращения политики украинизации на территории РСФСР в конце 1932 г. были переработаны и все школьные программы, прекратилось изучение украинского языка и украинской литературы, постепенно отошли в прошлое и популярные некогда дни памяти Т. Г. Шевченко. Эти процессы совпали по времени с возрождением русского(советского) патриотизма и русского самосознания. Тем не менее, и во второй половине 1930-х гг. имя Шевченко продолжало оставаться

символом украинского национально-освободительного движения. Со всей очевидностью это проявилось в 1939 г, когда к СССР была присоединена Западная Украина. И совсем не случайно, что в 1939–1940 гг. на клубных сценах Воронежа и области демонстрировали свое мастерство артисты самодеятельного украинского театра при заводе им. Ворошилова. Как и в первые годы революции, вновь оказалась популярна постановка по драме Т. Г. Шевченко «Назар Стодоля»²⁵.

¹ Черномаз В. А. Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.): — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. — С. 87.

² Васильев И. Ю. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX — начало XXI века). — М.: ИП Бурина А. В. «Традиция», 2014. — С. 46.

³ Там же. — С. 60.

⁴ Черномаз В. А. Указ.соч. — С. 88.

⁵ Там же. — С. 100–101.

⁶ Там же. — С. 101–102.

⁷ Там же. — С. 119.

⁸ Там же. — С. 120.

⁹ Информации о проведении Шевченковских свят в 1915–1916 гг. современному исследователю украинского национального движения на Дальнем Востоке В. А. Черномазу найти не удалось. Как он полагает, по всей видимости, они в эти годы не проводились в связи с ужесточением репрессивной политики царизма. См.: Черномаз В. А. Указ. соч. — С. 132.

¹⁰ Васильев И. Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. — Краснодар: Кубанькино, 2010. — С. 19.

¹¹ Ласунский О. Г. Украинский вопрос в Воронежском крае. К постановке проблемы. // Из истории Воронежского края: Сб. ст. Вып. 10. Воронеж, 2002. — С. 185–186.

¹² Черномаз В. А. Указ.соч. — С. 269.

¹³ Васильев И. Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг... — С. 135.

¹⁴ Государственный архив Воронежской области (ГАВО) Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1244. Л. 14.

¹⁵ Там же. Л. 14 об., 16.

¹⁶ Васильев И. Ю. Указ.соч. — С. 58.

¹⁷ Цит. по: Сергійчук В. І. Українізація Росії. Політичне ошуканство українців більшовицькою владою в 1923–1932 роках. Київ, 2000. — С. 49.

¹⁸ Там же. — С. 49–50.

¹⁹ Васильев И. Ю. Указ.соч. — С. 55, 57–58.

²⁰ Васильев И. Ю. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX — начало XXI века)... — С. 123.

²¹ Там же. — С. 163. Были и достаточно курьезные случаи, связанные с именем Т. Г. Шевченко. Житель Златоустовска П. Ратченко написал в 1929 г. письмо «Как проводится в жизнь ленинская национальная политика на Дальнем Востоке». В нем он пишет, в частности, о том, что крестьяне села Новокиевки Мазановского района на Амуршине «чтоб хоч трохи мати спомин про Україну», организовавшись в колхоз, назвали свой колхоз «имени Шевченко» (беднота из 60 семей). Но их опередили шовинисты из кулацких семей, которые организовали свой колхоз и в память двуглавого орла назвали свой колхоз «Красный орел». Шевченковский колхоз РИК не утвердил, и колхоз распался. Осталось незасеянными 800 пудов пшеницы, которые «Красный орел» посеять не мог. «Как видите, шовинисты не останавливаются ни перед чем, чтобы только настоять на своем», — заключает автор письма. См.: Сергійчук В. І. Українізація Росії... — С. 296.

²² Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф.1. Оп. 1. Д. 1055. Л. 10.

²³ Островский З. С. Проблема украинизации и белоруссизации в РСФСР. М., 1931. — С. 35.

²⁴ Там же. — С. 38.

²⁵ Ласунский О. Г. Указ.соч. — С. 191.

Е. Е. Левкиевская

ОБРАЗ Т. Г. ШЕВЧЕНКО В СОВЕТСКОМ МАССОВОМ СОЗНАНИИ: КУЛЬТУРНЫЙ СТЕРЕОТИП И ПУТИ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

*«... Шевченко стремился воззвать
угнетенный украинский народ
к революционной борьбе за свое
освобождение...»*

Большая Советская энциклопедия

В настоящей статье будет сделана попытка показать, под влиянием каких идеологических тенденций и какими средствами (как вербальными, так и изобразительными) формировался стереотип Тараса Григорьевича Шевченко в советском массовом сознании¹. Проблема превращения Шевченко в советский идеологический стереотип, содержащий регламентированный набор смысловых элементов, является частью более общей темы формирования в советской идеологии пантеона «героев» — прецедентных, ключевых образов, содержащих нормативные постулаты идеологии и закреплённых в коллективной памяти советского общества с помощью разных типов текстов и ритуальных практик официального почитания — создания их канонических биографий, художественных произведений, фильмов, памятников, празднования юбилеев, а также присвоения их имен улицам, городам и значимым объектам: театрам, университетам, паркам, пароходам и пр. В течение всего советского периода, начиная с первых послереволюционных лет, происходило конструирование многоуровневой системы пантеонов — от общегосударственного пантеона вождей до более локальных и частных подсистем, предназначенных для разных кластеров и сфер общества, например, пантеонов пионеров-героев или передовиков производства в отдельной отрасли хозяйства или на конкретном заводе. Такие пантеоны, во-первых, были необходимы для подтверждения легитимности новой политической силы, справедливости и логичности ее прихода к власти, обусловленной наличием в историческом прошлом ряда «предтеч», подготовивших революцию. Несмотря

на декларативное отречение от ценностей дореволюционной России («Отречемся от старого мира, / Отряхнем его прах с наших ног...»), советская власть при конструировании политического мифа о себе охотно использовала в своих целях как культурные модели, так и избранные образы ключевых фигур прошлого, интерпретируя и мифологизируя их в нужном для себя ключе — как прогрессивных деятелей, боровшихся за счастье народа и своими идеями приближавших революцию.

Во-вторых, фигуры этих пантеонов являлись образцами для подражания, по которым советским людям предписывалось моделировать и свое поведение, и свою жизнь (именно об этом пишет Маяковский в поэме «Хорошо!»: «Юноше, обдумывающему житье, решающему, сделать бы жизнь с кого, скажу, не задумываясь, — делай ее с товарища Дзержинского...»²). В-третьих, они служили смысловыми моделями заново выстраиваемой системы ценностей, трансляция и воспроизводство которых в коллективной памяти общества происходили через создание своеобразных «житий» прецедентных личностей, во многом построенных по образцу житий христианских святых³. Создание «жития» героя советского пантеона означало его мемориализацию, т.е. увековечивание в общественной памяти через разные ритуальные формы коллективного и индивидуального почитания.

Одной из важных подсистем советского пантеона, решавших задачу взаимодействия центральной власти с национальными сообществами, была система знаковых имен национальных исторических или культурных деятелей, официальная мемориализация которых, с одной стороны, давала легитимный выход национальным чувствам, а с другой — обеспечивала «правильное» формирование этнической и национальной идентичности, не противоречившей общесоветской идентичности, но вписанной в нее. В эту подсистему включались как революционные деятели (например, матрос Железняк, Григорий Котовский и пр.), так и значимые фигуры прошлого, признанные «прогрессивными борцами за счастье своего народа» (Ян Райнис, Леся Украинка, Марко Вовчок и т.д.).

Безусловно, в рамках конструировавшегося советского мифа Т. Г. Шевченко как нельзя лучше подходил на роль «предтечи» пролетарской революции и установленного в ее результате режима — украинский народный художник и поэт, почитаемый своим народом и гонимый царским режимом; талант, пробивавший себе дорогу из крепостных крестьян и писавший о тяжелой доле простых людей, входивший в круг

прогрессивных русских деятелей, переживший десятилетнюю ссылку в Оренбургскую губернию, а затем на полуостров Мангышлак — все эти черты реальной биографии Шевченко послужили идеальной основой для создания сакрального стереотипа, вписанного в общесоветский пантеон «революционных демократов», которые канонической статьей Ленина были причислены к одному из «источников и составных частей революции», т.е. официально объявлены «предтечами» советской власти.

Конструирование «жития» героя советского сакрального мифа имело в своей основе довольно жесткую структуру, включавшую определенный набор элементов, чрезвычайно схожих с элементами, из которых выстраивается биография героя классического эпоса: трудное детство героя; его взросление и учитель, указавший герою путь; подвиги героя; страдание героя за народ; трагическая смерть героя и его похороны; увековечивание имени героя в народной памяти. Как любой герой советского сакрального мифа, Т. Г. Шевченко был вписан в официальную коллективную память общества через систему культового почитания. Это значит, что он имел свое житие, складывавшееся из канонического текста о его жизни (см., например, статью о Т. Г. Шевченко в Большой советской энциклопедии), содержащего все перечисленные выше элементы. Можно говорить об определенном алгоритме, по которому происходила сакрализация и мифологизация героев пантеона, отсекавшая «неправильные» детали биографии, элементы мировоззрения, тексты, не вписывавшиеся в рамки политического мифа, а также добавлявшая или усиливавшая «нужные» смыслы.

В частности, общественному сознанию активно навязывалось представление об идейной близости Шевченко к русским «революционным демократам», прежде всего, к Чернышевскому и Добролюбову. Формирование подобной точки зрения достигалось с помощью обильной цитации статей Н. Г. Чернышевского, высоко оценившего вклад Тараса Григорьевича в развитие украинского языка и Н. А. Добролюбова, присвоившего ему звание «народного поэта»: «Он — поэт совершенно народный, такой, какого мы не можем указать у себя... Он вышел из народа, жил с народом, и не только мыслью, но и обстоятельствами жизни был с ним крепко и кровно связан»⁴. Но при этом замалчивалась резко отрицательное отношение к Шевченко В. Г. Белинского, авторитетное мнение которого по любому поводу в советском дискурсе считалось эталонным. Вспомним уничижительную критику Белинским поэ-

мы «Гайдамаки» и его искреннее возмущение по поводу пасквиля на императрицу Александру Федоровну в известном стихотворении 1844 г. «Сон» (Белинский называет его «возмутительно гадким»), высказанное им в письме к П. В. Анненкову от 1–10 декабря 1847 г.⁵ Заметим, что мнение Белинского, основанное на обычной человеческой порядочности, считающей недостойным издеваться над нездоровьем женщины, кардинальным образом не совпадало с классовой точкой зрения советской литературной критики, считавшей, что «Сон» — «гневная сатира, направленная против всей системы самодержавно-крепостнического строя»⁶. В связи с этим в советском публичном дискурсе высказывания Белинского, видевшего в Шевченко «осла, дурака и пошлеца, а сверх того, горького пьяницу, любителя горелки по патриотизму хохлацкому»⁷, предпочитали не цитировать, зато любое издание «Кобзаря» снабжалось соответствующими отзывами Добролюбова о «народности» Шевченко.

Для нас важно, что формирование определенных семантических доминант, положенных в основу советского стереотипа Шевченко, началось задолго до революции. В этом смысле показательным стихотворение Н. А. Некрасова «На смерть Шевченко», в котором для нас представляют интерес два релевантных мотива. Во-первых, это любимый Некрасовым мотив «идеального общественного деятеля» как мученика и аскета, а его жизни как жертвенности и страдания (вспомним тот же мотив в его стихах на смерти Добролюбова, Белинского, Писарева):

Всё он изведал: тюрьму петербургскую,
Справки, допросы, жандармов любезности,
Всё — и раздольную степь Оренбургскую,
И ее крепость. В нужде, в неизвестности
Там, оскорбляемый каждым невеждою,
Жил он солдатом с солдатами жалкими...⁸

Вторым мотивом, который потом станет доминантным в советском образе Шевченко, является общерусский контекст, в который Некрасов помещает Шевченко, в отличие от Добролюбова и Чернышевского, для которых создатель «Кобзаря» все-таки остается преимущественно «малороссийским» поэтом:

Так погибает по Божией милости
Русской земли человек замечательный...
Поберегло его в годы изгнания
Русских людей провиденье игривое⁹.

Таким образом, у Некрасова Шевченко перестает осмысляться лишь в рамках узко национального «малороссийского» контекста и воспринимается как фигура общей русской культуры в ее наднациональном смысле как культуры империи (в которую в русской картине мира в качестве составной части традиционно включается и культура украинская). Стихотворение «На смерть Шевченко», попав в общий поэтический мартиролог Некрасова, куда относятся такие тексты, как: «На смерть Белинского», «На смерть Добролюбова», «На смерть Писарева», вписывает Шевченко в сознании русского общества в общий ассоциативный ряд с этими литературными деятелями, тем самым формируя иерархию смыслов в рамках его стереотипа: «украинский поэт — народный поэт — общерусский поэт — друг революционных демократов — бунтарь и революционер — жертва царского режима». В 1911 г. А. В. Луначарский, используя эти семантические составляющие в образе Шевченко, окончательно выстраивает иерархию смыслов, которая позже будет использована в официальном советском пропагандистском дискурсе: «Велик Шевченко, как национальный украинский поэт, но еще более велик он, как поэт народный. И всего более он велик, как поэт глубоко революционный и, по духу своему, социалистический»¹⁰.

Для правильного понимания тех смыслов, которые вкладывались советской идеологией в канонизированный стереотип Шевченко, важны не только биографические элементы, из которых конструировалось его «житие», но в не меньшей степени — контекст, в который помещалось его имя. Особенности интерпретации его образа советской пропагандистской мыслью можно понять, проанализировав парадигму имен, отобранных для официального прославления. С первых дней советской власти образ Шевченко оказывается включенным в перечень исторических и культурных деятелей, которые, согласно ленинскому плану монументальной пропаганды (кстати, заимствованному им из утопии Кампанеллы «Город Солнца»), должны быть увековечены в памятниках (декрет республики от 12.04.1918 г.). К числу тех, кого советская идеология причислила к своим «предтечам», относились: К. Маркс, Ф. Энгельс, Робеспьер, С. Л. Перовская, А. Н. Радищев, А. В. Кольцов, И. С. Никитин, Т. Г. Шевченко. В том же 1918 г. памятники Шевченко почти одновременно были установлены в Москве (на Рождественском бульваре) и в Петрограде. Несмотря на то, что в первые два десятилетия советской власти классовый и идеологический принцип в разграниче-

нии «своих» и «чужих» значительно превалировал над национальным и этническим (что, в частности, видно из приведенного выше списка имен), все же очевидно, что Шевченко — единственный национальный поэт среди перечисленных литераторов. Его «украинскость» отмечена и в надписи на петроградском памятнике: «Великому украинскому поэту Тарасу Григорьевичу Шевченко от Великого Русского Народа», которая, скорее всего, отражала традиционный взгляд русского общества на «украинскость» как на часть общерусского дискурса. Таким образом, уже с первых лет советской истории Шевченко, единственный из всех «прогрессивных» национальных культурных деятелей, включается в общесоветскую (а значит и общерусскую) официальную парадигму. Его место в этой парадигме сохраняется и подтверждается в культурных текстах последующих эпох, в частности, в фильме режиссера Игоря Савченко «Тарас Шевченко» (1951 г.). В начале фильма молодой Тарас, трагически глядя на вышедшую из берегов Неву и сурово спрашивает самого себя: «Рылеев, Пушкин, Полежаев, Лермонтов... — кто следующий?», имея в виду жертв царского режима. Из содержания фильма зритель должен сделать вывод, что следующей жертвой в этом перечне имен является сам Тарас Григорьевич. Таким образом, имя Шевченко окончательно выводится из узколокального контекста украинской культуры и переводится в разряд общерусских почитаемых писателей наряду с Рылеевым, Пушкиным и Лермонтовым.

Окончательному формированию канонической биографии как «жития предтечи», безусловно, способствовал 125-летний юбилей Шевченко, вписанный в сталинскую пропагандистскую схему, отмеченный со всесоюзным размахом и утвердивший его официозный образ как «революционного демократа», «бунтаря» и «атеиста». Вербальным воплощением этого канона стали две биографии Шевченко, специально к юбилею написанные М. М. Зощенко¹¹ и К. Г. Паустовским¹².

В отличие от повести Паустовского «Тарас Шевченко», написанной в характерной для него манере романтических очерков о годах ссылки Тараса Григорьевича, текст Зощенко представлял собой «парадную» биографию поэта, структурировавшую и интерпретировавшую его жизнь в необходимом идеологическом ключе. Помимо содержания, об этом свидетельствует и сама структура текста Зощенко, разбитого на главы, названные по маркированным этапам жизни Шевченко: «Народный поэт», «Детские годы», «Поиски искусства», «Неудачи», «Новая жизни», «Арест и ссылка», «Возвращение», «Последние годы».

Зошенко практически полностью повторяет стереотипную иерархию характеристик Шевченко, сформулированную Луначарским: «Шевченко стал выразителем духовной жизни народа. Но его поэзия не была только украинской поэзией. И не потому, что темы Шевченко не ограничивались пределами Украины, а потому, что его тема была близкой и необходимой темой для многих народов. Безжалостная эксплуатация человека, бесправие, насилие и гнет не являлись печальным достоянием одного украинского народа»¹³.

Кроме официального «жития» Шевченко, юбилей 1939 г. окончательно сформировал каноническую иконографию Кобзаря, воплотившуюся в ряде парадных портретов и памятников, воздвигнутых в юбилейный год — его зрительный образ как одной из ключевых фигур официального пантеона должен был легко узнаваться обществом на плакатах, марках, в школьных учебниках, на постаментах. В изображениях Шевченко сталинского периода закрепляется несколькими постоянными признаками — суровое выражение лица, нахмуренные брови, взгляд исподлобья, но, прежде всего, — пышные усы (как шутили скульпторы, специализировавшиеся на памятниках Шевченко, — «главное — усы в нужном месте прилепить»). К числу подобных изображений, созданных в юбилейный 1939 г., относятся, в частности, памятники работы скульптора М. Манизера на Тарасовой горе в Каневе и в парке напротив Киевского университета, ставшие местом культового почитания. Интересно, что тяжелое, сиротское детство героя получило достаточно слабое отражение в текстах и изображениях массовой культуры, если не считать картины И. Ижакевича «Шевченко-пастух» (1935 г.) и памятника в Звенигородском районе Черкасской области: оба эти изображения иллюстрируют строки из стихотворения «Мені тринадцятий минало, я пас ягнята за селом...». Однако это стихотворение было неизвестно русскоязычной части советского общества, поэтому в его сознании детский образ Шевченко (в отличие, например, от детского образа Пушкина или Ленина) не сложился, оставшись достоянием локального украинского узуса.

К 1964 г., когда на всесоюзном уровне праздновалось 150-летие со дня рождения Шевченко, окончательно были сформированы сакральные топосы, связанные с памятными местами жизни и смерти поэта (например, Тарасова гора в Каневе); сложился сценарий ритуальных акций в его честь (празднования юбилеев), а также расширен круг памятных знаков, приуроченных к этим акциям: публикации собраний

сочинений, название именем героя общественно важных объектов — парков, театров, университетов, теплоходов, городов. В частности, незадолго до юбилея 1964 г. его именем был назван город Акатау Мангышлакской обл. Казахской ССР.

Возвращаясь к проблеме конструирования официальной биографии Т. Г. Шевченко, отметим, что корпус значимой информации о Т. Г. Шевченко, отбравшийся для массового советского дискурса, не мог не учитывать скудный школьный объем знаний о поэте, включавший его краткую биографию и русский перевод «Завещания», предназначенный для заучивания наизусть — это был единственный текст Шевченко, знакомый всем, кто кончил советскую школу и поэтому имевший статус прецедентного, связанного в русском сознании с его образом. Строки из «Завещания» помещались на плакатах, памятниках Шевченко и на других значимых топосах, связанных с его культом.

Выражение «помянуть добрым, тихим словом», взятое из «Завещания», прочно вошло в русский узус в качестве фразеологизма, авторство которого для большинства носителей русского языка было прозрачным в советский период, но в настоящее время часто уже не осознается. Этот фразеологизм, помимо своего прямого значения, часто, особенно в разговорной и публицистической речи, употребляется иронически, в противоположном смысле: «помянуть недобрым словом, заочно отругать». Например, в газетном очерке о плохом состоянии дорог в Екатеринбурге говорится: «В объектив телекамеры попали заболоченные весенние улицы Екатеринбурга, светлые лица горожан, которые по этим улицам ежедневно идут на работу и вспоминают тихим, добрым словом главу города Аркадия Чернецкого» (пример из Национального корпуса русского языка)¹⁴.

Окончательный акт, переводивший фигуру Шевченко из разряда национальных деятелей в корпус фигур общесоюзного значения — появление его изображений на советских государственных знаках — почтовых марках, открытках, конвертах и юбилейных монетах. После появления первой марки с портретом Шевченко в юбилейном 1939 г., посвященные ему марки и открытки стали регулярно выпускаться не только к его юбилеям (целый ряд таких марок и открыток появился к юбилею 1964 г.), но и к значимым датам русско-украинской истории (см., например, марки 1954 г., выпущенные к 300-летию воссоединения Украины с Россией — на них были изображения памятников Шевченко

в Харькове и на его могиле в Каневе). При этом в 1964 г. к ста пятидесятилетнему юбилею Шевченко состоялось специальное гашение марки с его портретом. Выпуск юбилейного рубля с изображением Шевченко еще раз надежно вписывал автора «Кобзаря» в пантеон неприкасаемых фигур, наиболее значимых для советской идеологии — Маркса, Энгельса, Ленина, Горького, которым ранее посвящались юбилейные монеты.

¹ Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14–18–00590) «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование».

² Маяковский В. В. Стихотворения. Поэмы. Пьесы (Библиотека всемирной литературы. Т. 168) / В. В. Маяковский; ред. Ф. Пицкель. — М.: Художественная литература, 1969. — С. 168.

³ Леонтьева С. Г. Жизнеописание пионера-героя: текстовая традиция и ритуальный контекст/С. Г. Леонтьева // Современная российская мифология. — М.: РГГУ, 2005. — С. 89–123.

⁴ Добролюбов Н. А. Литературная критика /Н. А. Добролюбов; ред. М. Н. Бычков. — М.: ГИХЛ, 1961. — С. 99.

⁵ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13-и тт. Т. 12. Письма 1841–1848 / В. Г. Белинский; ред. С. А. Венгеров. — М.: АН СССР, 1956. — С. 441.

⁶ Кирилюк Е. П. Шевченко Тарас Григорьевич / Е. П. Кирилюк // Краткая литературная энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1975. — Т. 8. — С. 671.

⁷ Белинский В. Г. Указ. соч. — Т. 12. — С. 441.

⁸ Некрасов Н. А. Полное собрание стихотворений /Н. А. Некрасов; ред. К. И. Чуковский. — М.; Л.: Государственное издательство, 1929. — С. 430.

⁹ Некрасов Н. А. Там же. — С. 430.

¹⁰ Луначарский А. В. Статьи о литературе /А. В. Луначарский; ред. И. Сац. — М.: Гослитиздат, 1957. — 736 с.

¹¹ Зошенко М. М. Избранное / М. М. Зошенко; ред. В. Акимов, — Л.: Лениздат, 1981. — 718 с.

¹² Паустовский К. Г. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 4. Маленькие повести / К. Г. Паустовский. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. — С. 230–286.

¹³ Зошенко М. М. Указ. соч. — 718 с.

¹⁴ У Росселя появилось четыре преемника! — Самые крутые слухи недели [Электронный ресурс] // Новый регион 2, — 2008.03.31. — Режим доступа: <http://ruscogpora.ru/search-main.html>

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ СЕРИАЛ «МОЙ ШЕВЧЕНКО» В ПРЕПОДАВАНИИ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Приступающие к изучению украинского языка современные российские студенты, как правило, не имеют представления о творчестве Тараса Шевченко. Если в позднее советское время литература народов СССР (на территории РСФСР) входила в школьную программу в виде дополнительного чтения (за пределами изучения русской литературы) и ученики обычно читали «Заповіт» Шевченко, а в некоторых случаях учили его наизусть, то сейчас в списках такой литературы имя Шевченко отсутствует. Сами же студенты откровенно говорят о том, что у учителей не хватает времени и на основную программу, поэтому они знают лишь то небольшое количество писателей из рекомендованного списка по мировой литературе, произведения которых им удалось прочитать самостоятельно. Студенты из МГИМО—Университета, РГГУ, МГЛУ, обучавшиеся в средних школах в разных регионах России, на вопрос автора, когда они впервые услышали имя Шевченко, чаще всего отвечали, что в университете, а в последнее время преобладает ответ — в дискуссиях на телевидении.

В вузах современной России изучение украинской литературы как учебного курса входит в программу подготовки студентов-филологов. Такая подготовка была осуществлена в двух выпусках студентов в МГУ им. М. В. Ломоносова в 2004 и 2009 годах, в выпуске филологов в Санкт-Петербургском госуниверситете и в одном выпуске бакалавриата в Институте филологии и истории РГГУ.

Специалистов со знанием украинского языка как иностранного по преимуществу обучают по направлениям подготовки «Международные отношения», «Зарубежное регионоведение», «Международная журналистика», «Восточноевропейские исследования» и т.п. Спецификой подготовки по этим направлениям является изучение студентами нескольких иностранных языков в рамках программы «Практический курс иностранного языка». Такое обучение не предусматривает изучения литературы или культуры как отдельных учебных курсов. Предмет

«Практический курс украинского языка» включает в себя в большем или меньшем объеме отдельные темы из истории культуры в пределах лингвострановедческой подготовки в зависимости от того, является ли иностранный язык первым, вторым или третьим изучаемым языком¹.

В рамках так составленной программы курс по украинскому языку должен дать студенту возможность не только практически овладеть языком (в объеме, необходимом для осуществления профессиональной деятельности), но и предоставить максимум экстралингвистических знаний, без которых такая деятельность невозможна. И здесь существенную роль играют такие элементы обучения, как художественные тексты, над которыми работают студенты, а также домашнее чтение как вид учебной работы.

В подготовленных автором учебниках по украинскому языку² наряду с произведениями украинской классики и современной литературы представлены и тексты Т. Шевченко. В «Вводно-фонетическом курсе» это стихотворения «Тече вода з-під явора...» и «Садок вишневий коло хати...» (в качестве фонетических упражнений для обучения произношения шипящих звуков и мягких глухих). А в «Основном курсе» учебника это — «Якби ви знали паничі...» и «Доля», приведенные после биографии Шевченко. Биография поэта, с одной стороны, тематически связана со всеми учебными текстами, где герой учебника — московский студент — представлен в разных бытовых ситуациях и путешествиях по Украине; а с другой — с грамматическими темами «Числительное» и «Выражение форм времени». Записи произведений Шевченко в мультимедийном комплексе (хранящиеся на электронных ресурсах МГИМО) облегчают процесс работы над ними³.

Краткое изучение биографии Шевченко и стихотворения, с которыми знакомятся студенты, создают основу для качественно другого подхода к изучению творчества поэта. И здесь существенную помощь могут оказать современные мультимедийные технологии⁴. Они используются автором для работы над биографией Шевченко в рамках спецкурса по документальному сериалу «Мой Шевченко», снятому режиссером Ю. Макаровым и авторским коллективом украинского ТВ-канала «1+1» в 2001 году. Разработанный спецкурс рассчитан на студентов, которые находятся на уровне В1–В2 в Шкале Совета Европы, т.е. овладели основами грамматики украинского языка и лексическим минимумом, достаточным для восприятия аудио — и видеотекстов.

Четыре серии фильма, продолжительностью около получаса каждая, являются авторским изложением биографии и творчества поэта, основанном на использовании ранее неизвестных фактов из его жизни и преодолении стереотипов в восприятии его творчества. Документальный сериал дает возможность побывать во всех местах, связанных с Шевченко: Киевская губерния, Вильнюс, Петербург, Киев, Казахстан, Сибирь. Действие одновременно как бы разворачивается в двух временных срезах — в XIX и в начале XXI века. Повествование сопровождается максимально возможной демонстрацией рукописей, прижизненных изданий и живописных произведений Шевченко, а также отрывками из художественного фильма «Шевченко» («Мосфильм», 1951 г.) с С. Бондарчуком в главной роли.

Ю. Макаров в сериале выступает не только в роли рассказчика и исследователя, но и в качестве своего рода «экранного собеседника», поскольку постоянно размышляет над главным вопросом: что побуждало крепостного мальчика из малороссийской глубинки тянуться к знаниям и почему так, а не иначе сложилась его судьба? Автор высказывает разные точки зрения, часто дает собственную интерпретацию событий, иногда оставляет вопросы без ответов, тем самым вовлекая зрителей в процесс исследования биографии Шевченко. Эти мысли рассказчика — нашего современника, сопровождающиеся его поездками по шевченковским местам, создают у студентов иллюзию участия в самом процессе путешествия («Мы как будто сами там побывали»). И если над первой серией в мультимедийном классе группа работает длительное время (поначалу преподаватель останавливает рассказ после каждой фразы, проводит ее детальный лексический и грамматический анализ), то в дальнейшем студенты самостоятельно выполняют разные виды заданий в мультимедийном зале или дома.

При постепенном усложнении работы студенты получают навыки устного последовательного перевода. Также они начинают различать и некоторые явления, связанные с изменением литературных норм в украинском языке. Так, на материале творчества Шевченко учащиеся могут дать ответ на вопрос, какая литературная норма является правильной: «в Украине» или «на Украине», параллельно привлекая к работе произведения русских классиков (прежде всего, современников Т. Шевченко, например, А. Пушкина). Также, если позволяет время, возможен вид работы, связанный с анализом переводов произведений Шевченко на русский язык. Этот аспект наглядно очер-

чивает круг проблем, возникающих в процессе перевода на близкородственный язык, в частности, проблему межъязыковой омонимии в семантике (классический «шевченковский» пример — перевод строки «Пішла луна гаєм»).

Другой вид заданий основан на анализе творчества поэта. Здесь, по ходу сюжета фильма, студенты читают те произведения, о которых идет речь, а также обращают внимание на основные черты поэзии Шевченко. Из нескольких видов заданий можно выбрать те, которые представляются актуальными в настоящее время. Например, студенты могут прочитать поэмы «Катерина» и «Москалева криниця» и самостоятельно ответить на вопрос: какое значение в первой половине XIX века и в творчестве Шевченко имела лексема «москаль».

Интерпретация биографии Шевченко, представленная в фильме и дополненная анализом и самостоятельным чтением студентов, позволяет им не только расширить знания по украинскому языку и литературе, но и почувствовать культурный и исторический контекст того времени, специфику российско-украинских контактов в XIX веке и их влияние на современное состояние международных российско-украинских отношений. В процессе работы над спецкурсом и по его окончании студенты обычно отмечают, что главным итогом их работы стало понимание того, насколько значительной личностью был Тарас Шевченко и как тесно он был связан со своим народом. Также они дают оценку самому документальному сериалу, подчеркивая тот факт, что авторы сумели вписать судьбу поэта в мировую историю и художественный процесс XIX века. Важным итогом работы над спецкурсом является желание студентов прочитать другие произведения Шевченко не только в пределах домашнего чтения, но и в каникулярное время, а также их возросший интерес к другим авторам и явлениям украинской культуры.

¹ Методические принципы работы по программе «Украинский язык как иностранный» изложены автором в статье: Лісна Г. М. Українська мова як іноземна в Росії: до проблеми концепції викладання / Г. М. Лесная // Матеріали V Міжнародного конгресу українців. Чернівці, 24–28 серпня 2002 р. Мовознавство: Збірник наукових статей. — Чернівці: Рута, 2003. — С. 130–134.

² Лесная Г. М. Учебник украинского языка. Уровень А1. — М.: МГИМО—Университет, 2010; Лесная Г. М. Украинский язык для стран СНГ: Учебник. — М.: РГГУ, 2010.

³ См.: Публикации МГИМО и преподавателей МГИМО / Моск. гос. ин-т межд. отношений (ун-т) МИД России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/publications/?id=141522>

⁴ См. об этом: Лесная Г. М. Новые технологии в преподавании украинского языка как языка профессии // Інноваційні технології в процесі викладання іноземної мови професійного спрямування: Збірник статей та тез V Міжнародної науково-практичної конференції, Київ, Дипломатична академія України при МЗС України, 23 травня 2012 р. Київ: Видавничий дім «ДЕМІД», 2012. — С. 30–38.

Е. В. Байдалова

«ШЕВЧЕНКОВСКИЙ ТЕКСТ» В РОМАНЕ В. К. ВИННИЧЕНКО «ХОЧУ!»

Тарас Григорьевич Шевченко. Собиратель украинского этноса, пророк, символ исторической судьбы, национальный гений, апостол, моральный авторитет, отец нации — вот те немногие, но наиболее значимые дефиниции этого уникального поэта и художника в пространстве украинской культуры, которая как будто «всепроникаема» для Шевченко. Литература, музыка, художественное творчество, массовая культура пронизаны творчеством и личностью украинского гения. Личностью, конечно же, не столько реально-исторической, сколько мифологизированной народно-патриотическим канонам (сначала революционно-демократическим, впоследствии — национальным)¹.

О зарождающейся мифологизации личности Шевченко писал еще Михаил Драгоманов в своей известной работе «Шевченко, украинофилы и социалисты» (1879) меньше чем через двадцать лет со дня смерти поэта: «Шевченко — нигилист и социалист. Шевченко — Христос и Белиал. Шевченко для посвященных и непосвященных. Так всегда с пророками»². К началу двадцатого века почитание Шевченко стало уже сложившимся культом, однако встретило попытку сопротивления внутри самой культуры. Одними из наиболее активных борцов с усердно пропагандируемым культом Шевченко стали украинские футуристы. Так, Михайль Семенко накануне столетнего юбилея Шевченко в предисловии к своей книге стихов написал всем известные слова о том, что «где есть культ, там нет искусства», что от «Кобзаря» пахнет салом и дегтем, место Шевченко в записках научных обществ, а лично он «сжигает свой “Кобзарь”»³. Интересно, что через сто лет молодые поэты к столетию футуризма 5 марта этого года организовали вечер «Ремонт Шевченко», на котором пытались определить самое авангардное стихотворение поэта⁴.

Еще один украинский футурист Гео Шкурупый при создании романа о жизни великого поэта сосредоточился на тех моментах биографии, которые не принято было освещать и которые не вписывались в идеологически конструируемый биографический канон: на личной жизни поэта. (Роман полностью не сохранился, но несколько глав из него под

названием «Повесть про горькую любовь» были напечатаны в журнале «Жизнь и революция».) Переосмыслить роль Шевченко в украинской культуре пытались писатели, стоящие и на других эстетических платформах. Так, главный герой романа Николая Хвильевого «Вальдшнепы» Дмитрий Карамазов заявлял, что «с Тарасами Шевченками он ничего не имеет общего», украинскую мешанскую психику называл «закобзаренной психикой», а также настаивал на негативной роли поэта в формировании украинской национальной идентичности и, главное, государственности. В комический контекст помещал хрестоматийные строчки из стихотворений Шевченко и Николай Кулиш. Так, в пьесе 1926 года «Зона» (в 1929 г. переделана в пьесу «Закут») бывший офицер Кухман говорит целыми фразами из Шевченко: «Учітеся, брати мої» — это про танцы, «У землячка хрці над вишнями гудуть» — про крестьянина, которого напоили в обществе партийных работников.

Вслед за широким распространением идей Зигмунда Фрейда, в десятилетия XX столетия возникает интерес к психоанализу и в украинском литературоведении. Именно тогда появляются первые работы, использующие психоаналитический метод для изучения художественного творчества. Наиболее известные посвящены именно жизни и творчеству Шевченко. Это исследования Степана Балея (одного из основателей психоанализа на Украине) «Из психологии творчества Шевченко» (1916) и представителя одесской группы психоаналитиков А. Халецкого «Психоанализ личности и творчества Шевченко» (1926).

В контексте всех этих попыток переосмыслить роль и значение Шевченко, стереть с его образа и поэзии «хрестоматийный глянец» появляется роман Винниченко, о котором пойдет речь. Некоторые из этих попыток были раньше, чем написан роман Винниченко, другие позже, но главное, что внутри украинской культуры созревало сопротивление созданию культа Шевченко, тому, что цитаты из него употребляются к месту и не к месту, становятся клише, за которым уже невозможно почувствовать живое поэтическое слово.

Владимир Кириллович Винниченко (1880–1951) был одной из наиболее ярких фигур в литературной жизни Украины начала XX в. и, пожалуй, самым популярным украинским писателем того времени. Романы Винниченко 1910-х г. принято называть «ранними». В его творчестве они занимают особое место. В это время писатель постепенно отказывается от малой прозы, с которой он с успехом вошел в украинскую литературу в начале века, и сосредотачивает свое вни-

мание на драматургии и крупной прозе, однако именно жанр романа позволяет автору более свободно воплотить в художественном виде свою находящуюся в стадии формирования идейно-философскую концепцию устройства мира и «переустройства» человека, в которой социальные, национальные и морально-этические начала неразрывно связаны. Существенно и то, что именно в процессе создания романов эта концепция была окончательно сформирована. С 1911 по 1917 г. им было написано семь романов, затем писатель полностью посвятил себя политике и до вынужденной эмиграции в 1920-х гг. не занимался художественным творчеством. Не все эти произведения равноценны с художественной точки зрения, однако исследование истории их создания и поэтики представляется крайне важным для осмысления как социально-философских воззрений писателя, так и эволюции жанра романа в его творчестве, приведшей к созданию им первого украинского философского фантастического романа-антиутопии «Солнечная машина» (1924), а в поздний период — социально-политических романов-трактатов (в 1930—1950 гг.). Новаторские, во многом провокационные романы Винниченко 1910-х г. отличают экспериментальность, глубокий психологизм, основанный, как правило, на жизненных парадоксах и противоречиях, поиск нового героя и новых не традиционных для украинской литературы художественных средств.

Три романа раннего периода составляют особую группу. Это диалогия «По местам!» (1913) и «Божки» (1914), а также роман «Хочу!» (1915). В диалогии, как и в других своих произведениях, Винниченко высмеивает показной украинский патриотизм тех, кто спекулирует на национальном вопросе: многие герои часто и бурно обсуждают «українську справу», но главный герой (Вадим Стельмашенко) всегда остается в стороне от этих вопросов: он просто живет на украинской земле, он украинец и украинский поэт, и в итоге он оказывается среди тех, кто не говорит, но делает.

Появление романа «Хочу!» в 1915-м году во многом связано с разнонаправленными дискуссиями 1913—1914 гг. по национальному вопросу. Точку зрения, с которой солидаризировался Винниченко, высказал Левко Юркевич в журнале «Дзвін» (одним из основателей которого был и Владимир Кириллович). Юркевич писал, что, хоть русские марксисты и признают «необходимость бороться против национальных притеснений, но вместе с тем сами являются участниками этих притеснений, когда выступают против национальных форм рабочего дви-

жения подневольных народов»⁵. Ряд исследователей считает⁶, что роман «Хочу!» написан как ответ на драму Леси Украинки «Оргия» (1913), в которой поэтесса в аллегорической форме выступила с критикой тех представителей творческой элиты, которые трудятся на ниве не своей национальной культуры, а культуры господствующей. Причем, как написал в своих воспоминаниях муж Л. Украинки Климентий Квитка, «происхождение этой вещи имело непосредственную связь с поведением Винниченко»⁷. По-видимому, речь шла о намерении Винниченко, огорченного нелестными рецензиями в украинской прессе и скромными гонорарами на родине, начать писать по-русски и тем самым перейти в русскую литературу, где его уже ждали контракты на издание новых драм и романов.

Главный герой романа «Хочу» с говорящей фамилией Халепа (укр. неприятность, беда, напасть) — русский поэт среднего уровня, но украинец по происхождению, разочаровавшись в жизни и не видя больше в ней смысла, в начале романа неудачно стреляется, однако остается жив. За раненым в гостинице, где он пытался расквитаться с жизнью, начинают ухаживать соседи-украинцы (отец и дочь), открывают ему глаза на его принадлежность к старинному казачьему роду и, заразив его идеей возрождения 35-миллионного народа, уезжают домой. Через какое-то время в их украинский город приезжает теперь уже начинающий украинский поэт Андрей Халепа с идеей стать настоящим украинцем и преобразовать окружающую действительность в справедливое устройство общества с помощью предприятий «свободного труда». За сердце поэта одновременно сражаются две женщины: настоящая красавица-украинка, привлекающая Халепу своим богатым внутренним миром, и роковая русская красавица из его прошлой богемной жизни, крайне физически соблазнительная для героя. Несмотря на то, что в романе многие события национального «возрождения» героя изображены проникновенно, с тонким лиризмом (особенно те моменты, когда поэт слушает украинские народные песни в исполнении семьи Сосненко), он вполне иронично изображен как типичный неофит, планы которого обречены на неудачу. По-украински Андрей говорит с трудом, тщательно подбирая слова и делая ошибки, предприятия «свободного труда» не создаются, потому что на их создание нет средств, и даже избавиться от соблазнения роковой красавицей не помогают ни гипноз, ни медитация — лишь бегство спасает поэта. Финал романа открыт: начинается Первая ми-

ровая война, Халепа мобилизован в армию, вопрос о его дальнейшей судьбе остается неясен. Интересно отметить, что такое откровенно игровое, пародийное содержание романа является исключительным для всей романистики Винниченко.

«Шевченковский текст» в романе и вписывается, и не вписывается в иронический дискурс романа. Связан он, безусловно, с темой национального возрождения главного героя. В романе существуют три типа такого текста. Первый тип — это аллюзии на поэзию Шевченко. Как правило, это воспоминания об Оксане, простой крестьянской девочке-девушке, как первой любви, или вишневом садике и вообще вишневых деревьях — все это возникает в сознании Андрея Халепы как воспоминания прошлого, которые как раз подталкивают его к осознанию собственной национальной идентичности: «Со дна памяти встали забытые, заваленные мусором прежней жизни картины отцовского хутора, солнечных, пахнущих вишневым листом дней, первой моей любви к сероокой, скромной Оксане и много всего другого»⁸. Таким образом, в этом контексте «шевченковским» текст оказывается уже как бы записанным в подсознании героя.

Второй тип — это прямые цитаты из стихотворений Шевченко. Практически все из них, кроме одной, вложены в уста активного деятеля национального возрождения Андрея Степановича Сосненко, персонажа, который вызывает у читателя симпатию, но, вместе с тем, показанного как фанатика, вся жизнь которого сосредоточилась лишь на одной национальной идее. В этом случае строчки из стихотворений Шевченко становятся готовыми речевыми формулами, для понимания и употребления которых не надо знать всего текста стихотворения Шевченко.

Цитаты могут быть обозначены самим персонажем, как цитаты из Шевченко: «Славних праддів правнук поганій», как сказал, когда-то наш про таких правнуков наш Шевченко»⁹, «на нашей, не своей земле, как выразился незабвенный Великий Кобзарь»¹⁰, — или употреблены как прецедентный текст. Так, например, в одну из своих самых страстных речей Сосненко включает слова Шевченко без указания на авторство: «Придет время и всех вас народ заставит ответить. Да, да, предатели, народопродавцы, заставит! Не вас, так детей ваших, так внуков ваших. Кровь отомстит! Не удастся вам убить голос крови. Нет, не удастся, заговорит он. Заставит он вас самих себя спросить: «Чиїх батьків, чиї ми діти?» Заставит, малороссы вы, паршивцы, безотцовщина!»¹¹ Ко-

мический эффект этой сцены заключается в том, что на эту речь находящегося в аффекте Сосненко Андрей Халепа, чтобы его как-то успокоить, мямлит, что он ничего такого не имел ввиду, что если и есть его вина в чем-то, то целиком не сознательная, тем более, что малороссы и русские, собственно говоря, это один народ... После чего наставляющий Халепу в национальном вопросе и в другое время спокойный и обходительный Сосненко чуть ли не хватается его за горло, чтобы задушить и заставить замолчать.

Совершенно особое место в романе занимает эпизод, когда Андрей Халепа читает томик стихов Шевченко. Если в начале эпизода в описании героя преобладает ирония, когда он, еще не читая, кладет томик себе на грудь и замирает в мистическом ожидании чуда, то по мере чтения стихов меняется и сам Халепа, и тон, которым он описывается: «Сначала чтение не шло: как-то странно были напечатаны слова, совсем не так, как он помнил их с детства. Наконец он понял, что правописание чем-то отличается от русского, что некоторые буквы, очевидно, нужно было произносить не так, как они произносятся по-русски. Дело сдвинулось с мертвой точки, и через какое-то время он уже не замечал ни букв, ни слов, ни времени, ни пространства. Он часто, не замечая боли, крутил, как раньше, шеей, будто освобождаясь от чего-то; нервно проводил рукой по стулу, не отрывая глаз от книжки, в поисках сигарет; нетерпеливо закуривал и хватался снова за книжку»¹². А вскоре до того потерявший смысл жизни Халепа начнет «счастливо улыбаться». Оказывается, что решительный шаг в сторону приближения к своей украинской национальной идентичности главный герой делает не под влиянием пылких речей Сосненко и непонятных ему цитат из Шевченко, а под влиянием настоящей поэзии, с которой он знакомится сам, без посредников.

Таким образом, несмотря на то, что в целом в этом романе иронически изображена возможность быстрого искусственного возрождения национального самосознания личности, реальная возможность такого возрождения строится не на том мифологизированном, агитационном, заидеологизированном, разобранном на цитаты Шевченко, а на непосредственном творческом восприятии его поэзии.

¹ Подробнее о мифологизации Шевченко см. в работах: Грабович Г. Шевченко, якого не знаємо / Г. Грабович. — Київ, 2000; Забужко О. Шевченків миф України. Спроба філософського аналізу / О. Забужко. — Київ, 2001.

- ² Драгоманов М. П. Літературно-публіцистичні праці. У 2 т. / М. П. Драгоманов. — Київ, 1970. — Т. 2. — С. 7.
- ³ Ільницький О. Український футуризм. 1914–1930 / О. Ільницький. — Львів, 2003. — С. 28.
- ⁴ Українська правда. Історична правда. 16 апреля 2014 г. Электронный ресурс — Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/77/152/9891-5.php>
- ⁵ Юркевич Л. Російські марксистичні і український робітничий рух // Дзвін. — 1913. — № 7–8. — С. 85.
- ⁶ См., например: Бабишкін О. Драматургія Лесі Українки / О. Бабишкін. — К., 1963. — С. 322–323; Панченко В. «Я не буду загрозувати переходом в чужу літературу...» (Загадка генези драматичної поеми Лесі Українки «Оргія») / В. Панченко // Дзеркало. Драматична поема Лесі Українки «Оргія» і роман Володимира Винниченка «Хочу!»; упор. В. Панченко. — Київ, 2002. — С. 5–19; Хархун В. «Задзеркалля» модерністської літератури, або Текстуальний діалог Лесі Українки з Володимиром Винниченком / В. Хархун // Слово і час. — 2003. — № 5. — С. 85–87.
- ⁷ Квітка К. На роковини смерті Лесі Українки / К. Квітка // Спогади про Лесю Українку. — К., 1963. — С. 234.
- ⁸ Винниченко В. Хочу! / В. Винниченко // Дзеркало. Драматична поема Лесі Українки «Оргія» і роман Володимира Винниченка «Хочу!»; упор. В. Панченко. — Київ, 2002. — С. 113. Здесь и далее текст романа цитируется в переводе автора статьи.
- ⁹ Там же. — С. 132.
- ¹⁰ Там же. — С. 188.
- ¹¹ Там же. — С. 129.
- ¹² Там же. — С. 148.

М. Ч. Ларионова

Т. ШЕВЧЕНКО И А. ЧЕХОВ: ОБЩНОСТЬ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

А. П. Чехов родился и вырос в Таганроге, который до 1888 года входил в состав Екатеринославской губернии. Но и позже, в Москве, Чехов долго произносил фрикативное «г» и с трудом избавлялся от украинизмов в речи. Культурные стереотипы, заложенные в детстве, проявляются во всем творчестве писателя, вплоть до последней пьесы «Вишневый сад» со специфически южной символикой вишни. Чехов знал украинский язык и украинскую литературу, в том числе творчество Т. Г. Шевченко. Известно, что еще гимназистом он принимал участие в любительском спектакле по пьесе И. П. Котляревского «Москаль-чарівник». О дружбе его с сумским семейством Линтваревых написано много и русскими, и украинскими учеными. Письмо И. А. Белоусову, переводчику Т. Шевченко, от 3 августа 1887 г., в котором Чехов высоко отзывается и об оригинале, и о переводах, свидетельствует о его знании поэзии Шевченко. А 29 сентября 1894 г. Чехов в письме к Н. М. Линтваревой, которую он называл «страстной хохломанкой», в том числе и за любовь к Шевченко, с радостью рассказывал, что был во Львове (Лемберге) и купил двухтомник Шевченко.

Вряд ли можно говорить о прямой преемственности «Шевченко — Чехов», но нужно помнить, что они оба представляют одну этнокультурную традицию — малороссийскую. Понимание роли местного контекста и колорита многое проясняет в произведениях Чехова, в частности, позволяет поставить вопрос о типологическом сближении этих писателей. В этом случае сюжеты, мотивы, персонажи Шевченко и Чехова оказываются структурно-семантическими вариантами некоего локального традиционного инварианта. Это особенно ярко проявляется при сопоставлении поэмы Шевченко «Ведьма» и рассказа Чехова с тем же названием, символического образа «вишневый сад» Чехова и вишневых садов Шевченко и, наконец, загадочного образа одинокого тополя в чеховской «Степи» и поэмы Шевченко «Тополя».

Рассказ Чехова «Ведьма» уже самим названием отсылает к литературным предшественникам, в первую очередь — к Гоголю и Шевченко. Но если с «Ночью перед Рождеством» и «Вием» рассказ Чехова сближа-

ет мотивно-образное родство, то с поэмой Шевченко «Ведьма» — главным образом то, что героини обоих писателей становятся ведьмами, как позже скажет булгаковская Маргарита, «от горя и бедствий, поразивших меня»¹.

Связь творчества Шевченко с украинским фольклором давно признана всеми исследователями². Однако следует заметить, что далеко не всякий фольклорный материал становился объектом его поэтической рефлексии. Ведьмы, пожалуй, самые популярные фольклорные персонажи на Украине. По общему мнению, все ведьмы родом из-под Киева. Еще В. И. Даль утверждал: «ведьмы известны всякому, хотя водятся собственно на Украине»³. Даже северорусские крестьяне полагали, что «местные ведьмы получают свое знание от ведьм киевских, “что на Лысой горе”, а затем “передают друг дружке”»⁴.

Украинские ведьмы обычно молоды и красивы, хотя могут быть и страшными старухами, которые умеют превращаться в красавиц. Они обладают властью над стихиями, наводят приворот. Они меньше склонны к злодейству, чем, например, северные ведьмы, во всяком случае, вредительство не было изначально их формой поведения⁵. И наконец, представления о южных ведьмах, в силу их молодости и привлекательности, включают в себя мотивы телесности и соблазна.

Ведьмы в народных представлениях бывают природные (врожденные) и ученые. Природные ведьмы рождены от демонических существ. Ведьмы ученые приобретают сверхъестественные способности в течение жизни. Одним из способов приобретения силы является брак или сожительство с чертом.

Поэма Шевченко не содержит никакой фантастики. Его ведьма — не колдунья, она жертва социальной несправедливости. Поэт сознательно лишает свою героиню сверхъестественных черт. Суеверные цыгане принимают ее за Мару — призрак, злой дух, сбивающий людей с пути, который, как известно, появляется неожиданно, имеет ужасный облик, в частности — длинные спутанные волосы:

Бо тут все степ... Мара! Мара! —

Цигане крикнули, схопились.

А перед ними опинилось

Те, що співало...

Жаль і страх!

В свитині латаній дрожала,

А на руках і на ногах

Од стужі кров повиступала,
І довгі коси в реп'яхах!..⁶

Однако история женщины страшная и одновременно типичная для сюжетики Шевченко: она стала наложницей пана, родила ему детей, но, когда состарилась, пан взял в наложницы собственную дочь, которую тоже бросил; похожая судьба постигла и сына. Собственно, ведьмой героиня поэмы так и не стала — она стала травницей, лекаркой. Неслучайно первоначальное название поэмы — «Осина», а осина в народных представлениях — нечистое, проклятое дерево. Иначе говоря, осина становится метафорой проклятой, несчастной женской судьбы.

Именно эту линию, вольно или невольно, продолжает Чехов. Героиня его рассказа тоже не сверхъестественное существо, а несчастная женщина, отданная замуж за не любимого и очень не симпатичного человека. Муж Раисы Ниловны Ѓкин обладает отчетливо демоническими признаками: волосатое, рябое лицо, рыжие, жесткие волосы, грязные ноги с кривыми, черными ногтями, бессмысленная звукоподражательная фамилия. Он приписывает жене способности к любовной магии. Но «магия» Раисы не вредоносная. Она действительно мечтает о любви: «Несчастливая я! — зарыдала дьячиха. — Коли б не ты, я, может, за купца бы вышла или за благородного какого! Коли б не ты, я бы теперь мужа любила! Не замело тебя снегом, не замерз ты там на большой дороге, ирод!»⁷. Казалось бы, обычная история. Однако Чехов возвращается к этому сюжету и придает ему новый облик. И эта новизна проступает особенно ярко при включении рассказа в этнокультурный контекст, в пространство, где на равных сосуществуют фольклорные и литературные ведьмы.

Одним из самых ярких и сложных символических образов в русской литературе является чеховский Вишневый сад. Многие критики и читатели восприняли вишневый сад буквально, как материальный объект. И. Бунин, не принявший пьесы и ее поэтики, возмущался именно образом вишневого сада: по его мнению, сплошь вишневых садов в России нет. Между тем на юге России и на Украине вишневые сады — довольно распространенное явление. Но дело даже не в этом. «Вишневый» — это не просто определение, это оценочный эпитет, как «синий» применительно к морю (вспомним у Пушкина: «почернело синее море» или в известной советской песне: «самое синее в мире Черное море мое»). Вишневый — значит, идеальный, «из того же ряда, что и эпитеты золотой, серебряный, жемчужный»⁸.

Поэтому вишневые сады часто встречаются в украинских песнях и в стихотворениях Шевченко, где этот образ имеет богатую символику. Так, вишневый сад у Шевченко является метонимической заменой дома, тем более, что это стихотворение написано в Оренбурге:

Садок вишневий коло хати,
Хруші над вишнями гудуть.
Плугатарі з плугами йдуть,
Співають, ідучи, дівчата,
А матері вечерять ждуть⁹.

А вишня связана с брачными или любовными мотивами. Катерина в одноименной поэме Шевченко дождалась «молодого москаля» в «вишнике»¹⁰. Вишня символизирует девичество. Ягода — это повсеместное заменное наименование невесты, но в центральнорусском и северном фольклоре символом девичества стала калина, а в южном — вишня. Неслучайно в песнях сокол-жених похищает канаречку-невесту в вишневом саду. А сваты требуют в качестве приданого зелен сад со вишеньем. В народной украинской песне девушка, соблазненная возлюбленным, приходит домой с расплетенной косой (символ утраченного девичества) и обещает матери: більше я в тому саду гулять с козаком не буду. В фольклоре сад часто связан с погубленным девичеством или браком. До наших дней на Украине и на юге России сохранился обычай вставлять цветущую вишневую ветку в свадебный каравай.

В чеховскую пьесу образ вишневого сада привносит мотивы жизни и смерти, соблазна и грехопадения, утраты рая и дома. Эпизод уничтожения сада в финале явно имеет символическое значение. В русско-украинском пограничье до наших дней сохранился обычай «пугать» плодовое дерево, переставшее плодоносить: на дерево замахиваются топором, после чего оно снова должно давать плоды. Таким образом, вырубка сада имеет одновременно убийственное и продуцирующее значение. Чеховский Вишневый сад означает круговорот жизни, смерть, искушение, утрату невинности (не с эротической, а с общечеловеческой точки зрения), потерю рая, но и воскресение, возобновление, обретение в историческом и трансцендентном смысле.

Есть в произведениях Чехова образы, адекватно понять которые можно только в этнокультурном контексте. И здесь «помощь» Шевченко неопенима. Речь идет об одиноком тополе и его художественной роли в повести «Степь». Тополь, по общему мнению всех исследова-

телей повести¹¹, приобретает символическое значение: он выражает идею одиночества Егорушки. Но почему именно тополь символизирует одиночество? С естественнонаучной точки зрения, это объясняется тем, что тополя действительно обычно растут поодиночке, если они не высажены специально. Но в народной символике, в Полесье и на Украине, тополь имеет негативные коннотации, как и осина. Его не сажали вблизи жилья, ибо он, по поверьям, причиняет вред людям. Тополь, растущий вдали от жилых территорий, считался местом обитания душ мертвых¹². Тополь маркирует страшное, «чужое» для Егорушки пространство степи. Но смысл этого образа глубже и многослойнее. Тополь представляется Егорушке андрогинным существом. Сначала его называют «он», «красавец», но позже он ассоциируется с графиней Драницкой: «Прежде чем Егорушка успел разглядеть ее черты, ему почему-то пришел на память тот одинокий, стройный тополь, который он видел днем на холме»¹³. Эта «перемена пола» дерева, странная в тексте повести, находит объяснение в мифоритуальной традиции. Во-первых, графиню мальчик видит в степи, в чужом доме и ночью, то есть в «перевернутом» времени и пространстве, во-вторых, женская фигура с прорастающими из рук деревьями — апотропейный символ народного искусства: вышивки и деревянной резьбы. Тополь — охранитель границы обжитого пространства, неслучайно вокруг него растет пшеница. Это аналог фитоморфного или антропоморфного пограничного столба. До наших дней устанавливают такие деревянные столбы.

Тополь воспринимается то как мужской, то как женский символ. Его пирамидальная форма ассоциируется с мужским началом. Но в украинском фольклоре в «тополину» превращается проклятая свекровью невестка. У нас нет сомнения, что чеховский образ одинокого тополя связан с балладой Шевченко «Топбля». Примечательно, что Чехов в разных произведениях и письмах часто использует диалектную грамматическую форму множественного числа: «тополи», а не «тополя», от малороссийского «топбля» (ж. р., ед. ч.). В русском переводе название баллады — «Тополь». Это простое и объяснимое с точки зрения русского языка изменение совершенно лишает смысла произведение Шевченко. Становится непонятно, почему тополь вызывает грусть у всех, кто его видит, и как одиночество тополя соотносится с трагической судьбой девушки, которая потеряла возлюбленного и которую силой отдадут замуж за старого и богатого. Этот сюжет неожиданно

проецируется на судьбу графини Драницкой, которую чеховский Егорушка встречает на постоялом дворе в степи. Графиня представляется мальчику в каком-то фантастическом ореоле. Егорушке известно о ней только то, что говорят взрослые: она богата и гостеприимна, но купец Варламов обирает ее, выступая посредником в торговле шерстью. Однако читатель подмечает другие детали — черное платье красивой графини. Сюжет баллады Шевченко «Топ ля» становится своего рода комментарием к трагической судьбе молодой женщины, выданной замуж за богатого старика и рано овдовевшей. Отсюда и ее непрактичность, и тяга к балам и веселью, к тому, что она недополучила в семейной жизни. Отсюда и ассоциация графини с одиноким тополем, увиденным в степи.

Приведенные примеры показывают общность этнокультурной почвы, на которой сформировались оба писателя. И даже оторвавшись по разным причинам от этой почвы, они на всю жизнь сохранили память о ней в своих произведениях¹⁴.

¹ Булгаков М. А. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 7. Мастер и Маргарита / М. А. Булгаков. — М.: АСТ: Астрель, 2007. — С. 280.

² См., например: Белецкий О. И. Тарас Шевченко / О. И. Белецкий. — К.: АН УССР, 1961. — 583 с.; Грабович Г. Поет як міфотворець: Семантика символів у творчості Тараса Шевченка / Г. Грабович. — К.: Часопис «Критика», 1998. — 206 с.; Росовецький С. Тарас Шевченко і фольклор / С. Росовецький. — К.: ВГЦ, центр «Київський університет», 2011. — 415 с. и др.

³ Даль В. И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа / В. И. Даль. — СПб: Литера, 1994. — С. 56.

⁴ Власова М. Русские суеверия / М. Власова. — СПб.: Азбука, 1998. — С. 61.

⁵ Криничная Н. А. Русская мифология: мир образов фольклора / Н. А. Криничная. — М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004. — С. 440.

⁶ Шевченко Т. Зібрання творів. У 6 т. Т. 1 / Т. Г. Шевченко. — К., 2003. — С. 380 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://litopys.org.ua/shevchenko/shev103.htm>

⁷ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 4 / А. П. Чехов. — М.: Наука, 1976. — С. 385.

⁸ Медриш Д. Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. — Саратов, Изд-во Саратовского ун-та, 1980. — С. 230.

⁹ Шевченко Т. Указ. соч. — Т. 2. — С. 18.

¹⁰ Шевченко Т. Указ. соч. — Т. 1. — С. 96.

¹¹ См., например: Громов Л. П. Этюды о Чехове / Л. П. Громов. — Ростов-н/Д: Ростовское областное книгоиздательство, 1951. — 121 с.; Чудаков А. П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение / А. П. Чудаков. — М.: Советский писатель, 1986. — 384 с. Громов М. П. Книга о Чехове / М. П. Гроомов. — М.: Современник, 1989. — 384 с.; Сухих И. Н. Проблемы поэтики Чехова / И. Н. Сухих. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. — 491 с. и др.

¹² Агапкина Т. А. Тополь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 5. — М.: Международные отношения, 2012. — С. 283–284.

¹³ Чехов А. П. Указ. соч. — Т. 7. — М.: Наука, 1977. — С. 42.

¹⁴ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФ. Проект 14–18–01442 «Украинский кризис и проблемы социально-экономической интеграции в Азовско-Черноморском регионе».

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ШЕВЧЕНКИАНА

В мире существуют сотни переводов произведений Шевченко на многие языки. Англоязычная Шевченкиана представила творчество Кобзаря для мирового читателя наиболее полно. Причины этого и в распространенности языка, и в большой англоязычной украинской диаспоре. На сегодняшний день, на английский язык переведены почти все поэтические произведения — кроме поэмы “Слепая” и некоторых стихотворений. В 1964 году к 150-летию со дня рождения поэта был опубликован полный перевод «Кобзаря» (автор поэтических переводов В. Киркконел, подстрочный перевод выполнил К. Г. Андрусишин)¹.

В 1868 году лингвист А. О. Гончаренко впервые представил творчество Шевченко английской публике, опубликовав отрывки из произведений поэта под названием «Интересные мысли поэта Тараса Шевченко» в «Вестнике Аляски» (“The Alaska Herald”)².

Англоязычная же Шевченкиана начинает свой отсчет с 1897, когда Френсис-Петрик Марчант издал свои переводы поэм «Іван Підкова», «Тарасова ніч», стихотворений «Минають дні, минають ночі...», «Думи мої, думи мої...», «Огні горять, музика грає...» и первых 8 строк стихотворения «Заповіт»³. Однако Ф. Марчант переводил не с оригинального украинского текста, а с русских переводов М. Курочкина и М. Михайлова. Он впервые донес Шевченковское слово до англоязычного читателя, но передать дух Шевченковской поэзии не смог.

Разные исследователи называют от 30 до 80 переводчиков поэзии Шевченко на английский язык, при этом не учитываются многочисленные студенческие учебные переводы. Среди переводчиков есть те, кто перевел лишь несколько стихотворений, и те, чья англоязычная Шевченкиана включает десятки произведений. Заметный след в англоязычной Шевченкиане оставили как непрофессиональные переводчики, среди которых А. Дж. Гантер, П. Канди, так и русишин, М. Найдан, английский филолог С. Гардинер и опытные переводчики О. Ивах, Дж. Вир (Иван Федорович Вивьюрский), П. П. Селвер, А. М. Биленко, известные литераторы Э. Л. Войнич и Вира Рич (творческий псевдоним английской поэтессы Faith Elizabeth Joan Rich, которая первое свое имя перевела на украинский — Вира), английский писатель Дж. Линдсей,

ирландский литератор П. Бреслин, канадский филолог, литературный критик, писатель и переводчик Г. Маршалл, американская поэтесса, переводчик, театральный режиссер Вирьяна Ткач, афроамериканская поэтесса и переводчик Ванда Фиппс.

Конечно, адекватность и липрофессора-слависты У. Р. Морфилл, К. О. Меннинг, В. Киркконел, К. Г. Андтературная ценность переводов не одинакова. Некоторые переводчики ради достижения максимальной смысловой точности перевода вынуждены были пожертвовать художественными качествами поэтического текста. Дж. Вир обозначил эту проблему так: «Английские слова короче, чем украинские. Поэтому, чтоб сохранить мелодику стихотворения, нужно добавлять какие-то новые слова. Но... это добавлять не кому-нибудь, а Шевченко! Разбавлять крепкий настрой его строки — кощунство»⁴.

Другим не хватило знания исторических реалий, понимания символизма и ассоциативного поля шевченковских образов. Кроме того, у каждого переводчика свое понимание всех связей между компонентами художественного произведения и их роли в выявлении всей глубины содержания⁵.

Сложно ожидать точности донесения шевченковского слова от переводчиков (пусть даже высокопрофессиональных и поэтически одаренных), которые перевели 1–2 стихотворения поэта. Ведь каждое литературное произведение — это часть целостной системы мироощущения автора с индивидуальными, только ему присущими способами ее отображения, с характерным авторским набором выразительных средств, адекватно передать которые на другом языке можно, лишь познав их в достаточной степени.

Среди переводчиков, чей вклад в англоязычную Шевченкиану наиболее значим, должны быть, прежде всего, названы:

- *Э. Л. Войнич*, опубликовавшая в результате 20-летней работы над переводами стихотворений Шевченко свою версию 156 поэтических строк Кобзаря («Six lyrics from the Rutheanian of Taras Shevchenko...», 1911): “Dig my grave” (“Заповіт”), “From Day to Day...” (“Минають дні, минають ночі”), “I care not...” (“Мені однаково, чи буду...”), “The Reaper...” (“Косар” (“Понад полем іде...”), “Winter” (“Минули літа молоді”) и “Princess” — “Only Friend” (“Зоре моя вечірняя...” (вступление к поэме «Княжна»);⁶ —
- *Вира Рич*, познакомившая англоязычного читателя с наибольшим количеством произведений Шевченко в собственной интерпрета-

ции — 51, в том числе — 9 поэмами. 16 произведений — «Причина», «Неофіти», «Холодний яр», «Чигирине, Чигирине...», «Маленькій Мар'яні» и др. переведены впервые. В 2007 в Киевском издательстве “Мистецтво” вышли избранные произведения Т. Шевченко в оригинале и в переводах В. Рич⁷.

В книгу вошли 92 перевода, 36 из них специально сделаны для этого издания: «Русалка», «Тополя», «Нащо мені чорні брови...», «Коло гаю в чистім полю...», «Доля» и др. Часть переводов В. Рич, в том числе поэма “Гайдамаки”, осталась неопубликованной;

— *Джон Вир*, много сделавший для того, чтобы слово Шевченко звучало на английском языке. Он является автором переводов 29 поэтических произведений, многие из которых на английский были переведены впервые. В их числе: поэмы «Катерина», «Гамалія», «Кавказ», «Сон» («У всякого своя доля»), отрывки из поэмы «Гайдамаки», повесть «Художник» и дневник поэта. Дж. Вир — составитель и редактор трех англоязычных изданий произведений Т. Г. Шевченко: в Канаде (1961⁸), Москве (1964⁹) и Киеве (1988¹⁰). Он понимал образную систему поэта, чувствовал шевченковский язык и старался максимально полно и точно воплотить их с помощью выразительных средств английского языка;

— *П. П. Селвер*, автор переводов не только поэтических произведений, но и прозы Кобзаря, в частности отрывков из дневника и до сих пор не изданного перевода повести «Художник»¹¹;

Онурфрий Ивах, канадский поэт украинского происхождения, чьи переводы отличает целостность, удачное воссоздание образной системы и мелодики оригинала¹²;

Михаил М. Найдан, который, согласно господствующим тенденциям современного американского перевода, воспроизводит поэзию Т. Шевченко белым стихом. 13 его переводов были опубликованы в 2004 году в журнале «The Ukrainian literature»¹³.

Многие произведения имеют по несколько английских поэтических интерпретаций. Известно 11 английских переводов стихотворения “Садок вишневий коло хати...” (2 из них, разделенные без малого полувеком — 1961 и 2008, — принадлежат одному переводчику — Вире Рич), по 8 — “Думи мої, думи мої...”, “Мені однаково, чи буду...”, “І небо невмите, і заспані хвилі...”; по 7 переводов “Тарасової ночі” и стихотворений “Минають дні, минають ночі...”, “N. N.” (“Сонце заходить, гори чорніють...”). Наибольшее число вариантов перевода — 23 — насчитыв-

вает, конечно же, «Заповіт». Такое разнообразие вариантов позволяет читателю сформировать свое собственное виденье и понимание этого произведения.

На наш взгляд, 3 перевода заслуживают более подробного рассмотрения, так как именно их авторам удалось наиболее точно и полно донести до англоязычного читателя не только смысл, но и вкус шевченковского слова.

По мнению известного лингвиста и переводчика А. М. Финкеля, «ценность любого поэтического перевода определяется: а) степенью приближения его к полноте содержания, что проявляется в воспроизведении лексики, семантики, образности эмоционального тона; б) степенью сохранения ритмико-интонационных особенностей, что связано с воспроизведением многих синтаксических явлений; в) степенью воспроизведения звукового оформления (метр, рифмовка, звукопись)»¹⁴.

Р. Зоривчак считает перевод стихотворения «Заповіт» Э. Л. Войнич «самой совершенной из ныне известных англоязычных трактовок»¹⁵; исследователи И. Фесенко и А. Маточкина¹⁶ наиболее удачной из всех считают интерпретацию образной картины стихотворения «Заповіт» в варианте В. Рич. Есть и другой взгляд: «Наиболее точно его осуществил Джон Вир, который достаточно четко воссоздал сложную полифонию чувств-призывов, сохранив мужественный тон изложения»¹⁷.

ПЕРЕВОДЫ СТИХОТВОРЕНИЯ «ЗАПОВІТ»

MY TESTAMENT

<p><i>Translated by E. L. Voinich</i>¹⁸ Dig my grave and raise my barrow By the Dnieper-side In Ukraina, my own land, A fair land and wide. I will lie and watch the cornfields, Listen through the years To the river voices roaring, Roaring in my ears. When I hear the call Of the racing flood, Loud with hated blood, I will leave them all,</p>	<p><i>Translated by John Weir</i>⁹ When I am dead, then bury me In my beloved Ukraine, My tomb upon a grave mound high Amid the spreading plain, So that the fields, the boundless steppes, The Dnieper's plunging shore My eyes could see, my ears could hear The mighty river roar. When from Ukraine the</p>	<p><i>Translated by Vera Rich</i>⁷ When I die, then make my grave High on an ancient mound, In my own beloved Ukraine, In steppeland without bound: Whence one may see wide-skirted wheatland, Dniro's steep-cliffed shore, There whence one may hear the blustering</p>
---	--	---

<p>Fields and hills; and force my way Right up to the Throne Where God sits alone; Clasp His feet and pray.. But till that day What is God to me? Bury me, be done with me, Rise and break your chain, Water your new liberty With blood for rain. Then, in the mighty family Of all men that are free, May be sometimes, very softly You will speak of me?</p>	<p>Dnieper bears Into the deep blue sea The blood of foes... then will I leave These hills and fertile fields — I'll leave them all and fly away To the abode of God, And then I'll pray... But till that day I nothing know of God. Oh bury me, then rise ye up And break your heavy chains And water with the tyrants' blood The freedom you have gained. And in the great new family, The family of the free, With softly spoken, kindly word Remember also me.</p>	<p>River wildly roar. Till from Ukraine to the blue sea It bears in fierce endea- vour The blood of foe- men — then I'll leave Wheatland and hills forever: Leave all behind, soar up until Before the throne of God I'll make my prayer. For, till that hour I shall know naught of God. Make my grave there — and arise, Sundering your chains, Bless your freedom with the blood Of foemen's evil veins! Then in that great family, A family new and free, Do not forget, with good intent Speak quietly of me.</p>
---	--	--

Обратим внимание, как мастерски Э.Л. Войнич использует богатство художественных приемов шевченковской поэзии, сохраняя ее звучание, мелодичность, приближаясь к стилю оригинала:

Було видно, було чути

Як реве ревучий

To the river voices roaring,

Roaring in my ears.

Удачные аллитерации «р» и ассонансы «i», «и», «o» позволяют донести до англоязычного читателя слуховые образы оригинала. Однако, на наш взгляд, по образности этот вариант перевода уступает переводу В. Рич. Сравните: *the blustering River wildly roar*. (Дж. Вир: *The mighty river roar*).

Наиболее удачным и эмоционально насыщенным из трех исследуемых вариантов представляется перевод строк *І мене в сім'ї великій, в сім'ї вольній, новій*, предложенный Э.Л. Войнич: *Then, in the mighty family Of all men that are free*. (Сравните: *And in the great new family, The family of the free* — Дж. Вир, *Then in that great family, A family new and free*, — В. Рич)

Концепт	Шевченко	Войнич	Вир	Рич
Свобода	вставайте(1) воля (1), вольна(1), нова(1), покину (1), полину(1)	call(1), leave(1), way(1), alone(1), rise(1), lib- erty(1), free(1)	Spreading(1), boundless(1), leave(2), fly away(1), freedom(1), free(1)	Free (2) Freedom (1)
Край	Степ(1), лани(2), Вкраїна(1), кручі(1), Україна(1), Дніпро(1), море(1), гори(1)	Barrow(1), Dnieper- side(1), Ukraina(1), land(1), cornfields(1), river(1), fields(1), hills(1)	Ukraine(2), plain(1), fields(2), steppes(1), Dnieper(2), shore(1), river(1), sea(1), hills(1)	Ukraine (2) Steppland (1) Wheatland (2) Steep-cliffed shore Hills (1)
Людина	сем'я(2), видно(1), чути(1), сло- во(1)	family(1), men(1) watch(1), listen(1), roaring(3), hear(1), speak(1), loud(1), Ears(1), feet(1)	family(2), roar(1), hear(1), spoken(1), ears(1), eyes(1)	Family (2) Speak (1) Roar (1) See (1) Hear (1)
Смерть	Умру(1), поховай- те(2), моги- ла(1), кров(2), пом'янути(1), понесе(1)	Grave(1), lie(1), blood(2), force(1), bury(1), break(1),	Grave(1), blood(1), bury(2), dead(1), tomb(1), mound (1)	Grave (2) blood (1) die (1)
Бог	Бог(2), моли- тися(1)	God(2), pray(1), throne(1), his(1)	God(2), pray(1), abode(1)	God (2) prayer (1), throne (1)

В. Рич в результате 20-летней работы над переводом стихотворения «Заповіт» создала свою версию, в которой в максимально приближенной к оригиналу форме воссоздала содержание и стиль. Поэтесса

сохранила ритмомелодику, систему рифмовки, волшебную красоту аллитераций, ассонансов и звучность поэзии. *Лани широкополі* она передает как *wide-skirted wheatland*, (Дж. Вир: *the fields, the boundless steppes*); *Поховайте ма вставайте, Кайдани порвите* *Make my grave there — and arise, Sundering your chains*. Сравните: *Поховайте ма вставайте, Кайдани порвите* *Rise and break your chain* — Э. Войнич; *Oh bury me, then rise ye up And break your heavy chains* — Дж. Вир. В отличие от двух других переводчиков В. Рич пользуется лексемой *arise* «восстать, воскреснуть».

Действительно мастерской находкой является использование лексемы *bless* (благословить) для передачи шевченковского «волю *окроні-те*».

Последние строки — *Не забудьте пом'янути Незлим тихим словом* — текстуально ближе в переводе В. Рич: *Do not forget, with good intent Speak quietly of me*, но эмоционально точнее в переводе Дж. Вира: *With softly spoken, kindly word Remember also me*.

Как отмечает Т. А. Фесенко, оптимальный перевод обусловлен не только знанием переводчиком «алгоритмов» чужой культуры, но также пересечением ментальных пространств автора оригинального текста и переводчика. В этой связи необходимо подчеркнуть, что ментальные пространства индивидов никогда не могут полностью совпадать, поскольку они определяются индивидуальными знаниями и представляются индивидуальным «вербальным кодом». Индивидуальные ментальные пространства могут иметь лишь «общие зоны», и перевод будет тем успешнее и результативнее, чем шире «зоны пересечения» индивидуальных ментальных пространств автора и его переводчиков¹⁹.

Сравним базовые концепты оригинала стихотворения «Заповіт» и его переводов. (Часть из этих концептов выделяет в своей работе Х. Ю. Хворост²⁰)

Число англоязычных интерпретаций Шевченко будет расти и в дальнейшем. Каждое поколение по-своему будет прочитывать бессмертное шевченковское слово и находить новые формы и средства его передачи на языке своего народа.

ОБ АВТОРАХ

Байдалова Екатерина Викторовна — младший научный сотрудник Института славяноведения РАН

Борисёнок Елена Юрьевна — зав. отделом восточного славянства Института славяноведения РАН, кандидат исторических наук

Дроздов Константин Сергеевич — научный сотрудник Института российской истории РАН, кандидат исторических наук

Ларионова Марина Ченгаровна — заведующая лабораторией филологии ФГБУН «Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН» (Ростов-на-Дону), доктор филологических наук, доцент

Левкиевская Елена Евгеньевна — ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, доктор филологических наук

Лесная Галина Мирославовна — профессор МГИМО МИД России, профессор РГГУ, кандидат филологических наук

Тоичкина Александра Витальевна — доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат филологических наук

Циватый Вячеслав Григорьевич — первый проректор Дипломатической академии Украины при МИД Украины, кандидат исторических наук, доцент

Шовгун Нина Александровна — заведующая кабинетом, педагог Московского городского дворца детского (юношеского) творчества, кандидат филологических наук

Научное издание

**Цивилизационно-культурные связи
России и Украины**

Вторая конференция Российской ассоциации украинистов
Материалы международной научно-практической конференции
Москва, 1–3 декабря 2011 г.

**Украинская история, культура и национальная
мысль в наследии Тараса Шевченко: опыт
переосмысления от XIX века до наших дней**

Третья конференция Российской ассоциации украинистов
Материалы научно-практической конференции
Москва, 25 апреля 2014 г.

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка *А. С. Туманова*

Подписано в печать 19.10.2015

Формат 60×84¹/₁₆ Усл. печ. л. 20,31. Уч.-изд. л. 15

Тираж . Заказ №

Издательство «МГИМО–Университет»

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России

119454, Москва, пр. Вернадского, 76